

♦ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА ♦
1968

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

Редакционная коллегия:

А. С. ТВЕРИТИНОВА, Ю. Э. БРЕГЕЛЬ

В. М. КОНСТАНТИНОВ

«Письменные памятники Востока» — первый в нашей стране ежегодник, специально посвященный ряду как теоретических, так и практических вопросов восточной текстологии и историографии. Публикуемые сообщения дают большой материал о новых источниках по истории и истории культуры народов Востока.

1-6-2

99-68

*Памяти
Василия Владимировича
Бартольда*

ОТ РЕДАКЦИИ

Большое внимание к исследованию и публикации памятников письменности Востока, проявляемое в настоящее время в советском востоковедении, выдвигает перед специалистами, работающими в этой области, ряд общих и специальных теоретических вопросов, требующих совместного решения, а также координации работ.

В связи с этим в 1962 и 1964 гг. в Москве и Ташкенте были проведены две конференции текстологов-востоковедов, на которых были обсуждены некоторые теоретические проблемы и практические задачи, связанные с описанием и публикацией восточных рукописей и документов. Решения первой и второй конференций по восточной текстологии с приложенными к ним «Основными принципами составления кратких аннотированных списков персидских, таджикских и тюркских рукописей» и «Схемой описания восточных документов для каталогов» были опубликованы в 1964 г. в Москве (ротапринт).

Опыт изучения рукописных собраний на восточных языках в Ленинграде, Москве и в республиканских востоковедных центрах действительно требует более активного обмена мнениями по всем проблемам теории и практики, обсуждения результатов проделанной работы, информации о материалах, которые хранятся в рукописных собраниях СССР и представляют бесценный источник для изучения истории и культуры народов Востока.

Институт востоковедения АН СССР начинает издание ежегодника, посвященного проблемам текстологии, источниковедения и исторической терминологии Востока.

В ежегоднике предполагается публиковать следующие материалы:

1. Теоретические статьи по вопросам восточной текстологии (текстологический анализ, методы критики источников, принципы издания, перевода и комментирования восточных текстов).
2. Публикации текстов и переводов памятников небольшого объема (до 2 а. л.) и извлечений, а также подборок материалов из письменных источников по отдельным вопросам истории и истории литературы.
3. Источниковедческие исследования (анализ отдельных источников, источников по отдельным проблемам и т. п.).
4. Описание и обзоры отдельных рукописей и рукописных собраний; сообщения о вновь обнаруженных рукописных материалах.
5. Рецензии на текстологические работы, издания источников и источниковедческие исследования, а также обзоры таких изданий.

6. Материалы и статьи по вопросам исторической терминологии, а также по вспомогательным историко-текстологическим дисциплинам (палеографии, дипломатике, сфрагистике, нумизматике, эпиграфике).

Мы надеемся, что все заинтересованные специалисты примут активное участие в издании ежегодника, присылая нам свои материалы, а также замечания и отзывы о содержании вышедших в свет выпусков.

О ТРАНСКРИПЦИИ

В статьях, публикуемых в ежегоднике, применяется, как правило, научная транскрипция, употребляемая в соответствующих областях востоковедения. К сожалению, по не зависящим от редколлегии техническим причинам, в первых томах ежегодника транскрибируемые имена, термины и т. п. в тексте статей (за исключением особых случаев) даются в упрощенном написании, без диакритических знаков, требуемых той или иной системой транскрипции. Полную транскрипцию, со всеми диакритическими знаками, читатель может найти в приложениях к ежегоднику указателей.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Р. Алиев

ВОЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА СОСТАВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Каждая книга, дошедшая до нас в рукописях, имеет свою биографию, собственную историю и судьбу. Эта судьба начала складываться у книги сразу же после ее рождения в зависимости от характера ее содержания и формы, в борьбе вкусов и духовных запросов читателей, эстетических и политических настроений, а также в результате других факторов.

В зависимости от количества и качества дошедших до нас списков воля составителя при подготовке издания то расширяется, то суживается. Иными словами, если издатель располагает автографом или рукописями, непосредственно переписанными с автографа, то круг его обязанностей ограничивается раскрытием авторского текста, если так можно выразиться, его расшифровкой и комментированием.

Однако такое счастье редко выпадает на долю текстологов. Как правило, специалистам приходится иметь дело с текстами, наличные списки которых отделены от времени автора и созданного им произведения целыми столетиями.

Для искажения же первоначального текста не нужно много времени. Оно начинается еще при жизни автора, с момента размножения рукописи. Это обстоятельство хорошо понимали сами поэты и писатели Востока.

Отнюдь не к оригинальности или гиперболе стремился один из средневековых писателей, когда говорил, что персидский текст после третьей переписки превращается в арабский.

Искажение текстов происходило так быстро и в таком широком масштабе, что это обстоятельство в средневековой литературе вызвало появление специального жанра авторского обращения, которое адресовывалось к тем людям, которые вследствие различных причин искажали текст поэтического произведения.

Классические образцы подобных обращений содержат азербайджанский и персидский диваны Фузули. Вот одно из них:

«О господи, — говорит поэт, — храни и оберегай в крепости своей эту прекрасную возлюбленную и бесподобную красавицу, лицо которой украсила служанка твоих милостей и убранство которой довели до степени совершенства драгоценные камни твоего содействия, от всех злодеев, а особенно от трех разрядов гнусных людей.

Во-первых, от того глупого писца, круглого невежды, чье дурное перо является киркой, разрушающей здание просвещения, а калам, наводящий тоску, служит зодчим, воздвигающим здание глупостей. Он то одной точкой превращает „любовь” (معبت) в „мучение” (معنت)

то, изменив одну букву, заставляет читать слово „благо“ (نعمت), как „бедствие“ (نقمت).

Пусть отсохнут руки писца, который разрушает
 Благоустроенный храм, возведенный наукой и просвещением.
 Список его гнусен, вино уступает ему в греховности.
 Ведь он своими превращениями из „винограда“ (عنب) делает „порок“ (عیب).
 Пусть отрежут руки дурному писцу.
 Который превращает наше „слово“ (سوز) в „соль“ (شور).
 То он, опуская одну букву, из „дикивинного“ (نادر) делает „огонь“ (نار);
 То, забыв одну точку, „глаз“ (گوز) делает „незрячим“ (کور).

* * *

Пусть станет несчастным скитальцем, подобно перу, тот безмозглый,
 Чей калам служит ломом, разрушающим основу просвещения.
 Почерком он украшает облик слов, но какая польза [от этого],
 Коль он чернотой (ошибками) своего письма
 скрывает, как занавесой, красавицу смысла.

Во-вторых, от безграмотного глупца с испорченным вкусом, который, хотя и притязает на талант, но, когда читает на собраниях и в кружках стихи, не отличает поэзию от прозы, так что из-за его бездарного исполнения с лица красавицы содержания не поднимается покрывало...

Пусть вечных райских благ лишится тот дурной,
 Который своей грубой речью разрушает размеры.
 Он сносит дом стихов киркою языка.
 И своим неверным чтением позорит златоустов.

В-третьих, от жестокого завистника и порочного зложелателя, которого испорченный вкус заставляет думать, будто он владеет поэтическим мастерством, между тем как на деле он не обладает способностью постигать тонкости поэзии и, хотя притязает своим бездарным воображением на стихотворчество, не находит дороги, ведущей к истинному содержанию речей. Зависть неизбежно ослепляет глаза его совести, он пускается в бесполезное пустословие перед невеждами, доверяющими его уму, и вносит такие дурацкие изменения в стихи, что всякое наслаждение, доставляемое ими слушателям, исчезает...»¹.

Кроме указанных категорий лиц, вносивших в стихи «изменения», которые авторы проклинали с такой страстью, был еще один разряд людей, редакционное творчество которых поощрялось самими поэтами и писателями. Так, тот же Фузули в заключении своего предисловия к азербайджанскому дивану, обращаясь к просвещенным и благородным читателям, говорит: «Да будет милость творца над тем благородным человеком с чистыми помыслами, который, созерцая этих юных красавиц, украсит драгоценными камнями одобрения совершенную красоту наилучших из них, расчешет гребнем великодушия в некрасивых кудрях дурнушек завитки их недостатков и милостивой полировкой снимет пыль пороков с зеркала их достоинств».

¹ Фузули, Избранное, Баку, 1958, стр. 2 (пер. Р. Алиева).

Иными словами, поэт допускает, что в его газелях могут быть неудачные образы, несовершенные строки, и он не только разрешает, но и просит своих просвещенных читателей подправить их, отшлифовать. Подобные просьбы впоследствии воспринимались не как признак скромности, а в прямом смысле, в результате чего многие стихотворения поэтов, представленные в различных списках, носят следы творческих усилий просвещенных переписчиков, чтецов, певцов.

Более или менее серьезные попытки очищения текстов литератур Ближнего Востока начались лишь во второй половине XIX в. в Европе.

Публикация европейскими ориенталистами памятников восточных литератур положила начало научному подходу при подготовке текстов к изданию. Однако принципы, которыми руководствовались европейские ученые, не всегда оказывались эффективными. Эти принципы, искусственно перенесенные из области античной филологии без учета особенностей текстов и степени изученности литератур Востока, естественно приводили часто к прискорбным результатам.

В дальнейшем к изданию текстов классических памятников приступили сами восточные ученые. Всестороннее знание языка, глубокая начитанность в литературе, великолепная общая подготовка позволили этим ученым очистить значительное число памятников от позднейших интерполяций и других искажений. Однако субъективно-интуитивный отбор и преднамеренный отказ от документации текста, от фиксации отвергнутых вариантов значительно снижают научную ценность опубликованных работ. К сожалению, от этих принципов восточные филологи не отказались до сих пор, и они широко применяются как в Иране, так и в арабских странах.

Из этого следует естественный вывод о том, что при публикации памятников классической литературы, когда, как правило, мы имеем дело с произведениями, автографы которых не дошли до нас, а старейшие списки отдалены от времени написания, может быть, столетиями, должны быть выработаны более или менее устойчивые научно-эффективные принципы, позволяющие восстанавливать примерный круг чтений, из которого не выходит первоначальный авторский текст.

На наш взгляд, эти принципы не нужно изобретать. Все элементы этого метода существуют, применялись и применяются с разной степенью последовательности и осознанности в различных работах ученых разных стран.

Этот метод, в дальнейшем именуемый принципом предпочтительных чтений, представляет собой слияние наиболее эффективных элементов европейской и восточной текстологии, соединение наиболее удачных компонентов объективно-пассивного и субъективно-активного подходов к тексту. Другими словами, реставрация первоначальной авторской редакции должна быть не механическим и не произвольным, а научно-творческим актом, полностью исходящим из объективных данных.

Что же конкретно представляет собой этот метод предпочтительных чтений, из каких элементов состоит он и как его применять?

Следует повторить, что метод применим лишь к тем памятникам, автографы которых не дошли до нас, а старейшие списки отделены от времени автора и его произведения значительным отрезком времени.

* * *

Этот метод предполагает два этапа работы, каждый из которых должен быть выполнен с одинаковой тщательностью.

Первый этап — это выявление и всесторонний анализ рукописей произведения, а также вспомогательных источников, комментариев и т. д.

Выявленные списки текста прежде всего должны быть изучены и классифицированы самым тщательным образом. Причем при классификации списков нужно принимать во внимание не только возраст рукописей, но и данные анализа и изучения их текстов. Часто бывает так, что более поздняя рукопись дает более чистый и свободный от искажения текст. Теперь возникает вопрос, как же установить степень достоверности списков? По нашему мнению, это не так трудно сделать, как может показаться на первый взгляд, хотя работа эта очень трудоемкая. Дело в том, что как бы ни портился текст, каким бы искажением он ни подвергался на протяжении длительного периода времени, он все-таки сохраняет основные особенности языка, стиля автора, реалий и данных его эпохи.

Предварительный анализ списков как раз и призван выявить, хотя бы не полностью, специфику, характерные особенности произведения, которые должны стать критериями для оценки степени достоверности рукописей и их классификации по группам.

Обычно эту работу мы проделываем в процессе составления текста и чем больше проникаем в текст, тем точнее мы узнаем степень достоверности того или иного списка. Вот эту-то работу мы обязаны провести, хотя бы в меньшем объеме, при выявлении и классификации списков.

Опыт работы над текстами памятников показывает, что непосредственная критика текста должна начаться вместе с выявлением списков. Чем точнее, чем глубже будет предварительный анализ, изучение и классификация рукописей, тем успешнее и эффективнее пойдет второй этап работы — непосредственный практический отбор текста.

При составлении текста необходимо руководствоваться принципом активного критического отбора наилучшего чтения из всех предлагаемых вариантов в каждом отдельном случае. Заметим, что речь идет о тех случаях, когда рукописи предлагают самые различные варианты, а не о тех благополучных местах в тексте, когда все рукописи дают идентичное чтение.

Предпочтительным должно считаться прежде всего такое чтение, которое подсказывается как данным, так и общим контекстом и которое поддерживается одной или двумя старейшими или авторитетными рукописями.

Приведем несколько примеров:

Во вступительной части *Шах-наме* имеется специальный раздел «О сотворении луны», который начинается так:

بيد تا توانی توهرگز میبچ شود تیره گیتی بدو روشنا	چراغست مرتیره شب را بسیچ چو سی روز گردش بپیمایدا
---	---

Есть некий светильник, припасенный для темной ночи,
 Пока ты можешь, о человек, не склоняйся к дурному.
 Когда он (месяц) за тридцать дней проходит свой путь,
 Темная вселенная благодаря ему становится светлой.

Далее все рукописи, за исключением Лондонской, приводят следующий бейт:

پدید آید آنگاه باریک و زرد چو پشت کسی کو غم عشق خورد

Тогда он (месяц) явится, узкий и желтый (бледный),
Словно спина человека, снедаемого горем любви.

Этот вариант, приводимый большинством рукописей, включен в основной текст (см. Фирдоуси, *Шах-наме*. Критический текст, т. I, М., 1960, стр. 18). Однако, если внимательно присмотреться к этому бейту, то сразу видно, что в тексте нарушена логическая связь, ибо в предмете сравнения (مشبه به) отсутствует один из компонентов так называемого وجه التشبيه — свойств, позволяющих сравнивать новый месяц со спиной человека, снедаемого любовным горем. Иными словами, дугу полумесяца можно сравнивать с согбенной спиной отошавшего от страданий влюбленного, но нельзя говорить: луна становится желтой или бледной, как стан или спина человека.

И действительно, Лондонская рукопись дает другой вариант этого бейта, который отнесен в сноски как вариант отвергнутый. Вот этот бейт:

پدید آید آنگاه باریکتر چو پشت کسی کو بود عشق خورد

Тогда он (месяц) явится тоненьким,
Как стан человека, снедаемого любовным горем.

Сразу видно, что этот вариант, отвечающий требованиям поэтики и логики, поддерживаемый общим и данным контекстом и подкрепляемый одним из авторитетнейших списков, должен быть включен в основной текст.

* * *

Далее, предпочтительным должно считаться такое чтение, которое удовлетворяет лексическим и грамматическим требованиям языка. При этом нужно, по мере возможности, принимать во внимание как особенности стиля и языка самого поэта, так и нормы языка классического периода.

Пример I. Известное двуступище из вступительной части «Шах-наме» представлено в большинстве списков и в опубликованном тексте (стр. 13) так:

توانا بود هر که دانا بود ز دانشی دل پیر برنا بود

Могуч каждый, кто мудр,
От мудрости сердце старца становится молодым.

В Лондонском же списке بدانشی представлено как بدانشی. Ясно, что здесь должно быть именно بدانشی, потому что предлог به в классическом языке указывал не только на направление действия и адресата и т. д., но и служил постоянным показателем инструментального падежа; и стих в этом случае звучит, на наш взгляд, лучше: «мудростью (или знаниями) молодеет сердце старца».

Пример II. Во всех позднейших рукописях, а также в изданиях *Гулистана* везде и всюду в тексте сочетание двух предлогов (در — به, один из которых стоял перед именем, а второй после него) заменено одним из этих предлогов.

Так, если старые списки давали:

ری بمجلسی او در کتاب شاهنامه میخواندند

«Однажды у него на приеме читали книгу *Шах-наме*», то во все остальных рукописях *در مجلسی او* заменено на *در*.

Пример III. Первое предложение 18-го рассказа *Гулистана* в разных списках представлено так:

- ۱ آورده‌اند که نوشین روان عادل را در شکارگاهی ... کباب کردند
- ۲ آورده‌اند که نوشین روان عادل در شکارگاهی صیدی کباب میکرد
- ۳ آورده‌اند که برای نوشین روان عادل در شکارگاهی صیدی کباب کردند

Легко заметить, что предпочтение должно быть отдано первому варианту предложения, ибо он более архаичен, чем все остальные: послелог *را* после *نوشین روان عادل* выступает в своем архаичном значении и означает «ради», «для». Но так как в языке более позднего периода послелог *را* оформлял главным образом лишь прямой объект, то переписчики заменили его соответствующим образом.

Итак, ясно, что в подобных случаях простое большинство рукописей не должно заслонять собой требования языка, и исходя из норм грамматики того времени издатель должен отобрать соответствующее чтение, если даже оно представлено лишь в одном из авторитетных списков.

Здесь следует отметить, что бывают и такие случаи, когда все рукописи (и авторитетные, и обычные) дают чтение неудовлетворительно с точки зрения грамматических и логических норм.

Классическим примером подобного положения является знаменитое стихотворение из *Гулистана*:

نی آدم اعضای یک دیگرند	که در آفرینش ز یک گوهرند
— و عضوی بدرد آورد روزگار	دگر عضوها را نماند قرار
و کز محنت دیگران بیغمی	نشاید که نامت نهند آدمی

Сыны Адама — члены друг друга,
Ибо сотворены из одной сущности.
Если судьба поразит один член недугом,
То и остальные члены покинет покой.
О ты, кого не печалят страдания других,—
Нельзя тебя назвать человеком.

Если внимательно присмотреться к первой строчке, то увидим, что в ней не все обстоит благополучно. С точки зрения формальной логики предложение «Сыны Адама — члены друг друга» звучит абсурдно. Как справедливо отмечают иранские ученые, здесь просто не хватает косвенного дополнения-определения. Они полагают, что вместе с *یک دیگرند* должно быть *یک دیگرند*, и тогда все становится на свое место.

² См. ۲۲۵—۲۲۴ ص 'ج' ۱، عوارف المعارف

«Сыны Адама — члены одного организма». Действительно, это звучит логичнее. Кроме того, легко представить в скорописи, когда постоянно применяются лигатуры, слитное написание несоединимых букв, и переход *بيكر* в *ديكر* возможное явление. Это подтверждается тем, что первый и второй бейты этого стихотворения восходят, как удалось установить, к хадису, который гласит:

روى النعمان بن بشير قال سمعت رسول الله — ص — يقول انما المؤمنون كجسد رجل واحد اذا اشتكى عضو من اعضائه اشتكى جسده اجمع واذا اشتكى مؤمن اشتكى المؤمنون

Рассказывал ан-Нуман ибн Башир. Он говорил:

«Я слышал, как посланник Аллаха, — да благословит и да приветствует его Аллах, — говорил: „Воистину, правоверные подобны телу одного человека. Если заболевает один из членов, все тело его будет болеть, и если подвергнется недугу один из правоверных, будут страдать все правоверные!“»

Как видно, *جسد* «тело», «организм» полностью совпадает по значению с *بيكر*.

Как быть, если это чтение не содержится ни в одном списке? Имеем ли мы право, руководствуясь вышеуказанными критериями, включить это чтение в текст?

На наш взгляд, этого никак нельзя допускать. В таких случаях конъектуру нужно отнести в подтекст или комментарии. Раз все рукописи дают одинаковое чтение, если даже оно не удовлетворяет каким-то требованиям, то оно, без сомнения, в большинстве случаев восходит к оригиналу автора.

* * *

Одним из наиболее трудных этапов работы над текстом является выделение интерполированных строк, а иногда целых кусков.

Как правило, часть интерполяций принадлежит переписчикам или неизвестным поэтам. Подобные интерполированные строки обычно легко выделяются своей примитивной формой и туманным содержанием, а иногда и вовсе бессодержательностью. Чужое происхождение этих добавлений сравнительно легко определяется как самим контекстом и логическим ходом повествования, так и языковыми, стилистическими и эстетическими данными, а также отсутствием таких включений в большинстве старых и авторитетных списков; поэтому нет особой надобности подробно останавливаться на разборе подобных интерполяций. Однако часто встречаются и такие интерполированные строки и целые отрывки, которые невозможно удалить, исходя из эстетических оценок или же руководствуясь контекстом и логическим ходом повествования.

Нередко бывает и так, что значительная часть интерполированных стихов принадлежит самому автору. Много можно привести примеров, когда переписчики извлекали целые стихотворения и отдельные строки из одного произведения того или иного автора и включали их в другую его книгу.

Эти дополнения производятся так искусно, так удачно подгоняются к контексту, что ни содержание, ни логический ход изложения, ни эстетические и другие критерии не оказывают какой-либо помощи для опре-

деления интерполированности этих отрывков и строк. Как указывает Е. Э. Бертельс, «по существу говоря, критерия для удаления таких строк пока нет вообще, ибо исходить из эстетических оценок было бы недопустимо, а руководствоваться логическим ходом повествования опасно, так как это требовало бы прежде всего наличия полной уверенности в том, как именно поэт считал нужным разворачивать действие»³.

При удалении подобных интерполированных строк пока что единственным надежным критерием остается состав старых и авторитетных списков. Вот тут волей-неволей мы должны придерживаться большинства голосов надежных рукописей. Нарушение этого принципа, как правило, приводит к неудаче, к произволу (как это мы видим в I томе *Шах-наме*).

Особо следует отметить, что для выделения крупных интерполяций очень перспективным может оказаться разрабатываемый математический метод. Что же касается отдельных строк, то вряд ли какие-либо математические и иные подсчеты дадут эффективные результаты для их выявления.

* * *

Одним из важнейших условий критики является документация текста. Полагаться на непогрешимость каких бы то ни было критериев при отборе текста, конечно, невозможно. Выполняя одно из основных условий составления текста, издатель должен постоянно предоставлять возможность проверки отбора предпочтительных чтений, тщательно зафиксировав в сносках отвергнутые варианты.

Фиксация отвергнутых вариантов, разночтений необходима прежде всего для воссоздания соответствующего круга, в пределах которого находится авторский текст. Во-вторых, как отмечалось выше, у каждого текста после его зарождения начинается своя история. Как говорил Е. Э. Бертельс, воссоздание этой истории текста, восстановление процесса его искажения — одно из существенных средств для изучения и всестороннего литературоведческого исследования памятника.

Однако, на наш взгляд, при фиксации вариантов не нужно фетишизировать разночтение.

Нужно отказаться от так называемой тотальной системы воспроизводства всех разночтений, независимо от их характера.

Как известно, любая рукопись неизбежно содержит некоторое количество механических ошибок (пропуск отдельных букв, диакритических знаков, перестановка отдельных слов, другие различные мелкие искажения графического характера), очевидность которых сразу же определяется как контекстом, так и сличением с другими рукописями и происхождение которых либо отражает индивидуальную особенность переписчика, либо носит чисто случайный характер. Как справедливо отмечает А. Н. Болдырев, расхождения, ограниченные сферой данного индивидуального списка, нет смысла отмечать в сносках⁴. Это приводит лишь только к засорению аппарата.

³ Низами Гянджеви, *Икбал-намэ*, Баку, 1947, Предисловие, стр. XX.

⁴ См. А. Н. Болдырев, *Зейнабдин Васафи*, Л., 1954, стр. 18 (автореферат докт. дисс.).

Кроме того, нужно отказаться также от разночтений типа *دیرین* — *بدین*, *بدان* — *بران*, которые несколько не меняют смысл и в обеих формах одинаково закономерны для данного автора. Иногда число подобных разночтений составляет внушительную цифру (как, например, в *Шах-наме*); они отяжеляют аппарат, отвлекают читателя и бесполезно задерживают его внимание.

К этому же типу разночтений относится архаичное правописание некоторых слов. Вообще нам кажется целесообразным отказаться от попытки, иногда непоследовательно применяемой некоторыми текстологами, восстанавливать историческую форму правописания слов. Так, например, некоторые текстологи стараются сохранить *дал-и манкута*, старую форму союза *که*, передавая его через *йай-کی*, *آنکه* как *آنچه*, *آنک* как *آنچ* и т. д.

Следует отметить, что соблюдать последовательность в передаче архаичных форм правописания невозможно. Ибо тогда вместо *آنچه* нужно писать не *آنچ*, а *آنج*; там, где стоит *پ*, нужно заменить его буквой *ب*, ибо отличия в форме написаний этих букв не было так же, как в написании *ج* и *چ*. Далее нужно было бы восстановить редуцированный звук *ð* не только в интервокальном состоянии, но и после сонорного *p*, так же как *мадду* над *алифом* в середине слова, и дать, к примеру, вместо *پادشاه* — *بادشاه* и т. д.

Таким образом, если восстанавливать отражение законов старой фонетики в письме, то нужно делать это везде и всюду последовательно, если же это невозможно, то нужно отказаться от этой попытки, предварительно оговорив все в предисловии. Так, в Лондонском списке правописание союза «ки» чередуется: то пишется *که*, то *کی*. Если подобные «разночтения» отразить в тексте, то мы должны были бы внести в аппарат более десятка тысяч лишних цифр и слов.

Наглядным примером непоследовательности в сохранении архаичных форм графики может служить III том *Джами' ат-таварих*. В этой работе на одной странице можно встретить *که* и *کی*, *پادشاه* и *بادشاه*, *گودانید* и *گودانیید* и т. д. Далее, к слову *دوازده* приводится разночтение в виде *دوآزده*, т. е. то же с *маддой* над *алифом*; или в сносках отмечается, что в слове *باروچی* опущены точки под *چ*, и т. д. В результате этого аппарат текста совершенно засорен и нарушены все нормы графики.

К другой категории относятся слова, которые имели двойную форму правописания, каждая из которых была закономерной для автора публикуемого текста, как, например: *نوشتن* — *نبشتن*, *پاری* — *پاری*, *زابلستان*, *لازورد* — *لاجورد*, *زاوولستان*. В таких случаях лучше всего положиться на самый древний и надежный список, не фиксируя вторую форму в аппарате.

Итак, мы считаем необходимым отмечать в сносках только такое разночтение, происхождение которого выходит за пределы данной рукописи и отражает ту или иную текстовую традицию, а индивидуальные особенности каждого списка отразить в его описании.

* * *

Последним, но не менее важным условием критики текста является раскрытие текста. Как известно, тексты классических произведений восточной литературы допускают самую различную, подчас исключаящую друг друга, трактовку. Этому способствуют, кроме многочисленных разночтений, специфика системы образов, полисемантичность слов, а также особенности арабской графики и отсутствие соответствующей пунктуации.

Результаты колоссальной работы над критикой и реставрацией оригинала останутся неизвестными, так сказать, вещью в себе, если не раскрыть текст, если не прокомментировать его и не сделать доступным не только для широкого круга читателей, но и для самих специалистов. Одним из наиболее эффективных средств раскрытия, толкования текста является филологический перевод, представляющий собой непосредственное продолжение работы над составлением критического текста. Исходя из служебного характера перевода, текстолог обязан делать его максимально точным, адекватным, не претендующим на художественность, но и не нарушающим нормы языка, на который сделан перевод. Но часто бывает так, что в силу каких-то причин перевод оказывается нецелесообразным. Кроме того, нужно учесть, что русский язык недоступен многим зарубежным ученым, в первую очередь ученым народов, памятники литературы и культуры которых мы изучаем и издаем.

В таких случаях лучше всего ограничиваться текстологическими комментариями на языке памятника и введением в текст соответствующих европейских знаков препинания, следует также широко применять диакритические знаки, харакаты самой арабской графики.

Таким образом, критический текст должен представлять собой тщательно документированные, раскрытые и отобранные в качестве предпочтительных перед всеми другими чтения, достоверность которых определялась как текстом старейших и надежных рукописей, так и контекстом, логическим ходом повествования, языковыми, стилистическими и определенными эстетическими данными, а также данными исторической действительности.

В. М. Бейлис

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТОМ И ТЕРМИНОЛОГИЕЙ
СБОРНИКА РАССКАЗОВ, СТИХОВ И ПИСЕМ МАС'УДА
ИБН НАМДАРА (ОК. 1111 г.)**

Сочинения Мас'уда ибн Намдара в стихах и прозе¹, введенные в научный оборот В. Ф. Минорским и Клодом Каэном², вышли из той же среды, что и главный наш источник для изучения общественного и политического строя периода господства Сельджукидов — знаменитая *Сийасат-наме* («Книга о правлении») везира Низам ал-Мулка. Низам ал-Мулк, составляя свой политический трактат, не упускал из виду его назидательной цели. Свои рассуждения и советы правителям знаменитый везир предпочитал подкреплять примерами из жизни государей прошлого. В его книге, по понятным причинам, мы находим сравнительно мало фактов живой действительности, и наиболее острые ситуации, возникавшие в практическом управлении государством и в делах местной администрации, порою обойдены. В восполнении этого пробела на сборник Мас'уда ибн Намдара могли, казалось бы, возлагаться большие надежды³. Ведь Мас'уд служил в диванах Ширвана и Гянджи, исполнял обязанности мушрифа Байлакана. Из его сочинений должны были выясниться особенности управления на местах, в частности в Арране и Ширване, что, разумеется, усиливает наш интерес к памятнику.

Однако при ближайшем знакомстве с рукописью оказывается, что хотя в сочинениях, оставленных Мас'удом, речь идет о чрезвычайно интересных событиях, манера изложения автора — вычурный и до крайности искусственный *садж'* (рифмованная проза) — затемняет их смысл. Кроме того, последовательность фактов биографии Мас'уда остается не вполне ясной.

С первых же листов рукописи мы сталкиваемся с рассказами, представляющими первостепенный интерес: Мас'уд пишет о смутах в Байлакане, выступлениях городского населения, о своем конфликте с горожанами, о борьбе жителей против попыток захвата Байлакана войсками эмиров. Кроме того, в рассказах, письмах и стихах идет речь о взаимоотношениях Мас'уда ибн Намдара с чиновниками, большей ча-

¹ Сборник Мас'уда ибн Намдара сохранился, насколько известно, в уникальной рукописи Национальной библиотеки в Париже (арабский фонд № 4433). Мы пользовались фотокопией рукописи, любезно предоставленной нам доктором исторических наук З. М. Бунятовым.

² V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien de Mas'ûd b. Nâmdâr*, — JA, CCXXXVII, 1949, fasc. 1, pp. 93—142. В статье дан обзор содержания рукописи, восстановлен порядок листов, подвергнуты анализу сообщения Мас'уда о смутах в Байлакане. Как нам сообщил проф. В. Минорский, рукопись была впервые определена Мухаммадом Қазвини, не оставившим, однако, работ о ней.

³ См. В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, М., 1963, стр. 21.

стью высоких рангов, а также с городской знатью Байлакана в лице раиса города и факиха. Но везде причина и истинный ход событий представлены в самых общих чертах; зачастую остается неясным, как именно действовал сам автор, его противники и друзья. Много места в стихах и письмах занимают традиционные восхваления и благопожелания адресатам, леств титулованным покровителям автора.

Несмотря на то, что при ближайшем знакомстве с памятником исследователь испытывает некоторое разочарование, нельзя проходить мимо данных Мас'уда ибн Намдара: они могут дополнить наши знания о положении отдельных слоев населения Аррана и Ширвана XI—XII вв., о деятельности чиновников. На первое место среди материалов памятника следует, по нашему мнению, поставить изложение эпизодов борьбы горожан Байлакана против присланного Гянджинским диваном правителя города — 'амида, а затем против войск эмиров, а также конфликтов Мас'уда с жителями Байлакана⁴. Известный интерес представляет также изучение терминологии Мас'уда ибн Намдара и тех мест его текста, которые дают материал для выяснения особенностей налоговой системы, положения горожан, сельских жителей, деятельности чиновников в Арране и Ширване начала XII в.

Мас'уд ибн Намдар нигде не дает специального объяснения употребляемым им терминам. Большинство их известно нам и из других источников. В этом смысле можно согласиться с утверждением первых исследователей памятника, что названия должностей, встречающиеся у Мас'уда, относятся к обычной сельджукской титулатуре⁵. Следует также учесть, что структура системы государственного управления при сельджукских султанах нам известна из *Сийасат-наме*, а деятельность везиров и центральных органов султаната — из сочинения 'Имад ад-Дина ал-Исфахани *Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра*⁶.

Поэтому в статье мы обращаем внимание прежде всего на тексты и термины, относящиеся к управлению на местах. В связи с этим мы рассмотрим некоторые материалы сборника, в частности его сведения о налогах и поборах с городского населения, об управлении Байлаканом, а также о деятельности диванов Гянджи и Ширвана и служившего в них Мас'уда ибн Намдара.

1. Сведения о составе населения Байлакана, его платежах и повинностях

Как и другие современные ему авторы, Мас'уд ибн Намдар постоянно употребляет по отношению к городскому населению Байлакана термин *'амма* (*'авамм*)⁷ — «простонародье». Горожан Байлакана

⁴ Этим вопросам посвящена статья автора этих строк «Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана», — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права, 1966, № 3, стр. 50—65.

⁵ V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien*, p. 127.

⁶ В сокращенной переделке Фатха ибн 'Али ал-Бундари. Издание М. Т. Хаутсма: *Histoire des Seldjoucides de l'Iraq* par al-Bondari d'après Imâd ad-din al-Kâtib al-Isfahâni. Texte arabe publié... par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. II). Далее — 'Имад ад-Дин ал-Исфахани, изд. Хаутсма.

⁷ Мас'уд ибн Намдар, рукопись Национальной библиотеки, арабский фонд № 4433, лл. 86, 2, 1176, 5—10, 160а, 14 и др. (далее ссылки на листы и строки рукописи — без указания источника). Подготовленное нами издание факсимиле рукописи Мас'уда ибн Намдара находится в печати.

Мас'уд считал главными виновниками своих бедствий: в результате столкновений с ними он вынужден был бежать из города. Поэтому он изощряется в подборе бранных слов и уничижительных эпитетов, вспоминая о ненавистных *ал-байалика* — «байлаканцах». Для обозначения горожанина Мас'уд употребляет еще и презрительное *ас-суки* — «человек рынка»; в числе многочисленных афоризмов, характеризующих отношение Мас'уда к жителям города, один особенно характерен: «Не доверяй кошке мяса, собаке — костей... а человеку рынка — должно-стей»⁸. Мас'уд не называет ни одного горожанина по имени, такой чести не удостоивается даже раис города. О ремесленниках и мелких торговцах Байлакана автор также пишет пренебрежительно, но все же благодаря его рассказам мы можем представить себе, насколько разнообразны были их профессии. Мас'уд называет ткачей (*хаука*), сапожников (*асакифа*), аптекарей (*сайадила*)⁹, затем красильщиков (*ас-саббаг*) и дубильщиков кож (*ад-даббаг*), виноделов (*ал-хаммар*), торговцев фуражом (*ал-'аллаф*), гончаров (*ал-хаззаф*)¹⁰, плотников (*ан-ниджжар*), строителей (*ал-банна*)¹¹ и некоторых других, вплоть до особенно презираемых им продавцов харисы (*ал-харрас*) и головизны (*ар-раввас*)¹².

Вопрос о том, были ли в Байлакане объединения ремесленников, не может быть решен на основании данных нашего автора, но весьма возможно, что они существовали. В. Ф. Минорский, анализируя материалы *Та'рих ал-Баб*, составленной около 1106 г., т. е. современной нашему памятнику, обратил внимание на термин *а'йан ас-суфуф* — «знатные люди рядов». В источниках нет параллелей этому термину, и в связи с этим было даже выдвинуто предположение, что вместо *суфуф* следует читать *сунуф* — («виды», «разряды»). В. Ф. Минорский, ссылаясь также на известного французского арабиста В. Марсэ, перевел этот термин как «именитые [купцы] из [торговых] рядов»¹³. В сборнике Мас'уда ибн Намдара есть стихи, посвященные свадьбе его брата, где говорится, что приглашенные на свадьбу «люди рядов» (*ахл ас-суфуф*) составили «большое войско»¹⁴.

Эти «ряды» (*суфуф*) могли объединять ремесленников и торговцев Байлакана, как и Дербенда, и такие объединения существовали, вероятно, и в других городах, хотя в источниках чаще встречается разделение населения города на кварталы — *махалла*, порою по роду занятий их жителей.

Мас'уд ибн Намдар по своим служебным обязанностям в Байлакане имел прямое отношение к сбору налогов с его населения. Он несколько раз напоминает о том, что от него «не ускользнет даже и вес пылинки»¹⁵.

⁸ Л. 191а, 9.

⁹ Л. 7а, 5—6.

¹⁰ Л. 219а, 8—10.

¹¹ Л. 210а, 4—5.

¹² Л. 210а, 6, 246б, 9—10.

¹³ В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 166.

¹⁴ جيش عظيم. Лл. 54а, 12—54б.

¹⁵ Лл. 198б, 69, 236а, 10. Эти качества считались достоинством мушрифa — чиновника-контролера. О том, что Мас'уд занимал именно эту должность, свидетельствует одно из его писем, где имеется просьба назначить его мушрифом при 'амиле Байлакана (лл. 127б, 4—128а, 7). В другом месте Мас'уд заявляет, что служба казначея (мустауфи) Байлакана (*истифа' Байлакан*) унижает достойного и приличествует неведьме (л. 218б, 7—8). Однако и в том и в другом случае Мас'уд имел прямое отношение к податям и повинностям.

Горожане в свою очередь обвиняют Мас'уда в том, что он знает, «что едят они в своих домах»¹⁶. Мас'уд ревностно исполнял свои обязанности, хотя и отзывался пренебрежительно о «подсчете красильщиков и дубильщиков кож» — после почетной службы в диване Ширвана наш автор считал свою должность в Байлакане недостойной его познаний *адиба*¹⁷.

В разных местах Сборника упоминаются платежи населения Байлакана и некоторых сельских местностей. Мы находим среди них обычные налоги: харадж, 'ушр, джизью, а также трудовые повинности и поборы в пользу чиновников. Особенно много об этом говорит Мас'уд в речи, якобы произнесенной им перед горожанами.

Правда, о том, что особенно возмущало нашего автора, он говорит лишь намеками, некоторые его утверждения привлечены, возможно, для соблюдения рифмы в *садж'е*, но даже такая причудливая характеристика положения в Байлакане представляет, кажется нам, существенный интерес.

«Я расстанусь с городом, как беглец, но службу в нем оставляю как неприкосновенную святыню (*хиджрун махджурун*). Не радуют меня ни «половинки» (*нимак*) посредников (*самсар*)¹⁸, не соблазняет «повышение» сборщика 'ушра (*'ашшар*)¹⁹. Нет добра в удовольствиях, за которыми следует адский огонь. Не услаждает меня сахар кондитеров, не опьяняет вино торговцев вином — у всего этого плохой конец. Не обогащает меня при подсчете «счетный доход» (*дахл ал-ихтисаб*)²⁰, не спасет от адских мук цена напитков (*саман аш-шараб*)²¹.

Похлебка заключенного кипит в животе, яблоки прачечника (*гас-сал*) приводят к двойному омовению, кишмиш виноградников — дуновение самума, блюда знатного (*атбак аз-за'им*) — кровля ада, из-за кувшинов гончаров бурлит вода в животе. Джизйа иудеев²² — пылающий огонь, бара'а армян²³ — уход от истинной веры, верховые животные тюрок несут гибель. Пряжа старухи тащит к отставке²⁴, принуждение (*иджбар*) наемного работника (*аджир*) влечет к горящему огню. Трудовая повинность (*сухра*) плотника — разорение дома, а дело (*фи'л*) строителей — разрушение здания. Большие животные больных — влечение к тлению, рынок ослов и мулов — знак бегства и исчезновения. Нет добра ни в головизне ее продавца, ни в котле торговца харисой,

¹⁶ Л. 236а, 11.

¹⁷ Л. 219а, 3—12.

¹⁸ «Неприкосновенная святыня» — *حجر معجور*; «половинки» — *نيماك*; «посредники» — *سمسار*. Последнее слово можно перевести также «продавцы-комиссионеры», «старьевщики». Что за «половинки» посредников — неясно.

¹⁹ 'Ушр — десятинный поземельный налог с мусульманского населения. Подробно об 'ушре см. F. Løkkegaard, *Islamia taxation in the classic period*, Copenhagen, 1950, pp. 71—90. 'Ушр собирали мелкой монетой, и Мас'уд с презрением говорит о даниках 'ашшаров (л. 219а, 9).

²⁰ То есть доход по должности мухтасиба — надзирателя за порядком и за соблюдением цен на рынке.

²¹ *الشراب ثمان*. Возможно речь идет о взятках в связи с незаконным повышением цены.

²² Джизйа — подушная подать с иноверцев — христиан и иудеев, хорошо известная из многих источников. Иудейское население в Байлакане было значительно и порою вмешивалось в борьбу на стороне претендентов на власть (см. л. 108б, где говорится о поддержке иудеями эмира Алпкуша ибн Алтунташа).

²³ Бара'а (в тексте без хамзы) — «отсутствие обложения», «привилегии». О бара'а см. R. Brunschwig, *Barā'a*, — EI, t. I, New ed., Leiden — London, 1960, pp. 1026—27.

²⁴ Слова об отставке, несомненно, для украшения слога: рифма *газл* — «пряжа» и 'азл — «отставка, удаление».

ни в «ношах» (*ахмал*) садов, ни в «тяжестях» (*аукар*) дихканов²⁵, ни в курах сирот, ни в яйцах вдов, ни в лепешке постыжаемого нищего (*факир*), ни в светильнике бродячего слепца, ни в одежде (*киса*) озябшего сироты, ни в платье ('*аба*') промокшего чужестранца, ни в подарках ученых, ни в приношениях бедняков, ни в сладости женщин, ни в блюдах с ужином. Нет пользы в доходе солеварен (*дахл ал-мамлаха*). Насколько ослепила *назира*²⁶ пыль грабежа (*нахб*) и выгоды! Захват воды бедняков приносит плод — болезнь при жатве и увеличивает чуму пасущегося [скота]. Мыло султана загрязняет одежду, дирхамы дивана разрывают карманы, обещания 'амилей внушают злые мысли, шапки (*калансува*) купцов причиняют головную боль, трескотня шутов увеличивает мокроту, а плата за сад (*ратиб ал-бустан*) вызывает беду и заботу. Как только занимается заря сбора (*хашар*)²⁷, стирается десятая часть 'ушра, когда восходит звезда страха, исчезает счет добавочного налога (*фар'*)²⁸.

Из этого сумбурного обличения не сразу можно понять, кого же, собственно, осуждает Мас'уд. Вначале он подчеркивает свою непричастность ко всякого рода незаконным доходам и взяткам, а затем, как мы видим, выражает свое отношение к порядкам в городе. Однако среди статей дохода, пользование которыми Мас'уд так решительно отвергает, оказываются «законные» платежи, незаконные поборы и, по-видимому, всякого рода взятки и вымогательства. Чиновники 'амили содержались в Байлакане за счет местного населения, и, говоря о кувшинах, котлах, головизне и т. п., Мас'уд имеет в виду взимание налогов с ремесленников изделиями ремесла и практику присвоения имущества горожан.

Мас'уд отчасти подтверждает это, говоря, что *назира* «ослепила пыль выгоды и грабежа». Из слов Мас'уда видно, что ни один горожанин, как бы ни был он беден, не мог ускользнуть от возложенных на него податей и повинностей. Вместе с тем население исполняло эти повинности неохотно: именно так следует понимать слова о «разрушении дома», если плотники работают, исполняя принудительную трудовую повинность (*сухра*).

Привлекает внимание то, что для трудовых повинностей различных категорий горожан употреблены различные термины: наемный работник отработывает «обязательство» (*иджбар*, от *аджбара* — «обязывать», «принуждать»), для работы плотника употреблено слово *сухра* — «неоплачиваемая работа», наконец, строитель выполняет «дело» — *фи'л*.

Участие жителей в военных действиях также отражалось на уплате основных налогов: 'ушра и хараджа ал-фар'. О том, что население пы-

²⁵ Дихканы — мелкие землевладельцы, Мас'уд считает для себя особо унижительными дела с «проклятыми дихканами» (*Му'амалат ад-дахакин ал-мала'ин* — л. 218б, 12). «Ноши» и «тяжести» — *ахмал* и *аукяр* — натуральные поборы.

²⁶ *Назир* (букв. «смотритель») — младший чиновник. По мнению Кл. Каэна, *назир* был подчинен мушрифу (V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien*, p. 127).

²⁷ *Хашар* — «сбор», «ополчение» — выполнение строительных или оросительных работ населением, синоним термина *бигар* (см. Б. Н. Заходер, *Хорасан и образование государства сельджуков*, — ВИ, 1945, № 5—6, стр. 128). Но термин *хашар* можно переводить и как «ополчение» в прямом смысле слова, и, судя по следующему за этим указанием о «звезде страха», оно должно быть переведено именно так.

²⁸ Л. 209б, 6—210б, 4; *фар'* — «ветвь»; имеется в виду, несомненно, *харадж ал-фар'* — дополнительная надбавка к хараджу, основной поземельной подати. О *фар'*е см. А. А. Али-Заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956, стр. 211, и И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.*, М.—Л., 1960, стр. 370—371.

талось избегать уплаты, Мас'уд лишет в стихах, адресованных гянджинскому мустауфи Аамин ал-Мулку (о жителях Байлакана):

Они из скверных торговцев фуражом, а фуража у них нет,
Виноторговцы нашего городка не имеют вина,
А люди хараджа тоже бежали и спрятались²⁹.

Некоторые места в речи Мас'уда неясны, и можно лишь строить догадки о том, что имел в виду автор, говоря о «мыле султана», «дирхамах дивана» и т. д. Нужно сказать, что эта речь Мас'уда не произвела впечатления на горожан. Чувствуя непрочность своего положения, Мас'уд собирается в хадж, угрожает горожанам уходом из города, а население якобы удерживает его³⁰.

Мас'уд не изображал отношение горожан к нему более благожелательным, чем это было на самом деле: он не умалчивает ни о заговоре против него, ни об открытых выступлениях³¹.

Были случаи, когда Мас'уд ибн Намдар выступал заодно с жителями города: он был решительным противником подчинения Байлакана кому-либо из эмиров тюркских племенных отрядов, придерживался, как это известно из его рассказов, постоянной ориентации на Ширван. Однако служба Мас'уда в качестве мушрифа состояла в надзоре за сбором податей и повинностей и именно той их части, которая не оставалась в качестве платы чиновникам города, а поступала в диван. Его должность называлась «мушриф при 'амиле», и он выступал не как представитель власти, а как чиновник финансового ведомства.

2. Передача управления городом на откуп (даман). Деятельность 'амида и шихна

В этой связи при исследовании сборника Мас'уда ибн Намдара возникают два вопроса: как осуществлялся контроль над Байлаканом со стороны самих феодальных правителей и каковы были взаимоотношения Мас'уда с чиновниками более высоких рангов в Гяндже и Ширване.

В самом начале сборника имеется рассказ о попытке захвата Байлакана неким 'амилем³², который получил от везира на откуп (даман) право на управление Байлаканом. Хотя имена 'амиля и самого везира не названы, но поскольку события развивались в то время, когда султан Мухаммад ибн Маликшах «двигался в Исфахан», то наиболее вероятно, что 'амил получил управление Байлаканом при везире Му'айяд ал-Мулке (убит в 494/1101 г.)³³.

²⁹ Л. 36а, 9—10.

³⁰ Л. 210б, 10—211а, 2.

³¹ Об этом см. в статье «Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана».

³² Лл. 66—86, 11, 248а, 250б.

³³ Му'айяд ал-Мулк, наиболее даровитый и энергичный из сыновей знаменитого Низам ал-Мулка, был везиром султана Баркийарука, а после отставки и ссоры с султаном перебрался в Гянджу к его брату Мухаммаду, побудил Мухаммада выступить против старшего брата ('Имад ад-Дин ал-Исфахани, изд. Хаутсма, стр. 88; Ibn el-Athiri, *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed C. I. Tornberg, t. X, Uppsaliae et Lugduni Batavorum, 1864, p. 194 (далее — Ибн ал-Асир, изд. Торнберга). Биографические данные о Му'айяд ал-Мулке, стихи, восхваляющие его, и другие материалы см. باسم

۱۳۳۸، 'اميدان'، وزارة در عهد سلاطين بزرگ سلجوقي، تهران، ۱۳۳۸، стр. 124—147.

Передача управления городами на откуп в конце XI — начале XII в. практиковалась довольно часто. Чиновник или эмир, получивший управление городом или областью по праву *даман*, имел иногда титул 'амида — гражданского правителя. Если же это был откупщик-немусульманин, то он именовался просто *дамин*³⁴. Мас'уд называет человека, получившего на откуп Байлакан, первоначально 'амилем, но в тексте он именуется чаще всего 'амидом. Получив на откуп управление, он приобрел и титул. Впрочем, известны случаи, когда на откуп давалась и сама должность 'амида. Тот же Му'айяд ал-Мулк передал на откуп должность 'амида (*'имада*) Багдада пленному везиру султана Баркийярука ал-А'аззу Абу-л-Махасину ад-Дихистани³⁵. Должность 'амида не всегда исполняли чиновники-'амили. Ее могли брать на откуп и эмиры, иногда владельцы соседних областей. На откуп передавались иногда и владения икта'. Садака ибн Мазйад, известный правитель Хиллы, полученный от султана Мухаммада в качестве икта' город Васит передал на откуп в 497/1103-04 г. Мухаззабу ад-Даула ибн Аби Джабиру, владельцу области ал-Батиха³⁶. К сожалению, в источниках этого времени указания на то, как действовали откупщики, встречаются сравнительно редко. Что касается 'амида Байлакана, то он пытался опереться на определенную группу населения и хотел привлечь на свою сторону какую-то, очевидно наиболее неустойчивую, часть городских низов³⁷. Но между 'амидом и горожанами возник конфликт, закончившийся вооруженным выступлением горожан, убийством 'амида и пятнадцати его помощников — катибов³⁸.

События в Байлакане кажутся показательными для бурного времени конца XI — начала XII в. Городское население Байлакана было настроено открыто враждебно по отношению к чиновникам диванов Гянджи и Ширвана (также претендовавшего на власть над городом). Но еще большее сопротивление встречали попытки установления в Байлакане военной власти шихна — эмира 'Абд ал-Джаббара с его тюркским отрядом. Водворение таких отрядов вошло в практику лишь при господстве Сельджуков³⁹. В обязанности шихна входила не столько оборона города, сколько усмирение горожан, ликвидация конфликтов и смут, возникавших иногда на почве религиозных распри, но, по-видимому, часто вследствие недовольства городского населения. В частности, назначение шихна в Байлакан Гянджинский диван связывал с убийством 'амида и бунтом жителей. Посол Гянджинского дивана шейх Мухаммад говорит об этом так: «Вот этот эмир, для вас явны и

³⁴ Ибн ал-Асир пишет о *дамине* Басры иудее Ибн 'Аллане ал-Иахуди, влияние которого достигло такой степени, что за гробом его жены «шли все, кто был в городе», кроме кадия. Ибн 'Аллан был казнен в 471/1078-79 г. по требованию эмиров Хумар-Тегина и Кухра'ина, вопреки воле Низам ал-Мулка, поощрявшего, по-видимому, деятельность откупщика (см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 76).

³⁵ Там же, стр. 199—200, 229—230.

³⁶ О замешавшем Мухаззаба ад-Даула его родственнике Муваффаке Ибн ал-Асир пишет, что он и его друзья запускali руки в имущество горожан. См. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 302.

³⁷ Л. 86, 8—10.

³⁸ Л. 249б, 7.

³⁹ См. Cl. Cahen, *Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du Moyen âge*. I, — «Arabica», t. V, 1958, p. 245. Кл. Казн считает, что военные гарнизоны, поставленные в городах, состояли из «регулярных частей». Однако в данном случае эмир 'Абд ал-Джаббар, как это видно из текста, со своими кочевниками-туркменами был лишь привлечен на службу Гянджинским диваном. Ширваншах угрожает 'Абд ал-Джаббару вмешательством султана (л. 171а, 3—4).

ум его и род, раньше, чем я, дошли до вас и слово его и поступки. К вам полностью относится все дело. Он послан к вам в качестве шихна, чтобы удалить от вас беду и отвратить от вас бунт (*фитна*), заботиться о ваших домах и защищать ваши жилища, пока не успокоится «глухая» и не удалится «черная» (т. е. беда. — В. Б.). Его спутники — ваши друзья, его гулямы — ваши товарищи. Я не вижу никакого злого умысла по отношению к вам ни у них, ни у тех, кто назначил их... Никто не достоин власти над вами больше, чем он»⁴⁰.

Тем не менее горожане Байлакана имели основания не доверять эмиру и Гянджинскому дивану, назначившему его. Ответ горожан был достаточно резким, по крайней мере в передаче Мас'уда.

«Тут закричали на него «заблуждающиеся»:

— У тебя нет над нами никакой власти, все это не что иное, как соблазн, и свидетельство этому — твой образ действий (*суннатука*)»⁴¹. Они прямо заявляли, что эмир — их враг⁴². Выясняется, что больше всего жители Байлакана опасаются присутствия самого эмира и его отряда: «Мы не видим от вас для себя никаких достоинств или преимуществ в слове или деле, а если ему (т. е. эмиру 'Абд ал-Джаббару. — В. Б.) принадлежит власть (*мулк*) над нами, пусть пришлет к нам на'иба наподобие тебя» (т. е. шейха Мухаммада. — В. Б.)⁴³.

Как видно, горожане заняли своеобразную позицию: их устраивало присутствие чиновника — представителя власти в городе, но они решительно противодействовали водворению военной силы. Дело дошло до вооруженной обороны Байлакана, и его жителям удалось отбить все атаки отряда 'Абд ал-Джаббара.

Мас'уд ибн Намдар рассказывает и о других попытках овладения Байлаканом. Обычно эмир, являясь с войсками в Байлакан, имел на руках распоряжение (*маншур*) о владении городом и его округом. Посол Гянджинского дивана шейх Мухаммад утверждал, что эмир прибывает в Байлакан в качестве шихна. Любопытно, однако, что в письме ширваншаха к эмиру 'Абд ал-Джаббару действия эмира рассматриваются как попытка захватить город в полное владение, отрицаются «права туркменнов» на город. Ширваншах Фарибурз ибн Саллар напоминает, что он «имеет больше прав на владение» (*фанахну ахакку би-л-мулк*)⁴⁴. Из этого следует, что эмир — шихна, назначенный в город, претендовал на большее, чем роль представителя дивана Гянджи.

В рассказах Мас'уда ибн Намдара встречаются еще эпизоды, когда на власть в Байлакане претендовало сразу два эмира: Хаджиб ас-Сайфи и Алпкуш, причем оба они имели на руках распоряжения — «противоречивые маншуры» (*маншурайн мухталифайн*)⁴⁵.

Тогда смуту в городе прекратил 'Айн ад-Дин Алтунташ, состоявший на службе у Ширвана. Захватив впоследствии Байлакан, Алтунташ оставил в качестве на'иба в Байлакане самого Мас'уда⁴⁶.

⁴⁰ Л. 257а, 4—11.

⁴¹ Л. 160б, 1—2.

⁴² Л. 160б, 8.

⁴³ Л. 160б, 10—11.

⁴⁴ فنحن احق بالملك. Лл. 107б—110б.

⁴⁵ منشورين مختلفين. Лл. 107б—110б.

⁴⁶ Л. 185а, 1—12.

Положение в Байлакане представляется нам типичным для тех городов, которые не были отданы эмирам в качестве владений полных (мулк) или условных (икта') и не имели местных владетелей. О действиях городского населения Гянджи и городов Ширвана наш источник сведений не дает.

В управлении городом определенную роль играли раис и факих. Разумеется, положение раиса Байлакана отличается от положения раисов Баб ал-Абваба, которые вели на протяжении двух столетий упорную борьбу за власть в городе⁴⁷. Раис в Байлакане один, по крайней мере Мас'уд в своем сочинении говорит об одном и том же лице. Раис был, по всей вероятности, связан с какой-то частью торгового и ремесленного населения Мас'уд ибн Намдар даже говорит о его союзе с Башарой — предводителем горожан в упомянутом выше их выступлении против 'амида⁴⁸.

В сборнике сохранились обширные словопрения Мас'уда с раисом. Раис, так же как и факих, занимал противоречивую позицию. В их речах мы находим осуждение «простонародья». Вместе с тем раис советует Мас'уду быть осторожным с жителями Байлакана и заявляет себя решительным сторонником самостоятельности города: «Признание прав его (т. е. ширваншаха. — В. Б.) пресекают наши руки, достаточно длинные, привлечению [нас] к нему на службу мешает сила нашего оружия и количество 'амилей Ширвана уменьшается от того, что нас много. Мы достигли этого нашим имуществом (*амвал*) и кровью и жертвовали собой и своими сыновьями. Но при этом сегодня у нас деньги (*накд*) в руках, а это [хорошее] обещание на завтра: ведь воробей в руках лучше буйвола в море...»⁴⁹. Раис привлекает и Мас'уда к соглашению с горожанами: «того, кто живет в согласии с нами, мы оставляем в покое». Мас'уд ибн Намдар не мог принять этого предложения. Во всей своей деятельности он руководствовался принципами, присущими чиновнику дивана: выше всего он ставил свою образованность, умение вести дела. Собственно, служба в Байлакане была для него лишь временной, и он считал, что «подобный ему не нуждается в Арране и не должен служить в Байлакане»⁵⁰. Мас'уд отзывается порою о раисе непочтительно, слово *ра'ис* рифмуется с *туйус* — «козлы»⁵¹, хотя раис неоднократно приходил на помощь Мас'уду, предупреждая о заговорах и подготовке выступлений против нашего автора. Зато раис и Мас'уд выступали совместно, когда на Байлакан наступали турецкие военные отряды.

Жители Байлакана пытались порою использовать возможности влияния чиновников для противодействия кочевым отрядам. По поручению жителей Байлакана Мас'уд ибн Намдар вел переписку с ширваншахом об оказании помощи Байлакану против эмира 'Абд ал-Джаббара⁵².

⁴⁷ См. об этом: В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 163—164.

⁴⁸ Л. 1886, 9—10.

⁴⁹ Л. 2426, 1—5.

⁵⁰ Л. 2186, 3—4.

⁵¹ رافس — تويوس. Л. 245а, 12 и др.

⁵² Л. 1666, 12.

3. Обязанности Мас'уда ибн Намдара в диванах Ширвана и Гянджи. Сведения о чиновниках различных рангов

Нам известно главным образом из стихов и переписки Мас'уда ибн Намдара, что он первоначально находился на службе в Байлакане, затем перешел в Ширван, после чего снова вернулся в Байлакан, но вынужден был бежать оттуда в Гянджу. Обязанности нашего автора в Байлакане и, в частности, непосредственные дела с населением тяготили его, и он с сожалением вспоминает о почетных своих обязанностях в Ширване, где он, по его словам, «попирал ковры князей»⁵³.

В число дел, которыми занимался Мас'уд, входили следующие: «Подписывание (*тауки*) приказов (*манашир*) о крепостях и поместьях, утверждение (*исбат*) назначений (*такалид*) в страны и области, служба мустауфй (*истифа*) берега и реки, платежи Баку, Куры, областей ал-Йазидийа и ал-Джабал, страны лакзов, Сувак Мукалин и окрестностей Кабалы до реки и области Шабарана с морем (ал-Бахр, вероятно, приморская область. — В. Б.), дела казначейств (*му'амалат ал-хаза'ин*) и зданий, надзор (служба 'арида) за многочисленным войском ('*ард ал'аскар ал-джарар*), недоимки 'амилей (*баваки ал-'уммал*), довольствие войск (*фавадил ал-аджнад*), платежи Дейлема для пропитания (*ма'аш*) курдов»⁵⁴.

Здесь Мас'уд ибн Намдар не указывает, какую именно должность он занимал. Случайно в другом месте, обращаясь за назначением на должность в Байлакан к дивану везира Му'аййад ал-Мулка в Гяндже, Мас'уд напоминает, что он был в Ширване на'ибом дивана⁵⁵. Вероятно, это был диван везира, так как в своих стихах, написанных во время пребывания в Ширване, он постоянно обращается к везиру Ширвана Баха' ад-Дину ал-Какуйа⁵⁶. У него Мас'уд (в стихах!) просит предоставить коня для путешествия, ему же приносит извинения за отсутствие на службе⁵⁷.

Таким образом, Мас'уд как на'иб дивана был непосредственно подчинен везиру. В диван везира (*диван ал-визара*) адресовано и письмо — жалоба Мас'уда на некоего 'амиля⁵⁸. В тексте Мас'уда мы находим упоминание о диване поместий (*ад-дийа*) и диване хараджа. Прямо оно не относится к Ширвану. В данном случае речь идет о том, что один из 'амилей не умеет написать правильно слова *диван ал-харажд и диван ад-дийа*⁵⁹. Кроме того, у Мас'уда упомянут диван '*арида*⁶⁰. В перечне обязанностей Мас'уда мы не находим ничего, относящегося к сфере деятельности этих диванов, что касается Гянджи, то там упоминается лишь один диван. Положение наиба дивана было почетным и выгодным. Мас'уд пишет кадию Байлакана:

⁵³ Л. 219а, 7.

⁵⁴ Лл. 219а, 11—219б, 6.

⁵⁵ Л. 97а, 10.

⁵⁶ Из хорошо известного рода Какуйа, имевшего и свои владения в Северном Иране. В середине XI в. один из представителей этого рода владел Исфahanом (см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 312).

⁵⁷ Лл. 13а, 6—13б, 5, лл. 113б, 6—114а, 6.

⁵⁸ Л. 198б, 11, сл.

⁵⁹ Л. 145б, 1.

⁶⁰ Лл. 219б, 4, 13б, 8, 126а, 8. Точное его название «Диван надзора за 'аридом» (*диван ли 'аради 'ариди*). 'Арид ведал снабжением и жалованьем войск.

У моих дверей стучатся люди Ширвана, днем и ночью
стремясь ко мне по доброй воле.

Сколько предлагают владений, денег,
домов, мамлюков, редкостей, лодок! ⁶¹

Таким образом, на'иб дивана предстает перед нами как ответственный чиновник, своего рода секретарь везира, действовавший по его поручению. Свои должностные обязанности Мас'уд называет «порученные мне дела» (*ал-а'мал ал-манута би*) ⁶². Таких наибов в диване было несколько, об этом говорит письмо Мас'уда «К одному из на'ибов дивана с изложением надзора за 'аридом» ⁶³. Не менее часто встречается у нашего автора и термин *асхаб ад-диван* — «начальники дивана» ⁶⁴, хотя Мас'уд не рассказывает о конкретных обязанностях этих чиновников. Он обращается к ним с жалобой «на унижения» ⁶⁵, с ними он вступает в поэтические турниры ⁶⁶, но мы нигде не встречаемся с какими-либо их действиями.

Из сочинения Мас'уда мы узнаем о власти и могуществе мустауфи Гянджи. Мустауфи Гянджи Амин ал-Мулк Сикат ал-Хадра тайн Абу Джа'фар Мухаммад ибн ал-Хасан был его покровителем. Известно, что мустауфи обладали большой властью и 'Имад ад-Дин ал-Исфакхани, пересказывая свой источник (Ануширвана ибн Халида ал-Кашани), отводит мустауфи третье место в государстве после везира и *тугра'и* ⁶⁷.

Действительно, мустауфи Амин ал-Мулк не только приютил нашего автора после его бегства из Байлакана, но, как пишет Мас'уд, способствовал его обогащению:

«От него мое пропитание, зажиточность и богатство и мое возрождение — люди свидетели этому» ⁶⁸.

Амин ал-Мулк оказался в состоянии сделать Мас'уда обладателем земельных владений:

Сколько даровал ты мне владений и имущества!

Просторы моей земли тесны для моих поместий!

пишет Мас'уд в стихах, посвященных своему покровителю ⁶⁹. Такое могущество мустауфи Амин ал-Мулка, его титул *Сикат ал-Хадра тайн* — «доверенное лицо двух величеств» ⁷⁰ — наводят на мысль, что этот

⁶¹ Лл. 10а, 12—106, 1.

⁶² الأعمال المنوطة بي. Л. 219а, 6.

⁶³ Лл. 126а, 7—1266, 10.

⁶⁴ *Сахиб ад-диван* — глава дивана. Таковым он считался и у Сельджукидов: сын уже известного нам Му'айяд ал-Мулька был *сахибом* дивана ал-инша' ('Имад ад-Дин Исфакхани, изд. Хаутсма, стр. 91). То же самое наблюдается у Сельджукидов Малой Азии (см. В. В. Гордлевский, *Государство Сельджукидов Малой Азии*, — Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 170). Но у Мас'уда ибн Намдара «асхаб ад-диван» выглядят как некая коллегия, хотя речь идет об одном диване.

⁶⁵ Л. 129а, 7.

⁶⁶ Л. 44а, 10. Речь идет о сахибах дивана в Гяндже.

⁶⁷ 'Имад ад-Дин ал-Исфакхани, изд. Хаутсма, стр. 100.

⁶⁸ Л. 236, 11.

⁶⁹ Л. 44а, 2.

⁷⁰ Речь идет либо о ширваншахе Фарибурзе ибн Салларе и султани Мухаммаде ибн Маликшахе, либо же о ширваншахе и его сыне эмире ал-'Адуе, управлявшем Гянджой, о чем известно, правда, лишь из данных Мас'уда ибн Намдара (лл. 125а, 8, 1506, 5—9).

чиновник на некоторое время (после 494/1101 и ранее 505/1111) являлся в Гяндже главным представителем распорядительной власти ввиду отсутствия там везира.

Мас'уд сталкивался не только с чиновниками финансового ведомства, но и с военачальниками-исфахсаларами. Такой титул носил Абу-л-'Ала' ал-Джанзави Насир ад-Даула Касим ал-Мулк. К этому исфахсалару Мас'уд обращается с просьбой о защите, как «чужой в этом городе»⁷¹.

Хотя обычно титул исфахсалара считается идентичным званию военачальника (*сахиб ал-джайш*)⁷², но из стихов Мас'уда мы видим, что эти должности занимали различные лица. К сахибу ал-джайш Тадж ал-Куфа Мусафиру ибн Хусрау автор также обращается с просьбой о покровительстве⁷³. Звание деххода (*диххуза*), обычно обозначающее раиса селения в Иране, у Мас'уда ибн Намдара относится к высокопоставленному чиновнику, везиру ал-Муваффаку Абу-л-Фараджу ибн Исма'илу⁷⁴. Встречается у Мас'уда и малоупотребительный термин *мутасарриф*, в котором, по мнению Б. Н. Заходера⁷⁵, следует видеть чиновника, распоряжающегося расходами. Мас'уд на службе у ал-'Ауды, сына Ширваншаха, ставшего при неизвестных обстоятельствах правителем Гянджи, был «катибом его присутствия» (*хадратихи*), мутасаррифом его благоденствия, его мутакаллибом («занимающим различные посты»)⁷⁶.

Другие термины, обозначающие придворных и чиновников: 'амили, кадии, везиры, хаджибы, также встречаются у Мас'уда ибн Намдара, но в их употреблении нет каких-либо особенностей сравнительно с другими источниками. Должностные обязанности этих лиц хорошо известны.

4. Имущественное положение чиновников. Доходы Мас'уда ибн Намдара. Термин *идрар*⁷⁷

Мас'уд ибн Намдар, как он сам об этом пишет, провел свою юность в усиленных занятиях. Он сам называет себя адйбом — «образованным человеком».

В числе «старых стихов» Мас'уд приводит стихотворное обращение к некоему «высочайшему везиру», в котором он просит: «Я желаю долж-

⁷¹ Лл. 106, 4—5. Мы ничего не знаем о том, имеется ли какая-либо связь между исфахсаларом Абу-л-'Ала' и его тезкой — знаменитым ширванским поэтом, современником (вероятно, младшим) Мас'уда.

⁷² См. В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Соч., т. I, М., 1963, стр. 288.

⁷³ Лл. 11а, 5—116, 1.

⁷⁴ Лл. 62а, 4—626, 5.

⁷⁵ «Сиасет-наме». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 334, прим. 313.

⁷⁶ Л. 126а, 1—3. *Мутасарриф* — в данном случае означает, всего вероятнее, «распорядитель», «правитель», действующий от имени эмира ал-'Ауды. Таково же и современное значение слова.

⁷⁷ *Идрар* обычно переводится словом «пенсия» (см. И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.*, стр. 270), однако в буквальном смысле слова *идрар* — «доход» (от *адарра* — «заставить обильно течь [молоко]», «принести доход»). Этот доход назначался постоянно и наследственно из податных сумм

ности на'иба в Байлакане: ведь там пропитание для «людей службы» (ахл ал-'амал) ⁷⁸.

Возможно, это и было начало службы нашего автора. В Байлакане жила его семья, и часть его доходов также была связана с этим городом. Хотя Мас'уд менял место службы, но впоследствии не только просил о должностях, но и ссылался на свое «право службы» ^{79а}. «Сложи права моих достоинств с давностью моей службы» ⁷⁹, — пишет он одному из своих покровителей. «Давай пропитание бедняку, у которого есть право службы», — призывает он кади ал-кудат Шамс ад-Дина ⁸⁰. Представление о «праве службы» было распространено при господстве Сельджукидов. Наиболее авторитетно заявление Низам ал-Мулка султану Маликшаху о том, что он служил «самому Маликшаху, его отцу и деду, а за ним — право службы» ⁸¹.

Служба была для нашего автора главным источником дохода. Он много пишет о своих лишениях в связи с оставлением службы в Байлакане: «Уничтожило время то, что добыл я из различных одеяний. Одел меня холод плащом, подобным паутине» ⁸².

Мас'уд признается, что служить заставляет его необходимость прокормить себя и семью: «Я расстаюсь со своим сердцем, когда покидаю ваш дом. Куда бы ни уходил я от друзей, мое сердце носит траур. Я изгнан из рая в геенну, такова воля Милостивого, а гонит меня мой хлеб насущный» ⁸³.

Доходы Мас'уда были связаны непосредственно с его должностью. Так, когда Мас'уд покинул Байлакан, он утратил права на доходы (на какие именно, нам неизвестно).

Он пишет: «Уничтожили кадии права мои там, а закон обязывал обеспечить их гарантию. Таковы ли права адйба, это ли награда для «чужда времени»?

Где же следы веры пророка, где справедливость султанов
в это [наше] время?

Они принимали мои просьбы, а возвращали проклятья,
рассматривали мои документы, а я [был] несчастен:

Если буду жив, то осуществляю свои права, а если умру?

Ведь люди, поистине, тленны» ⁸⁴.

Неизвестно, о тех ли или о других своих имущественных правах писал Мас'уд, обращаясь за их утверждением в диван халифа в Багдаде. В его переписке сохранилось два письма, адресованных этому дивану ⁸⁵, причем перечни владений и прав различны в обоих письмах.

⁷⁸ Л. 72а, 4. Слова *ахл ал-'амал* обычно обозначают «людей ремесла». И здесь возможен такой перевод. Однако во всех случаях, как показало обследование текста, Мас'уд употребляет слово *'амал* в смысле «служба чиновника».

^{78а} *حق خدمة*

⁷⁹ Л. 11а, 1.

⁸⁰ Л. 59а, 5.

⁸¹ См. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 84.

⁸² Л. 25а, 3—4; см. также жалобы на бедственное положение в стихах на лл. 37а, 10—12, 37б, 5—9 и др.

⁸³ Лл. 38б, 10—39а, 1.

⁸⁴ Л. 53а, 5—8. Мас'уд часто называл себя «чуждом времени» (Бади' аз-Заман).

⁸⁵ Лл. 91б, 1—92б, 11, 99б, 12—94а, 10. Эти письма (текст и перевод) опубликованы в приложении к упомянутой статье В. Минорского и К. Каэна.

В первом из них Мас'уд просит утвердить за ним его владения и права и перечисляет их: «Пашня из пустошей (*бава'ур*) Байлакана, на возделывание которой ушло время, она обработана по разрешению султана и по грамоте о праве на владение ею^{85а}, полученной от дивана, места добычи глины, расходуемой всяким добрым и грешным, употребляемой любым приходящим и уходящим, и [наконец] огород в городском рву»⁸⁶. Речь идет здесь только о владениях в Байлакане, и Мас'уд ибн Намдар просит, чтобы «от милости имама ал-Мустазхира была дана грамота (*мисал*)⁸⁷ с подписью, которую Аллах сделал проникающей на Восток и на Запад... для того, чтобы она предупредила всех последующих о нашем деле»⁸⁸.

Второе письмо дивану халифата, датированное 505/1110-11 г., содержит просьбу об оказании Мас'уду чести и предоставлении идрара. Мас'уд пишет, что он был отличен милостью султана и возвышен некими пенсиями (*идрар*), владениями икта', несколькими мулками и поместьями (*дийа'*). Из них: поле в Каранане, с поместьем в Джунабане и половиной Асадана, мельницы 'Амуана и суммы, причитающиеся (*мабалигун мудирратун*) с Гянджи и Байлакана, пашня из полезных земель (*масалих*) Байлакана, жалование (*тасвиғ*) виноградников и садов у его ворот в сумме двадцати красных динаров, наследственная опека (*зимайа*) жернова в Дивакенде и утверждение владений старых и новых⁸⁹. «Об этом, — пишет далее Мас'уд, — говорит грамота, свидетельствует подпись, и желаемым от пророческой щедрости является лишь утверждение всего этого, чтобы была увековечена слава и осталось воспоминание. На этом ограничивается наша просьба к присутствию (*хадра*), да возвысится его жизнь». «И отмечен, — добавляет Мас'уд, — некто из его (т. е. Мас'уда. — В. Б.) близких идраром в Байлакане, составляющем сорок динаров наследства Джуха»⁹⁰.

Второе письмо, как видно, более позднее, показывает нам, как обогатился Мас'уд за некоторое время. Ходатайство нашего автора об утверждении и *мисале* имело лишь целью закрепление за ним владений и сумм ссылкой на авторитет главы мусульманской общины. Мысль о том, чтобы получить такое утверждение, могла возникнуть у нашего автора в связи с затруднениями, уже известными нам: потерей Мас'удом его прав в Байлакане.

Но из текста выясняется, что не султан предоставлял Мас'уду ибн Намдару владения и доходы. С просьбами о назначении идрара Мас'уд обращался к различным высокопоставленным чиновникам в своих письмах, порою в стихотворной форме.

В письме к дивану Гянджи (*ал-маджлис ас-садри ал Му'аййади биджанза*) Мас'уд выражает надежду, что «облака идрара изольют на него влагу, подобно дождевой туче»⁹¹. К мустауфи Амин ал-Мулку

^{85а} بالتعليك

⁸⁶ Л. 92а, 7—11.

⁸⁷ Мас'уд ибн Намдар употребляет слово *мисал* для обозначения грамот и рескриптов дивана.

⁸⁸ Л. 92б, 1—1.

⁸⁹ Л. 93б, 4—94а, 2.

⁹⁰ Л. 94а, 3—6. Джуха — род в Байлакане. Враги Мас'уда утверждали (л. 237б, 10), что род Джуха составлял «опору, на которой вертелась ось его жернова». Речь идет, видимо, о том, что подать с людей рода составляла доход Мас'уда. Мас'уд передал его какому-то родственнику и просит об утверждении этой передачи.

⁹¹ Л. 100а, 30.

он обращается со стихами «Об упущении в получении идрара в Байлакане»⁹². Здесь говорится о беспорядках во взимании податей в городе: как видно, поэтому наш автор не мог получить причитающейся ему суммы. В письме к деххода ал-Муваффаку Абу-л-Фараджу 'Абд ал-Кариму ибн Исма'илу Мас'уд сообщает, что «везир по щедрости его указал насчет обильного идрара»⁹³.

Идрар мог быть назначен как вознаграждение за службу, но служба не была обязательным условием его получения. Мас'уд просит у везира Ширвана Баха' ад-Дина Мухаммада ибн Хусайна: «Чти Аллаха, соблюдай порядочность и величие, назначь мне идрар и верни меня к семье»⁹⁴.

Получение доходов чиновниками затруднялось тем, что население не было в состоянии платить положенные суммы налогов. Нам знакомы жалобы Мас'уда на жителей Байлакана, неисправно плативших налоги. В сельской местности положение было еще хуже. В одном из писем Мас'уд рассказывает о том, как назир, несмотря на предъявленную Мас'удом грамоту о причитающихся суммах, отказался платить, заявив, что «местность опустошена, сам он на краю нищеты, а мушриф (т. е. Мас'уд ибн Намдар. — В. Б.) не получит ничего»⁹⁵. Наш автор вынужден обращаться к дивану везира в Ширване с просьбой о возмещении, «соответствующем его знатности»⁹⁶.

Доходы идрар, владения икта', мулк и другие Мас'уда ибн Намдара позволяли ему содержать дом и семью, иметь личных слуг, но, как видно из его стихов и писем, они были связаны не только со службой, но и с милостью везиров и других чиновников. Поэтому Мас'уд был неутомим в своих просьбах о различных пожалованиях и особенно о предоставлении идраров. Листы посланий Мас'уда к везирам, к мустауфи наполнены лестью и самовосхвалением, встречаются и почтительные упреки покровителям за недостаточное внимание к автору.

Разумеется, на основании материалов сборника нельзя дать полной картины управления в период распада сельджукской монархии. В итоге изучения деятельности Мас'уда ибн Намдара как чиновника выясняется, что она проходила в постоянных конфликтах с городским населением Байлакана, с сельскими жителями-дихканами, наконец, с представителями местной власти. Когда Низам ал-Мулк писал, что мушрифы должны получать свое вознаграждение из казны, «чтобы они не чувствовали необходимости в вероломстве и взяточничестве»⁹⁷, он имел в виду лишь идеальное положение. Исследуя материалы стихов и писем мушрифа Мас'уда ибн Намдара, мы еще раз убеждаемся, что в аппарате местного управления времен Сельджукидов господствовали лихоимство и жадность к законным и незаконным средствам обогащения.

⁹² Л. 356, 1—366, 4.

⁹³ Л. 626, 2. Получение идрара обозначается здесь и на л. 316 словом *тарвидж* от *равваджа* — «пустить в оборот, в обращение».

⁹⁴ Л. 146, 6.

⁹⁵ Л. 200а, 4—8.

⁹⁶ Л. 2016, 1.

⁹⁷ «Сиасет-наме», пер. Б. Н. Заходера, стр. 64.

Ю. Э. Брегель

ТЕРМИН *ВИЛАЙЕТ* В ХИВИНСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Слово *ولایت* (*вилайет*), как известно, имеет значение 'область, провинция' (соотв. 'областной, провинциальный'), а также 'управление', 'обязанность правителя'; новые узбекско-русский и таджикско-русский словари дают только значение 'провинция, область' (в современной графике — *вилоят*). В хивинских документах XIX—XX вв. это слово, помимо общеупотребительного, встречается также и в несколько ином значении, как показывают приводимые далее отрывки ¹.

(1) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 46, л. 68; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану.

(7) ... دوست نیاز محرم برله سید جان دیوان (8) بیکی نی چودر الهمانیغه باش قیلیب وبعده ولایت الهمانیغه بابا نظر یوزباشینی (9) ومیرکان جیلینی والہ قلی میرابنی ومحمد نیاز باینی باش قیلیب وچندر الهمانیغه (10) یوسف بیکنی وسید چندرنی باش قیلیب یباردوک ...

'Мы отправили Дост-Нияз-мехрема и Сейид-Джана-диванбеги, поставив их во главе чоудорского отряда, а также Баба-Назара-юзбаши, Мергена Джилли, Алла-Кули-мираба и Мухаммед-Нияз-бая во главе *вилайетского* отряда и Юсуф-бека и Сейида чандыра ² во главе чандыр-ского отряда'.

(2) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 109, л. 10; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение мехтеру о сражении между хивинским войском и повстанцами-туркменами (на стороне хивинцев сражались также йомуты из рода векиль).

(14) ... شول اوروشدا وکیل لارین اوچ تورث کیشیکا ولایت آدمی دین بیر ایکی کیشی کا اوق تیکدی ...

'В этом бою были ранены 3—4 человека из векилей и 1—2 человека из *вилайетских* людей'.

(3) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 49, л. 38; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение на имя кушбеги. Приписка на полях о гонцах, с которыми послано это донесение:

چاپر قیلیب یبارکان کیشی دین تکه دین ایکی آطلی چندر دین ایکی آطلی

¹ Далее в узбекском тексте везде сохраняется орфография оригинала; цифры в тексте означают номер строки.

² Чандыры — особая этническая группа, очевидно туркменского происхождения, в районе Ильялы.

ولايت دين ايكي آتلى ساريق دين بر آتلى ومنقت دين بر آتلى چودردين بر آتلى
چاپر قينيب خدمتكنيزغه يباردوك

‘Мы отправили к вам гонцов, в числе которых из текинцев — 2 всадника, из чандыров — 2 всадника, из *вилайетов* (или «из вилаетцев») — 2 всадника, из сарыков — 1 всадник, из мангытов³ — 1 всадник, из чоудоров — 1 всадник’.

(4) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 544, л. 129; 1284/1867-68 г. Донесение на имя диванбеги.

(6) چاودور وقراتاشلى وولايت وتكه بولاردين اون توقوز آدم يرالى بولدى...

‘Чоудоры, карадашлы, *вилайеты* и теке — из них [всех] 19 человек ранено’.

(5) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 82, л. 4; 1284/1867-68 г. Донесение на имя диванбеги (сообщается о раздаче денег воинам, получившим ранения, потерявшим коней и пр.).

(2) ... قوق بر آت يرالى بولغان اوچون قوق توقوز طلا بريلدی (3) وينه اولكان توقوز آت اوچون يوز سكسان طلا بريلدی وينه ولايت دين اولكان آلنى آت اوچون آلتيميش طلا بريلدی يارهلى (4) بولغان اون تورث آدمنى يراسى اوچون اوتوز بيشطلا بريلدی وينه تکه بيكتاش بهادرنى يراسى اوچون تورثطلا بريلدی...

‘За 41 раненого коня выдано 49 тилля. Еще за 9 павших коней выдано 180 тилля. Еще [людям] из *вилайетов* за 6 павших коней выдано 60 тилля, 14 человекам по случаю ранения выдано 35 тилля. Еще теке Бекташ-батыру по случаю ранения выдано 4 тилля’.

(6) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 118, л. 18; 1275/1858-59 г. Донесение (по-видимому, на имя диванбеги) о набеге йомутов.

(4) ... مذکور سه شنبه (5) كوني ينه اوستوميزغه كيلىب چغاول ايتدى جاندر
عاكوى فقرا لاريدىن ياي راودين (6) اون تورث آدميميزنى الدى ولايت دين هم ايكي
آدم الدى...

‘В упомянутый вторник [йомуты] опять совершили на нас набег. Из рассеянных [в окрестностях] подданных чандыров [они] захватили 14 человек и еще из *вилайетов* захватили 2 человек’.

(7) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 46, л. 29; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану о действиях восставших туркмен.

(3) ... ياموت (4) كدخدالار كورنك ايتب ايرديلار كه هر اورق اوز (5) يمانلارين
توزات ماكجى بولوب ولايتنى چاپماسون (6) لار ديب ايرديلار اوزلارنى ايچيده
مخالف ليكي (7) دين انا قل مشرق ايليک اويلوک کوبراق مشرق (8) برلان
قونغور اتغه کوچماکجى بولوب کيمه آليب کيلماکجى (9) بولوب کيتب دور... احمد
آخوند ايس محمود اولياغه کوچماکجى (11) بولوب يوقارى دين کيلدى اکر ولايت

³ Мангыты — очевидно, из числа узбеков-аральцев.

خلقى دين (12) هيچ غله و (13) دانه كيلماسه كوزكاجه (14) قالغوديك ايماسى همەسى
(15) كوچور انشا الله تعالى

‘Йомутские старшины говорили, чтобы каждый род справился со своими дурными людьми и не нападал на *вилайетов*. Из-за разногласий между ними Ата-Кул машрык с более чем 50 семьями машрыков собирается перекочевать к Кунграду и ушел, чтобы привести [для этого] лодки... Ахмед-ахунд пришел сверху⁴, собираясь перекочевать к Ис-Махмуд-аулия. Если от *вилайетских* людей они не получают ни одного зернышка, то до осени они не останутся, все откочуют, если будет угодно Аллаху всевышнему’.

(8) Донесение на имя диванбеги⁵; без даты (3-я четверть XIX в.).

(3) ... اورسوقچى نوكرلارېنكز بعضى لارى يانكى ياب (4) ديكان جايدة اولتوروب
مال لارى ولايت مالى برله يوروب دور

‘Некоторые из ваших нукеров-орсукчи⁶ живут в месте Янги-яб, и их скот пасется вместе со скотом *вилайетов*’.

(9) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 131, л. 5; без даты. Копия (?) донесения о йомутах.

(2) ... اولوغ وكيچيك كندخدا (3) لارنېنك اتفاق شولدور ولايت نېنك كل اسيرين
چودورنېنك هم (4) اسيرين بيريجاك بولدىلار ...

‘Их великие и малые старшины договорились, что всех пленных из *вилайетов* и пленных чоудоров они выдадут’.

(10) Донесение (по-видимому, на имя диванбеги) о набеге хивинцев на мятежных йомутов и имрели (3-я четверть XIX в.).

(5) ... واوتوز آتليغ چغاويلغه يباردوك مذكور چغاويلغه بارغان (6) آتليغ لارنېنك
اون بېشى چنذر واون بېشى ولايت ... (9) ... ومذكور اوچ. يسيرنېنك هم برين
الغان ولايت قوتلى مراد (10) بهادر ديكان ... وبرين الغان ولايت خداينظر بهادر
بيله چنذر (11) روزى باى بهادر ...

‘И 30 всадников мы отправили в набег. Из ходивших в упомянутый набег всадников 15 — чандыры и 15 — *вилайеты*... А из упомянутых 3 пленных одного захватил *вилайет* Кутлы-Мурад-батыр... и одного захватили *вилайет* Худай-Назар-батыр и чандыр Рузи-бай-батыр’.

(11) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 46, л. 75; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану.

(12) ... تېكه دين (13) وقوره قالفاقدين وقزاقدين وولايت دين بېر ايكي مينك
اطليغ بېرلان الديغه چيقيب ...

⁴ То есть от «верхних» йомутов (из района Газавата).

⁵ Документ я видел в Ленинграде до передачи архива хивинских ханов в Ташкент и составления архивной описи (см. Ю. Э. Брегель, *Архив хивинских ханов (предварительный обзор новых документов)*, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 69). После того как в ЦГА УзССР документы были заново рассортированы, этого документа мне пока не удалось разыскать (то же относится и к документу (10), ниже)

⁶ Орсукчи — один из родов йомутов.

‘Выступив с 1—2 тысячами всадников из текинцев, каракалпаков, казахов и *вилайетов*...’

(12) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 108, л. 93; 1283/1866-67 г. Донесение (по-видимому, на имя диванбеги).

(4) ... وېيز داغى شير خان (5) نينک سنکريدین اون آلتی اطلیغ وچندر بيله ولايت دين هم اون بیشى (6) آطلیغ بولارنى جمع ایتب رجب بهادرنى باش ایتب ایزمیغ شیرغه تیکینک دیب (7) یباردوک ...

‘А мы собрали 16 всадников из сенгира Шир-хана и 15 всадников из чандыров и *вилайетов* и, поставив во главе их Реджеб-батыра, отправили в набег на Измухшир’.

(13) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 557, л. 1776; 1287/1870 г. Реестр земель, розданных туркменам в районе Кызыл-такыра. Среди прочих перечисляются:

تکهلار ایکی کدخداسی قرق طناب دین مختوملار اوچ کدخداسی اوتوز طناب دین ینه اوچ ولایتغه التمیشی طناب چودور ساری ایشاننى اوغلى غه یوز طناب یر بریدلى ...

‘Два кедхуда текинцев — по 40 танапов. Три кедхуда махтумов — по 30 танапов. Еще трем *вилайетам* — 60 танапов. Сыну чоудора Сарышана дано 100 танапов земли’⁷.

(14) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 551; 1827—1830 гг. Списки хивинских нукеров. Сперва следуют списки нукеров высших должностных лиц, на л. 896 имеется заголовок: ولايت ذوکرى ‘Вилайетские нукеры’⁸; следующий заголовок, на л. 1146, — آرال ذوکرى ‘Аральские нукеры’.

(15) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 137, л. 18; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение высшему хивинскому сановнику.

(7) چودور بيله ولايت آلماننى واصغه چغاولغه بوبروب ایردوک چودور نينک باشى توره بيک (8) وجان محمد وسلطان قارقچی اوغلى وبیردی محمد یوزباشى ولايتلى نينک باشى سيد نیاز ...

‘Мы отправили в набег на Вас⁹ отряд чоудоров и *вилайетов*. Начальники чоудоров — Торе-бек, Джан-Мухаммед, Султан сын Каракчи и Берды-Мухаммед-юзбаши, а начальник *вилайетских* — Сейид-Нияз’.

(16) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 118, л. 6; 1281/1864-65 г. Донесение (по-видимому, на имя диванбеги).

(7) ... هلايدين بیر چندور بيله بیر ولايتلى (8) تخته نينک بازار يغه باروب ...

⁷ Ср. также Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX веке*, М., 1961, стр. 251 (фото — стр. 247) и прим. 64 на стр. 350.

⁸ Ср. П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением*, Л., 1940, стр. 160 (П. П. Иванов перевел «Нукеры вилайета», без объяснения).

⁹ На современных картах — Уз, в западной части Хивинского ханства.

‘Из Ильялы один чандыр и один *вилайетский* отправились на базар в Тахта’.

(17) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 137, л. 43; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану.

(6) ... شنبه كۆنى (7) چودور خذمتكارلار يېرىلە ولايتلى خذمتكارلار يېرىلە
كۆچە اتا اطرفىداغى يموت ويمرالى وقرة تاشلى غە (8) چقاۋل ايتىدىلار ...

‘В субботу ваши слуги чоудоры вместе с вашими *вилайетскими* слугами совершили набег на йомутов, имрели и карадашлы в районе Кокче-ата’.

(18) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 118, л. 1; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану.

(9) ولايت ليدىن بابا نظر يوزباشى ونظر اغا والله قلى اغا ونياز محمد وچاندوردىن
يوسف بيكدىنك (10) اينيسى خدای يار بيك وملا دوست محمد ...

‘Из *вилайетских* Баба-Назар-юзбаши, Назар-ага, Алла-Кули-ага и Нияз-Мухаммед и из чандыров младший брат Юсуф-бека Худайр-бек и мулла Дост-Мухаммед’.

(19) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 108, л. 18; без даты (3-я четверть XIX в.). Донесение хивинскому хану. Сообщается о нападении 100 конных йомутов на город Анбар-кала; когда из города об этом сообщили старшинам йомутов Бахши-векилю, Ата-Мурад-беку и другим (очевидно, в это время сохранявшим мирные отношения с хивинцами), те сказали:

(12) ... ولايتلى بلە چاغاسى بېزىنك بلە چاغامىز ايردى هر كيم (13) موندىن
قايتسه اوزى كافر خاتونى طلاق بولسون ...

‘Семьи *вилайетских* стали нашими семьями. Всякий, кто от этого отступит, будет кяфиром, и их жены пусть будут разведены’.

(20) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 454, л. 5 (1913 г.?).
Заголовок списка:

كهنه اوركنج توابع داغى ولايت يريدين يارليغ آلغانلار

‘[Лица] получившие ярлыки на *вилайетские* земли в округе Куня-Ургенча’.

(21) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 463; 1335/1916-17 г.
Заглавие документа (л. 7 об.)¹⁰:

مىنلى يرنىنك اطلاقچىلارى

‘Держатели атлыков (атлыкчи) из земель [в местности] Мейинли’.
Подзаголовок на л. 7:

هلانكى ولايتلارنى اطلاقچىلارى

¹⁰ Архивная пагинация в этом и двух следующих документах ((22) и (23)) сделана неверно: слева направо.

‘Держатели атлыков из *вилайетов* местности Халанг ¹¹.

Подзаголовок на л. 5 об.:

هلالی جی [sic] ولایت لاری

‘Халангские (?) *вилайеты*’.

Подзаголовок на л. 5:

مین لی جماعه لاری ‘[Люди из] племени мейинли’.

Подзаголовок на л. 4:

یموت جماعه لاری ‘[Люди из] племени йомут’.

قراداشلی جماعه لاری ‘[Люди из] племени карадашлы’.

Подзаголовок на л. 2 об.:

تیوهچی لار ‘Тивечи’.

(22) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 473; без даты (конец XIX или начало XX в.). Сводный реестр на взимание налога салгут с населения Хивинского ханства; сперва записаны узбекские районы, в том числе узбеки-аральцы, затем каракалпаки, казахи и туркмены. Общий итог на л. 1 об.:

مجموعی قزاق قراقالغاق ودوغمه وترکمانیه لارذینک سالغوتی قرق یتى مینک اون
اوچ طلا جمع الجمعی ولایت سالغوتی بینک قوشولوب ایکی یوز مینک داغی آلتی
یوز اون اوچطلا

‘Всего салгут с казахов, каракалпаков, рабов и туркмен — 47 013 тилля. Итого, вместе с налогом с *вилайетов* (или с *вилайета*?) — 200 613 тилля’.

(23) ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 472. Документ, аналогичный предыдущему. На лл. 172—142 — оседлые районы ханства, в конце — узбеки-аральцы; на л. 142 об. итог: جمعی ولایت سالغوتی ‘Всего салгут с *вилайетов* (или с *вилайета*?)...’. Далее следуют списки казахов, каракалпаков и туркмен.

(24) Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 33, оп. 1, № 134. Путевые заметки Мирзы Абдурахмана (переводчика А. Л. Куна во время хивинского похода 1873 г.). Л. 146б — запись о составе населения в низовьях основных оросительных систем Хивинского ханства ¹²:

پهلوان — ایاغی همه خیوه لیغ
غزابات ارنا — ایاغی یموت ترکمان
شهابات ارنا — ایاغی قره تاشلی یمره لی ترکمان
قبلیج نیاز بای — ایاغی چودور ترکمان
شوره خان — عطا ترکمان
خان یایی — تکه سقر عرابه چی ترکمان
قزیل تقیر — همه ترکمان
کهنه اورکنج — همه یموت
شمام — ولایت

¹¹ В районе Ташауза.

¹² Эта запись, как и большинство заметок Мирзы Абдурахмана в этой тетради, сделана несомненно со слов хивинцев.

‘Палван: его низовья — сплошь хивинцы.
 Газабат-арна: его низовья — туркмены-йомуты.
 Шахабат-арна: его низовья — туркмены карадашлы и имрели.
 Клыч-Нияз-бай: его низовья — туркмены-чоудоры.
 Шурахан: туркмены-ата.
 Хан-яб: туркмены теке, сакар, арабачи.
 Кызыл-такыр: сплошь туркмены.
 Куня-Ургенч: сплошь йомуты.
 Шимам: *вилайет*{ы?}’.

* * *

Сопоставив все эти тексты, можно прийти к следующим выводам:

1. Слово *ولايت* встречается в документах в одном ряду с названиями различных племен и народов (казахи, каракалпаки, теке, чоудоры, чандыры и т. п.), живших в Хивинском ханстве; очевидно, оно обозначало определенную категорию населения ханства. При этом те группы населения, которые имели племенные и родовые названия, не входили в понятие *вилайет*.

2. Можно было бы предположить, что в некоторых из приведенных здесь документов (особенно (7), (22) и (23)) термином *ولايت* обозначается какая-то территория, определенные районы ханства. Однако в документах (8), (10), (13) и (21) этот термин бесспорно обозначает людей, причем не только какую-то группу или категорию в целом (как родовое понятие), но и отдельных лиц, принимая также аффикс множественного числа (21).

3. В аналогичных контекстах и, очевидно, в этом же значении употребляется образованное от этого термина прилагательное *ولايتی* — «вилайетский» (15—20).

4. Документы (22) и (23) показывают, что термином *ولايت* в начале XX в. обозначалось население основных районов ханства, включая узбеков-аральцев, в отличие от туркмен, каракалпаков и казахов. Однако в XIX в., судя по документам (3) и (14), в это понятие не входили, по-видимому, и аральские узбеки, а судя по документам (1), (3), (6), (10), (12), (16) и (18) — также такая несомненно оседлая, но, очевидно, туркменского происхождения группа, как чандыры (в налоговых документах (22) и (23) эта группа причислена уже к категории *вилайет*).

На основании всего этого можно заключить, что в XIX в. термином *вилайет* обозначалось «коренное» оседлое население Хивинского ханства в отличие от различных групп населения, — главным образом кочевников и полукочевников, — сохранявших родо-племенную организацию; в начале XX в. это понятие включало, по-видимому, все узбекское население ханства (в том числе аральцев) и другие, издавна оседлые, группы, которые противопоставлялись туркменам, каракалпакам и казахам.

В этом своем вторичном значении (которое произошло, очевидно, вследствие распространения понятия *вилайет* в значении ‘область, провинция’ и на «коренное» население этой области¹³) слово *вилайет*, в

¹³ В хивинских документах Хивинское ханство часто называется *خوارزم ولايتی* — «Хорезмский вилайет».

общем, аналогично слову *ерли//ерлик* 'местный, коренной житель' (ср. форму *вилайетли*)¹⁴.

¹⁴ Рассматриваемое значение слова *вилайет* было отмечено в 1873 г. одним из участников хивинского похода — И. Ибрагимовым, который к опубликованным им заметкам (см. «Военный сборник», т. 98, 1874, № 9, стр. 162) приложил словарь «туркменских слов», где записано: «валаят — житель, народ». Ф. Абдуллаев (*Узбек тилининг Хоразм шевалари*, Ташкент, 1961, стр. 31) в своем словаре хорезмских говоров приводит, очевидно, это слово в форме *валат* со значением «маҳаллий (аҳоли), ерли, асли шу ерда тўғилган». В разговоре со мной сотрудник Института истории и археологии АН УзССР, уроженец Хорезма (из Ташауза), А. Қошчанов утверждал, что в отмеченном здесь значении слово произносится (ср. у Абдуллаева) «валаат», в то время как в значении 'область, провинция' — «вилаят»; А. Қошчанов считал, что это два разных слова.

А. Б. Вильданова

ПОДЛИННИК БУХАРСКОГО ТРАКТАТА О ЧИНАХ И ЗВАНИЯХ

В 1948 г. проф. А. А. Семенов опубликовал «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре»¹, в переводе с таджикского на русский язык с комментариями. Этот очень интересный источник освещает важнейшие стороны государственного и хозяйственно-административного строя Бухарского ханства конца XVIII в.

После работы В. В. Бартольда «Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке»², в которой исследуется сочинение Махмуда ибн Вали *Бахр ал-асрар* и приводится перевод с персидского соответствующей части текста о государственном аппарате и придворных чинах Бухарского ханства времени Аштарханидов, упомянутая работа А. А. Семенова внесла еще один крупный вклад в советскую литературу по этим вопросам.

В распоряжении А. А. Семенова был единственный список трактата, найденный им в сборнике разнородных и разновременных записей бухарского верховного судьи Шарифджана Махдума (ум. в 1932 г.). Сборник записей Шарифджана Махдума хранится в рукописном фонде Института востоковедения АН УзССР, инв. № 2374. Опубликованный А. А. Семеновым трактат занимает в нем лл. 17а — 19б.

Недавно мы обнаружили еще один список Бухарского трактата о чинах и званиях, более полный, и, по-видимому, автограф. Своей находкой мы обязаны О. Д. Чехович, любезно указавшей нам на существование в Душанбинской публичной библиотеке рукописи (№ 649) с сочинением *Маджма' ал-аркам* («Собрание цифр», лл. 1б—86б), в которой мы и обнаружили упомянутый текст трактата (лл. 87а—96а). Бухарский трактат по своему содержанию тесно связан с сочинением *Маджма' ал-аркам* и принадлежит перу того же автора, что доказывается общностью языка и стиля, а также тем, что автор неоднократно при употреблении специальных терминов в трактате отсылает читателя за их разъяснением к *Маджма' ал-аркам*. Сам автор называет трактат о чинах и званиях приложением (*таз'ийил*).

Автор *Маджма' ал-аркам* и трактата, к сожалению, не назвал своего имени, ограничившись лишь одним словом о себе: *мухаккар* («презренный»). Имеются основания считать автором Мирзу Мухаммада Бади'-дивана. В конце своих записей Шарифджан Махдум делает следующую ссылку на источник, откуда он переписал текст трактата:

¹ «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948, стр. 137—153.

² В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 388.

«Маджма' ал-аркам Мирзы Бади'-дивана»; до сих пор эта небольшая приписка была единственным свидетельством об авторе трактата, на которое указал еще А. А. Семенов. Теперь в связи с находкой подлинника Бухарского трактата о чинах и званиях, мы получили второе, еще более убедительное доказательство авторства Мирзы Бади'-дивана: на полях душанбинского списка *Маджма' ал-аркам* (л. 16) дается пояснение к слову *мухаккар*, которым автор назвал себя: «Мухаммад Бади'-диван бин Мухаммад Шихабалдин бин Мухаммад Улуг бин Мухаммад Риза-диван». Далее, на л. 56, также на полях, это имя повторяется с добавлением еще нескольких поколений родословной Бади'-дивана, которая восходит к Мирзе Тахур-дивану³. Родословная заканчивается словами: «Да будет доброе воздаяние от Аллаха им и их потомкам высшим и низшим». Там же, на л. 56, ниже дается примечание к слову «Мирза Тахур-диван»: «Предок автора». Как видно из родословной автора, он был потомственным диваном, т. е. довольно крупным чиновником бухарской канцелярии.

Многочисленная правка текста, зачеркнутые места, добавления на полях душанбинской рукописи характеризуют ее как авторский черновик. Известные нам два других списка сочинения *Маджма' ал-аркам*: ленинградский (датируемый 1805 г.) и ташкентский, переписанный, вероятно, в 1836 г., переписаны более аккуратно и правок в тексте не имеют; части текста, зачеркнутые в душанбинском списке, в них отсутствуют; наоборот, интерполяции душанбинского списка вошли в основной текст тех двух списков. (Текст Бухарского трактата как в ленинградском, так и в ташкентском списках полностью отсутствует.)

Публикация А. А. Семенова содержит лишь две трети текста трактата, так как в записях Шарифджана Махдума, переписанных через сто с лишним лет после душанбинского списка, отсутствует в общей сложности его треть. При сопоставлении обоих текстов выяснилось, что в рукописи, которой пользовался А. А. Семенов, не только отсутствовал конец трактата, но имелись пропуски в тексте. Теперь нам понятно, почему отдельные места текста остались неясными А. А. Семенову, о чем он сам неоднократно говорит в примечаниях. Наш подлинник позволяет восполнить недостающие в переводе А. А. Семенова части текста, а также выяснить или иначе осмыслить некоторые его места, не понятые А. А. Семеновым.

Так, например, А. А. Семенов оставил без перевода слово *кабخانه*, как непонятный термин (см. стр. 144 указ. работы А. А. Семенова). Наш текст (л. 89б) помог выяснить, что в слове пропущена первая буква; правильное его написание *кабخانه*, что значит «кладовая».

Следующее выражение *диван-и калан ва дафтар-и танабана* А. А. Семенов перевел как «великий диван и диван потанабных поступлений» (стр. 147), причем слово *дафтар* он заменил словом *диван*, без каких-либо оговорок. После сличения с подлинником выяснилось, что в этой фразе в списке Шарифджана Махдума есть пропуск. Полностью она читается так (л. 92а нашего списка): *диван-и калан ва дафтардар ва диван-и танабана*. Теперь ясно, что в распределении на-

³ В *Маджма' ал-аркам* особое место (лл. 56—6а) уделяется восхвалению личных достоинств Мирзы Тахур-дивана. В восточной части г. Бухары, у ворот Мазар-и Шариф находится мечеть Мирзы Тахур-дивана (см. карту г. Бухары в кн. О. А. Сухаревой, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 96).

личных поступлений ханства участвовало не два, а три чиновника: великий *диван*, *дафтардар* и *диван* потанабных поступлений.

Слово *عصابه دار*, означающее «носитель жезла, посоха», А. А. Семенов, очевидно из-за неясного написания, принял за *عصابه دار* и перевел его как «заведующий головными покрывами» (стр. 150). О слугах, повязывавших головной убор, говорится в другом месте трактата (л. 95б).

Функции отдельных чиновников в нашем списке освещены полнее. Например, в списке, использованном А. А. Семеновым, говорится только об одной функции малого инака (стр. 149), в то время как у него имелись еще другие, в том числе такая важная функция, как хранение царских печатей (л. 93а).

У А. А. Семенова неполно освещены функции аталыка и неясен перевод соответствующего места, особенно в той части, где речь идет об орошении земель водами Зеравшана (стр. 145, прим. 43). При определении орошаемой территории опущены такие важные объекты, как Бухара и ее туманы. Что касается функций аталыка, то, согласно полному тексту трактата, он ведал всей орошаемой Зеравшаном территорией от Самарканда вплоть до Каракуля с его каналами — конечными ответвлениями Зеравшана. Он же был мирабом Руд-и шахра (магистрального канала Бухары) и *даругой*, охранявшим *рабаз* Бухары (л. 90а).

А. А. Семенов был вынужден оставить незаконченной начатую фразу (на стр. 147), поскольку текст в использованном им списке в этом месте обрывается. В нашем списке соответствующий текст приведен полностью: «Иногда вследствие какого-либо события посевы гибли и *ра'ийаты* были вынуждены переселяться. При этом большинство прежних порядков менялось. Ведающие этими делами по невежеству для удержания [*ра'ийатов*] совершали многочисленные оплошности. Следовательно, для того чтобы эти важные дела [правильно] разрешались, нужен человек знающий и верный. Ведь как хорошо сказано: „У шахов верными признаются три качества: мастерство, богатство и [чтобы] человек был осведомленный“.

Некоторые правители и государи советовались с областными мирабам и повелевали при распределении воды не оказывать предпочтения авторитетным лицам, владельцам *танхах*, *мутаваллиям* и *амлакдарам* перед другими. Справедливость — залог спасения и счастья на этом и на том свете. Притеснение обращается в путы [для притеснителя] в обоих мирах. Особенно важно помнить о Дне Воздаяния.

Если предполагается жалование военным, а *хараджа* на это недостаёт, то прибегают к чрезвычайным налогам, установленным благословенным законом, чтобы предотвратить задержку платы войску. Размеры чрезвычайных сборов зависят от достатка крестьян и прочего люда. *Хакимы* и сборщики должны наилучшим образом, как только смогут, распоряжаться оросительной водой земледельцев, выпасами скота и очисткой дорог от непокорных; должны проявлять заботу об ученых, *саййидах* и военных, чтобы порядок в государстве соответствовал закону и обычаю» (лл. 91б—92а).

Подтверждается правильность предположений А. А. Семенова, что слово *تيلگو* написано ошибочно и правильное его написание *بيلگو* «чек, берет» (стр. 141), что водораспределительных арок на Зеравшане у Кермине по контексту должно быть 21, а не 22, как написано в его тексте (см. прим. на стр. 145).

Ниже мы помещаем наш перевод той части трактата, которая в списке, использованном А. А. Семеновым, совершенно отсутствует. Кроме того, для полного представления о тексте Бухарского трактата о чинах и званиях и возможности его самостоятельного научного истолкования каждым, кто заинтересован в этой области, мы сочли нужным приложить факсимиле обнаруженного нами текста трактата.

Перевод:

«Есть четыре другие, должности, [носители] которых выходят из дворца пешком, но стоят близко к тем четверем, то есть малому *инаку* и другим ⁴. [Это] такие, как *курчи-баши*, который следит за исправным состоянием свинца, пороха, как сырого, так и готового; ему вверены [также] управление и функции *мираба* на некоторых каналах. *Уйдачи* по совету *накиба* следит за разделением во время войны нукеров ⁵ и войска по категориям, а также за исправностью службы при дворе и пр. *Каравул-биги* вместе с *каравулами* и сторожами охраняет и оберегает дороги так, чтобы какой-нибудь грабитель или лазутчик не проник в страну или в войско. Заведующий складом (*михтар-и тушак-хана*) (л. 95а) на деньги, получаемые от казенных угодий, приготавливает обмундирование и жалованье, потребные для военных.

Есть еще четыре должности, [носители] которых выполняют такого рода обязанности. Например, *шагавул* ведает приемом послов и других. *Тупчи-баши* высокого двора (*дарбар-и 'али*) охраняет высокий двор. *Мирахур-баши* заведует кормом, сеном и люцерной для государевых лошадей. *Шихна*, которого называют *миршабом*, ведает охраной предместий *вилаята* в позднее время.

Есть еще такие четыре должности, которые ниже упомянутых, как держатель плети (*чапукчи*), казначей (*хазаначи*), курьер (?) (*рисала-чи*) и *тпкнчи* ⁶.

Четыре должности, необходимые при войсковых [сборах], таковы: стоящий в арьергарде (*чандавул*), дозорный (*каравул*), проводник (*йулчи*) и разведчик (*джасус*).

Есть еще четыре должности, например: латник (*джибачи*), носитель колчанов (*садак-курчи*), носитель меча (*клич-курчи*) и ведающий обувью (*муза-бардар*). Обязанности каждого из упомянутых ясны и известны.

Существуют четыре должности, которые доверяются (л. 95б) достойным лицам; таковы *юзбаши* высокого двора, *амлакдар*, [а также] подносящий розовую воду и увеселитель (*муфаррих*). *Названы еще четыре должности: пятидесятник (*панджах-баши*) высокого двора, *арбаб*, *амин-и аб* и *мираб* некоторых каналов ⁷.

Есть еще четыре должности, стоящие ниже упомянутых, такие, как подносящий рукомойник (*афтабачи*), подающий полотенце, носящий сосуд с водой и носящий посуду.

⁴ Выше в трактате (л. 93а) перечисляются четыре должностных лица: малый *инак*, великий *михтар*, *диван-и саркар* и *дастарханчи*, которым иногда разрешалось выезжать из дворца верхом.

⁵ Иррегулярные войска.

⁶ Возможно, искаженное *тупангчи* — «стрелок».

⁷ Написано на полях.

*Существуют еще такие четыре должности: повязывающий чалму (*дастар-банд*), прикрепляющий украшение к чалме (*джига-банд*), приготавливающий табак для курения (*тамаку-саз*) и подносящий огонь, когда на то последует воля государя⁸.

Есть четыре должности, которые стоят выше упомянутых. Например, знаменосец (*туг-биги*), держащий зонтик над головою начальника (*шукурчи*), копьеносец (*найза-бардар*) и *куш-биги-йи джилау*⁹.

Другие четыре должности таковы: *кир-йарак*¹⁰, заведующий платьем (*бухча-бардар*), заведующие припасами (*анбар-дар*) и фруктами (*мива-дар*). Что касается *кир-йарака*, то он занимается закупкой необходимого для двора имущества.

Есть еще такие четыре должности, как надевающий седло (*зин-бар-дар*), носящий трон (*ауранг-бардар*), держащий поводья (*джилау-дар*) и выезжающий лошадей (*ра'из*).

Существуют еще четыре должности: проповедник (*ва'из*), малый *кукалташ*, *йасавул-махрам*¹¹ и ночной страж (*тун-катар*); обязанности каждого из них известны, поэтому их описание не приводится.

А еще имеются такие четыре должности, как *чухра-акаси*¹², *йасавул*, глашатай (*джарчи*) и *буйун-аталик*¹³. *Однако должности *йасавул-баши*, *джарчи-баши*, *даха-баши* и *насакчи-баши*¹⁴ обычно бывают у шиитов; а потому сунниты этих названий не употребляют¹⁵.

Есть еще четыре должности, а именно: *букавул*¹⁶ (л. 96а), *чухра-баши*, заведующий кладовой (*михтар-и рикаб-хана*) и подносящий блюда (*табак-чура*). Однако в наше время *михтар-и рикаб-хана* стал называться *шарбат-даром*.

Имеются еще такие четыре должности, как главный ювелир (*зар-гар-баши*), главный портной (*дарзи-баши*), глава строителей (*ми'мар-баши*) и глава столяров (*наджжар-баши*).

Есть еще такие четыре должности: *фарраш*^{17-баши}, факельщик (*маш'алчи*), главный *даруга* и главный скороход (*шатир-баши*).

Имеются еще четыре должности, стоящие ниже упомянутых, например, *фарраш*, землекоп (*бил-дар*), носящий *равийа*¹⁸ и повар (*таб-бах*).

Есть еще четыре служителя: тюремщик (*зинданбан*); *джилбан*, охраняющий людей от воров, разбойников на дорогах, мятежников и прочих; палач (*джаллад*) и надзиратель за пленными (*бандибан*).

У низших нукеров есть четыре степени, причем название чина с ними не связано, например: *махрам*, *йасавул*, *кара-аламан* и *каравул*. Конец приложения».

*⁸ Написано на полях.

⁹ Термин нам не известен.

¹⁰ Искаженное *кирак-йарак*, т. е. «нужный, годный».

¹¹ *Йасавулами* назывались низшие чины при дворе, докладывавшие правителю о просителях и подносившие их дары (В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. 2, стр. 396). *Махрам* — доверенный слуга, допускавшийся во внутренние покои.

¹² О термине *чухра* см. Р. Г. Мукминова, *Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.)*. — «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, Душанбе, 1960, стр. 139—145.

¹³ Термин нам не известен.

¹⁴ Чиновник, распоряжавшийся порядком наказания.

*¹⁵ Написано на полях.

¹⁶ Распорядитель ханской кухни.

¹⁷ *Фарраш* — слуга, расстилавший ковры, подметавший двор и т. д.

¹⁸ Большая кожаная бутылка для воды.

نوع تمثيل بيارت پس پنا مان ورا اند موافق تربت
 بيضا منصب علمي را که اسواي منصب حکام چهارده
 حکام آن مقبضه است که اعلا آن شيخ الاسلام است مرافع
 قاضي القضاة و عاقله آن است پس منصب فاضل از قاضي
 است دیگر قاضي القضاة است مرافع اليه و اولی
 الکبری که مثل قاضي عسکر و فوقا است انکری و فوقا
 مرسته و فوق قاضي عسکر است که مرافع اليه و اولی
 عسکره مرسته دوم منصب مفتی است که اعلا آنرا علم
 لقب کرده اند که مفتوی فوقا اشتغال دارند و دیگر مفتی
 عسکر است که مفتوی عسکره مقصدهی مرسته خصوصاً
 وقت اشکر کشی بابا یردلايت وقت من له الولايت بلکه
 نزد وقت قاضي عسکر و مفتی عسکر و الیه قاضي ولايت
 مذکور از فرجه اجات من له الولايت مغول است که اولی

و سیوم منصب جباریت اگر مقتضای حمله سادات باطنیه پس در بدو
 مذکور از غیر سادات را از مود و نفع مکرر کا حصه شده عا
 جاری سازند و چهارم منصب رئیس است اگر چندی که درین
 وقت نهمانده شده باشد که اکثر اوقات خوشتر را
 صرف تعلیم طلبه سازند چهارم و دیگر است که مخصوص بسادات
 کرده اند حضرت علی الهادی علیه السلام اینها الایام یکم شده
 نخستین است که حکومت جو سادات در دین و بیرون موقوف
 جناب است که با غیر حکومت نیز نمیند فرار دارد و بعضی سادات
 دوم تقی است که درستی و زینت و ترتیب کرد در وقت
 کتوف و مرور و تجاربه از مقدمه و خلفه و اریس و پیر
 و از قلب کس که با خبر شده مناب مقام را بغیر مناب
 میکند اردیوم و در این طایفه است که سادات را درین
 لشکر موافق شرع شرف بجای می آرند چهارم عمل فضیلت
 محمد بن محمد

احب بپروان سكر و مد كورات ابو ج من اهل الامم
 سويه و محله من سكر مخصوص نقشه ي است
 انچه از مزار فايف الا نور تقويف با ن فته و صا عمل
 ديكر است كه مخصوص منقضي د و منقضي نيت بلكه بركم
 عالمان و اديان و اور بكيه و غير ما مناسبت ميرال الوفا
 منسوب ميگردانند مثل مير اسد و قضي و قدير و قدير
 اما قضي اگر عالم يا سید باشند حساب بپروان شده بخارا
 شريف و خارج سكر موقوف است و مير اسد نيز اگر عالم
 يا سید باشند حساب سداد درون ريف بخارا نيز
 تا يك فرسنگي را يكف كفات آن كند البته شريف است
 را تصدي محاسبه اوقاف كه دخل دار درون ريف
 بخارا نيز تا يك فرسنگي گردانده شده اما صد در را
 مقصدي محاسبه بپروان اوقاف بپروان و از مد كورات

گردانیده شده است اما عمل اهل علم که بوقوف علیه کل
 می باشند کلاً نال این قوم نیز صادم را شده و باین حال
 که این دفاتر عالی است از تخریب و شکو و غیره بدارم
 مشرف است که مقصدی نوشتن انعام و حسنات
 است از جیب و چوشتی و سربا و سایر التماس است
 سیوم دفتر دار است که صد دفتر کل از آن محمود
 انبات و غیره بدارم و صادم را بدارم و بدارم
 است که از اضر و او بوظیفه را از حواله بدارم
 و تیر ما هر دو است و از اذغال و او و او و او
 فرمایش سرکار عالی انجام بیده و نیز صادم کل
 دیگر است که یک است مشرف است که مقصدی نوشتن
 عنایت نامه و دعا و سلام و خواهش بفرموده است و
 غیره بدارم و دوم آن را بدارم و بدارم و بدارم
 و از این جهت

از برای خواهش و
 سینه عال خوار

بنوعه البجایات اگر خوانند تفاقا روی دهد و مانند آنها
 را بسته مرکز دستبوم دیوان بخانه است که از آنکه
 امور و کجایم و عبادت کرد از نوکرش و فقه از
 و جعل ادن و غیره انامر نوسه چهارم دیوان فوجیه
 که حاکم دفتر دار و دیوان طنابانه آورده را درستی
 کرده بودند دیوان توجیه نماید که توجیه از درستی
 سازد و چنانکه رفتار آورده و توجیه را در سابق بقعه
 شده بود و چهار محل خود در حکمت که یک آن کتاب در
 رسایکه که علما و فضلا و شعرا بمن له الولايت و هم که
 قابض این کورت او مرانه به مرت کتابها کتابخانه
 دوم بخشی است که مقصدی جمع و فوج کتوالت است
 عمارات فرمانی یافته میر کار عالم استیویم آن لیجانه
 ستر که از نویس قبول و ایستاد و پر تکی و بهر

بعد از مسجود گردید و در پیشگاه

و زینا و چید قها و کره بنده و کله مارم و طبع و طبع
 و مغلای و یکم و اورنگ و رعش و شمر زریکا و
 سایر اسبابها و غیره که در این دیوان تو شکلی که قصه
 اچنا سر که داخل خواص است که در این دیوان است که در
 و غیره و چهارم و در این دیوان است که در
 مشرف خود و در این دیوان است که در
 از یکی و موضوع بیان کرده شد که در این دیوان است که در
 دیوان هر کار و هر کار که در این دیوان است که در
 چهارم و در این دیوان است که در
 جای معین و برای هر کس که در این دیوان است که در
 که ترک آت و تکی میگویند که پدری که در این دیوان است که در
 پس و در این دیوان است که در
 شفق و در این دیوان است که در
 که در این دیوان است که در

مراد که باشد ضبط در مای کار ای شرف از غرقه مافوق
 بطریق نوب و تعدیل است از غرقه نوب او و هر چه
 صام که در ساعت و مینا کلات و نوب مای کار است و
 حد اول قرا که در موقوفات مای کار است به مای کار
 و در وقت که مینا است بیاید در مای کار از غرقه بسیار
 به شش و او در وقت ضبط به مای کار نوبت به مای کار
 است مای کار که مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 و قرا که مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 از غرقه مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 نوبت به مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 از غرقه مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 از غرقه مای کار است به مای کار از غرقه مای کار
 از غرقه مای کار است به مای کار از غرقه مای کار

Л. 90a

مع نور بکنند و چار کار و غیره حصه به هفت و یک روای
 و ربع یک و او اب بتومان مکرکام و تومان تر آباد به
 که نلته احساس بخود رات و کلام و خمسین امیر آبادی
 تقسیم کرده رند و یک و اقی بتومان سلطان با و به
 پیر حصه به هفت که پنج مد که تقسیم کرده رند و یک و اقی
 ابو بتومان خوار و دو حصه به هفت و دو روای با
 را بتومان کات و خف و حصه به هفت پنج مد که یک
 حسان الکاماته کمر دو نلته احساس ضغوی بر و یک
 و یک و او اب و یک یک روای به را بتومان کام
 امیر حصه به هفت و دافن سیمان به کور کام زهر
 که ام از ماعلی کامها موافق از خمر زرع حصه به
 کرده رند و یک و اقی ابو و دوشهر مکرکام
 خوار و کام از ماعلی دافن و دوشهر سیمان

محمد خان

خسته امان شد و او انوار فراد بر صفت سید ابراهیم
 و بعد از آن باز ده رواقی است بقدر آنکه از سوره
 گذشته میشود هر یک از اینها که به تفسیر برای دانشمندان
 است و اقرب است از اقاب را بتوانان محسبید شد
 و خسته امان شد و او انوار فراد بر صفت سید ابراهیم
 عازمی باد تا که به کتب و اشعار رسیده به سوره
 رواق و فنی شد و او انوار فراد بر صفت سید ابراهیم
 به سوره هفت رواقی است بقدر آنکه از سوره
 سوره اربع شد و او انوار فراد بر صفت سید ابراهیم
 به سوره و یک رواقی و رواقی است بقدر آنکه از سوره
 و کول کلان حصه به سوره که الا تا تقیم کرد
 انشکام باقر مرانه پنج رواقی است که سوره
 بل جانده از و تقیم مرانه است بقدر آنکه از سوره

قواکول این طرفه دست نعل محال و حکام و مدعیان
 ساینده و اندراج یافته بر دفاتر خود آتش کشی گام
 بنابر عادت از حواصیل مزروعات روختن آب و آتش
 مندرج شده و رعایا را راه نهور و جلا صهار کرده
 درین صورت اکثر اعیان پس باین تغییر یافته مقصدی ای
 اوربا وجود وصالت بنیان نهادن پیش گرفته و
 گفته بود و آوردن اندکس از شعله مسلم مراد
 استقامت احکام نامه و دولت گفته که سه ضرابی
 استر مال یا مردی بعضی از حکام و حواریان
 بمیران لایق توبه و انانیت می کردند و
 ترجیح باین رعایت و تنخواه دار و سولای
 بر دیگر با تعداد منشأ رسته کاری و سر فزونی
 و آخرت است ظلم آماده گرفتاری و این است خصوصاً
 ۱۰۱۰

مملوک از اسیر لولایت میسرانند و جواب از سر لولایت
 حاصل کرده مملوکان دیگر و وصل میگردانند که با خود
 را بعد از اجازت سر لولایت سلمه است حاضر کرده است
 مرام بیجا را میبازد و نیز صانع بزرگ را قبول
 نمیدارد و میگوید که از آن کوکلتاش است که تنه خود را
 از ولایت زد و دست دشمن فکرو تردد انداخته و درستی
 با آن است که کوکلتاش بگوید که بخواران جان خود را
 را بجان پادشاه وقت توام دانسته فارغ نباشند و
 قوش یکی کلان است که جماعه صیادان او و ات صید شد
 قوشها با صنفهم و سکهای تازی و غیره در تحت تصرف
 آن است و سیوم عناق کلان است که محل پادشاه را
 که شامل صایغرا و ادین کرد پیشه که مجال صحبت نه
 میشدند یا نه میسرانند چهارم خواه کلان است که
 کلان چهارم است

کلان اجای سہر است در بلخ و حرم سلطان و کس و سہن
 ماگولان و مہرستان و حرم سلطان و غیرہ از ضرور انہی
 بان است اما جای استادان اس حصار بویہی ملہ الوکات
 بہر کہ او رول شستی شود ہی محس دارند اما اس ملک
 نہ کر شدہ سوار جماعہ اہل قلم بلکہ از اہل علم دول
 کلان فقط از دربار عالہ سوارہ می در آیند و چہار
 محفل و یکہ است کہ اندائیر مقول الخاقان ہستند و از در
 عالہ کا باہر ملہ الولایت سوارہ میدر آیند مقام اس
 حصار بعد از کہ طغشا و فروش کا و عناق بلکہ فروتر
 ایستند کا از انداختن خود دست دوم ان مہر کلان
 ستوم ان دولان مہر کا است چہارم ان دستار جو ازین
 خدمت عناق خود و پاسبانہ صند و فی کہ مہر ملی
 در انہی خدمت مہر کلان است انہی انہی و رکوتہ و

وہ اول ملک اس

و نیز اگر از جای عرفیہ یاد کردیم
 اہل و یا خبر آن آورده ہستند کہ
 اول اس مکتوب بہریت عناق
 رہ عناق ملک و نامہ را
 کشا دہہ سلطان و کس
 گفتہ بہر کہ مہر ملی و فی کہ
 مہر کلان

از ربع عشر و نصف عشر و میان و عشر و میان و نقطه
از اموال و نفود و موشر و غلات و مایه که کرده و نصف
مواقی و مایش و عشر و نصف ح که اموال رسانده است
و موان سر کار است که از خبر سر کار عا ارا و ایا
و دلکاس که نیز غلق کا صیه شریفه دارد که همه کرده
و فخر و ری^{۱۳} صرف لاوم شامنه را چیلالام بجای بیارده و نه
خواجات صند و خانه و غیره را رسا زد و ستاره و
مقصود که انید و سار فوآن شایر و گوشت چخته قلی
کردن از برای شاد و نمودن بر الام و ستره امر حرام و حرم
کی صیه بیبار زد و چهارم که دگر است که کاما پادشاه
اجازت بنشینان با و صحت و شایسته است که بانه
منش و بیکشی کلان که مقصدی بوی نه سب و کمال که
عمارات سب و بیکاد کلان که مقصدی درستی و صیاح خانه
از

بت نه تنها ب حواله طرف و ملا طرف اعلا طه نو می
 و بدو تنی باشد و بطبع از تبعه از خواجه طبعی بقیست
 بکمال کمال ویرا به سبب محض صرف اینست که در
 خود چنان جماع ملازمان هر دو الکا برست مثل نفس
 و خصایر در دهره آقا سر و نیز جماع ملود در این که در
 جلوفانه می باشد و صما محل دیگر نیست که ماذون بهر
 سواره از در بارعالی شده اند لکن در حضور ملود الکا
 اذن نیستن بنافه اند مثل الکا آقا باشد که با پیاده
 در بارعالی می آید که حضرت ملود الالایت در این می باشد
 باقیم حکومت توکل ملود الکا و نیز خفای کا
 که سر اند جماع خفای شده حکومت ویرا به سبب
 را تصرف شده و مثل توف به که به ترتیب اند و نیز
 داشته و سبب را بر از شریک و دود و غیران را
 اند اخسته مخمور میوه که مجلس با از خفای نه

و اما کس قدرت
 به کورم

و نیز حکومت تو مان خو قانزد و میرا به از پیر میرد
 و ششم اخور کلان که در جلو پا دشت ایستاد و از پشت کرده
 و جب حاضر شده بر وانه دار می باشد حکومت و میر بد
 تو مان کلام از مسلم را مفوض بان کرده شد است و
 صار محمل و مکر سب که خط در بار پیاده میرد و اینک
 قریب بان چهار کس که خنق خود را بر مانده سر بسته شده
 که درستی میر و دار و از خام و بخت انار به پار و حکومت
 و میرا به بعضی انار را مفوض بان کرده شد بهیشتن
 اوید چون تصدی صنف بصفحه اگر ان نوکر که و
 در وقت حجاب به بشورت نقیب و درستی در بار از بلا
 و غیر از این بار زد و مثل مو اول مکان که به تو اولان و میر
 با سبب و دید به راه راه به ره میرا زنگه غارت کرد و
 جاسوس در ولایت و یا بشکر راه نیامد و شش مترا

که خطا

[illegible]

بهتمة ان مناجات مثل نور نمر در بارگاه و اسرار در
 و غالب کل و مقول و صهارجل دیگر است نکر
 فروتر از مکررات است مثل قناری در روی بایک بردار
 و گویا بردار و در کش بردار و صهارجل دیگر است
 فاتی از مکررات است مثل طرخ بیک و شکور و وزیر
 و خوش بیک جلو و صهارجل دیگر است مثل مکررات
 و بوی بردار و انبار دار و میوه دار کس کار بردار
 منطقه مخصوص هر کاری را بپازد و صهارجل دیگر
 است مثل زین بردار و آورنگ بردار و جلو دار و در
 و صهارجل دیگر است مثل و احط و کوه کلاش خرد و ساق
 محرم و به خط تو نقطه هر که ام را خدمت من است بنابر
 در کرده نشد و صهارجل دیگر است مثل صره نقای
 و در و حار و بویون فاتی و صهارجل دیگر است

اینها را در کتاب و در بارگاه
 و در مکررات و در مکررات
 اینها را در کتاب و در بارگاه
 و در مکررات و در مکررات

و جبره بزرگ و همه تر کما و طبع حوره و اما در این کتاب
 همه تر کما که معانی شریف دارند و چهار محل دیگر که
 مثل زر که بشود و در زینت و معانی و بخار باشد
 و چهار محل دیگر که مثل فرشتگان است و چهل و دار و در
 و شایسته و چهار دیگر که در کتب و در شرف و
 پس در او را و در کتب و طباع و چهار خدمت کار و در
 است مثل زینت آن و چهل بار اقدس و در قطع و در
 و مفید و در چهل و در کتب اقدس و در کتب و در
 و جبهه دیگر که در چهار مرتبه است که نام عمل با آنها معلوم شده
 است مثل نجوم و یون و قوا الحان و قراول تمام اقدار
 علم و در شایسته و در کتب و در کتب و در کتب و در کتب
 در شایسته و در کتب و در کتب و در کتب و در کتب
 پس و در کتب و در کتب و در کتب و در کتب و در کتب

از کتب و در کتب

یکتا در بیان علم عقود

علم حق و خود را بشناس که طالب آن شخص و شفع بان علم کرد و بار
 علیه قلم خور کرده است اینست از بعضی و عقد صحت است
 اجاد و عشرات ما خود از این بیهوشی است اس طریق که آرد
 احاد که از یک تا نه است بنات اصحاب است از حضور
 و بنصر و وسطا و در یاف عشرات که از ده تا
 نود است با بعضی است از سبب و ابهام انکشاف
 را خضر نام است دوم آن بنصر است علم به ان ترتیب
 امان و الوف ما خود از این بدست جب می کشند با طریق
 وضع مات خضر و بنصر و وسطا به سیری است
 در وضع الوف که از یک تا نه است به است سبب و ابهام
 به سیری است باید است که واحد موضوع است
 برای خضر مان لی که وضع کرده شود خضر را در کف
 و نشان را با رکف که وضع کرده شود خضر و خضر را

از این حق و از این است
 از این حق و از این است
 که از یک تا نه است
 از این حق و از این است

در

در کف از برای امانده و نطقه همراه که وضع کنند در کف
 خضر بنصر و وسط را اما در عقد بنده در کف همراه
 که سه پشت قریب پنج پشت است و از برای ابر بر رفیع
 خضر کند و از برای خضر رفیع بنصر سازد و نیز و نیز
 در رفیع وسط و عقد بنصر حلقه سازد و از
 برای سینه وضع خضر در کف بطریقه سازد که
 ابعده از اصل پشت باشد تا که آلتها سازد و بگوید
 در حال متوجه کنند است اس اس اس اس اس اس
 بنده و بت و از برای ثمانیه وضع بنصر در کف نیز
 بطریق کور سازد تا که آلتها سازد و بت و از
 تسعه وضع وسط در کف نیز بعنوان کور سازد
 پس نام شده احوال بنفشه اصابع و از برای بنفشه وضع
 کنند باطن ریس انگشت سبابه را بر مفصل اول انگشت

Л. 97a

З. Н. Ворожейкина

НЕИЗДАННЫЕ СТРОКИ АНВАРИ

Произведения Аухад ад-Дина Анвари¹, крупнейшего поэта XII в., дошли до нашего времени в большом числе списков. Во многих книжных собраниях мира хранятся рукописи диванов Анвари и списки его отдельных стихотворений, которые переписывались на протяжении XIV—XX вв. в Иране, Индии, Средней Азии. Эти пощаженные временем рукописные книги — великолепные лицевые экземпляры, изготовленные каллиграфами и художниками, и скромные тетради, переписанные, по-видимому, для собственного употребления, — свидетельствуют о том, что стихотворения Анвари, наделенные непреходящей художественной ценностью, никогда не теряли спроса у читателей.

Интерес к творчеству Анвари, блестящего мастера панегирической придворной поэзии и страстного ее обличителя, возрос в XIX в. вместе с первыми попытками научного осмысления истории персидской литературы. За последние сто лет диван Анвари — полностью и частями — издавался восемь раз (шесть раз — литографским способом)².

Однако только последнее из них — двухтомное издание, подготовленное профессором Тегеранского университета Мухаммадом Таки Ризави³, подвело специалистов к решению этой давней и сложной задачи — восстановления в наиболее полном виде подлинного текста Анвари.

В основу своего издания проф. Ризави положил самую древнюю датированную рукопись дивана Анвари, засвидетельствованную к настоящему времени, — рукопись Библиотеки Фатиха (г. Стамбул), изготовленную в 708/1307-8 г., сличив ее с одиннадцатью другими списками дивана. Издатель использовал в целях восстановления утраченных частей дивана и такие дополнительные источники, как средневековые антологии, персидские толковые словари и поэтологические трактаты.

В результате этого многолетнего и кропотливого труда издатель восстановил объем литературного наследия Анвари до 13 300 бейтов, почти на четыре тысячи двустихий пополнив предшествующие издания. В этом образцовом филологическом труде, где к публикации дан пол-

¹ Аухад ад-Дин Али Мухаммад ибн Исхак Анвари Абиварди, род. в селении Бадине, в окрестностях г. Абиверда (Хорасан), ум. в Балхе. Наиболее достоверным временем его смерти считается 583/1177-8—585/1179-80 год. См. о нем: В. А. Жуковский, *Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики*, СПб., 1883 г.; А. Е. Крымский, *История Персии, ее литературы и дервишской теософии*, ч. II, М., 1912, стр. 120—144; также *جلد دوم ایران، تاریخ ادبیات در ایران، دکتر ذبیح الله صفای، جلد دوم، تهران، ۱۳۱۰، ۱۳۰۹-۱۳۰۸*.

² Литографированные издания: Тебриз, 1850; Канпур, 1898; Лакнау, 1889; Бомбей, 1897; Казань, 1897; Лакнау, 1898 г. Также: *دیوان انوری به مقدمه و تسحیح ... به کوشش سعید نفیسی، تهران، ۱۳۳۷*.
³ *دیوان انوری به اهتمام محمد تقی مدرس رضوی، جلد یکم، تهران، ۱۳۳۷، جلد دوم، تهران، ۱۳۴۰*.

ный и четкий научный аппарат (фихристы начальных строк отдельно к касыдам, кыт'а и газелям, указания на стиховые размеры с приведением их схемы, обширный толковый словарь трудных слов и выражений, а также отдельных стихов Анвари, указатели имен собственных и географических наименований, также материалы к биографии поэта), диван Анвари насчитывает: 207 касыд, 494 кыт'а, 322 газели и 444 четверостишия.

В издании проф. Ризави остались неучтенными, однако, многочисленные рукописи стихотворений Анвари, хранящиеся в европейских собраниях; из них использована только одна — рукопись Парижской Национальной библиотеки. Исследование этих манускриптов, среди которых много ранних и надежных, вероятно, внесет еще известный корректив в тегеранское издание 1959—1961 гг. В этом убеждает, в частности, опыт работы с рукописями Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Творчество Али Аухад ад-Дина Анвари хорошо представлено в рукописном собрании ЛО ИНА. У нас имеется шесть диванов Анвари, кроме того шесть списков (из них пять — поэтические сборники) содержат избранные стихотворения Анвари и фрагменты его дивана от 45 до 1000 бейтов. Отдельные разрозненные строки Анвари можно найти в разного рода стихотворных альбомах, так называемых *баязах*. Эта сама по себе достаточно большая коллекция удачно дополняется четырьмя списками известного комментария (*шарха*) на касыды и кыт'а Анвари, составленного Абу-л-Хасаном Фарахани в середине XVII в. Один из этих четырех списков (В 2242), изготовленный в 1054/1644 г., т. е. за 35 лет до смерти автора, и совпадающий со временем написания сочинения, по-видимому, древнейший из известных к настоящему времени ⁴.

Предварительное сличение текста наших рукописей с последним тегеранским изданием позволило выявить некоторые заслуживающие внимания отличия.

Подтверждая по преимуществу правильность редакции, предлагаемой Мухаммадом Ризави, наши списки во многих случаях дают иной порядок строк в стихотворении, другую комбинацию полустийий в двух, обычно соседних, бейтах; встречаются перестановки и синонимические подмены отдельных слов внутри строки. Довольно часто в наших списках недостает одного-двух изданных бейтов.

Рукописи предлагают также для отдельных строк Анвари иные, часто любопытные, редакционные варианты и даже целые бейты, выпавшие из поля зрения издателя ⁵.

⁴ Рукопись поступила в Азиатский музей в 1915 г. в составе бухарской коллекции В. А. Иванова. Переписана в раджабе 1054/3 сентября — 2 октября 1644 г. неким Абу-л-Бакаий шейхом Иллахдадом Камали. Переплет среднеазиатский, картонный, с тисненым рисунком. 101 л. Размер текста 7,7×15, переписан в 19 строк уборым жирным *наста'ликом* на восточной бумаге светло-коричневого тона. Список сильно пострадал от времени, распался на отдельные листы, часть которых порвана с некоторым повреждением текста. Авторское предисловие отсутствует, сам комментарий представлен почти полностью, с небольшими лакунами в один-два листа. Часть I — толкование кыт'а — лл. 1а—22б, часть II — толкование касыд — лл. 23а—101б.

⁵ Например, рукописи: А 454 (сборник), л. 75а — ср. издание, т. II, стр. 842, газель № 272; А 688 (сборник), л. 55б — ср. издание, т. II, стр. 575, № 124; В 1809 (сборник), л. 156а — ср. издание, т. I, стр. 9, касыда № 5; С 819 (диван), л. 22б — ср. издание, т. I, стр. 70—71, конец касыды № 29, также л. 48б — ср. издание, т. I, стр. 271, конец касыды № 106; С 56 (диван), л. 9а — ср. издание, т. I, стр. 13—14, касыда № 6, или л. 210а — ср. издание, т. II, стр. 513, кыт'а № 5 и многие другие.

Наши рукописи могут, по-видимому, пополнить тегеранское издание дивана Анвари и новыми стихотворениями.

Три рукописных дивана (А 17⁶, В 124⁷ и В 125⁸) содержат непредставленное в издании месневи под названием (только в рукописи А 17) «Сказано в осмеяние кази Киренка». Это месневи, включающее около полутора ста бейтов, представляет собой пасквиль на судью одной из хорезмских областей. Стихотворение изобилует изощренными непристойностями, характерными для средневековой сатиры, и почти не поддается переводу, хотя представляет известный интерес отдельными любопытными явно автобиографическими строками.

Два списка (А 17 и В 124) дают идентичный, за незначительными разночтениями, текст. В третьей рукописи (В 125) месневи дано в двух разрозненных кусках (лл. 138а — 141а — 97 бейтов, лл. 212а — 212б — 38 бейтов) и короче на 25 (наиболее непристойных) бейтов, выпущенных после начальной строки стихотворения, общей для всех трех списков:

حبذا..... قاضی کیرنک * آنکه دارد ز سنگ خارا سنگ

Браво, что за у судьи Киренка,
А совесть его тверда как кремь!

Список предлагает в дополнение к изданию также целый ряд мелких кыт'а. Произведения этого неофициального, «негласного» жанра — лирические строки о себе, сложившиеся у поэта между двумя заказными панегириками, горькое раздумье, невысказанные обиды, едкие эпиграммы — как раз и были той наименее канонизованной частью литературного наследия, которая чаще всего искажалась или даже в той или иной мере опускалась при переписке диванов. Между тем очевидно, что познавательная и историко-литературная ценность этих часто незамысловатых строк, доносящих до нас через века живой голос поэта.

⁶ Рук. А 17 (старый шифр 176 quater) куплена В. Ивановым в Ширазе в 1914 г. Не датирована, переписана, по-видимому, в XVII в. в Иране. Содержит 285 листов размером 9,5×18,7. В восточном переплете светло-коричневой кожи, с тиснением. Текст размером 4,5×14 переписан в 21 строку мелким узористым *наста'ликом* на восточной желтой бумаге. Начальные и конечные листы реставрированы. Список содержит немногим более 11 тыс. бейтов; текст стихотворений, за небольшим исключением, совпадает с изданным. Месневи занимает лл. 200б—204б.

⁷ Рук. В 124 (старый шифр 176 bis) поступила в Азиатский музей в 1897 г. от Граменицкого. Не датирована. Переписана, по-видимому, в XVII в. в Хорасане. Содержит 324 листа размером 14,5×22,5. Текст размером 7(9,5)×15,5(17) переписан в 19 строк двумя почерками: четким непрофессиональным *наста'ликом* с элементами *шикасте* и более мелким *наста'ликом*, на восточной бумаге низкого качества. Переплет среднеазиатский, картонный, оклеенный зеленой бумагой, с тисненым рисунком. Список несколько пострадал от времени, прошел раннюю реставрацию. Содержит 12 250 бейтов. Текст стихотворений совпадает с изданным. Месневи занимает лл. 282б—286б. Упоминание рукописи см. ИАН, 1898 г., стр. V, № 18.

⁸ Рук. В 125 (старый шифр 176 ter) поступила в Азиатский музей в составе коллекции Л. Ф. Богданова, собранный в 1913 г. в Иране. Не датирована, по палеографическим данным может быть отнесена к XV веку. 242 лл. размером 11,5×21,8. Текст переписан в 17 строк на восточной, сильно пожелтевшей от времени бумаге, изящным каллиграфическим *наста'ликом*. Переплет восточный, светло-коричневого сафьяна, с тисненым рисунком. Рукопись художественно оформлена. Озаглавленный *Тамам-и касад хахим-и Анвари* («Собрание касыд хакима Анвари»), этот список по существу представляет собой диван, включающий немногим более 8 тыс. бейтов, где стихотворения — касыды, газели и кыт'а — даны без деления на разделы. Текст стихотворений соответствует изданному, с небольшими расхождениями в отдельных строках.

Некоторые из этих не вошедших в издание «отрывков» Анвари представляются нам интересными по содержанию. Например, в рукописи В 123⁹ (л. 2156):

جواب و روی بیفزایدم ز مدح و غزل
چرا باتش فکرت نمی بکامم روح
بیاد بوک و مکر بیست ساله بر دارم
مرا خدای ندادست زندگانی نوح
عنان طبع ازین بس کشیده خواهم داشت
اگر گشاده بینم در قبول فتوح
و اگر عطا ند مندم برارم از بس مدح
بگیر بعدو مارا ز ممدوح

Вознаграждения и славу умножаю я газелями и хвалами,
К чему? [Ежели] огнем мысли я умаляю [свой] дух?
Держу я в памяти двадцатилетние [мои] хитрости и лукавство,
а ведь меня не одарил господь жизнью Нуха.
Талант [свой] и дальше буду я держать в узде,
если избавленья не увижу соизволением божьей милости.
А ежели еще и награды не станут давать мне за обилие мадхов,
..... — мамдухов!

И там же (л. 2156):

مدح گفتیم ناسزائی را
ز و نیامد بدید هیچ فتوح
تیز در ریش هم چنین ماح
..... در کون همچنان ممدوح

Слагал я хвалы недостойным,
а от них не довелось увидеть никакой милости.
..... в бороду таких панегиристов,
..... в подобных мамдухов!

Или еще кыт'а, сходное по мысли с приведенными выше, в упомянутой выше рукописи А 17 (л. 1626):

بودن اندر عذاب چون جرجیس
یا شدن در جهنم چون ابلیس
یطتر است از سوال کردن و طمع
و ایستان بمزد مرد حسیس

Пребывать в муках, как [пророк] Георгий,
или жить в аду, подобно [сатане] Иблису,

⁹ Рук. В 123 (старый шифр 176) получена Азиатским музеем в 1818 г. в составе первого поступления персидских рукописей — известной коллекции Ж. Л. Руссо. Не датирована, по внешним данным может быть отнесена к XVI в. Содержит 375 л. размером 12,5×21,7. Текст переписан в 15 строк мелким красивым *наста'ликом* на европейской тонкой бумаге. Переплет восточный, красно-коричневой кожи, с тиснением. Включает около 11 тыс. бейтов. Сравнение с изданием выявляет много заметных отличий как по размеру (объему) стихотворений, так и в редакции отдельных строк. Список использован В. А. Жуковским в его работе «Али Аухадэддин Энвери», стр. 11 (рук. А).

Лучше, чем попрошайничать и алкать
и стоять [в поклоне] перед ничтожным человеком.

Там же приведен короткий «отрывок» несколько иного содержания:

چند پرس ز نام و ننگ کسان
نام و ننگت ز خواهر و زن بپرس
خواهرم بپرس است گوی و زن
از زن و خواهرت عزار من پرس

Вопрошая о добром имени человека,
Спроси о [его] добром имени у сестры и жены.
Сестра моя — благочестива, сам скажи, и жена [тоже],
о моих же достоинствах спроси у своей жены и сестры!

Эта же рукопись, так же как и старый и надежный список В 1809¹⁰, приводит еще такое стихотворение под именем Анвари (л. 2596):

بر سیل و صیت پیدا شد ز خاک جاوآن
تا شیانگاه ابد چار آفتاب خاوری
خواجۀ چون بو علی شیدای آن صاحب قران
مفتی چون اسعد زوجان زهر شرکی ببری
صوفی صافی چو سلطان طریقت بو سعید
شاعر ساحر چو مشهور حراسان انوری
شاد باش ای آب و خاک خاوران کو روی لطف
همچو آب بحر و خاک کان گھری میپروری

На небосклоне славы поднялись из земли Хаверанской
[и да будут сиять] до вечера вечности четыре восточных солнца.
Ученый такой, как Абу 'Али Шадан победоносный
муфтий такой, как Ас 'ад Сауджан, искоренитель многобожников,
Чистый суфий, подобный султану тариката (пути духовного совершенствования)
Абу Са 'иду

волшебник-поэт, как известный в Хорасане Анвари.
Радуйся, земля и вода Хаверана, — по божьей милости
рождаешь ты такие жемчужины, как глубь морей и недра рудников¹¹.

Эти предварительные результаты, полученные в процессе научного описания рукописей персоязычной художественной литературы собрания Института народов Азии АН СССР, убеждают в том, что наша ценная коллекция произведений Анвари может быть с пользой для дела привлечена при дальнейшем восстановлении литературного наследия крупнейшего персидского классика.

¹⁰ Рук. В 1809 (старый шифр Nov. 26) поступила в Азиатский музей в составе коллекции Л. Ф. Богданова, собранной в Иране в 1905-6 г. Список представляет собой художественно оформленный сборник стихов в 360 л. (всего 15 поэтов). Размер листа — 27×18,5 (переплетен в виде альбома); текст переписан в 28—30 строк бисерным *наском* на восточной желтоватой бумаге хорошей выделки. Стихотворения Анвари (числом 31) занимают лл. 354б—360б. Текст стихотворений полностью соответствует изданному, за некоторыми разночтениями в отдельных; большей частью служебных, словах. Список не датирован; по палеографическим данным может быть отнесен, как установил научный сотрудник ЛО ИНА АН СССР О. Ф. Акимущин, к первой половине XV в.; переписан в Ширазе или Исфахане, по-видимому со старой рукописи не позднее XIII в.

¹¹ Это стихотворение было замечено В. А. Жуковским в рукописи В 123. Не находя его в других списках дивана, Жуковский оставил под сомнением авторство Анвари. См. В. А. Жуковский, *Али Аухадэддин Энвери*, стр. 5.

Е. А. Давидович

КЛАД САГАНИАНСКИХ МОНЕТ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Клад монет, состоящий из 856 целых и половинных экземпляров и некоторого количества мелких фрагментов, найден был колхозниками в Ширабадском районе (местность Кулухша) УзССР на глубине 1,5 м и поступил в Сурхан-Дарьинский областной музей (инв. № 245)¹. Монетные кружки тонкие, плоские, довольно правильной круглой формы, почти белого цвета, т. е. внешне похожи на серебряные. Химический анализ (см. ниже) показал, что они чеканены из сплава серебра с медью.

Время их выпуска — вторая четверть XI в. Ранняя из полностью сохранившихся на монетах дат — 417/1026-27 г., поздняя — 434/1042-43 г. На всех монетах, сохранивших наименование монетного двора, читается «Саганиан». В литературе опубликовано очень незначительное число саганианских монет. Клад ценен множеством совершенно новых типов, новых дат, собственных имен и титулов. Он вносит свою лепту в изучение некоторых вопросов политической истории Средней Азии во второй четверти XI в. Клад является также первоклассным историческим источником для изучения экономической жизни Средней Азии в XI в. В этом аспекте частично он уже был использован.

1. Надписи на монетах: чтение, классификация

Для всех монет клада характерен ряд устойчивых общих признаков. Монеты не имеют картушей, надписи расположены несколькими строками в поле и в виде круговых легенд, причем на лицевой стороне (в дальнейшем — л. ст.) две круговые надписи, а на оборотной (в дальнейшем — об. ст.) — одна. Круговые надписи от поля иногда не отделены ничем, чаще же — различными ободками: простым однолинейным, простым двухлинейным или двухлинейным с несколькими симметрично расположенными колечками. Поле иногда украшено мелкими орнаментальными рисунками, расположенными чаще в верхней части, над надписью (л. ст.), реже по бокам или в нижней части поля. Верхнее коротенькое слово надписи иногда вписано в полумесяц; изредка полумесяц изображен самостоятельно.

Совершенно обязательный элемент надписей — символ веры, распо-

¹ Клад был передан нам для научной обработки, результаты которой оформлены в виде рукописи, с 1961 г. хранящейся в Сурхан-Дарьинском областном музее. М. Н. Федоров, без нашего разрешения и без всякой ссылки на эту рукопись, опубликовал целый ряд данных из нее. Некоторые выводы М. Н. Федорова показывают, впрочем, что он недостаточно внимательно «осваивал» наш материал (ср. М. Н. Федоров, *Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в.*, — сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 195—199).

ложенный на обеих сторонах монетного кружка. В поле л. ст. подавляющего большинства монет размещена первая часть символа веры тремя строками لا اله الا الله وحده لا شريك له. Вторая часть رسول محمد الله перенесена в поле об. ст., где занимает две строки. Исключения представляют монеты типов 25—26, у которых первая часть символа веры в поле л. ст. расположена не тремя, а двумя строками (с ошибками); и монеты типа 18, у которых в поле л. ст. другая часть символа веры: لا اله الا الله محمد رسول الله.

Вторым обязательным элементом монетных надписей является упоминание халифов القادري بالله или القايم بامر الله. Имя халифа на всех почти монетах проставлено в поле об. ст., после второй части символа веры, обычно — отдельной строкой. На некоторых монетах оно, кроме того, повторено в надписях л. ст. монетного кружка, в нижней строке (типы 9, 11, 18). Только у типов 25—26 имя халифа на об. ст. опущено вообще и содержится на л. ст., занимая две строки.

Очень стандартны круговые надписи. Круговая надпись об. ст. — всегда кораническая (IX, 33) محمد رسول الله ارسله и т. д. Как правило, она частично обрезана и стерта, так что на каждой монете читается лишь небольшая ее часть.

Внутренняя круговая надпись л. ст., как правило, содержит выпускные сведения. Лишь на небольшом числе монет типов 5—6 выпускные сведения оказались во внешней круговой легенде л. ст., а во внутренней — кораническая (XXX, 3, 4): ومن بعد و يومئذ يفرح لله الامر من قبل والمؤمنون بنصر الله.

Внешняя круговая надпись л. ст. на основной массе монет сохранилась плохо и фрагментарно, частью обрезанная, частью стертая. У некоторых типов монет поэтому по незначительным остаткам слов не удалось восстановить ее содержание. Но у большинства монет (типы 1—11, 13—14, 21 и др.) здесь та же кораническая легенда (XXX, 3, 4).

Самая изменчивая часть монетных надписей и по содержанию и по местоположению — это имена и титулы государей. Иногда они целиком размещены на об. ст. то после имени халифа полными строчками, то мелкими буквами внизу или внизу и вверх. Часть такого рода надписей, кроме того, у некоторых типов размещена на л. ст. (мелкими буквами) внизу и вверх (типы 2, 8, 10, 14, 16, 20, 22).

Следует упомянуть также наличие на монетах отдельных слов и восклицаний, написанных мелкими буквами и помещенных в верхней части поля, над символом веры.

Содержание и взаиморасположение надписей на монетах позволяет разделить их на 26 типов с вариантными и видовыми различиями внутри некоторых типов. При описании типов круговые легенды (почти у всех типов одинаковые) не приводятся, оговариваются только какие-либо их особенности и отличия. Статистические материалы о количественном распределении монет по типам, монетным дворам и датам сведены в табл. 1 и при описании типов не повторяются.

Tun 1, Саганиан, 417 г. х.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	الله محمد رسول الله القادر بالله ...الدوله
--------	---------------------------------	---------	--

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком, поле об. ст. — двухлинейным. На единственном экземпляре от даты сохранилось только слово единиц — 7 или 9. Наличие имени халифа Қāдира свидетельствует о том, что монета чеканена не позже 417 г. х. или 419 г. х. Сопоставление с типом 4 убеждает в том, что следует читать 417 г. х.

Тип 2, Саганиан.

Л. ст.	...	Об. ст.	لله
	لا اله الا		محمد
	الله وحده		رسول الله
	لا شريك له		القادر بالله
	الدولة...		ناصر الحق خان

Поля л. и об. сторон обрамлены линейными ободками. На л. ст. надпись выше и ниже символа веры сделана мелкими буквами. Можно допустить, что лакаб الدولة... внизу л. ст. этого типа такой же, как у типа 1 в нижней строке об. ст. Первое слово лакаба в обоих случаях было коротким.

Тип 3, Саганиан, 417, 41... гг. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	لله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القادر بالله
			ناصر الحق خان

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком, поле об. ст. — линейным или двухлинейным. Над символом веры на л. ст. иногда простой орнамент в виде кружочка или короткая надпись мелкими буквами (сохранилась плохо).

Тип 4, Саганиан, 418, 419, 41..., 420, 421, 422, 423, 42... 4...4 гг. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	لله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القادر بالله
			امير المؤمنين

Поле л. ст. в одних случаях без ободков, в других обрамлено линейным ободком. Над символом веры иногда ничего нет. В других случаях несколько видов орнамента, буква и даже коротенькая надпись мелкими буквами; на некоторых монетах украшения также по бокам, справа и слева от символа веры. Особенностью некоторых монет является перемещение круговых надписей л. ст.: внутренняя вместо выпускных сведений содержит кораническую легенду, а внешняя, наоборот, — выпускные сведения.

Поле об. ст. иногда без ободков, в других случаях обрамлено линейным ободком, простым двухлинейным, двухлинейным с четырьмя колечками (или строеными точками вместо колечек). Орнаментальные украшения поля: на некоторых монетах звездочки или завитки (напо-

минающие знак параграфа) по сторонам. Во многих случаях верхнее слово вписано в полумесяц.

Халиф Кадир правил только до 422 г. х., так что 423 г. х. на двух монетах — явный анахронизм. Так как имя Кадира обозначено на об. ст., а дата — на л. ст., можно полагать, что перед нами случай вторичного употребления старого реверсного штампа с новым аверсным. Таким же анахронизмом является, вероятно, и другая дата 4... 4 г. х. (т. е., очевидно, 424 г. х.).

Тип 5, Саганиан, 420 г. х.

Л. ст.	نصر	Об. ст.	لله
	لا اله الا		محمد
	الله وحده		رسول الله
	لا شريك له		القاد بالله
			امير المؤمنين

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком. В поле об. ст. по сторонам надписи иногда орнаментальные завитки (как у типа 4), а слово **الله** заключено в полумесяц. Тип 5 в целом очень близок типу 4, от некоторых видов типа 4 он отличается только наличием имени «Наср».

Тип 6, Саганиан, 424 г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	لله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القائم بامر الله
			امير المؤمنين

Поле л. ст. без ободка или обрамлено линейным ободком. В поле над символом веры иногда значок, похожий на букву дал куфическим почерком, а по сторонам — по одной точке. Выпускные сведения составляют то внутреннюю круговую надпись (вар. 1), то внешнюю (вар. 2).

Тип 7, Саганиан, 424, 425, 426, 428, 42... г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст. 1)	القسم	2)	لله
	الله وحده		محمد		محمد
	لا شريك له		رسول الله		رسول الله
			القائم بامر الله		القائم بامر الله
			الملك العادل		ملك العادل
			ابو		ابو القسم

Поле л. ст. без ободка или с линейным ободком; поле об. ст. обрамлено то линейным ободком, то простым двухлинейным, то двухлинейным с колечками. В поле л. ст. над символом веры иногда украшения или короткие надписи мелкими буквами (أمانه ع).

Тип 8, Саганиан, 430 г. х.

Л. ст.	على	Об. ст.	لله
	لا اله الا		محمد

الله وحده	رسول الله
لا شريك له	القايم بامر الله
	فجر الدولة
	بورى تگين

Поле л. и об. сторон обрамлено линейными ободками. Имя ىلى на л. ст. и титул بورى تگين на об. ст. — мелкими буквами. Слово لله на об. ст. заключено в полумесяц.

Тип 9, Саганиан, 431 г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
	القايم بامر الله		القايم بامر الله
			فجر الدولة
			بورى تگين

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком. На ряде монет над символом веры на л. ст. — украшение в виде колечка. Надпись بامر القايم الله на л. ст. мелкими буквами. Об. ст. как об. ст. типа 8.

Тип 10, Саганиан.

Л. ст.	على	Об. ст.	الله
	لا اله الا		محمد
	الله وحده		رسول الله
	لا شريك له		ملك الموييد
			بورى تگين

Поле л. и об. сторон обрамлено линейными ободками. Л. ст. как л. ст. типа 8.

Тип 11, Саганиан, 431 г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
	القايم بامر الله		ملك الموييد
			بورى تگين

Поле л. ст. обрамлено линейным или двухлинейным ободком. Над символом веры в поле на некоторых монетах украшение в виде повисшей капли. Поле об. ст. обрамлено линейным ободком. Л. ст. этого типа как л. ст. типа 9, а об. ст. — как об. ст. типа 10.

Тип 12, выпускные сведения не сохранились.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القايم بامر الله
			طفغاج خان

Поле л. и об. сторон обрамлено линейными ободками. В поле л. ст. над символом веры — четырехлепестковое (крестообразное) украшение. Л. ст. этого типа такая же, как л. ст. части саганианских монет типа 17 и типа 21.

Тип 13, Саганиан, 431 г. х.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله طفغاج بغرا خان
--------	---------------------------------------	---------	---

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком, а поле об. ст. — двухлинейным с колечками. Титул «Тафгач» написан так компактно, что фактически почти на всех монетах одна буква (*гайн* или *фа*) пропущена. Наименование монетного двора отмечено в двух начертаниях *صغاديان* и *صغانان*. В обоих случаях прочтена дата — 431 г. х.

Тип 14, Саганиан, 432 г. х.

Л. ст.	مويد العدل لا اله الا الله وحده لا شريك له ابراهيم	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله طفغاج خان
--------	--	---------	--

Поле л. ст. обрамлено линейным ободком, а поле об. ст. — двухлинейным. Титул и имя на л. ст. — мелкими буквами, над верхней строкой символа веры — полумесяц.

Тип 15, выпускные сведения не сохранились.

Л. ст.	...	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله طفغاج خان ابراهيم بن نصر
--------	-----	---------	--

Поле об. ст. обрамлено линейным ободком. «Ибрахим б. Наср» написано мелкими буквами. Из двух монет этого типа одна: с обеих сторон отчеканена реверсными штампами.

Тип 16, Саганиан, 433 г. х.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	... القايم بامر الله طفغاج بغرا خان ابراهيم بن نصر
--------	---------------------------------------	---------	---

Поле л. и об. ст. обрамлено линейными ободками. «Ибрахим б. Наср» написано более мелкими буквами. Начертание заставляет читать в данном случае не *фа* и не *мим*, а *ба*, т. е. «табгач» *طبغاج*.

Тип 17, Саганиан, 421, 430, 433, 43... гг. х.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله مودد العدل или المويّد العدل خان
--------	------------------------------------	---------	--

Поле л. ст. в одних случаях без ободка, в других обрамлено простым линейным ободком или линейным с колечками. В поле над символом веры обычно разные мелкие украшения или же слово الله, вписанное в полумесяц. На одной монете сверху и снизу мелкими буквами были, видимо, надписи (стерты). По бокам символа веры также встречаются украшения.

Поле об. ст. то без ободка, то обрамлено линейным ободком, двухлинейным или двухлинейным с колечками. Слово الله часто вписано в полумесяц.

Одна дата — 421 г. х. — несомненно свидетельствует о вторичном использовании старого аверсного штампа. Обращает внимание также тот факт, что самые распространенные виды л. ст. (среди сохранившихся дату, например вид с четырехлепестковыми украшениями над символом веры, без ободка и с обычным начертанием наименования монетного двора) точно такие же, как виды л. ст. типа 21.

Начертание наименования монетного двора двойное, как у типа 13.

Тип. 18, выпускные сведения не сохранились.

Л. ст.	لا اله الا الله محمد رسول الله القايم بامر الله	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله مويّد العدل خان
--------	---	---------	---

Об. ст. как об. ст. типа 17. Но л. ст. отлична от обычных типов. Над символом веры на л. ст. — полумесяц с точкой в нем.

Тип. 19, Саганиан.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله المويّد العدل
--------	------------------------------------	---------	--

Поле об. ст. обрамлено двухлинейным ободком, слово الله вписано в полумесяц, а титул написан мелкими буквами. На л. ст. над символом веры — орнаментальное украшение.

Тип 20, наименование монетного двора стерто, 43... г. х.

Л. ст.	مويّد العدل لا اله الا	Об. ст.	... محمد
--------	---------------------------	---------	-------------

الله وحده	رسول الله
لا شريك له	القايم بامر الله
ابراهيم	مويد العدل
	خان

Поле л. и об. сторон обрамлено линейными ободками. На л. ст. титул и имя мелкими буквами; над символом веры — полумесяц. Л. ст. повторяет л. ст. типа 14, а об. ст. — об. ст. типа 17.

Тип 21, Саганиан, 430, 432, 433, 434, 43... г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القايم بامر الله
			خاقان الاجل

Поле л. ст. иногда обрамлено линейным ободком. Над символом веры часто мелкие орнаментальные украшения разных видов, по бокам иногда «значки параграфа». Поле об. ст. обрамлено иногда таким же ободком, слово الله иногда вписано в полумесяц, а в поле иногда украшения (внизу строенные точки, по сторонам кружки или «значки параграфа»).

Начертание Саганиана двойное, как у типов 13 и 17. На монете 434 г. х. титул на об. ст. написан мелкими буквами. Тип л. ст. в деталях совпадает с л. ст. типа 17.

Тип 22, Саганиан, 433 г. х.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
	عل		القايم بامر الله
			خاقان الاجل

Поле л. ст. без ободка, поле об. ст. обрамлено линейным ободком. На л. ст. над символом веры — орнаментальное украшение. Круговая надпись л. ст. одного экземпляра несколько искажена, но прототип (Саганиан, 433 г. х.) угадывается. Об. ст. как об. ст. некоторых экземпляров типа 21.

Тип 23, Саганиан.

Л. ст.	لا اله الا	Об. ст.	الله
	الله وحده		محمد
	لا شريك له		رسول الله
			القايم بامر الله
			خان الاجل

Поле л. ст. без ободка. Поле об. ст. обрамлено двухлинейным ободком, а слово لله заключено в полумесяц².

Тип 24. Саганиан, 431 г. х.

Л. ст.	لا اله الا الله وحده لا شريك له	Об. ст.	الله محمد رسول الله القايم بامر الله الملك العادل نصر
--------	---------------------------------	---------	---

Поле л. и об. сторон обрамлено линейным ободком. На л. ст. над символом веры орнаментальное украшение.

Тип. 25. Наименование монетного двора стерто, 434 г. х.

Л. ст.	عدل الله لا اله الا ا وحده لا شريك له القايم بامر الله	Об. ст.	محمد رسول الله شهاب لدوله نصر الملك مودود
--------	--	---------	---

Поле л. и об. сторон обрамлено линейным или двухлинейным ободками. На л. ст. в надписях ошибки, особенно в третьей строке (разные варианты сокращения или искажения слов (شريك له)). Вторая строка иногда написана правильно, чаще — как показано. Почерк плохой.

На трех монетах сохранилось слово единиц от даты — «4». Дату уточняет имя на об. ст.: Шихаб ад-Даула Наср ал-Милла Маудуд — это газневидский государь, царствовавший с 432/1041 по 440/1048 г. Следовательно, монеты, сохранившие часть даты, чеканены в 434 г. х.

Тип 26. Наименование монетного двора стерто, 434 г. х.

Л. ст.	عدل الله لا اله الا ا وحده لا شريك له القايم بامر الله	Об. ст.	محمد رسول الله شهاب الدوله مودود
--------	--	---------	----------------------------------

Л. ст. как у типа 25 со всеми оговоренными особенностями. От даты сохранилось слово единиц — «4», позволяющее реконструировать дату как 434 г. х. (ср. тип 25).

Еще на 40 монетах плохой сохранности удалось прочесть наименование монетного двора «Саганиан» в обоих уже упоминавшихся начертаниях. Тип этих монет (из-за потертости надписей и рисунков даже в поле монетного кружка) не может быть установлен. Дата в нескольких случаях прочтена, новых годов она не дает.

² У одной монеты Саганиана л. ст. как у типов 21 и 23. На об. ст. слово خان или خاقان в титуле стерто, так что тип этой монеты полностью определить нельзя. Обращает внимание, что расположение надписи об. ст. отличает ее от типов 21—23 محمد رسول الله القايم بامر الله... || الاجل.

Таблица 1

Тип	Монетный двор	Количество монет	В том числе	
			с датой	количество
1	Саганиан	1	417	1
2	Саганиан	1	—	—
3	Саганиан	14	417	4
			41...	2
4	Саганиан	107	418	11
			419	2
			420	11
			421	5
			422	3
			423	2
			41...	3
			42...	8
			4...4	1
5	Саганиан	3	420	3
6	Саганиан	9	424	1
7	Саганиан	61	424	1
			425	9
			426	12
			428	6
			42...	6
8	Саганиан	24	430	1
9	Саганиан	9	431	2
10	Саганиан	8	—	—
11	Саганиан	12	431	1
12	(стерто)	5	—	—
13	Саганиан	22	431	5
14	Саганиан	14	432	3
15	(стерто)	2	—	—
16	Саганиан	4	433	1
17	Саганиан	119	421	1
			430	1
			433	10
			43...	3
18	(стерто)	1	—	—
19	Саганиан	2	—	—
20	(стерто)	2	43...	1
21	Саганиан	62	430	2
			432	12
			433	2
			434	6
			43...	2
22	Саганиан	2	433	2
23	Саганиан	8	—	—
24	Саганиан	6	431	2
25	?	21	434	3
26	?	7	434	2
?	Саганиан	40	421	1
			430	1
			433	5

2. Ширабадский клад как источник по политической истории Средней Азии во второй четверти XI в.

Анализ собственных имен и разнообразной титулатуры на монетах Ширабадского клада позволяет 26 описанных типов свести в четыре хронологические группы (табл. 2), которые различаются также династической принадлежностью.

Таблица 2

Тип	Имена и титулы		Сохранившиеся даты (по хиджре)	Группа
	на л. ст.	на об. ст.		
1	—	القادر بالله ...الدوله	417	первая
2	...الدوله	القادر بالله ناصرالحق خان	—	
3	—	как тип 2	417, 41..	
4	—	القادر بالله امير المو منين	418, 419, 420, 421, 422, 423, 41.., 42..., 4..4	вторая
5	نصر	как тип 4	420	
6	—	القايم بامر الله امير المو منين	424	
7	—	القايم بامر الله الملك الدلد ابو القسم	424, 425, 426, 428, 42..	
8	على	القايم بامر الله فجر العوله بورى تگين	430	третья
9	القايم بامرالله	как тип 8	431	
10	как тип 8	ملك المويد بورى تگين	—	
11	как тип 9	как тип 10	431	
12	—	القايم بامر الله طفغاج خان	—	
13	—	القايم بامرالله طفغاج بغرا خان	431	

Тип	Имена и титулы		Сохранившиеся даты (по хиджре)	Группа
	на л. ст.	на об. ст.		
14	مويد العدل ابراهيم	как тип 12	432	
15	стерто	القايم بامر الله طفغاج خان ابراهيم بن نصر	—	
16	как тип 8	القايم بامر الله طفغاج بغرا خان ابراهيم بن نصر	433	
17	—	القايم بامر الله المويد [مويد] العدل خان	421, 430, 433 43...	
18	как тип 9	как тип 17	—	третья
19	—	القايم بامر الله المويد العدل	—	
20	как тип 14	как тип 17	43...	
21	—	القايم بامر الله خاقان الاجل	430, 432, 433, 434, 43...	
22	как тип 8	как тип 21	433	вторая
23	—	القايم بامر الله خان الاجل	—	
24	—	القايم بامر الله الملك العادل نصر	431	
25	القايم بامرا لله	شهاب الدوله نصرالمله مودود	434	
26	как тип 25	شهاب الدوله مودود	434	четвертая

Первую группу образуют типы 1—3 (табл. 2). Датированные монеты этой группы чеканены в 417/1026-27 г. Объединяет эту группу наличие почетной караханидской титулатуры при отсутствии собственных мусульманских имен, в том числе и имени местного саганианского владетеля. На монетах типов 2—3 после имени халифа стоит лакаб «Насир ал-Хакк»³ и титул «хан». Такую титулатуру у ранних Караханидов мелкие владетели не носили. По данным О. Прицака, лакаб «Насир ал-Хакк» был сначала у Ахмада б. 'Али (Тоган-хана I), который в 998—1017/18 гг. считался главой всего Караханидского государства. Позже этот лакаб был у Йусуфа б. Хасана (Кадыр-хана), который в 417/1026-27 г. овладел столичным Баласагуном и также считался главой Караханидов⁴. Можно поэтому думать, что лакаб «Насир ал-Хакк» на саганианских монетах этого же 417/1026-27 г. является почетным упоминанием именно Йусуфа б. Хасана как главы караханидской династии. В этой связи любопытно следующее. По данным письменных источников, приамударьинские области (в том числе и Саганиан) в это, а также предшествующее и последующее время тяготели к Газневидам. Когда, например, в 1025 г. Махмуд Газневидский, пользуясь смутами среди Караханидов, вступил в Мавераннахр, владетель Саганиана сразу к нему присоединился. В письме хорезмшаха Алтунташа, написанном несколько позже, в 1030 г., специально оговорено, что, заключая договоры с Караханидами, нужно вместе с тем принять меры для обеспечения безопасности от их набегов областей Балха, Тохаристана, Саганиана, Термеза, Кувадиана и Хутталя. Известно, что отношения между Газневидом Махмудом и Караханидом Кадыр-ханом (Йусуфом б. Хасаном) были достаточно дружественные. Встреча двух этих государей в 1025 г. завершилась соглашением об изгнании из Мавераннахра Караханида 'Али-Тегина и передаче этого обширного владения одному из сыновей Кадыр-хана. Правда, когда 'Али-Тегин сам покинул Бухару и Самарканд, Махмуд не приложил усилий для закрепления этих успехов, чтобы чрезмерно не усилить Кадыр-хана. Бухара и Самарканд остались у 'Али-Тегина. Зато в восточной части государства Кадыр-хан расширил свои владения⁵.

Саганианские монеты 417/1026-27 г. дополняют и корректируют сведения письменных источников и представления историков о политическом положении одной из приамударьинских областей. Почетное упоминание на саганианских монетах 417/1026-27 г. в качестве сюзерена не Газневида Махмуда, а Караханида Кадыр-хана на фоне безусловно более тесных связей этой области с Газневидами свидетельствует об убедительном в это время усилении Кадыр-хана и об изменении в его пользу соотношения политических сил.

Ко второй группе мы относим типы 4—7 (табл. 2). Их объединяет отсутствие почетного упоминания какого-либо сюзерена (если не считать халифов). На монетах типов 5 и 7 есть два собственных мусульманских имени: Наср (без титула) и Абу-л-Касим (с титулом *الملك العادل*). Абу-л-Касим хорошо известен из письменных источников. В качестве наместника Саганиана и зятя Газневида Мас'уда он фигурирует у Байхаки при описании событий 426/1034-35 г.⁶ Монеты

³ Второй лакаб на монетах типа 1—2 полностью не читается, стерто первое слово.

⁴ О. Pritsak, *Die Karachaniden*, — «Der Islam», Bd 31/1, Berlin, 1953, S. 27, 32—33.

⁵ В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 344, 346—348, 356—358.

⁶ Абу-л-Фазл Бейхаки, *История Мас'уда, 1030—1041*, пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 411, 435 (далее: Байхаки).

уточняют время его правления в Саганиане. Они чеканены в пределах 424—428 гг. х. Следовательно, наместником Саганиана Абу-л-Касим стал не позднее 424/1032-33 г. В 430 г. х. в Саганиане монеты чеканились уже от имени других лиц (тип 8), следовательно, Абу-л-Касим сидел в этой области до 428/1036-37 г. или несколько дольше, но не позже 430/1038-39 г. Эти даты позволяют конкретизировать следующие сведения Байхаки: «Пришло письмо от Бури-Тегина с посланцем. Он просил извинения, и эмир соизволил дать добрый ответ, потому что этот человек, поскольку владетель Чаганиана помер молодым и сына от него не осталось, пошел и с поддержкой кумиджиев захватил Чаганиан». А при описании событий начала 430/1038-39 г. саганианский владетель упоминается еще как живой: в конце сафара 430/1038 г. везир советовал Мас'уду направить его на борьбу с Бури-Тегин⁷. Вышеупомянутое письмо было получено между месяцами раджабом и ша'баном 430 г. х., т. е. весной 1039 г. Следовательно, этот саганианский владетель (имя которого здесь не названо) умер между сафаром и раджабом-ша'баном 430 г. х. Так как в 428 г. х., по монетным данным, Саганианом владел Абу-л-Касим — нет оснований сомневаться, что у Байхаки в 430 г. х. речь идет именно о нем.

В свидетельстве Байхаки содержится еще одно любопытное указание: оказывается, Саганиан в руках Абу-л-Касима считался наследственным владением. А это немаловажный штрих для понимания места и значения этой области в первой половине XI в.

Имя «Наср» упомянуто на более ранних монетах 420/1029 г. (тип 5), причем на л. ст. Для этого же года известны монеты типа 4 без имени Насра на л. ст. Об. ст. монет типов 4—5 одинакова. Монеты типа 4 чеканились ежегодно в пределах 418—424 гг. х., а в 420 г. х. параллельно употреблялись разные штампы л. ст.: одни с именем Насра, другие — без него. Эпизодичность появления этого имени в серии монет 418—424 г. х., его местоположение (поле л. ст.) и отсутствие титулатуры могут свидетельствовать о том, что перед нами владетель или наместник Саганиана. Это имя нельзя считать почетным упоминанием какого-либо сюзерена еще и потому, что среди Караханидов в это время ни один видный и сильный член династии, которого саганианский владетель мог бы признать сюзереном вопреки Газневидам, не носил такого имени, имена же газневидских государей были Махмуд и Мас'уд.

В этой связи должны быть упомянуты монеты типа 24. На их об. ст. имя «Наср» с титулом «справедливый царь» الملك العادل. Местоположение этого имени и титул (такой же, как у другого владетеля Саганиана, Абу-л-Касима) не оставляют сомнений в том, что Наср тоже владетель этой области. На монетах сохранилась дата — 431 г. х. Если принять ее безоговорочно, окажется, что Саганианом в разное время владели два Насра или же один и тот же Наср дважды (с большим промежутком) владел этой областью. Обе эти возможности не исключены. Но необходимо учесть и третью. Два примера (типы 4 и 17) совершенно убедительно показали, что в Саганиане для чекана монет использовались старые штампы, иногда большой давности. Например, в тридцатых годах хиджры был использован штамп л. ст., вырезанный еще в 421 г. х. Второй пример (тип 4) свидетельствует о вторичном использовании старого штампа об. ст. Можно поэтому допустить, что

⁷ Байхаки, стр. 499, 504.

в 431 г. х. при новом штампе л. ст. был использован старый штамп об. ст. с именем и титулом Насра. В этом случае Наср на монетах типа 5 и типа 24 оказался бы одним лицом, а его квалификация как владетеля-наместника получила бы дополнительное подтверждение в титуле на монетах типа 24. Можно было бы даже утверждать, что во второй четверти XI в. наместники-владельцы Саганиана носили именно этот титул: «справедливый царь».

Монеты второй группы интересны также для характеристики реального политического положения Саганиана с 418/1027-28 г. по 430/1038-39 г.

Под 1030 г. Байхаки упоминает Саганиан в числе владений, которые Газневидам надлежало охранять от возможных набегов Караханидов. После вступления (1030 г.) на престол Мас'уд укрепил дружественные отношения с восточными Караханидами. Отношения же с владельцем Мавераннахра 'Али-Тегинем сложились иначе. До вступления на престол Мас'уд просил у 'Али-Тегина помощи и обещал за это отдать ему Хуттал. Обойдясь без содействия 'Али-Тегина, он Хуттал не отдал, что ухудшило отношения. Более того, Мас'уд решил отнять у 'Али-Тегина Мавераннахр руками хорезмшаха Алтунташа. Хотя поход Алтунташа окончился миром, он насторожил 'Али-Тегина. Через два года Харун (сын покойного хорезмшаха Алтунташа), которого Газневид Мас'уд весьма обидел, вступил в союз с Караханидом 'Али-Тегинем и Сельджуками и отложился от Газневидского государства. Был слух, что союзники предпримут поход на Мерв, Термез и Балх. Смерть 'Али-Тегина не разрушила этот союз. Оба его сына, во исполнение договора, в 1035 г. выступили в сторону Саганиана и Термеза. Саганианский правитель вынужден был бежать. Караханиды осадили Термез. Только когда пришло известие об убийстве Харуна, они вернулись в свои владения. Вскоре, воодушевленные успехами Сельджуков, они вторично выступили в сторону Саганиана. Узнав, что военачальники Газневида Мас'уда собрали большие силы, они отправили к Мас'уду посольство с извинениями. В дальнейшем последовал обмен посольствами, смягчение отношений, подкрепленное взаимными обещаниями разного рода.

Из этого краткого перечня фактов видно, что Саганиан считался газневидским владением, но положение его было достаточно трудным и сложным, так как всегда существовала угроза нападения со стороны мавераннахрских Караханидов. Угроза эта становилась временами совершенно реальной, когда отношения между Газневидами и Караханидами ухудшались.

Монетный чекан и тут вносит свои дополнения. В этом отношении интересно сравнение с Хутталем — другой областью, также входившей в состав государства Газневидов и также привлекавшей мавераннахрских Караханидов. Монетные находки на территории Таджикистана позволили выявить чекан Хутталя. Оказалось, что на рассматриваемом отрезке времени хуттальские монеты чеканены от имени Газневида Мас'уда⁸.

Поскольку политическое положение Саганиана и Хутталя в свете данных письменных источников выглядит одинаковым, можно было бы ожидать, что и здесь — по примеру Хутталя — монеты будут чеканены от имени Махмуда и Мас'уда. Ежегодный с 417/1026-27 г. по

⁸ Е. А. Давидович, *Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г.*, — «Доклады АН ТаджССР», вып. II, 1954, стр. 73—75.

428/1036-37 г. чекан Саганиана, представленный монетами Ширабадского клада, показал, что это не так. Отсюда можно сделать вывод, что Саганиан на этом отрезке времени был настолько самостоятельным владением, что его наместник мог пренебречь даже внешней формой признания газневидского государя своим главой и сюзереном. В эти годы саганианские владельцы на своих монетах в качестве верховных сюзеренов упоминали только и непосредственно халифов! При этом довольно часто помещали на них и свои собственные имена.

Третья группа — это типы 8—23 (табл. 2). При всем разнообразии титулов на монетах этих типов все они, как выясняется, чеканены с упоминанием в той или иной форме караханидского государя Ибрахима б. Насра. Другой характерный признак этой группы — «переkreщиваемость», повторяемость у нескольких типов то лицевых, то оборотных сторон. Так, например, одинаковые (по содержанию и взаиморасположению надписей) лицевые стороны у типов 8, 10, 16, 22, или 9, 11, 18, или 14, 20; одинаковые оборотные стороны у типов 8, 9, или 10, 11, или 12, 14, или 17, 18, 20, или 21—22. Следовательно, при чеканке этой группы монет «парность» штампов не соблюдалась. Поэтому невозможно во всех случаях установить точную хронологическую последовательность в изготовлении разных штампов об. ст., т. е. последовательность появления в монетных надписях разных титулов Ибрахима б. Насра, хотя некоторые соображения могут быть высказаны. В целом же хронологические рамки всей этой группы монет: 430/1038-39 г. — 434/1042-43 г.⁹

Безусловно, ранними в этой группе являются типы 8—11. Здесь Ибрахиму б. Насру придан его ранний хорошо известный титул «Бури-Тегин» (на об. ст.). Даты на л. ст. этих монет — 430/1038-39 г. и 431/1039-40 г. — можно считать точными и соответствующими времени реального выпуска монет от имени Бури-Тегина.

Бури-Тегин весьма активизировался именно в 430 г. х. Довольно подробные сведения о нем и его взаимоотношениях с Газневидами сообщает Байхаки. В самом начале 430 г. х. он уже вступил с войском в Хутталян и Вахш и грабил эти области, но, услышав, что султан Мас'уд сам собирается идти против него, ушел. Саганиана, как можно судить по одной фразе Байхаки, он на этот раз не достиг. Более того, один из сановников советовал Мас'уду борьбу с Бури-Тегинем поручить именно владельцу Саганиана. Но Мас'уд 19 раби' I 430 г. х. (19 декабря 1038 г.) сам выступил из Балха в Термез, Саганиан и затем в Шуман. Однако известия о действиях Сельджуков заставили его поспешно и бесславно вернуться, а Бури-Тегин ограбил часть его обоза. Из дальнейшего выясняется, что пока Мас'уд был занят другими делами, Бури-Тегин захватил Саганиан. Захват этот облегчила смерть бездетного владельца Саганиана. Эмир Мас'уд благосклонно отнесся к письму Бури-Тегина, рассчитывая на то, что его вражда с мавераннахрскими Караханидами (сыновьями 'Али-Тегина) отвлечет тех и других от газневидских границ, так как сам Мас'уд вынужден был все силы сосредоточить против Сельджуков¹⁰. Таким образом, появление в 430—431 гг. х. саганианских монет, чеканенных от имени Бури-Тегина, вполне понятно и закономерно.

⁹ Уже отмечалось, что 421 г. х. для монет этой группы — результат использования очень старого штампа л. ст. при новом штампе об. ст.

¹⁰ Байхаки, стр. 498—502, 504.

На этих монетах есть еще титул *ملك المويد* и лакаб *فخر الدولة*. Относительно этого лакаба на кешских монетах Бури-Тегина О. Прицак заключил, что он принадлежит не самому Бури-Тегину, а (так как расположен на первом месте) какому-то его сюзерену. Другим вассалом этого же лица О. Прицак считает Ахмада б. Мухаммада на саганианской монете 431 г. х. Аргументация не кажется убедительной.

Во-первых, саганианская монета Ахмада б. Мухаммада даты не имеет. Х. М. Френ и Б. Дорн, на которых ссылается О. Прицак, отсутствию даты оговорили¹¹. Х. М. Френ поместил описание этой монеты между более ранними экземплярами, а Б. Дорн под 431 г. х. О. Прицак принял дату 431 г. х. уже как безусловную и заключил, что в Саганиане в 431 г. х. монеты чеканил племянник Бури-Тегина¹². Если эта монета действительно чеканена в Саганиане, то в другом году, так как и Байхаки и монеты Ширабадского клада согласно свидетельствуют о том, что область принадлежала в эти годы самому Бури-Тегину.

Во-вторых, расположение лакаба на первом месте еще не дает основания относить лакаб и титул к разным лицам. Во многих достоверных случаях, когда лакаб и титул принадлежат одному лицу, их взаиморасположение именно таково.

В-третьих, наличие этого лакаба на монетах двух разных лиц (Бури-Тегина и Ахмада б. Мухаммада) не исключает предположения, что это собственный лакаб каждого. Разные лица (особенно в разное время) могли присваивать один и тот же лакаб. Лакаб «Фахр ад-Даула», например, в 40-х годах хиджры носил некий Бахрам, что О. Прицак и отмечает по опубликованным монетам 441 г. х. и 444 г. х. Узгенда и Кеша¹³. Нам известны неопубликованные монеты Фахр ад-Даула Бахрама, чеканенные в Узгенде 445 г. х., в Маргинане 444 г. х. и в Кубе 444—445 гг. х. Его имя и лакаб проставлены на л. ст. вместе с датой, следовательно, в 441—445 гг. х. он владел рядом городов Ферганы (чекан Кеша очень сомнителен). В качестве его сюзерена выступает тогдашний верховный глава западных Караханидов — Мухаммад б. Наср (брат Бури-Тегина).

Итак, если в 441—445 гг. х. лакаб «Фахр ад-Даула» мог носить владетель нескольких городов Ферганы, то с равным основанием можно признать, что в 430—431 гг. х. этот лакаб мог носить владетель нескольких городов Мавераннахра (Саганиана, Кеша). А на третьем отрезке времени этот же лакаб носил Ахмад б. Мухаммад.

На саганианских монетах последующего времени появляются другие титулы. Принадлежали ли они самому Ибрахиму б. Насру или другим лицам? Вопрос о принадлежности монетной титулатуры — самый сложный и трудный в караханидской нумизматике.

На монетах типов 12—16 на об. ст. проставлен титул «Тафгач-хан» или «Тафгач-Богра-хан» то самостоятельно (типы 12—13), то с именем «Ибрахим б. Наср» в следующей строке (типы 15—16); на монетах типа 14 титул «Тафгач-хан» — на об. ст., а имя «Ибрахим» — на л. ст. Даты на монетах — 431, 432, 433 гг. х. Аналогичный титул

¹¹ Ch. M. Fraehn, *Recensio...*, p. 138, № 64; B. Dorn, *Über die Münzen...*, S. 730—731, № 100.

¹² O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, — «Oriens», vol. 3, № 2, Leiden, 1950, S. 226.

¹³ O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 225. Чтение «Фахр ад-Даула ибн Бахрам» с «ибн» (вслед за А. Тевхидом) не кажется нам правильным. А. К. Марков читает без «ибн». На монетах этого типа «ибн» мы тоже не видели.

употреблялся на монетах этих лет, чеканенных в других городах также с именем Ибрахима б. Насра (например, Согд 432 г. х., Бухара 433 и 435 гг. х.). Еще Б. Дорн задал вопрос: одно ли это лицо или разные? ¹⁴. В. В. Бартольд, по существу, склонился к тому, что это разные лица. Опираясь на бухарские монеты 433 г. х., он заключил, что Ибрахим б. Наср «владел Бухарой еще в 433/1041-42 г., может быть, в качестве вассала Богра-хана» и что «Тафгач» в качестве собственного титула Ибрахима б. Насра впервые зафиксирован на монете 438/1046-47 г., а до того принадлежал именно этому Богра-хану ¹⁵. «Богра-хан» — это Мухаммад б. Йусуф, владетель Тараза и Исфиджаба. Этот титул и удел он получил в 423 или 424 гг. х. после смерти отца, Йусуфа Кадыр-хана. А его брат Сулейман б. Йусуф с титулом «Арслан-хан» был признан главой государства.

Вассалом этих Богра-хана и Арслан-хана В. В. Бартольд признал и 'Али-Тегина (владельца Мавераннахра). Рассматривая политические последствия весеннего похода 423/1032 г. Мас'уда газневидского против 'Али-Тегина, он заключил: «Поход Мас'уда, вероятно, заставил 'Али-Тегина теснее сблизиться со своими родственниками и признать над собой их главенство, в Бухаре и Самарканде стали чеканиться монеты с именами Арслан-хана и Богра-хана» ¹⁶. В специальной статье «Богра-хан» (в Энциклопедии Ислама) В. В. Бартольд высказался еще определеннее и уже в общей форме. Доведя изложение событий до 428—430 гг. х., он заключил: «В эти годы монеты с именем Богра-хана чеканились в самом Мавераннахре, что позволяет прийти к заключению, что его власть признавалась и там» ¹⁷. Из контекста видно, что здесь речь идет уже не только о бухарской монете 433 г. х., но о всех мавераннахрских монетах 20—30-х годов хиджры с титулом «Богра-хан».

Можно понять, как родились эти выводы. Согласно письменным источникам, Мавераннахром в эти годы владели сначала 'Али-Тегин (до 426 г. х.), затем его сыновья, а потом Бури-Тегин (Ибрахим б. Наср); ни одно из этих лиц не названо «Богра-ханом»; зато прямо оговорено, что с 423 или 424 гг. х. этот титул получил владетель Тараза и Исфиджаба, сын умершего в этом году Кадыр-хана (а Кадыр-хан считался главой Караханидов). С другой стороны, на некоторых мавераннахрских монетах 424—433 гг. х. наряду с разными именами имеется титул «Богра-хан» (и время появления его на монетах совпадает со временем получения этого титула Мухаммадом б. Йусуфом). В. В. Бартольд соединяет «Богра-хана» монет и письменных источников. Но на этих же монетах в состав титула входит и «Тафгач». Поэтому Богра-хану Мухаммаду б. Йусуфу был отдан и этот титул. Однако письменные источники «Тафгач-ханом» называли Ибрахима б. Насра, да и на более поздних монетах Ибрахима б. Насра (с 438 г. х.) слово «Тафгач» включено в состав такой титулатуры, которую никак уже нельзя было приписать другому лицу. Так родился вывод, будто до 438 г. х. титул «Тафгач» носил Мухаммад б. Йусуф, а в 438 г. х. — Ибрахим б. Наср. При этом оставлены без внимания следующие факты и соображения.

1. Согласно тем же письменным источникам, главой Караханидов после смерти Кадыр-хана стал не Мухаммад б. Йусуф с титулом «Богра-хан», а другой сын Кадыр-хана, Сулейман б. Йусуф с титулом

¹⁴ B. Dorn, *Über die Münzen...*, S. 731.

¹⁵ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, Соч., т. I, стр. 367.

¹⁶ Там же, стр. 358.

¹⁷ В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 507—508.

«Арслан-хан». Если уж независимым владельцам Мавераннахра понадобилось соблюсти формальное признание сюзереном другого лица, почему Ибрахим б. Наср признал не главу Караханидов Арслан-хана, а скромного владельца Тараза и Исфиджаба, и почему 'Али-Тегин сначала признал Арслан-хана, а потом Богра-хана?

2. Согласно письменным источникам, Мавераннахр после 'Али-Тегина унаследовал его сын. В. В. Бартольд уже предполагал, что сына этого звали Йусуф и что монеты с именем Йусуфа чеканились как при жизни 'Али-Тегина, так и после его смерти¹⁸. Но он упустил самаркандские монеты 429 г. х. с надписью «Йусуф б. Тафгач», которые совершенно убедительно решают вопрос о принадлежности титула «Тафгач» 'Али-Тегину. Поскольку на монетах 424—426 гг. х. титулы «Тафгач» и «Богра» нераздельны — следовательно, в Мавераннахре оба этих титула носил именно 'Али-Тегин, а не Богра-хан Мухаммад б. Йусуф.

3. Принадлежность титула «Тафгач-Богра» мавераннахрских монет 424—426 гг. х. не Мухаммаду б. Йусуфу, а 'Али-Тегину — это прецедент, который требует большой осторожности в решении вопроса о принадлежности этого же титула на более поздних мавераннахрских монетах с именем Ибрахима б. Насра.

Таким образом, материалы, которыми располагал В. В. Бартольд, не давали основания титул «Тафгач-Богра» мавераннахрских монет отдать Мухаммаду Богра-хану, владельцу Тараза и Исфиджаба: на ранних монетах он явно принадлежал 'Али-Тегину, на поздних монетах можно было с оговорками приписать его Ибрахиму б. Насру или же оставить вопрос открытым.

Р. Фасмер, оперируя монетами 423—426 гг. х., убедительно показал, что титул «Тафгач-Богра-хан» в это время принадлежал именно 'Али-Тегину. Что касается этого же титула на бухарских монетах Ибрахима б. Насра 433 и 435 гг. х., то Р. Фасмер считал маловероятным принадлежность их Ибрахиму б. Насру (аргумент один: Ибрахим впоследствии носил титул «Тафгач», но не носил титул «Богра»), но и с В. В. Бартольдом (Тафгач-Богра-хан = Мухаммаду Богра-хану б. Кадыр-хану) не был согласен. Р. Фасмер предположил, что этот титул после 'Али-Тегина унаследовал его сын, а Ибрахим б. Наср признал этого сына 'Али-Тегина своим сюзереном¹⁹.

О. Прицак пришел к заключению, что титул «Тафгач-Богра-хан» носили сначала 'Али-Тегин, а потом сам Ибрахим б. Наср. В части 'Али-Тегина аргументация его конкретна (опирается, в частности, и на упомянутые самаркандские монеты 429 г. х.). Принадлежность же этого титула Ибрахиму б. Насру О. Прицак самостоятельно не рассматривает, этот вывод вытекает из его концепции о двух караханидских каганатах: начавшийся в 424/1032-33 г. (после смерти главы государства, Йусуфа Кадыр-хана) процесс распада Караханидского государства на две самостоятельные части с параллельной титулатурой завершился в 433/1041-42 г.; в каждом из двух имелся великий каган (Арслан-хан) и со-каган (Богра-хан); западным Богра-ханом и был Ибрахим б. Наср²⁰.

Итак, идентификация Тафгач-Богра-хана с 'Али-Тегиним сомне-

¹⁸ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, Соч., т. I, стр. 344.

¹⁹ R. Vasmer, *Zur Münzkunde der Qarūhaniden*, — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», Berlin, 1930, S. 97—98.

²⁰ O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 222, 224, 227—228; idem, *Die Karachaniden*, S. 34—39.

ний не вызывает. По вопросу же о принадлежности этого титула на ранних монетах Ибрахима б. Насра нам известны три точки зрения: Тафгач-Богра-хан — это Мухаммад Богра-хан б. Кадыр-хан (владелец Исфиджаба и Тараза); это сын 'Али-Тегина; это Ибрахим б. Наср.

Никаких данных для передачи этого титула Мухаммаду Богра-хану нет, кроме совпадения слова «Богра», ценность же этого совпадения поколеблена монетами 424—426 гг. х. (см. выше). Согласно разделу, якобы произведенному Сулейманом Арслан-ханом в 435 г. х., Мавераннахр, фактически находившийся в руках Ибрахима б. Насра, был назначен не ему и даже не Мухаммаду Богра-хану, а сыну 'Али-Тегина. Если бы у Ибрахима б. Насра были хорошие отношения с восточными Караханидами, а Мухаммада Богра-хана (родного брата Сулаймана Арслан-хана) он признавал своим сюзереном — едва ли появился бы этот претендент.

Сын 'Али-Тегина в роли носителя этого титула и сюзерена Ибрахима б. Насра еще менее приемлем. Такой вариант несовместим со свидетельствами письменных источников о характере завоевания Мавераннахра Ибрахимом б. Насром и последующих его отношений с восточными Караханидами, в лагере которых как раз и упоминается один из сыновей 'Али-Тегина. Но наиболее существенный аргумент — дата появления титула «Тафгач-Богра-хан» на монетах Ибрахима б. Насра.

О. Прицак считает, что это имело место в 433 г. х. и сыграло роль оформления уже свершившегося разделения Караханидов на два самостоятельных государства. В Ширабадском кладе этот титул есть и на более ранних монетах 431—432 гг. х. Выше было оговорено, что в Саганиане использовались и старые штампы для чекана монет. Так как этот титул и дата помещены на разных сторонах монетного кружка, нельзя исключить возможность того, что в данном случае также были использованы штампы со старыми датами, более ранними, чем дата принятия титула. Вместе с тем обращает внимание дата монеты. Тогда с титулом «Тафгач-хан» на л. ст. — это тоже 432 г. х., что заставляет со значительно большим доверием отнестись к датам и Ширабадского клада. Поэтому можно признать, что Ибрахим б. Наср титулы «Тафгач-хан» и «Тафгач-Богра-хан» принял не в 433 г. х., а в 432 г. х. или даже в 431 г. х., и не в связи с завоеванием Бухары, а сразу после первых успехов в борьбе с сыновьями 'Али-Тегина за Мавераннахр.

А успехи эти обозначились уже в самом начале 431 г. х. Донесения, получаемые Мас'удом газневидским, свидетельствовали о том, что Ибрахим б. Наср несколько раз одержал верх над сыновьями 'Али-Тегина и «уже близко (к тому), что отнимет у них область Мавераннахра»²¹. После битвы при Данденакане в 431/1040 г. Сельджуки написали письма с извещением о победе наиболее видным Караханидам, в том числе и Бури-Тегину, т. е. Ибрахиму б. Насру²². А в самом начале 432 г. х. газневидский эмир Мас'уд выдвинул такой проект: «Область Балха и Тохаристан надобно отдать Бури-Тегину, пусть он с мавераннахрским (разрядка наша. — Е. Д.) войском и свитой придет и воюет с туркменами»²³.

Итак, в 431—432 гг. х. Ибрахим б. Наср воевал против сыновей

²¹ Байхаки, стр. 526

²² В цитированном переводе Байхаки (в основе которого лежит тегеранское издание 1945 г.) Бури-Тегин пропущен (см. стр. 554).

²³ Байхаки, стр. 580.

‘Али-Тегина, к 432 г. х. он уже отнял у них значительную часть Мавераннахра и в это же самое время... признал одного из этих сыновей своим сюзереном?

Хотя концепция О. Прицака о путях и форме образования двух караханидских каганатов сама по себе неприемлема (особенно в свете новых нумизматических данных)²⁴, его вывод о принадлежности титула «Тафгач-Богра-хан» именно Ибрахиму б. Насру следует признать единственно верным.

Монеты Ширабадского клада позволяют удовлетворительно решить спорный вопрос, не раз привлекавший внимание исследователей и даже ставший предметом двух специальных экскурсов. Это вопрос о взаимоотношениях и титулатуре двух братьев: Мухаммада б. Насра и уже известного нам Ибрахима б. Насра. Кому из них и на каких отрезках времени принадлежал лакаб их отца (Насра б. ‘Али, завоевателя Мавераннахра) الموييد العدل?

О. Прицак заключил, что лакаб этот присвоил Мухаммад б. Наср (известный по письменным источникам и некоторым монетам как ‘Айн ал-Даула), что он носил его до самой смерти (до 40-х годов хиджры), что узгендские монеты 424—425 гг. х. с этим лакабом принадлежат его собственному чекану (так как Байхаки упоминает его в Уздженде в 429 г. х.), а на бухарских монетах 433 г. х. и 435 г. х. он выступает с этим лакабом в качестве сюзерена Ибрахима б. Насра (владельца Бухары), и что, наконец, лишь после смерти Мухаммада б. Насра лакаб этот в 40-х годах хиджры получил его брат Ибрахим б. Наср²⁵.

Б. А. Литвинский рассмотрел этот вопрос на более широком историческом фоне и с привлечением дополнительных нумизматических материалов из каталогов.

В части принадлежности монет 424—425 гг. х. Б. А. Литвинский согласился с выводом О. Прицака, убедительно подкрепив его новыми фактами и соображениями.

Что же касается лакаба «ал-Му’аййид ал-‘адл» на монетах 30-х годов хиджры, то Б. А. Литвинский в противоположность О. Прицаку полагает, что он в эти годы принадлежит уже Ибрахиму б. Насру; на монетах с 431 г. х. этот лакаб встречается вместе с именем или титулами именно Ибрахима, а не Мухаммада; Мавераннахр тоже принадлежал ему, а не его брату²⁶. В этой аргументации, однако, есть один изъян: теоретически владелец Мавераннахра мог в качестве сюзерена упомянуть на своих монетах другое лицо.

На всех монетах, которыми оперируют О. Прицак и Б. А. Литвинский, лакаб الموييد العدل расположен то изолированно на л. ст., то вместе с именем или титулами Ибрахима на об. ст. Такое расположение само по себе не позволяет решить вопрос, подразумевается ли здесь одно лицо или два. Здесь нужны дополнительные факты, и их дают монеты Ширабадского клада.

Лакаб الموييد العدل отмечен на саганианских монетах типов 14, 17—20 (табл. 2). Надписи об. ст. не отвечают на поставленный вопрос. Но зато надписи л. ст. типов 14 и 20 разрешают все недоумения.

²⁴ Е. А. Давидович, *О двух караханидских каганатах*, — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, стр. 67—76.

²⁵ О. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 224—227.

²⁶ Б. А. Литвинский, *Северная надпись в Варухском ущелье*, — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 115—129.

Здесь, выше и ниже символа веры, двустрочная легенда мелкими буквами *المؤيد العدل ابراهيم*. Эта надпись не оставляет сомнений в принадлежности лакаба именно Ибрахиму. Здесь же, на л. ст. даты: 432 г. х., 43... г. х. Так как дата и надпись в данном случае расположены на одной стороне — ясно, что в 432 г. х. Ибрахим б. Наср уже принял этот лакаб. Кешские монеты 431 г. х. и саганианские монеты 421 г. х. и 430 г. х. — менее достоверный источник для датировки, так как здесь даты — на л. ст., а лакаб — на об. ст. В этих случаях, как уже отмечалось, возможны анахронизмы (421 г. х. — явный анахронизм).

Лакаб «ал-Му'аййид ал-'адл» первым включил в свою титулатуру илек Наср, завоеватель Мавераннахра и отец Ибрахима. Приступив к завоеванию Мавераннахра, Ибрахим мог сразу присвоить себе этот лакаб как символ преемственности прав на Мавераннахр. Саганиан, вероятно, был первым монетным двором, который оформил этот «политический манифест» титулатурой на монетах.

Любопытно, что на саганианских монетах 430—434 гг. х. на об. ст. лакаб *المؤيد العدل* и титул *طغاج بغرا خان* вместе не отмечены. Если в монетные надписи они были включены не одновременно — можно думать, что лакаб «ал-Му'аййид ал-'адл» появился раньше (как символ притязаний на Мавераннахр), а «Тафгач-Богра-хан» позже (как символ прочных побед над семьей 'Али-Тегина, когда-то носившего этот титул).

Нельзя не отметить, что два лакаба Ибрахим б. Насра — «Фахр ад-Даула» и «ал-Му'аййид ал-'адл» вместе на саганианских монетах тоже не зафиксированы. Они могли сменить друг друга и сосуществовать на каком-то отрезке времени.

Итак, если монеты Ширабадского клада не позволяют абсолютно датировать появление каждого нового титула и лакаба Ибрахима б. Насра, то они все же уточняют некоторые даты и намечают последовательность сложения его титулатуры. Саганианский чекан показывает, что ранними его титулами были «Бури-Тегин» и «Малик ал-Му'аййад», а ранним лакабом «Фахр ад-Даула». Затем он принимает (не позже 432 г. х.) лакаб своего отца «Му'аййид ал-'адл», а вскоре (до 433 г. х.) и титул «Тафгач — Богра-хан».

На монетах типов 21—23 — еще один титул *خاقان الاجل* и *خان الاجل*. Не вызывает сомнения, что эти монеты того же Ибрахима б. Насра, хотя этот титул использовали и другие государи. Зафиксировано, что в его монетном чекане этот титул употреблялся. Особенно убедительное доказательство дают те монеты, на которых этот титул вместе с собственным именем размещен в круговой легенде об. ст. (например, Согд, 432 г. х.)²⁷.

На саганианских монетах Ибрахима б. Насра кроме его собственного имени и титулатуры имеется еще одно имя — 'Али (типы 8, 10, 16, 22). Местоположение (л. ст.) и отсутствие титулов свидетельствуют о том, что этот 'Али — вассальный правитель или наместник Ибрахима б. Насра в Саганиане. Выполнял он свои функции при Ибрахиме б. Насре в 430—433 гг. х. (монетные даты в данном случае оговорок не требуют, так как и имя «'Али» и даты — на одной стороне монетного кружка)²⁸.

²⁷ Ch. M. Fraehn, *Recensio...*, p. 139, № 66; B. Dorn, *Über die Münzen...*, S. 731, № 103.

²⁸ Четвертая группа монет нашего клада — это типы 25—26. Они чеканены от имени газневидского государя Маудуда в 434 г. х., однако наименование монетного двора стерто.

Для понимания места, которое занимал Саганиан между двумя сильными и часто враждующими государствами — Караханидским и Газневидским, имеет значение монетная политика владетелей Саганиана как отражение действительного направления экономических интересов. Ни общим своим обликом, ни размерами, ни пробой саганианские монеты 417—434 гг. х. не похожи на газневидские. Саганианские дирхемы довольно крупные и тонкие кружки, газневидские же дирхемы этого времени много меньше и толще. Но особенно существенна проба. Химический количественный анализ 20 саганианских монет показал, что они изготовлены из искусственного сплава серебра и меди²⁹. Количество серебра в разнотипных монетах 417—426 гг. х. колеблется в пределах 20—30%. Более стабильны в этом отношении монеты типа 3 (21—25%) и типа 7 (20—24%). Однако все они чеканены, очевидно, по одной указной пробе, только с разным ремедиумом (т. е. разными размерами допускаемых колебаний пробы)³⁰. В 30-е годы хиджры указная проба серебра в монетах (см. тип 17) явно была еще несколько снижена.

Таблица 3

Тип	Дата	% серебра	Тип	Дата	% серебра
3	417	23,01	6	424	26,48
3	417	24,60	6	424	20,64
3	41..	20,90	6	424	28,01
4	418	24,67	7	425	20,70
4	418	21,24	7	425	19,76
4	419	27,33	7	425	21,63
4	419	21,70	7	426	22,78
4	420	27,79	7	426	24,42
4	420	29,51	17	433	15,31
4	420	27,66	17	433	18,56

Проба газневидских монет этого же самого времени — совершенно другая: в монетах Махмуда и Мас'уда 419—426 гг. х. 71—76% серебра³¹.

К сожалению, нам неизвестна проба монет, чеканенных в эти годы на основной территории Караханидского государства. Но темпы порчи караханидских монет (например, в монетах Ходжента 404—405 гг. х. 60—64% серебра) подсказывают, что саганианские монеты, видимо, более близки караханидским. Не исключено, однако, что саганианские владетели определяли и изменяли пробу своих монет самостоятельно. Одно несомненно: саганианские владетели в этом плане были совершенно

²⁹ Количество свинца иногда (8 экз.) совершенно незначительно, в двух случаях достигает 13 и 21%, обычно же колеблется вокруг 3—4%. Свинец не является самостоятельной искусственной примесью.

³⁰ Колебания реального количества чистого серебра в монетах вокруг указной пробы объясняются не только ремедиумом, но и целым рядом других объективных причин, которые необходимо учитывать при определении указной пробы по данным химического анализа, — см. Е. А. Давидович, *История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв.*, Душанбе, 1964, стр. 102—118.

³¹ Е. А. Давидович, *Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.*, — «Нумизматика и эпиграфика», II, М., 1960, стр. 104.

независимы от Газневидского государства. Интересно сравнение с Хутталем. На монетах Хутталя не только имя газневидского государя. Они и по всем остальным признакам (тип, вес, размер, проба) — настоящие газневидские монеты.

В ы в о д ы

1. В письменных источниках Саганиан и Хутталь второй четверти XI в. упоминаются как области, относящиеся к Газневидскому государству, зависимые от него и защищаемые им от караханидской опасности. Политическое положение этих двух крупнейших приамударьинских областей в свете данных письменных источников выглядит одинаковым. Монеты рисуют совершенно другую картину. Хутталь, по монетным данным, действительно входил в состав Газневидского государства; на местных дирхемах — имя газневидского эмира, они чеканены по стандартам (проба, вес, размеры) газневидских монет, их облик не отличается от облика газневидских дирхемов. Иначе говоря, это газневидские монеты, выпущенные на монетном дворе Хутталя также, как и на прочих монетных дворах этого государства. Саганиан, по монетным данным, наоборот, в состав Газневидского государства во второй четверти XI в. не входил: на монетах Саганиана нет имен газневидских эмиров, они чеканены по стандартам, ничего общего не имеющим со стандартами газневидских дирхемов, и облик у них другой. Следовательно, политическое положение Хутталя и Саганиана было различным. Нет оснований сомневаться в свидетельстве письменных источников о добрых отношениях между газневидскими эмирами и владельцами Саганиана. Но эти отношения строились на основе союзничества, а не подчинения, ибо Саганиан политически был совершенно независим от Газневидов.

2. Монеты клада дают совершенно убедительный материал, позволяющий проследить изменения в политическом положении Саганиана и характер отношений саганианских владельцев с Караханидами. Период времени с 417/1026-27 г. по 434/1042-43 г. в этом отношении четко делится на три этапа. На первом этапе (монеты 417 г. х.) Саганиан можно считать входящим в состав Караханидского государства. На втором этапе (418—430 гг. х.) Саганиан выступает как совершенно суверенное владение. Сначала (418—424 гг. х.) саганианский владелец чеканит нейтральные, как бы «анонимные» дирхемы: на них лишь почетное упоминание халифа; затем (424—428 гг. х.) он чеканит монеты от своего имени, которое проставлено непосредственно после имени халифа. На третьем этапе (430—434 гг. х.) Саганиан вновь и прочно — караханидское владение: его завоевывает Караханид Ибрахим б. Наср; отныне монеты чеканятся от его имени.

3. Байхаки под 426 г. х. упоминает одного наследственного владельца Саганиана — Абу-л-Касима. Монеты Ширабадского клада дополняют Байхаки: Абу-л-Касим получил Саганиан не позже 424/1032-33 г. и правил до 430/1038 г. Монеты открывают нам имя одного из его предшественников в Саганиане — это Наср. Абу-л-Касим и Наср носили одинаковый титул *الملک العادل*, что подтверждает свидетельство Байхаки о наследственном характере власти в этом владении. Мы не знаем, принадлежал ли к саганианской династии 'Али: он правил областью уже от имени Караханида Ибрахима б. Насра, когда тот оставил Саганиан ради новых завоеваний.

4. Хорошо известно и многократно отмечалось в литературе, сколь темна и запутанна политическая история Караханидов, сколь скудны и противоречивы свидетельства письменных источников и сколь значительным и решающим должен быть вклад нумизматики в изучение политической истории XI—XII вв. Ширабадский клад позволяет рассмотреть ряд частных вопросов истории Караханидов. Он дает небывало полный материал для характеристики начального этапа активной деятельности впоследствии знаменитого Ибрахима б. Насра, намечает последовательность «обогащения» его титулатуры, разрешает спорный вопрос о принадлежности лакаба «Му'аййид ал'адл» на монетах 30-х годов хиджры и т. д.

Л. В. Дмитриева

ОБЗОР РУКОПИСЕЙ ТЮРКСКИХ ТЕМАТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Большую часть тюркоязычных рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР составляют списки одного и, чаще, нескольких сочинений, объединенных в один том совершенно случайно. В сравнительно небольшом количестве имеются рукописи специально подобранных составителями или переписчиками тематических сборников. Такого рода сборники немногочисленны и в других известных хранилищах тюркских рукописей. Они довольно редко описываются или отмечаются в печатных каталогах, хотя общеизвестно, что тематические сборники часто содержат ценный материал и по своему значению нисколько не уступают спискам отдельных сочинений.

Только самое тщательное изучение каждого сборника даст полное представление о нем. В данной статье в плане предварительного ознакомления специалистов с рукописными богатствами Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР приводится общий обзор хранящихся здесь рукописей тюркских тематических сборников. Эти сборники почти совсем не упоминаются в печатных каталогах рукописей других хранилищ, хотя отдельные произведения, входящие в их состав, имеются в целом ряде рукописных собраний мира. Поэтому описываемые сборники, взятые целиком как рукописные памятники, следует считать очень редкими или даже уникальными. Единичные из этих рукописей были кратко описаны, некоторые — упомянуты в печатных списках рукописей бывшего Азиатского музея (ныне Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР). Обзор построен по тематическому принципу: сборники официальных законодательств и уложений, договоров и ферманов о них, официальных бумаг и писем, образцов писем и деловых бумаг, записные тетради должностных лиц, литературные сборники, сборники житий, коранических сур с пояснениями к ним, сборники гаданий и заклинаний.

1. Законодательства и уложения представлены тремя сборниками на турецком языке. Первый (С 804)¹ содержит собрание законов о должностных лицах Турции XVII в., составлен в 1087/1676 г. 'Абдурахманом ал-Тевфи'и, или Тавфики, по поручению верховного везира султана Мехмеда IV (1648—1687) — Мустафа-паши. Второй сборник (С 700) включает копии переводов на турецкий язык русских законов о торговле и таможенных тарифах за 1817—1818 гг.

Третий сборник (В 1171²; в рукописях В 1922, С 1862) имеет

¹ Оп. рук.: W. D. Smirnow, *Manuscripts Turks*. Collections scientifiques de l'Institut des Langues Etrangères, VIII, SPb., 1897, p. 6, № 4 (далее — Coll. sc., VIII).

² Оп. рук.: *ibid.*, 4, № 3.

особое заглавие — *Маджма'-и каванин-и султани ва ахкам-и шар'и* («Собрание султанских законов и шариатских постановлений»), содержит законы и ферманы султана Сулеймана I (1520—1566): законы об армии, о связях с другими государствами; о правах на землю, налогах, религиозные фетвы и законы о соблюдении верующими норм и предписаний ислама; законодательства Сулеймана I, отредактированные и вступившие в силу после него. Это очень интересный и популярный сборник — списки его имеются в Вене³, Берлине⁴, Лондоне⁵, Париже⁶, в Турции⁷ и в других хранилищах.

II. Договоры и ферманы о них представлены лишь одним сборником (А 940), который содержит копии двух ферманов о договорах между Россией и Турцией от 5 ноября 1720 г. и 12 июня 1724 г. с текстами этих договоров и пояснениями к ним. В пояснении к первому договору говорится о русско-турецких отношениях со времени Прутского похода и о русско-турецких договорах 1711 и 1713 гг. В пояснении ко второму договору сообщается о персидских делах и о переговорах России и Турции при посредничестве Франции перед заключением договора 1724 г. В тексте, между строк, часто встречаются переводы турецких слов на русский и итальянский языки. В связи с этим следует отметить, что в пункте 13 договора 1720 г. сказано, что оригиналы этого договора на русском и турецком языках должны быть представлены вместе с итальянским переводом. В. В. Бартольд определил эту рукопись «как один из немногих памятников русского востоковедения XVIII века»⁸.

III. Официальные бумаги и письма заключены в четырех сборниках на турецком языке, содержащих копии: документов и ферманов за 1141—1148/1731—1736 гг. (В 2457); документов, касающихся истории дипломатических отношений между Турцией, Францией и Польшей в 1767—1769 гг. (В 597); писем и документов, связанных с именем французского дипломата в Турции де-Бонака (XVIII в.; D 224). Очень интересен сборник копий документов бывшего Архива Главного управления наместника Кавказского (D 59), собранных А. П. Берже. На л. 1а сборника имеется его пояснение: «Документы эти собраны мною при разборе дел Архива Главного управления наместника Кавказского. Они не включены в издаваемые под моей редакцией Акты, хотя заключающиеся в них сведения весьма важны для новейшей истории восточного Кавказа. Тифлис, 21/VIII—1869 г.».

IV. Образцы писем и деловых бумаг представлены двенадцатью сборниками на турецком языке и четырьмя сборниками — на узбекском. Турецкие сборники (А 211, В 2401, В 1179⁹, В 1180,

³ G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien*, Bd III, Wien, 1867, S. 250, № 1816.

⁴ W. Pertsch, *Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin*, Bd VI. *Verzeichniss der türkischen Handschriften*, Berlin, 1889, S. 286, № 261.

⁵ Ch. Rieu, *Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum*, London, 1888, p. 274b.

⁶ E. Blochet, *Catalogue des manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale de Paris*, t. II, Paris, 1933, p. 230, № 1311.

⁷ İstanbul kütüphaneleri tarih-coğrafya yazmaları katalogları. Maarif Vekilliği Kütüphaneler Müdürlüğü Tasnif Komisyonunca hazırlanmıştır, I. Türkçe tarih yazmaları, İstanbul, 1945, s. 795, № 510.

⁸ В. В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, — «Известия Российской Академии наук», XIII, 1919, стр. 926, № 9.

⁹ Оп. рук.: Coll. sc., VIII, 76, № 42.

С 566, С 334¹⁰, В 588¹¹, В 589¹², В 590¹³, А 717, D 219) преимущественно XVIII в., узбекские сборники (В 595¹⁴, В 593, В 594, D 365) — XVIII—XIX вв. Кроме перечисленных турецких сборников следует отметить еще один — наиболее ранний и интересный по содержанию (В 1203)¹⁵. Он составлен в 1064—1076/1653—1666 гг. и включает в качестве образцов писем копии писем султана Баязида II (1481—1512), шаха Исмаила (1499—1523), поэтов и писателей — Вейси, Себзи-эфенди, Фейзи. Здесь же небольшой трактат о крымском хане Тохтамыш Гирее (1016/1608), стихи.

V. Записные тетради должностных лиц представлены двумя сборниками на турецком языке и шестью сборниками на узбекском. Турецкие сборники составлены в XVIII в. и представляют собой: приходо-расходную тетрадь казначея (D 118) и записную тетрадь кази аскера (D 760). Узбекские сборники (XIX в.) содержат: записи казначеев о расходах на содержание солдат (А 399, С 699¹⁶) и других ассигнованиях (А 424¹⁷, В 422¹⁸), записи диванбеги о сборе хараджа (А 423¹⁹) и других расходах (В 1023).

VI. Литературные сборники разнообразны по содержанию, различны по языкам и представлены сравнительно большим количеством рукописей. По содержанию их можно разделить на следующие группы: а) песни, сказки, рассказы, басни, поговорки (фольклорные сборники); б) авторские сборники песен; в) сказания; г) стихи; д) стихи и песни; е) стихи и образцы писем; ж) литературные сборники, составленные востоковедами или по их заказу:

а) фольклорные сборники представлены сборниками турецких (В 255, В 340), татарских (А 1060, А1318, А 1284, А 1478, В 3370, В 3443, В 4092), узбекских (С 171²⁰), казахских (В 328), уйгурских (С 172) сказок и рассказов; турецких песен — тюркю и шаркы (А 113, А 496); казахских басен, поговорок и песен, записанных известным этнографом А. А. Диваевым в конце XIX — начале XX в. (В 4313); уйгурских песен и сказок, записанных в 1909 г. Омеды, жителем Караходжи, по просьбе С. Ф. Ольденбурга (В 333²¹); тюркских сказок, текст которых передан греческими буквами (В 2347);

б) авторские сборники песен представлены сборником 82 песен казахского народного певца и сказителя Мамбета Утемисова, записанных А. А. Диваевым в 1919 г. (В 4315);

в) сказания заключены в шести сборниках. Четыре узбекских сборника содержат сказания о Мухаммеде Ханефи и Али (В 1098), Ибрахиме, Билкайсе, Адхаме, имаме Абу Ханифе, султани Джумджуме (D 194), Абу Муслиме, Хусейне, Язиде (D 437), Бахраме и Гуландам, Малике, Санаубаре, Юсуфе и Ахмеде (С 1484). В турецком сборнике

¹⁰ Уп. рук.: [J. F. Rousseau], *Catalogue d'une collection de cinq cents manuscrits orientaux*, Paris, 1817, p. 29, № 241 (далее — Catalogue).

¹¹ Ibid., № 242.

¹² Ibid., № 243.

¹³ Ibid., № 244.

¹⁴ Уп. рук.: «Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg», X, p. 276, № 40 (далее — Mél. as.).

¹⁵ Уп. рук.: Coll. sc., VIII, 73, № 38.

¹⁶ Уп. рук.: Mél. as., X, 280, № 129.

¹⁷ Ibid., № 132.

¹⁸ Ibid., № 138.

¹⁹ Ibid., № 130.

²⁰ Ibid., 281, № 19.

²¹ Уп. рук.: «Известия Академии наук», 1911, стр. 260, № 5 (далее — ИАН).

имеются сказания о пророке Ибрахиме, Мухаммеде Ханефи, Хасане и Хусейне, голубе, лани (В 1184²²). В уйгурском сборнике — сказания о Малике, Шасенем и Шагарибе, Юсуфе и Ахмеде, Хурлыга (С 177²³);

г) стихи представлены в 15 сборниках, содержащих стихи турецких и персидских поэтов преимущественно XVI—XIX вв. Среди них следует отметить наиболее ранние и интересные сборники стихов турецких и персидских поэтов: *Наза'ир ал-аш'ар* («Образцы стихов»), составлен в 986/1578-79 г. Назмй, содержит стихи 60 поэтов XV—XVI вв. (В 3072²⁴); сборник 142 поэтов, составленный не позже 973/1565-66 г. (В 306²⁵); сборник 112 поэтов, составлен в 1006/1597-98 г. (В 305²⁶). Есть сборники стихов азербайджанских (С 156²⁷, В 1208²⁸), туркменских (А 208), татарских и башкирских (В 3551), среднеазиатских — турецких поэтов (В 1013²⁹, В 249³⁰, А 499, В 2067, В 4458. D 400, А 92³¹);

д) стихи и песни содержатся в пяти сборниках: турецкие народные песни — тюркю, шаркы, мани и стихи различных поэтов (А 119³², В 1182³³, В 334); турецкие и крымско-татарские народные песни и стихи поэтов (А 120³⁴); стихи и песни татарских поэтов (В 4106);

е) стихи и образцы писем представлены одним сборником на турецком языке, составленным в 1018/1609-10 г. (В 1711³⁵);

ж) литературные сборники, составленные востоковедами или по их заказу. Здесь пять сборников: турецкий сборник, составленный в 1836 г. А. Жаба в г. Измире, содержит отрывки из поэм неизвестных авторов, с предисловием и французскими переводами стихов (А 493³⁶); азербайджанский сборник, составленный, вероятно, по заказу А. М. Шегрена в первой половине XIX в., содержит народные песни и стихи различных поэтов (В 332); три туркменских сборника, составленных для А. Н. Самойловича в Мерве в 1906—1908 гг., содержат стихи туркменских поэтов, поэму о Коушут-хане (В 332³⁷), стихи туркменских, узбекских и азербайджанских поэтов (D 21³⁸), стихи туркменских и узбекских поэтов, пословицы, сказки, письма поэта Ходжели к А. Н. Самойловичу и Н. Н. Йомудскому с биографиями и стихами поэтов (С 162³⁹).

VII. Сборники житий представлены 14 уйгурскими сборниками конца XVIII—XIX в., содержащими жития пророка, Фатимы, имамов Зейн ал-Абидина, Мухаммеда Бакира и Джафара Садыка, Заби-

²² Уп. рук.: Mél. as., VIII, 110, № 65.

²³ Уп. рук.: ИАН, 1911, 256, № 72.

²⁴ Уп. рук.: Catalogue, 48, № 447.

²⁵ Ibid., 25, № 207.

²⁶ Ibid., 25, № 206.

²⁷ Ibid., 47, № 441.

²⁸ Оп. рук.: Coll. sc., VIII, 137, № 72.

²⁹ Уп. рук.: Catalogue, 37, № 344.

³⁰ Уп. рук.: Mél. as., X, 289, № 17.

³¹ Ibid., 290, № 7.

³² Ibid., 282, № 1.

³³ Оп. рук.: Coll. sc., VIII, 138, № 73.

³⁴ Уп. рук.: Mél. as., XIII, 1300, № 42.

³⁵ Уп. рук.: Catalogue, 37, № 336.

³⁶ Оп. рук.: Coll. sc., VIII, 136, № 71.

³⁷ Оп. рук.: «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIX, стр. 014—024.

³⁸ Там же, 011—025.

³⁹ Там же, 013—025.

ха, Мухашира, Абу-л-Касима, Хиджази, Афтах, Юсуфа, Хаким-ата, Абу Насра Самани, Абу-л-Фаттах, Баха ад-Дина, Нумана ибн Сабита, Сетук Богра-хана (А 237⁴⁰, В 732⁴¹, В 733⁴², С 544⁴³, С 546⁴⁴, С 548⁴⁵, С 550⁴⁶, С 662⁴⁷, С 553⁴⁸, С 551⁴⁹, С 547, С 549⁵⁰, А 238⁵¹, С 545⁵²).

VIII. Сборники сур Корана с пояснениями к ним представлены семью турецкими сборниками XVIII — начала XIX в. (А 130⁵³, А 131⁵⁴, А 161⁵⁵, А 504, В 755, А 729, А 1011).

IX. Сборники гаданий и заклинаний представлены десятью сборниками конца XVIII — начала XIX в.: двумя турецкими сборниками (В 850, В 851⁵⁶), семью уйгурскими (С 622⁵⁷, С 626, А 269⁵⁸, А 273⁵⁹, А 275⁶⁰, А 274⁶¹, В 845⁶²), одним узбекским сборником (В 852).

⁴⁰ Уп. рук.: ИАН, 1911, 253, № 23.

⁴¹ Там же, 253, № 32.

⁴² Там же, 254, № 35.

⁴³ Там же, 252, № 21.

⁴⁴ Там же, 253, № 26.

⁴⁵ Там же, № 30.

⁴⁶ Там же, № 33.

⁴⁷ Там же, 254, № 37.

⁴⁸ Там же, № 38.

⁴⁹ Там же, № 36.

⁵⁰ Там же, 253, № 31.

⁵¹ Там же, № 25.

⁵² Там же, № 24.

⁵³ Оп. рук.: V. Rosen, *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique*. Première livraison. St.-Pbg., p. 20, № 39.

⁵⁴ Ibid., № 40.

⁵⁵ Ibid., № 41.

⁵⁶ Уп. рук.: Mél. as., X, 279, № 110.

⁵⁷ Уп. рук.: ИАН, 1911, 261, № 11.

⁵⁸ Там же, № 19.

⁵⁹ Там же, 262, № 53.

⁶⁰ Там же, 263, № 67.

⁶¹ Там же, № 66.

⁶² Там же, 262, № 43.

С. С. Какабадзе

ХРОНИКА КСАНСКИХ ЭРИСТАВОВ НАЧАЛА XV В.

В рукописном отделе Института востоковедения АН СССР хранится грузинская родовая хроника ксанских эриставов, называемая в научной литературе «Памятником эриставов»¹. Эту рукопись акад. М. Броссе получил в феврале 1849 г. от Д. К. Мегвинетхуцишвили, одного из своих корреспондентов, собиравших материалы в Грузии (запись М. Броссе). Рукопись была послана, видимо, в декабре 1848 г. Во всяком случае 28 декабря 1848 г. Д. К. Мегвинетхуцишвили писал М. Броссе: «По рапорту я представил (Вам) все: описание церквей, генеалогию грузинских князей и дворян и написанную на пергамене (рукопись о) роде эриставов» (рукопись Н 78, л. 204)².

Рукопись ПЭ вначале была вшита в какой-то пергаменный синаксарь³, откуда, видимо, и изъят ее Д. К. Мегвинетхуцишвили. Других сведений о первоначальном месте хранения ПЭ не имеется.

Рукопись, состоящая из десяти отдельных пергаменных листов размером 26×19,5—20,5 см, дефектна — недостает начала и конца⁴. Кроме того, в тексте имеется несколько лакун. Размер текста 24×16,5 строк на стр. 26—30; написан текст строчным церковным письмом нухахуцури, но первые буквы абзацев и некоторых имен собственных, а

¹ Далее — ПЭ.

² М. Броссе рукопись ПЭ переплел в один конволют (инвентарный номер Н 78, старые шифры — G49a, H47) вместе с рукописями Д. К. Мегвинетхуцишвили: «Путешествие в Хидиставском участке Горийского уезда», «Описание надписей на церквях и монастырях Горийского уезда», «Путешествия в Тифлисской губернии», «Путешествие и обозрение Имеретии», «Царствование и жизнь Ираклия Второго», «Кавказ, или поход против имама Шамиля в 1845 г.», «Воспоминание. 1858 г.». В этот же сборник М. Броссе включил рукописи Д. Цицишвили «Краткое повествование о князях и дворянах Грузии» и «Источники истории Грузии» известного историка Д. З. Бакрадзе, копии пяти грамот ксанских эриставов XIV—XVII вв., письма Д. К. Мегвинетхуцишвили, известного поэта Р. Д. Эристави и других лиц, адресованные М. Броссе, и, наконец, переводы названных работ Д. К. Мегвинетхуцишвили на французский язык, выполненные М. Броссе.

В 1964 г. рукопись ПЭ была выделена из названного сборника и получила инвентарный номер К 28.

³ См. Ф. Д. Жордания, *Хроники и другие материалы истории и словесности Грузии*, II, Тифлис, 1897, стр. 1, прим. 1 (далее — *Хроники*, II; на груз. яз.). Ф. Д. Жордания предполагал, что это был синаксарь, хранившийся в Тифлисском церковном музее (ныне в Институте рукописей АН ГрузССР, шифр А 572) (см. Ф. Д. Жордания, *Описание рукописей Тифлисского церковного музея*, II, Тифлис, 1902, стр. 92), однако размер листов ПЭ указывает, что он был вшит в другой синаксарь.

⁴ Все копии ПЭ (см. ниже) начинаются и обрываются на тех же словах, что и оригинал в нынешнем его виде. Ш. А. Месхиа отмечает, что рукопись состояла из двойных листов, сшитых в тетрадь. Однако выяснилось, что десять листов были склеены по два при переплетении в названный конволют Н78.

также буквенные обозначения чисел даны заглавным письмом асомтаврули. Как знаки препинания использованы одна, две и три точки и две точки с черточкой, расставленные произвольно. Чернила черные, но на л. 10а одно слово той же рукой написано киноварью. На полях много приписок⁵.

На л. 9б помещен цветной портрет эристава эриставов Вишела с моделью церкви в руках⁶. На специально очерченном поле в правом нижнем углу листа приписка письмом асомтаврули: «О великомученики⁷ Гиорги и Тевдоре! Исполните все добрые пожелания эристава эриставов Вишела и будьте защитниками и покровителями⁸ (его) вместе с сыном и супругой. Защи[тите]...»⁹. На этом приписка обрывается, но места для продолжения нет.

Ф. Д. Жордания издал ПЭ по копии 1830 г., переписанной с другой копии 1828 г.¹⁰, а Ш. А. Месхиа издал оригинал с разночтениями по всем копиям¹¹. Кроме того, французский перевод с подлинника выполнил М. Броссе, а русский — М. Г. Джанашвили (с издания Ф. Д. Жордания)¹².

Следует отметить, что до нас дошло мало собственно исторических хроник отдельных провинций Грузии. Известно описание двух битв с персами с изложением общего положения в Сабаратиано (во владениях феодального рода тавадов Бараташвили) во второй половине XV в., составленное одним из членов этого рода. Кроме того, сохранилась хроника месхских атабагов, записанная на листах псалтыри. Хроника касается событий второй половины XVI в.¹³.

⁵ Приписки составлены различными почерками и группируются по почерку (группы мы обозначаем буквами). Среди них особенно важны приписки заглавным письмом асомтаврули и гражданским мхедрули (а), по палеографическим признакам они относятся к концу XVII — началу XVIII в.; в этих приписках указаны даты отдельных событий. Ввиду того что приписки хронологического характера внесены также во все те списки грузинской летописи «Картлис цховреба», в которых использован текст ПЭ, можно предположить, что они принадлежат членам комиссии Вахтанга VI, составившим в начале XVIII в. летопись, где были описаны события с XIV в. Возможно, им же принадлежат приписки письмом мхедрули (б, в), по палеографическим признакам также этого времени. Кроме того, на л. 7б имеется приписка письмом мхедрули (г), которая по палеографическим признакам относится к XV в. Приписки письмом хуцური незначительны по содержанию.

⁶ Описание портрета см. Ш. А. Месхиа, *Памятник эриставов*, — «Материалы для истории Грузии и Кавказа» (далее — МИГК), вып. 30, Тбилиси, 1954, стр. 313—315.

⁷ *საგებთა: მწვეთა მთავრებთა* : букв. 'великие главы мучеников'.

⁸ В оригинале ед. ч.

⁹ Написаны лишь три буквы последнего слова *გაჲ*, что можно читать и как «сестра», и как «сестру».

¹⁰ См. *Хроники*, II, стр. 1—19. Эти копии не сохранились, но в Институте рукописей АН ГрузССР хранится еще одна копия 1828 г. (Н 2496). Кроме того, часть ПЭ занесена в четыре списка XVIII в. грузинского сборника летописей «Картлис цховреба» — три из них хранятся в Институте рукописей АН ГрузССР (Н 988, S 354, S 25) и один — в сел. Схвители в доме-музее А. Церетели.

¹¹ МИГК, вып. 30, стр. 305—374. С этого издания текст перепечатан в публикации: «Памятники грузинского права», II, «Светские законодательные памятники». Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил проф. И. С. Долидзе, Тбилиси, 1965, стр. 102—117 (на груз. яз.).

¹² См. М. Brosset, *Additions et éclaircissement à l'histoire de la Géorgie*, SPb, 1851, pp. 372—385; «История Осетии в документах и материалах». Составители Г. Д. Тогошвили и И. Н. Цховребов, I, Цхинвали, 1962, стр. 85—100 (перевод исправлен по изданию Ш. А. Месхиа).

¹³ Три исторические хроники, изданные Е. Такайшвили, Тифлис, 1890, стр. 81—115 (на груз. яз.); «Материалы по истории Южной Грузии (XV—XVI вв.)». Публикации текстов, исследования и указатели Х. Г. Шарашидзе, Тбилиси, 1961, стр. 36—56.

Есть некоторые сведения еще о двух таких хрониках: летописец монгольского периода при описании событий 60-х годов XIII в. упоминает «книгу Багуаша и потомков его», т. е. хронику этого рода¹⁴. Наконец, одна рукопись летописи «Картлис цховреба», 1736 г., содержит некоторые сведения, отсутствующие в других списках, об отдельных представителях рода тавадов Мачабели, что дает основание предполагать существование хроники тавадов Мачабели, охватывавшей события во всяком случае с начала XIII по начало XVI в.¹⁵

«Памятник эриставов» содержит сведения об эпохе, крайне слабо освещенной в летописях, и представляет единственный источник для изучения отношений Восточной Грузии с горскими племенами, главным образом с двалами. Кроме того, хроника включает важные данные для изучения социально-экономических отношений, особенно в горной части Картли.

«Памятник эриставов» явно делится на две части. Первая часть (лл. 1—2) повествует о смутах в Двалети, предшествовавших установлению правления эриставов, об усилении власти ксанских эриставов Квенипневели-Ларгвели¹⁶ при эриставах Ростоме и Ларгвели и их отношениях с Картли, о строительстве в Ларгвисе и Двалети. Все это происходило при царях Иствиниане и Давиде Багратониане.

После этого «умерло царей 26 и эриставов 24 и лет (прошло) немало» (л. 26). Последующее описание касается событий начиная с конца XIII в. Особое внимание уделено сводному описанию походов Тимура в Грузию.

«Памятник эриставов» составлен для какого-то лица и, быть может, по его заказу, так как на л. 7а сказано: «О делах же эристава Иоане как (мне) поведать (тебе)»¹⁷. Отсюда как будто следует, что адресату мало что известно об эриставе Иоане. Между тем его сын Виршел в своей юности, еще при жизни отца, предводительствовал войском при походе в ущелье Тле (Тлисис-хеви; л. 7а), и, следовательно, вряд ли было основание для подобного выражения, если бы оно адресовалось Виршелу. Видимо, ПЭ вообще не был написан специально для членов семьи или рода эриставов¹⁸.

«Памятник эриставов» составлен в Ларгвисском монастыре¹⁹, несколько раз упоминаемом как «этот монастырь» (лл. 56, 7а и др.). Кроме того, в одном месте (л. 56) сказано, что Виршел «пожертвовал этой (т. е. Ларгвисской) церкви превосходный этот синаксарь». Не

(на груз. яз.); русский перевод хроники месхских атабагов, см. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1900, вып. XXVIII, отд. I, стр. 185—214.

¹⁴ См. *Картлис цховреба* (История Грузии), грузинский текст подготовил и издал по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили, II, Тбилиси, 1959, стр. 268. (далее — КЦ).

¹⁵ См. там же, стр. 025—026 (вступительная статья проф. С. Г. Каухчишвили).

¹⁶ То есть квенипневцев-ларгвисцев. Оба термина образованы от названий географических пунктов, неоднократно упоминаемых и в ПЭ. Однако они являлись также именами собственными.

¹⁷ *გაუგუშა* — 1-е л. ед. ч. с показателем объекта 2-го лица.

¹⁸ Отметим, что, по мнению Д. В. Гвритишвили, ПЭ возник в результате желания ксанских эриставов написать историю своего рода (Д. В. Гвритишвили, *Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии* (Сатавадо-сенъории), Тбилиси, 1961, стр. 39).

¹⁹ Это заметил еще М. Броссе (*Additions et éclaircissements...*, р. 376), а также Ф. Д. Жордания (*Хроники*, II, стр. 7, прим. 25) и И. А. Джавахишвили (см. *Древнегрузинская историческая литература*, Тбилиси, 1945, стр. 264; на груз. яз.).

означает ли это, что ПЭ первоначально был вписан именно в этот синаксарь? А поскольку наша рукопись, очевидно, является белой рукописью-автографом²⁰, нам кажется, что хроника с самого же начала не предназначалась для пользования вне Ларгвисского монастыря.

Время составления и автор ПЭ определяются некоторыми косвенными данными²¹.

Как было отмечено, в ПЭ описаны походы Тимура в Грузию и, в частности, его поход в Арагвское ущелье в 1400 г. и в Западную Грузию, когда им был взят Кутаиси (см. ПЭ, л. 86). Этот поход окончился в декабре 1403 г. В конце сообщается о походах грузин из Ксанского ущелья против двалов после возвращения царя Гиорги из Имерети в Картли, что имело место в 1404 г. Исходя из общего характера повествования здесь описаны события того же 1404 или, скорее, следующего 1405 г. На этом ПЭ обрывается.

Вместе с тем ПЭ составлен, как видно из приписки к портрету эристава Вишела, при его жизни. Вишел же родился, вероятно, в 70-х годах XIV в.²², а на портрете он изображен в возрасте 30—35 лет. Наконец, портрет выполнен, очевидно, во время составления хроники. По всем этим данным, ПЭ составлен не ранее 1405—1406 гг. и не позднее 1410 г.

Во второй половине XIV и в начале XV в. в Ларгвисском монастыре известны три книжника: Гиорги Табаури, Авгароз Бандас-дзе и его сын Григол Бандас-дзе, из которых Табаури и Авгароз были современниками²³. «Памятник эристаов» составлен, очевидно, одним из названных Бандас-дзе, так как на л. 4а подчеркнуты заслуги одного Бандас-дзе — протоиерея, а затем настоятеля Ларгвисского монастыря Иоане, что не может быть случайным²⁴. Второй же из названных Бандас-дзе, Григол, в одной своей записи отмечает: во время нашествия Тимура в 1400 г. «защитил меня господь от рук (вражеских), а спустя немного времени остался я, Григол Бандас-дзе, сын Авгароза, из пяти братьев сиротой и оплакивал себя. Построил я пять домов, опустошенных (ранее) пожаром. После этого... бог... взял шестерых (моих) детей, трех сыновей и трех дочерей, с матерью их. Тогда облачился я, недостойный, в лик монашества и на усыпальнице своей построил врата и разрисовал (их) рукою моею»²⁵. Таким образом, Авгароз умер не позднее 1400 г., и, следовательно, он не мог быть составителем ПЭ. Поэтому составителем хроники, очевидно, следует признать его сына Григола.

В хронике упомянуты исторические лица, многие из которых по другим источникам почти неизвестны.

²⁰ См. Ш. А. Месхиа, *Памятник эристаов*, стр. 321. В пользу этого как будто говорит характер правки на лл. 5б, 6а, б и 10а.

²¹ Об этом высказывались следующие соображения: М. Броссе как будто считал его произведением XIV в. (*Additions et éclaircissements...*, p. 372). Ф. Д. Жордания (*Хроники*, II, стр. 1) и И. А. Джавахишвили (*Древнегрузинская историческая литература*, стр. 266) справедливо отмечали, что автор был современником событий конца XIV — начала XV в.; по мнению Ш. А. Месхиа, ПЭ написан между 1348—1400 гг. Авгарозом Бандас-дзе (Ш. А. Месхиа, *Памятник эристаов*, стр. 317—321). Эту дату повторил И. С. Долидзе (*Памятники грузинского права*, II, стр. 102), а С. Н. Какабадзе считал его написанным около 1405 г. Григолом Бандас-дзе.

²² Приписка на л. 6б датой его рождения указывает 1376 г.

²³ См. Ш. А. Месхиа, *Памятник эристаов*, стр. 317.

²⁴ Там же, стр. 318.

²⁵ См. *Хроники*, II, стр. 204, где эта запись приводится под 1400 г., хотя она составлена, видимо, позднее — в 1401—1402 гг.

Первым царем в ПЭ назван Иствиниане (лл. 1б, 2а, б), вторым — Давид Баграториани (л. 2б), после которого пропущено 26 царствований, а затем названы Адарнасе (л. 2б) и его сын Вахтанг²⁶, в детстве свергнутый с престола своим дядей Давидом (лл. 2б, 3а, б). Оба они умерли в один год, и воцарился сын этого Давида Гиорги, но, видимо, затем речь идет также и о другом Гиорги (лл. 3б — 6а). После него упомянут сын царя Гиорги Давид (л. 6б), и, наконец, еще один царь Гиорги (лл. 8б — 10).

Отождествление большинства из названных царей с действительно существовавшими затрудняется из-за путаницы в указаниях на кровные связи между ними, а также из-за неточности некоторых других сведений.

Этот список помимо царей всей Грузии содержит имена также вассальных царей отдельных провинций²⁷. Институт вассальных царей провинций при наличии центральной царской власти возник в условиях политической и экономической раздробленности Грузии, когда с конца XIV в. некоторые представители царского рода создали отдельные боковые ветви центральной царской династии. Эти цари правили отдельными провинциями Грузинского царства начиная с XIII до XVI в. Они носили титул царей, точно воспроизводя титулатуру царей всего государства. Таковы были ветви царей провинций в Шида (Внутренней) Картли, в Джавахети, Рача-Аргвети.

Первого царя, названного в ПЭ, Иствиниане, Ф. Д. Жордания предположительно отождествлял с императором Юстинианом II²⁸, но согласиться с этим нельзя, поскольку нет никаких данных о столь активном и мелочном вмешательстве какого бы то ни было византийского императора во внутренние дела такой незначительной провинции горной Грузии, какой являлась Цхра-зма²⁹. Кроме того, согласно ПЭ, Иствиниане возвел Ростом в сан эристава цхразмийского, а его сыну титул эристава эриставов пожаловал уже царь Грузии Давид Баграториан.

²⁶ Впрочем, Вахтанг, возможно, не был сыном Адарнасе (ср. М. Brosset, *Additions et éclaircissements*..., р. 385), текст ПЭ здесь неясен.

²⁷ На институт царей провинций Грузии впервые обратил внимание С. Н. Какабадзе (см.: *Вахтанг, один из неизвестных царей Апхазети и Имерети XV в., и его наследник царь Гиорги*, Тифлис, 1912 г.; *Баграт, неизвестный владетель Рачи и Аргвети XIV в.*, Тифлис, 1913; *Царь Баграт, владетель XV в. Рачи и Аргвети*, Тифлис, 1913; «Статьи и материалы для истории Грузии», I, Тифлис, 1914, стр. 137—140; «Мелкие штудии по вопросам истории Грузии», Тифлис, 1914, стр. 12—23; *Разыскания по истории Грузии*, Тифлис, 1920, стр. 22—26; все на груз. яз. и ряд других работ). Ср. Н. А. Бердзенишвили, *Из истории феодальных отношений в Грузии в XV в.*, МИГК. I, 1937, стр. 1—71 (на груз. яз.); Д. Э. Одишели, *К политической истории Восточной Грузии XIV—XVII вв.*, — сб. «Несколько грузинских исторических документов XIV—XVIII вв.», Тбилиси, 1964, стр. 75—121 (на груз. яз.).

²⁸ *Хроники*, II, стр. 3—4. Ср. М. Brosset, *Additions et éclaircissements*..., р. 374, где высказывается сомнение в активном вмешательстве Византии в дела горной Грузии.

²⁹ Цхра-зма (букв. 'девять братьев') — область и ущелье в верхней части бассейна р. Ксани. Согласно «Армянской географии VII в.», она была расположена между Харнис-хеви и Арагви (см. А. Soukry, *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée, Texte arménien, traduit en français par le P. Arsène Soukry, Venise, 1881*, р. 28). Название Харнис-хеви, по-видимому, является искажением грузинского Кснис-хеви [см. С. Н. Какабадзе, *Вопросы генезиса грузинской государственности*, — «Санторнио моабе» («Bulletin historique», 1924, I, стр. 41; на груз. яз.; С. Т. Еремян, *Армения по «Ашхарацуйц-у» (Армянской географии VII в.)*, Ереван, 1963, стр. 61, на арм. яз.]. Однако позднее, согласно Вахушти Баграториани, эта область занимала меньшую территорию и была расположена между р. Ксани и областью Базалети на западной стороне р. Арагви (см. С. Н. Какабадзе, *Вопросы генезиса грузинской государственности*, стр. 41).

Поэтому очевидно, что Иствиниане также какой-то царь Грузии, тем более что в дальнейшем речь идет только о царях Грузии³⁰.

Адарнасе, согласно ПЭ, правил после указанного промежутка в 26 царствований, следовательно, примерно в конце XIII в. Поэтому М. Броссе отождествлял его с Димитри II (1271—1289)³¹, а Ф. Д. Жордания — с Вахтангом III (1302—1308)³². Однако оба предположения произвольны, так как царь с этим именем позже X в. неизвестен. Поэтому нам кажется, что здесь при соединении событий, описанных в первой части, с событиями второй составителем ПЭ допущена ошибка, в результате чего Адарнасе оказался помещенным после перерыва в 26 царствований. Очевидно, этого Адарнасе следует отождествить с одним из двух куропалатов IX—X вв. и скорее с Адарнасе II (888—923)³³, отцом которого был куропалат Давид I (876—881), видимо, Давид Багратониани нашей хроники.

Следующие три царя — Вахтанг, его дядя Давид и сын последнего Гиорги — это, очевидно, два сына Димитри II — Давид VIII (1293—1311) и Вахтанг III и сын Давида VIII — Гиорги VI Малый (1311—1313). Ильханские правители в 1302 г. вместо царя Грузии Давида VIII, сына Димитри II, назначили его брата Вахтанга. Давид после безрезультатной борьбы был вынужден признать царем Вахтанга III, сам же стал царем в Джавахети, где резиденцией царей этой провинции был Аластани. Об этом в ПЭ сказано, что «дал Вахтанг Давиду Джавахети и Аластани» (л. За), только в хронике Давид ошибочно назван дядей Вахтанга.

Надо здесь оговорить, что поскольку, согласно ПЭ, Гиорги, сын этого Давида, царствовал долго, — в его правление сменилось четыре поколения эриставов — Шалва, его сын Ларгвели, сын Ларгвели Вишел и сын последнего Квенипневели, — надо думать, что под Гиорги следует понимать также Гиорги V Блистательного (1314—1346)³⁴ и еще вассального царя Внутренней Картли, который, согласно одной приписке ПЭ, был убит в 1373 г. (см. л. 6а и прим. 81). Наконец, сын Гиорги Давид должен быть сыном Гиорги Блистательного Давидом IX (1346—1360).

При рассказе о последующих событиях до походов Тимура, т. е. с середины по 90-е годы XIV в., ПЭ почти никаких сведений о Картли не дает. Поэтому картлийский царь Давид IX упомянут лишь глухо, следующий царь Баграт V (1360—1393) вовсе не назван, но подробно описаны походы Тимура в Картли и борьба с ним Гиорги VII (1393—1407).

Наше объяснение списка царей, упоминаемых в ПЭ, косвенно подтверждается указанием, что после Давида Багратониани умерло 26 царей: период после куропалата Давида I до Давида VIII, включая

³⁰ С. Н. Какабадзе считает, что это Ашот I Великий (см. С. Н. Какабадзе, *Руставели и его поэма «Витязь в тигровой шкуре»*, Тбилиси, 1966, стр. 97; на груз. яз.) таокларджийский правитель начала IX в., которому подчинялась и Картли.

³¹ М. Brosset, *Additions et éclaircissements...*, p. 368, n. 2.

³² *Хроники*, II, стр. 5, прим. 8. Одна рукопись КЦ середины XVIII в. (S 354 Института рукописей АН ГрузССР), в которую внесен отрывок из ПЭ, воцарение этого Адарнасе относят к 1220 г., видимо, под влиянием сведения ПЭ; в это время в Грузии царствовал Гиорги IV Лаша.

³³ Адарнасе I, отец Ашота I, видимо, исключается.

³⁴ По мнению С. Н. Какабадзе, Вахтанг III умер в 1307 г., Давид VIII (Аластанский) в 1309, а Гиорги VI — в 1317, когда и воцарился Гиорги V.

Давида Сослана, супруга царицы Тамары, которого также называли царем, охватывает 26 царствований.

Таким образом, в первой части хроники описаны события начала IX в., а во второй — с конца 90-х годов XIII в. примерно до 1405 г. Мы склонны думать, что в основу первой части положена какая-то хроника, составленная, видимо, задолго до XIV в., а возможно даже лишь немногим позднее описанных событий. В пользу этого говорит очень точное в деталях описание социальных условий возникновения института эриставов в Ларгвиси-Квенипневи. Особенно важно, что картина социальных отношений, да и характер самой власти эриставов этого времени по ПЭ резко отличаются от картины, рисуемой по отношению к XIV—XV вв.

Небезынтересно при этом, что, несмотря на приведенные многочисленные неточности и ошибки при указании фактов из истории Картли, сами взаимоотношения Картли с Ксанским эриставством описаны ярко и образно, со многими деталями и, по-видимому, верно. Особенно это касается фактов жизни горцев и их отношений с Ксанским эриставством. Поэтому надо думать, что при описании событий Ксанского эриставства ПЭ опирается на надежные источники — на хронику о событиях IX в. и какие-то источники первой половины XIV в. Но составитель ПЭ Григол Бандас-дзе не располагал хорошими источниками по истории Картли и вообще Грузинского царства и поэтому допустил ошибки при увязке отдельных событий в Ксанском эриставстве с теми или другими событиями и правителями Картли. Исключение составляет повествование о времени эристава Вишела III и царя Георги VII, современником которых был автор: здесь все сведения точны и не вызывают сомнений.

Поэтому, думаем, неоправдана чрезмерная подозрительность, проявляемая исследователями к сведениям первой части ПЭ. Так, С. Н. Джанашиа писал, что автор ПЭ «тенденциозно старается создать впечатление добровольной санкции со стороны народа в деле превращения Бибилуров в эриставов. Действительность должна была быть иной»³⁵. Но оснований для такого рода тенденциозности не должно быть, так как в это время (XV в.) не было традиции испрашивать санкции народа. Д. В. Гвритишвили также считает, что ПЭ ценен для истории XIII—XIV вв., но для более раннего периода сообщения этого источника не заслуживают доверия. «Поэтому для выяснения вопроса о возникновении Ксанского эриставства этот памятник может пригодиться лишь частично»³⁶. Такая оценка может быть принята лишь в том случае, если ограничиться только выяснением вопросов происхождения и генеалогии первых ксанских эриставов: для этого ПЭ действительно дает мало сведений, да еще содержит пропуск 24 эриставов.

Ф. Д. Жордания отмечал, что начальная часть ПЭ составлена по преданию, а историческая достоверность ее пока не поддается определению³⁷.

В связи с этим встает вопрос об идейной направленности ПЭ. Обычно считают, что ПЭ является произведением, возникшим для возвели-

³⁵ С. Н. Джанашиа, *Грузия на пути ранней феодализации*, Тбилиси, 1937, стр. 32 (на груз. яз.).

³⁶ Д. В. Гвритишвили, *Из истории социальных отношений позднефеодальной Грузии (сатавадо-сеньории)*, Тбилиси, 1961, стр. 34.

³⁷ *Хроники*, II, стр. 2.

чения ксанских эриставов, добившихся образования феодальной сеньории (сатавадо). При этом исходят из того, что превращение Ксанского эриставства (военно-административной единицы) в сеньорию завершилось к XV в., когда ксанские эриставы уже владели родовой усыпальницей, крепостями, в том числе главной крепостью (тавади цихе), дворцами, имениями и крепостными, т. е. всеми атрибутами сеньориального владетеля³⁸.

Следует, однако, сказать, что все это являлось атрибутами вообще крупного феодала, а не обязательно сеньориального владетеля. Главное же — ПЭ не содержит данных для такого понимания. Согласно ПЭ, ксанские эриставы проявляли известную самостоятельность лишь в своих отношениях с горцами, нападавшими на их владения. И только. Во всем остальном они подчинялись царям Грузии. На одном евангелии сохранились поминальные приписки всех ксанских эриставов XIV в., упоминаемых в ПЭ. Согласно этим припискам, Квенипневели был амир-ахором (начальником конюшни, вернее, коневодства), а Иоане — амир-эджибом (старшим над царскими служителями) при картлийском дворе³⁹. По сведениям ПЭ, царь Гиорги «повелел (эриставу) Шалве осадить крепость Лоцобанскую» (л. 3б), а его сына Пипу отправил в Иерусалим (л. 4а); другой царь Гиорги мстит двалам за их измену эриставу Вишелу (л. 10а), видимо, рассматривая это как измену себе. Наконец, эристав Шалва назван лучшим среди царских дидебулов (л. 3б; см. прим. 14 к переводу).

Таким образом, отдельные ксанские эриставы занимали высокие должности при восточногрузинском дворе XIV — начала XV в., и цари ими распорядились. Следовательно, Ксанское эриставство в XIV и начале XV в. являлось военно-административной единицей Грузинского царства, не имевшей сеньориальных прав, и поэтому целью ПЭ не могло быть оправдание возникновения сеньории.

ПЕРЕВОД

л. 1а ... для [погребен]ия¹ могилу дали. Эриставствования² же ничьего не пожелали, а искали человека такого, который владел бы (ими) честью, а не силой, чтобы его же утвердить в стране своей. И все торопились строить Ларгвиси³, каждодневно все хеви⁴.

В эти [времена] была великая смута в стране Овсетской⁵, и обильно проливалась кровь царей овсов. Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели (через) гору Захскую детей младшего — Ростома, Бибилу, Цитлосана и сыновей их с семьюдесятью рабами прекрасными и привели в страну Двалетскую.

Тогда собрались все двалы и сказали: «Не хотим иметь царя, сидящим в стране нашей, ибо объест (он) нас». Они же, поклявшись крепко, сказали, что «не будем называться царями, а (именем) страны той, которую дадите, именем ее (и) будем называться». Тогда дали страну Бобалетай и назвали их Бибилурами. И начали строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской.

³⁸ Д. В. Гвретишвили, *Из истории социальных отношений...*, стр. 39; Ш. А. Месхиа, *Памятник эриставов*, стр. 316.

³⁹ *Хроники*, II, стр. 19.

Тогда узнали (об этом) двалы, собрались и сказали: «Видим, с какой целью⁶ цари этих овсав начали строить, и хотя (мы) нарекли их Бибилурами, но имя это не скроет род (и) происхождение их; и через немного (времени) завладеют всей страной нашей; а (мы) до (того, как у них) появятся птенцы и закрепятся корни (их), исторгнем дву-главого змия из утробы нашей».

Взяли и посадили их в ущелье Исроли⁷ в Накапуане⁸, Ростом и всех братьев и ра||бов его. В то время цхразмис-хевцы сражались с крепостью Груиси⁹ девять месяцев. Тогда Ростом подошел, (чтобы) помочь им. А в тот день (груйцы) трижды гнали с боями до горы крайне утомленных и израненных цхразмис-хевцев. Тогда пришел (туда) Ростом с братом и семьюдесятью рабами, и (он) предводительствовал (ими), рычанием подобный льву и смелостью подобный барсу и проворством подобный тигру¹⁰. И подошел он и все войско (его) к крепости той и сразились в битве жестокой, подобной которой никогда не видывали. И в тот день взяли крепость верхнюю, а груйцы укрепились в двух крепостях нижних и положили быть миру. И в ту ночь выступил Ростом и отобрал обе крепости. И как рассвело, (они) разрушили те крепости со всеми их стенами и строениями.

Тогда сказали все цхразмис-хевцы: «Отныне не отдадим от нас человека этого, богатыря¹¹, а сделаем все, что пожелает он».

Тогда сказал мамасахлис¹² Ларгвис(ск)ий Хуциан-дабис-дзе¹³: «Ежели желаешь обосноваться в стране этой, потребуй (себе место для) усыпальницы в монастыре этом, ибо усыпальницы всех дидебулов и азнауров¹⁴ находятся здесь; и если богу будет угодно, будешь предводителем селений этих, пожертвованных боговенчанном Иствинианом Строителем».

Тогда сказал Ростом: «Я, мол, требую от всего этого народа, дабы ты устроил (мне могилу) на правой стороне алтаря, на лучшем месте, и да будет бог меж мною и тобою и меж родичами моими и твоими, дабы достоинство и должность¹⁵ твои, которые даны царями, не изменились бы для потом||ков твоих вовеки; и что лучше для дел моих, (ты) скажешь мне».

Тогда сказал Гугак: «Я положу голову свою на верную службу тебе, и пусть бог направит тебя¹⁶ во всем лучшем».

Сказал весь народ Ростому: «Что угодно (тебе), чтобы мы сделали ради тебя?» Он же потребовал (себе) усыпальницу в Ларгвиси и дом для пребывания (своего) среди детей храма¹⁷, а в Цхразма вотчину, бывшую во владении цихистава¹⁸. И дали все это цхразмис-хевцы в Цхразма, селения и земли, бывшие во владении цихистава, могилу в Ларгвиси и место для пребывания в Квениппеве¹⁹, и назвали (Ростом и его братьев) Квениппевели, ибо другого имени не пожелали²⁰.

Тогда начали строительство крепости и домов огромных. И если куда предпринимались походы, (они) становились предводителями сражающихся и не находилось никого, кто (мог бы сразиться) в единоборстве с Ростомом. И возлюбил его весь народ цхразмис-хевский.

И спустя немного времени по наущению народа были со стороны дидебулов и азнауров просьбы на (учреждение) эриставства, ибо говорили: «Кому принадлежит усыпальница в церкви, тому (же) подобает иметь церковь и все прилежащее к ней».

Тогда царь Иствиниане повелел призвать всех цхразмис-хевцев пред

собой²¹. И увидел царь, что все дидебулы и азнауры, (владения которых находились) поблизости (церкви), устроили (себе) усыпальницы, будто пожаловал (им) царь земли, (ранее) пожертвованные церкви. Тогда повелел царь: «Чьей могиле подобает наивысшая почесть, тому и принадлежит церковь и (право) решения (всяких дел) по справедливости²², ежели пожелают общины»²³.

Тогда осмелился (предстать) перед царем ключарь церкви, (говоря): «На правой стороне алтаря перед святым престолом расположена усыпальница Ростом Квенипневели, данная (ему) всеми цхразмис-хевцами, и, если пожелает царственность ваша, ему подобает все, || решаемое церковью (по справедливости)²², служение нам и властвование²⁴ над семью теми хеви».

Тогда спросил царь: «Как пожелают общины?»²³. И узнал (царь), что желают (иметь) его все хеви владетелем среди всех хеви²⁵. Тогда призвал (царь) Ростом пред (лицо) свое. И как увидел (его), рек, что человек этот достоин всяческих почестей.

Тогда пожаловал (царь ему) семь этих хеви, (подлежащих) решению церкви²⁶, и всех азнауров, живших там, и назвал (его) эриставом цхразмис-хевским. И облачил (его царь) в одеяние, в которое тогда был облачен царь, и надел перстень, серьгу и пояс свой, (пожаловал ему) оружие и (одетого) в броню коня, знамя и копье²⁷.

Все это пожаловал Иствиниане Ростому и радостного отправил. Тогда Ростом построил город в Ларгвиси, завершил (постройку) церкви и украсил (ее) всем (необходимым).

И умер Ростом. Сел эриставом сын его Ларгвели. А после Иствиниане сел царем Давит Багратониани. Этот (царь) весьма возвеличил Квенипневели-Ларгвели и нарек (его) эриставом эристава и дал (ему) властвование²⁴ над всеми дидебулами и азнаурами, жившими между (реками) Арагви и Лиахви и выше поля Шарфаского²⁸. Всем этим (людям) повелел, дабы после царя подчинялись эриставу эристава Ларгвели и были (его) соратниками.

И умер Ларгвели и сел сын их (!) Димитри. И умерло царей 26 и эристава 24, и лет (прошло) немало.

Тогда²⁹ сел царем Адарнасе и умер эристав Вишел. Остался сын его, Шалва, трех лет и воспитал его царь (сообразно) достоинству отцов их. И умер царь; остался сын его, Вахтанг, шести лет³⁰. Тогда брат отца его Давит захватил царствование и ничего не дал сыну брата своего Вахтангу. Тогда Шалва, воспитанный отцом (Вахтанга), не отдалился (от него), а растил дитя. Тогда Давит многими || сладкими словами, пожалованием ему множества отличий³¹ умолял Шалву; он же не внял ему, но укрепил крепости и поручил их верным рабам своим, а сам сопровождал сына царского в Орду.

Тогда царь Давит собрал все войско свое — и татар ширванских и всех бывших в Кахети и Мухрани, и подошел ко всем девяти хеви³² эриставства Шалвы; и привел двалов и хад-цахватцев и всех мтиулов³³ нижних; и сожгли и опустошили весь Цхразмис-хеви, кроме крепостей. А с крепостями сражались в Квенипневи, Карцохи, Колоти³⁴ и Исроли, но не смогли их взять. И семь лет продолжалась война их. Находившиеся же в крепостях³⁵ столь страдали, что начали есть ремни. К бывшим в таком (положении) подошли Вахтанг и Шалва с персидским войском, с бесчисленными войсками.

Тогда Давит стоял в Базалети. И как узнал о приходе их, направился к крепости Дар(и)алской. Преследовало его все войско; и про-

шли (вдоль) Арагви, и перешли Крестовый перевал³⁶, и спустились в Дариал, и подступили к Давиту в крепости Гуелетской³⁷. Шалва же встал у Хада и столь сильно сражался, что в один день взял девять крепостей и разрушил (их); и за одну ту неделю разрушил крепостей двадцать пять, пятнадцать по ту (сторону) Арагви.

Тогда дал Вахтанг Давиту Джавахети и Аластани³⁸ и вывел (его из) Гуелети. Шалва же направился к хеви Двалетским и опустошил все. И напали (на него) шав-двалы³⁹ в ночь темную, (однако) встретили (их) поджидавшие, ибо узнал Шалва о приходе их. Тогда загнали их в ров скалистый, и ни один из них не смог уйти. И уничтожили множество двалов немалое. Тогда сожгли и опустошили все хеви Двалетские, и сокрушили и разрушили все крепости от Трису || до Ачабети⁴⁰. Тогда ушло все войско персов. Тогда царь пожаловал Шалве Трису, Гуда, (владение) Гагас-дзе, Млете, Арахуети, Хандо, Канчаети, владения Абазас-дзе, Дзагнакорнани, Дигуами, Гавази...⁴¹, Ацерис-хеви, Бехуше⁴² и (среди) дидебулов своих лучшим считал (его).

л. 36

Шалва же привел в жены дочь царя овсов, по имени Ширд, которая увеличила достоинство монастыря этого и создала (для него) всякую утварь церковную: золотые и серебряные чаши, подносы, лампы и другую всякую утварь, и оправила иконы и украсила икону белоную⁴³ святыми мощами и всякими украшениями.

Тогда умер царь Давит и в том же году умер царь Вахтанг. Тогда занял царствование Гиорги, сын Давита. Абазас-дзе Навроз же отправился в Персию. Тогда царь повелел Шалве осадить крепость Лоцобанскую. Тогда Шалва осадил Лоцобани и сражался жестоко четыре дня, а на пятый день взял ее. Тогда принес⁴⁴ он две иконы, весьма красивые.

Царь же Гиорги отправился походом на Магаро и сильно пострадал от них⁴⁵ в узких ущельях из-за многочисленности скатываемых (сверху камней). И вернулся он весьма опечаленный и опять вторично отправился в дни масленицы. И стояли холода великие. А из-за страха перед скатываемыми (камнями) направился царь горной дорогой, обледеленой. Тогда еще больше пострадал (он), ибо дрожали лошади, а те люди, подобно зверям, вымазанные кровью, следовали за ними. Шалва же в этих двух походах не участвовал, а участвовали лишь сыновья его, ибо было у него тринадцать сыновей, храбрых и разумных.

Тогда Шалва отправился с войском своим, подошел, расставил лучшее войско в засаде на ночь, а на рассвете подо||шел с малым войском, сжег и опустошил страну их. И ничего не взяла войска (в качестве) добычи, только (одни доспехи) и повернули обратно. Тогда последовали за ними войска той страны, миновавшие находившихся в засаде. И поднялось все войско (эристава) укрывшееся. Повернул обратно Шалва; загнали в место узкое, убили⁵⁵ человек и многих захватили. Тогда вновь спустились и остановились, и опустошили, и сожгли всю страну их, и победоносные отправились (обратно) с добычей великой⁴⁶.

л. 4а

Умер Шалва, и сел сын его, Ларгвели, эриставом. Этот построил Укан-цixe⁴⁷ в начале Исролис-хеви и дворец⁴⁸ по тбилисскому образцу в Квенипневи⁴⁹. Этот изготовил большую сию икону спасителя высотой в свой рост и оправил ее. Он же украсил большую эту икону (святого) Гевдоре. изготовил две лампы и повесил (их) перед (иконой).

В это время вышла из берегов Ксани и смыла одну сторону ограды на восточной стороне, и колокольни, большие и прекрасные.

Умер Ларгвели, и остались три его сына. И сел эриставом старший сын Виршел⁵⁰, совершенный всеми добродетелями.

В это время пришло известие, что ключи иерусалимские захватили персы, и весьма опечалился царь Гиорги. Тогда отправил он сына эристава Шалвы, которого звали Пипа⁵¹, по сухопутной дороге со многими дарами к (владыке) Нисрскому⁵². И сопровождал его Бандас-дзе, протоиерей Иоане. И предстал Пипа перед (владыкой) Нисрским. Тот же с радостью принял те дары и отдал ключи иерусалимские. Пришел Пипа к могиле христовой и припал (к ней), отслужил службу, причастился. И протоиерея Иоане посвятили благочинным (над монастырями)⁵³. И написали (епископу) Самтавнели⁵⁴ и эриставу Виршелу и всему народу цхразмис-хевскому, что никто не достоин быть благочинным (над монастырями), кроме этого; а после него кто будет наставником в монастыре⁵⁵ — — — — благочинным⁵⁶.

л 46

|| Пипа же помолился святым местам, собрал мощи святых и иконы прекрасные и отправился обратно той же дорогой сухопутной и предстал пред царем. И принес ярлык⁵⁷ милостивый и (известие об) исполнении всей просьбы его. Весьма возрадовался царь Гиорги, ибо были возвращены ключи грузинам.

Тогда окружил (Гиорги) овсов, находившихся в Гори⁵⁸, и воевал (с ними) три года. Виршел же и войско его воевали лучше всех (других) войск, и хвалили их хвалой великой, чему позавидовали мтиулы арагвские и сказали: «Хотя они в открытой⁵⁹ битве являются лучшими, но (мы) пойдем к горе Ломисской, и там пусть (они) сразятся с нами, и увидим, кто из нас (является) лучшим».

Тогда назначили срск и вызвали (друг друга на борьбу). После же взятия Гори сообщили друг другу, и выступил Виршел и все войско его на гору Ломисскую. Арагвские же мтиулы встали у Гоис-тави и призывали их к Ломисе. Но они не отошли⁶⁰ от леса (и) [крепост]и⁶¹ Гоис-тавской и их скалистых утесов.

Тогда прибыл Давит сын Гиорги и не допустил (их) до сражения и распустил всех⁶² восояси. И отправили⁶³ азнауров картуелов, и ушли все, кроме трех хеви. Тогда Виршел отправился (обратно) и спустился на равнину, войско же спускалось в стороне, вдоль источников, дубняка и мельниц. И как услышали об этом мтиулы арагвские, направились вслед за ними и вышли к Ломисе.

Давит же, сын царя, просил (их) на коленях, а бывшие в Ломисе выносили перед ними иконы и умоляли, чтобы не преследовали их. Но они не вняли, а ругали крепкой бранью и множество (камней) скатывали вниз.

Тогда Виршел собрал малочисленные войска трех этих хеви и сказал им: «Сейчас уже невозможно сразиться с ними, ибо рассеялось войско наше. Но вновь соберем войска наши и тогда сразимся с ними».

л 5а Не пожелали этого малочисленные те войска и сказали: «Отцы⁶⁴ наши || немногочисленные одолевали отцов их, больших и многочисленных. И если мы не (достойны) быть сыновьями отцов наших, почему же владеем отчиной их?».

Тогда обнажили ноги свои и понесли перед собой знамя и поднялись на два хребта горы Ломисской. И (спустились) встретить их на один из тех хребтов цхават-гаретцы⁶⁵ и все, примыкавшие к ним, а на другой хребет спустились хад-мохевцы и примыкавшие к ним. Тогда сбросили (цхават-гаретцы и хад-мохевцы) бесчисленное (множество)

камней. И поднялись все-таки (воины эристава), ибо укрывались щитами, подобно валуну; и осыпали (они) камнями и копьями, подобно дождю. Тогда было пущено множество стрел, подобно частому граду, и клялись богом, что пущенная вниз стрела пробивает щит и человека в латах и вонзается в землю наполовину.

Обнажили сабли и напали, и взяли; и стали подниматься на гору вверх, и катились вниз. И те были лучшими среди мохевцев, которые бросив доспехи и одеяние, бежали голыми.

Тогда Вишел, эристав, увидев столь обессилен(ными) воинов (против) себя, приказал не убивать их, а хватать и преследовать их. И пошли вслед (за ними), и последовали на ту (сторону) Арагви. И прибыл эристав в Ломису и отпустил всех, кто оставался (у него) в руках. И пожертвовал (эристав) Ломисе⁶⁶ немало. И пригласил (он) к себе Давита, сына царя⁶⁷. И пожертвовал этой церкви превосходный этот синаксарь. И (во время) эриставствования его содержались в Квенипневи 55 домов (для) немощных и убогих и постоянно с каждой || господской трапезы выдавалось им повседневно.

л. 56

И умерли эристав Вишел и супруга его Гванца в течение трех дней. И остались три сына его — Квенипневели, Иоане и Гиорги, ибо были малолетними. Тогда предводителем цхразмис-хевцев стал Цитлосан, дядя его⁶⁸, (в течение) девяти лет.

Тогда вырос Квенипневели и сел эриставом. Был (он) человеком добрым, спокойным и разумным, достойным похвалы распорядителем и богобоязненным, и любившим священников и весьма отмеченным перед царями. Этот построил в Квенипневи церковь и дворец огромный⁶⁹ и прекрасный. Этот начал строить (крепостную) ограду этого монастыря и построил, колокольной и всеми украшениями украсил церковь. И собрал священников и монахов и почитал их больше, (чем) все первые и последующие эриставы. И построил масляный (завод)⁷⁰, установил семнадцать агалов⁷¹ и пожертвовал девять виноградников и крестьян на услужение церкви.

В те времена было родичей эристава Шалвы семьдесят два копье-носца, и все (они находились) в подчинении у Квенипневели.

Тогда спустились цхаватцы в Жамури⁷². И дал бог победу Гиорги, брату эристава, и обратили (их) в бегство вверх, на вершину горы. И как поднялись на гору, встали перед ними мамасахлисы и прекратили преследование, ибо сказали (мамасахлисы): «Достаточно несчастий для них», — ибо было убито помимо мелких общинников восемнадцать цхаватцев старейшин хевис-бери⁷³.

А на второй год напали (на них) все двалы. Тогда сразились с ними жамурцы. И были там цхразмийцы, собиратели податей⁷⁴. И подошли также они. || И как услышали двалы (о) приходе цхразмийцев, охватили их ужас, и убежали, и укрылись в крепостях кногойских⁷⁵. Тогда прислали жамурцы (выдать двалов), но они их не выдали, и отправились (жамурцы) обратно. И тащили они (с собой) всех мертвецов двалов, и пришли к эриставу, и донесли на кногойцев.

л. 6а

Тогда разгневался Квенипневели, и отправился походом на Кного, и разрушил крепости их, и сжег страну их.

После этого двалы угнали скот из Жамури. Услышал (об этом) эристав и отправился, прибыл в Сосхо и половину войска укрыл, а с половиной подошел к трем селениям и крепости верхней.

Тогда раздался клич, и выступили все мужчины⁷⁶ нижних близлежащих селений и подошли сверху к укрытым войскам (эристава). И на-

пали (войска эристава) с тыла, и напали верхние. И зажали их посредине, и ни один из них не спасся. И разрушил (эристав) крепости их, и сжег страну их; и преисполнились все войска добычей, и вернулся (эристав) с большой победой, ибо никто из его войска не был ранен.

Гиорги же, младший ⁷⁷ брат эристава, был в походе по ту (сторону) Арагви и полонял (все), ибо был человеком разумным и храбрым.

Средний же брат Иоане постоянно был при царе, ибо был мужественным, богатырем, непобедимым в бою, (достойным) похвалы советником, бесстрашным, подобно бестелесному ⁷⁸, из-за чего почитали его цари, и личная служба его ⁷⁹ и советы его принимались как большое приобретение, ибо многократно был он испытан во время битв, ибо был весьма славен и именит и лучшим из всех воинов.

В эти времена прибыли турки, предводительствуемые Хосией, сыном Баэдара, и убили царя Гиорги и всех картвельских мтаваров и дидебулов ⁸⁰. И там же умер эристав Квенипневели ⁸¹.

л 6б || Иоане же (благодаря) мужеству и доблести своей, жестоко сражившийся, остался цел; прибыл (в Квенипневи) и сел эриставом. К статности и храбрости своей (он) прибавил справедливость, ибо был он отцом сирот, помогающим немощным, покровителем обиженных ⁸², и весьма страшным (для) врагов и грозным для делателей зла, богобоязненным, любившим священников, уважавшим монахов, возмывавшим церкви, украшавшим иконы и угодным богу, любимцем людей, хвалимым мтаварами и совершенным добрыми деяниями божьими, и безупречным человеческим поведением. И волею божией был дом его сосудом, изливавшим добро и неиссякаемым, подобно морю.

Тогда привел (он) супругу честную, добрую, боголюбивую и совершенную во всех (отношениях) ⁸³. Она умножила служение богу и благодеяния обиженным.

Тогда молились (они) богу вместе со всем народом о даровании (им) сына. И услышал бог мольбу их. И дан (был) им ⁸⁴ младенец, и обрадовались они радостью великой всего народа. И многими ночными бдениями, богослужениями, выдачей (даров) беднякам и священникам помолились (они) богу.

И когда отняли (младенца) от груди, отдали (его) учиться священному писанию. И увела (его) сестра отца его, совершенная всеми познаниями, мудростью и разумом. И воспитывала его сообразно мудрости своей.

И забеременела (его супруга) вновь, и родила дочь; и скончалась она, жемчужина ⁸⁵ среди всех женщин.

Спустя же несколько лет привел Иоане в жены дочь богом венчанного Давита, сына царя царей Гиорги, которую звали Гулшар, похвала которой если (даже) соберутся все мудрецы земли, недосягаема и непостижима словами. И не было у нее сына, а (лишь) две дочери, светлее светил небесных ⁸⁶.

л 7а || ⁸⁷ В это время была смута; и улучили время двалы и угнали из Гуда коров. Услышал (об этом) эристав и отправился походом против них, и подошел к Эреме, Цухлети и Цубени ⁸⁸, и разрушил крепости их, и сжег и опустошил страну их, и победоносным отправился (обратно).

Тогда все мтиулы арагвские напали на Гремис-хеви ⁸⁹. Гремис-хевцы же собрались. Сразились они; и счастье патрона ⁹⁰ их дало победу гремис-хевцам и обратили (тех) в бегство, и преследовали (их), и человека ни одного не убили, но грабили и нагими отпускали. И при-

вели тавадов ⁹¹ сорок человек пред эриставом. Он же одел (их) и отпустил всех. Только у злоязычного некоего Андрии отрубил руку правую и ногу левую.

В это время полил дождь жестокий, и увеличилась (река) Ксани, и направилась к монастырю этому, и унесла (крепостные) стены и колокольни, и подмыла основание церкви. Тогда эристав Иоане в ту же неделю начал строить верхнюю эту церковь, которую построил в три года, и пристроил притвор и колокольню, и начал рисовать стену церкви.

В это время нижние двалы угнали коров из Ацерис-хеви. Услышал (об этом) эристав Иоане и отправился походом. Юноша же Виршел, (хотя) и был еще в младенческом возрасте, стал предводителем своего войска. И перешли (Виршел и его войско) в месяце октябре гору, покрытую снегом, и спустились в Тлисис-хеви, и опустошили Тле ⁹², (принадлежавшую) Бибилурам, и Цергве. И преисполнились войска (его) всяческой добычей и полоном, и победоносные повернули (обратно).

Тогда бездействовал великий храм в Икорте архангела Микела, и начали (его вновь) строить ⁹³. И опять же в Канчаети (они же) стали возобновителями храма богоматери.

(О) делах же эристава Иоане как (мне) поведать (тебе): цари, укрававшиеся в его доме, у них (!) же просили (посадить их) царствовать, и он сажал кого желал ⁹⁴. И умер в доброй старости и был похоронен в построенном им монастыре.

|| И после (него) сел сын его Виршел. Был ⁹⁵ человеком прекрасным и преисполненным всяческих благ, мудрым, разумным, спокойным, тихим ⁹⁶, щедрым, свершителем справедливости, милосердным, желанным и любимым для друзей и верных, и грозным и страшным для непокорных и противников. А был (он) юношей по возрасту и мудрее старцев по благочестию, в битвах непобедимым и советником хваленым. Ибо при дворе его постоянно (исполнялись церковные) песнопения и молитвы. И в первый же год эриставствования своего построил (он) из камня на извести церковь святого Николая. л. 76

Тогда собрал все войско свое и сказал всем тавадам и всему войску: «Ввиду (того что) отец мой причинил двалам столько — сжигая, убивая, опустошая, разрушая крепости, захватывая в плен, устрашая и казня одних, а другим (выказывая) любовь, спокойствие, одаривая и одевая (их) в разноцветные одеяния, — а они забывают все (это) и вечно ждут удобного времени, теперь мы уделим им время (и) либо опустошим страну их, либо же превратим их в слуг и податников ⁹⁷ наших. А то они найдут (удобное) время и, когда мы будем заняты из-за другой (какой) смуты, они отомстят нам и полонят нашу окраину, (лежащую) на их сгороне землю нашу».

Тогда согласились с ним все войска, отправились и поднялись на гору Бехушскую. И услышали (об этом) нижние двалы — кохкские (и) иосебурцы, тлевцы (и) мугис-велцы, згуберцы (и) рокайцы ⁹⁸. Охватил их трепет и прислали заложников, подношения и подать ⁹⁹ и клятвенно обещались служить верно.

Тогда помиловал (эристав) страну их и ничего злого им не сделал. Обратился и поднялся на гору Сосхойскую. И услышали об этом магран-двалы ¹⁰⁰ и пришли Брутас-швили ¹⁰¹ и келеуры (и) кабушуры и все сосхойцы (и) цубенис-хевцы, ходжайцы (и) цайцы с заложниками, податью ⁹⁹ и множеством подношений ¹⁰². || И укрепил их в верности себе клятвенно, и ¹⁰³ обещались (они) верно служить. л. 8а

Тогда спустился (эристав) в Трусу. И вышли встретить его трусуицы со множеством подношений и выказывая верность, и умоляли помочь им против мнайцев¹⁰⁴, врагов своих. Эристав же повелел мнайцам предстать перед ним. Но они не пожелали (этого), ибо сказали: «Не боимся мы тебя, и не способен ты причинить нам вред».

Тогда разгневался Вишел и воззвал к войску своему; протрубили в рог и напали (на мнайцев), подобно зверям, и подступили с юга к крепостям мнайцев. И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Пареджан, Амсаджан, Багатар и многие другие.

И среди всех криков и голосов можно было узнать голос Вишела, подобный голосу льва.

Тогда взломали ворота и захватили всех сражавшихся и привели к эриставу. И сожгли и разрушили крепости и селения их.

Услышали (об этом) мохевцы и пришли сразиться (с эриставом). И как увидели многочисленность войска (его), от страха попрятались. Повернул эристав обратнс к Коби¹⁰⁵, и принесли мохевцы множество подношений. И после того как рассвело, (эристав) отправился обратно.

Услышали (об этом) хад(цы и) цхаватцы, и протрубили в рог, и завоновались, и пожелали сразиться, и собрались. И как увидели многочисленность войска (эристава), со множеством подношений вышли к нему навстречу, ибо испугались весьма.

Вишел же устроил пир на равнине Хадской и подношения все причислил себе. Встал он, выступил к Ломисе и отпустил все войско, пожертвовал святому Гиорги немало, пленников всех (ради этого) мученика помиловал и освободил и победоносным возвратился.

л. 86

|| Тогда царь Гиорги отправился походом¹⁰⁶ на Алинджу со всеми войсками картвельскими, имерскими, месхскими и ширванскими. Подошел к Алиндже¹⁰⁷ и вывел сына султана, (которого) держали в крепости Алинджской, и истребил войска хана Темура и возвратился победоносным.

Тогда эристав Вишел привел супругу честную из рода вельможного¹⁰⁸ и царского, которую звали Тамар, о прелести, доброте (и) совершенстве которой мечтали (даже) не видевшие ее, а для видевших становилась она притягательной (и) вожденной.

Тогда прибыл Темур Самаркандский¹⁰⁹ со всеми войсками чаган-кашан-сикалб-нахром-индустанскими¹¹⁰ и со всеми войсками Персии и Востока в великом гневе и ярости.

Царь же Гиорги отправился в Лихт-Имери¹¹¹.

Тогда эристав Вишел отошел к крепости Бехушской с семьей и скотом¹¹². И сопровождал его католикос Элиоз со всеми детьми храма и многочисленными хизанами¹¹³, и со скотом и барантой.

Прибыл Темур, и впереди его шел Бурдиас-швили Вишел¹¹⁴. И опустошил (Темур) все крепости и разрушил все храмы, монастыри и церкви. И покрыли войска его все поля, горы и леса, скалы и ущелья, и подобно морю покрыли (они) всю эту страну. И достигло войско их Кутатиса, Лекета¹¹⁵ и Дариала; и сожгли и опустошили всю Грузию, и разбросали трупы мертвецов, подобно горстям сена¹¹⁶.

Тогда Виршел отправил хизанов и семью свою в Кного, и сам стал в Бехуше, вне крепости.

И прибыло войско, (посланное) для набега, и послал (Виршел) навстречу лучников и начали метать стрелы и изгнали (их) ||¹¹⁷. И присоединили (к себе) силы, и вновь прибыло (еще) более многочисленное (войско Темура) и пришли к крепости. И спустились навстречу им азнауры¹¹⁸, и начали метать стрелы, и убили у них лошадей, и ранили многих стрелами, и прогнали с битвой. И вновь выступили (войска Темура), и ударили в барабаны¹¹⁹, и собрались во множестве великом, и отправились в ущелья, леса, скалы, горы, и направились¹²⁰ к крепости Бехушской.

л. 9а

Тогда встал эристан выше крепости. Прибыло войска (Темура столько), что не могли вместить теснины ущелья; спешились. И спустились им навстречу Виршел и близкие¹²¹ его, и стали метать (стрелы); затем обнажили сабли. И не могло напасть (одновременно все) войско; и повернули передние воины (Темура), ибо убиты (были) многие из них. И ушло все войско.

Тогда эристав победоносным прибыл в Кного повидать семью (свою). (Один) же человек кноеец, которого звали Хареба, сообщил всем двалам, что враг всех вас находится в доме моем; теперь приходите и убьем его, ибо он в наших руках.

Тогда собрались все двалы с радост[ью] и направились (туда). Господь же не предал раба своего на смерть от руки и[х]; а сообщил (эриставу один) добрый человек намерение их, и отправился Вирш[ел] со всеми (своими). Хареба же очень потрудился, чтобы они не ушли, но эристав одел его в одеяние свое, но не послушался его (в том, чтобы) остаться, и [у]шел. Тогда нагнал его Хареба и кое-что (из его) сокровищницы у[не]с.

Виршел же отправился. И в ту (же) ночь прибыло все в[о]йско двалов, а Хареба, весьма огорченный, обвинял их в том, что выпустили их.

Тогда Темур¹²², как опустошил все и поло[нил], отправился в Шам, а пленных и добычу всю отправил в Самарканд¹²³.

И остались у эристава (не пострадавшими) Верхняя главная крепость¹²⁴ в Квенипневи и домов 90¹²⁵, и крепость Колотская, крепости Исролские, крепость Бехушская, крепости Укан-убанские, дом в Накаповане и дом в Цин[-убане]¹²⁶, а все остальное опустошили (войска Темура)¹²⁷.

|| Тогда разрушили церковь эту, построенную эриставом Иоане¹²⁸.

л. 10а

Виршел же собрал оставшееся у него войско и прибыл в Кного; Харебу и сторонников его загнал в крепость и убил всех и разрушил крепости их, сжег страну их и преисполнил войска свои добычей. И отпустил сына Харебы, ребенка трех лет, и отдал матери его. И (отпустил также) одного брата Харебы. И весьма отомстил им.

Напали (на Виршела) двалы, (чтобы) сразиться, но не смогли. Виршел же изрек: «Если желаете видеть меня, я приду в страну вашу, и что вам (будет) угодно, сделайте (со мной); если же господь свершит справедливость, таким же (образом) я отомщу вам».

И вернулся к себе невредимым.

В это время родился у них младенец. И обрадовались радостью великой, ибо после стольких несчастий столь милосердно взглянул (на них) бог. И крестил его святой первосвященник картлийский¹²⁹. И называли его Квенипневели.

В это время было угодно святому Гиорги Кашоетскому¹³⁰, сверши-

телю чудес неисчислимых, подобно звездам небесным и песку морскому, прийти на постоянное пребывание в доме Виршела. Этому весьма обрадовался эристав, и украсил крест и раку его и обил серебром и золотом, и начал строить церковь имени (этого) мученика у пределов Варнских ¹³¹, в месте, прекрасном во всех отношениях.

Тогда прибыл царь Гиорги из Лихт-Имера и узнал, что изменили двалы эриставу. Разгневался и отправился походом против них, и вступил он по дороге Ачабетской и начал полонять и опустошать их ¹³².

Виршел же отправился походом (против) Верхней стороны, и спустился в Сосхо и взял в тот день восемь крепостей и селений; и сжег и опустошил все, кроме тех людей, которые известили об измене двалов, — все, (принадлежавшее им), оставил нетронутым. И на второй день пришли в Кара, и сожгли крепость и пять селений ¹³³, и хизаны этих селений укрылись в овраге горном, в месте высоком, в расселине скал, не доступной ни с какой (стороны). Проникло войско в крепость, (неприступности которой), если описать, нельзя поверить. И взяли всю || добычу их.

л. 106

Тогда собрались вместе все мтиулы арагвские от Зедазени ¹³⁴ до Дариали. И предводительствовал ими эристав их Сурамели ¹³⁵. Эти все перед тем сражались у скалы Ходжской два дня, и потеряли они пять человек именитых ¹³⁶ и был убит воспитатель их эристава. Но не могли нанести вреда двалам того селения.

Тогда подослали к (двалам) посредника, говоря: «Весьма счастливым оказалось для вас наше прибытие сюда, ибо если бы нас не было здесь, пришел бы Виршел и все войско его, и слабым оказалось бы ваше укрепление, подобно тому как оказываются слабыми лучшие укрепления других перед ними: разрушили бы они крепости ваши, сожгли бы селения ваши ¹³⁷, унесли бы все приобретенное вами, перебили бы всех отцов ваших, а жен и детей ваших увели бы в плен. Но благодаря нашему приходу избегли вы всего ¹³⁸ этого. Теперь забудем кровь людей, которых вы убили, и дайте мне немного скота, дабы увидели войска их. Ибо стыдно мне (перед) ними за неразрушение крепостей, и имеет все ¹³⁹... [Ни]кто не нанес вреда им ¹⁴⁰... Мы же ничего не имеем, кроме этих людей, (одних из) которых вы убили, а (другие) сильно ранены».

Тогда двалы вернули людей, захваченных в той битве, и коров чептер.

Снялись оба эристава и прошли Магран-Двалети ¹⁴¹. Прибыл (туда) Виршел и стал в Рока, ибо не могло войско идти (далее) из-за тяжести добычи. А нижние мтиулы направились ко двору царскому. А в том месте войска Виршела захватили 16 человек, и они указали им многие зарытые клады, которые войска царские не смогли найти. И на другой день предстал Виршел пред царем. Царь же обрадовался и послал (Виршелу) из добычи шесть подвесных сосудов серебряных и золотых, восемь вьюков шелковых тканей, 200 коров, 30 лошадей, 500 овец, 36 больших котлов.

Царь же высказал много благодарности и пожаловал (эриставу) два ¹⁴²... скота и серебро, золото и другие... ¹⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ ХРОНИКИ

1. Начала недостает: текст начинается с окончания слова ზისთჳსჳს. Перед текстом — приписка письмом мхедрули (б) палеографически конца XVII — начала XVIII в.: თუ[მცა] თავი ავლთ მატარამ აქედამ იწყებოა «Хотя начала недостает, но начинается отсюда».

2. *Эристава*, букв. 'глава общины, войска, народа' — первоначально означал главу общины, руководителя войска, но впоследствии являлся начальником военно-административной области, называемой *саэрист(а)во* — эриставство.

3. Ларгвис — ныне сел. Монастери у впадения р. Чурта в Ксани; Ларгвисский монастырь был усыпальницей ксанских эриставов вплоть до начала XIX в.

4. *Хеви*, букв. 'ущелье', но имело также значение административно-территориальной единицы, причем хеви были большие и малые. Например, сравнительно небольшой Цхразмис-хеви в свою очередь состоял из семи (л. 26), а позднее из девяти хеви. Крупные же хеви составляли *куекана* (букв. 'земля', 'страна'; ср. КЦ, I, стр. 25). Г. А. Меликишвили считает, что хеви в древности означал «исторически сложившиеся крупные территориальные единицы» (см. *К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1960, стр. 464). Однако в тех местах источников, на которые ссылается автор, не всегда подразумеваются крупные единицы. Так, «Картлис цховреба» упоминает рядом хеви Кахетский и хеви Уджарский (I, стр. 177), из которых второй был сравнительно небольшим и входил в состав более крупного хеви Кахетского, а хеви Кахетский и хеви Кухетский в свою очередь были одним эриставством в составе Картлийского царства (см. КЦ, I, стр. 24, 185). В другом месте упомянуты: «Кларджети вся... и хеви, которые примыкают к (горам) Гадо» (КЦ, I, стр. 177; в последнем случае хеви, видимо, означает «ущелье»). Деление страны на административно-территориальные единицы — хеви было настолько прочным, что картлийские церковные епархии — епископства, образовавшиеся уже к V—VI в., территориально соответствовали хеви [см.: С. Н. Какабадзе, *Вопросы генезиса грузинской государственности*, — «Саисторио моамбе» («Bulletin historique»), 1924, № 1, стр. 38 и сл., 103 (на груз. яз.); *Вахтанг Горгасали*, Тбилиси, 1959, стр. 46—47 (на груз. яз.); Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1960, стр. 464—465]. См. также ниже, прим. 12.

5. Овсети — область на северных склонах Главного Кавказского хребта, в бассейне левых притоков верхнего течения Терека. Овсети, согласно данным грузинского географа первой половины XVIII в. Вахушти Багратиони, состоял из хеви: Чими, Тагаури, Куртаули, Валагирн, Панкоми, Дигори и Басиани. Область же Двалети состояла из Касрис-хеви, Зрамага, Жгеле, Нара, Зрого и Заха. Кроме того, Двалети принадлежали раньше Хеви и Трису, причем название ущелья Хеви якобы является измененным грузинами названием [см. Вахушти Багратиони, *Описание царства Грузинского*, Тбилиси, 1941, стр. 107 (на груз. яз.); «Description géographique de la Géorgie par tsarévitch Wakhoucht», SPb., 1842, карты]. Самый южный двалетский хеви Заха был расположен в ущелье современной речки Заха в верховьях Ардона, а Захская гора — водораздел между Диди (Большой) Лиахви и Ардоном. Однако, судя по тексту ПЭ, двалы в описываемую эпоху занимали и средний бассейн Лиахви, во всяком случае они, изгнав Ростому и его братьев, посадили их в Исроли, в верховьях Меджуды (см. ниже). Двалы упомянуты в «Армянской географии VII в.» как живущие в Азиатской Сарматии (см. *Армянская география VII в. по Р. Х.* Текст и перевод издал К. П. Патканов, СПб., 1877, стр. 37).

6. В тексте ჳრით სქმით «какими делами» (в ед. ч.).

7. См. прим. 5. Название здесь дано ჳეეს ისროლისს «хеви Исрольская», а ниже (л. 4а) — ისროლის ჳევი «Исролис-хеви».

8. Пишется Накапуани и Накаповани.

9. Груиси — крепость, по-видимому, в провинции Базалети.

10. ჳეესი «барс», ჳეი «тигр». Ср. КЦ, I, стр. 28.

11. გოლიათი/გოლიეთი, букв. 'Голиаф' (так у М. Броссе); является также именем нарицательным и означает 'исполн', 'богатырь'.

12. *Мамасахлис*, букв. 'отец дома', первоначально — 'глава дома, рода', 'старейшина общины'. Но, судя по повествованию КЦ, до Парнаваза (царя первой половины III в. до н. э.) мамасахлис Картлийский, в КЦ именуемый мхетским, являлся правителем всей страны, причем как будто прослеживается постепенное усиление власти и, следовательно, изменение самого института мамасахлиса. В результате этого род картлийских мамасахлисов стал претендовать на царскую власть, которую и захватил Парнаваз (КЦ, I, стр. 20; ср. стр. 11, 15—16). В то же время правители небольших хеви, подчинившиеся эристам, также назывались мамасахлисами.

Однако положение ларгвисского мамасахлиса неясно. Г. А. Меликишвили (*К истории древней Грузии*, стр. 404) и Д. В. Гврителишвили (*Из истории социальных отноше-*

ний..., стр. 38) вслед за С. Н. Джанашиа (*Грузия на пути ранней феодализации*, стр. 31) считают, что он являлся царским чиновником, получившим должность от царя. Но текст ПЭ не подтверждает этого. Согласно житию Иоане и Эквтиме Мтацмидели (XI в.), настоятели монастырей также именовались мамасахлисами. На этом основании И. А. Джавахишвили полагал, что во главе монастырей находились настоятели-мамасахлисы [см. И. А. Джавахишвили, *История грузинского права*, II, вып. 2, Тифлис, 1928, стр. 43—46 (на груз. яз.)]. Действительно, ПЭ дает основание считать, что ларгвисский мамасахлис был главой монастыря.

В этой связи интересно, что в одной надписи начала X в. упоминается «цхразмис-хевский хевис-упал» — «владыка», «правитель хеви» [см. Г. Бочоридзе, *Две надписи на плитах*, — «Саисторио моамбе» (*Bulletin historique*), 1925, № 1, стр. 97 (на груз. яз.)]. Таким образом, во всяком случае в X в., правителем всего Цхразма являлся хевис-упал, а поскольку хеви Цхразма входил в состав Ксанского эриставства, то, видимо, хевис-упали подчинялись ксанскому эриставу и по своим функциям соответствовали мамасахлисам — правителям небольших хеви.

13. Возможно, описка, вместо ღუჯიანი ღაბის ძე Хуциант Дабис-дзе, что означало бы Хуцишвили (или принадлежащий хуци; ღუჯი хуци 'старец', 'старейший') Дабис-дзе. В таком случае следует предположить, что мамасахлис был из духовного сословия (см. прим. 12). Ср. Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии* (стр. 405—406), где это имя объясняется как «старейшина общины». Однако конструкция в этом значении искусственна (предполагаемая Г. А. Меликишвили форма имени Хуциандаба может означать «поселение, принадлежащее старейшине», а не наоборот), не говоря о том, что даба имеет значение не общины, а лишь поселения (ср. *м-даб-и* и *м-даб-иур-и* 'поселенец').

14. *Дидебули*, букв. 'имеющий дидеба', т. е. почетное пожалование, величие; *азнаур* — представитель привилегированного сословия феодальной Грузии; первоначально это слово означало вообще свободных.

15. *Пативи* и *хели*, букв. 'почет', 'почтение' и 'должность', 'служба'.

16. ღა ღნ წარგიმართოს ღუმჯობესი: ული: შნ ჭქა უნ ერფაბ ; у Ш. А. Месхиа: ული: შშნ «...пусть бог направит во всем лучше. Тогда сказал...»

17. *Сакдрис швили*, букв. 'дети храма'; имеются в виду все подзащитные лица, связанные с Ларгвисским монастырем, вассалы храма. Впрочем, обычно их считают представителями привилегированного сословия, которые вместе с епископом управляли епископскими делами (см. Н. А. Бердзенишвили, *Очерки по истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.)*, Тбилиси, 1938, стр. 5; Ш. А. Месхиа, *Памятник эриставов*, стр. 368).

18. *Цихистави*, букв. 'глава', 'правитель крепости'.

19. Квенипневи (букв. 'Нижний Ипневи') находился в долине Ксани ниже Ларгвиса.

20. Другую версию о происхождении рода ксанских эриставов, см. прим. 27.

21. В тексте შის «ними» (мн. ч.).

22. განსაგებელი ყოველი სამართლად განსაგებელი კოველი სამართლად. Смысл не вполне ясен: განსაგებელი, букв. 'все (область, провинция и т. д.), чем кто (-либо) управляет'. Однако, по-видимому, речь идет о разрешении спорных вопросов, что, судя по контексту, входило в функции церкви. Затем говорится о хеви, которые подлежали управлению церковью или решению церкви (гансагებელი) (см. прим. 26), причем в последнем случае слово это согласовано со словом хеви, из чего следует, что церковью управляла ушьелами, хеви. Поэтому нам кажется, что имеется в виду подчинение церкви судебного делопроизводства.

23. ერნი ერნი; мн. ч. от *ერი* 'община', 'войско', 'народ' (ср. прим. 2).

24. მთავრობა მთავრობა, букв. 'быть главным', 'главенствовать'.

25. ჰენგეს იგი შთა პევთა შუა მკვდრობისთჲს, букв. 'желают его все хеви наследственным владетелем'.

26. განსაგებელი ეკლესიისანი см. прим. 22.

27. На поле приписка почерком мхедрули (а), палеографически конца XVII — начала XVIII в.: 39 მეფე გურამ ქეჲს 525 «39-(й) царь Гу(а)рам, (от рожд.) Хр. 525».

Согласно одному преданию, записанному Иоане Багратиони в 1799 г., ксанские эриставы пришли вместе с аварцами из Туркестана во время этого Гварама. Позднее их род пресекся, но в 1235 г. во время смут при царице Русудан из Нарского хеви Осетского царства пришли предки современных эриставов Бибила и Рати. Первый из них поселился в Квенипневи, а второй — в Жамурском хеви. В 1412 г. они получили

титул тавадов, а в 1569 г. — титул эриставов (см. Д. В. Гвретишвили, *Из истории социальных отношений...*, стр. 35). Эта довольно путаная версия, очевидно позднего и, по крайней мере частично, книжного происхождения.

28. ღა ზემოთ შანჭის მინდორისს.

29. Отсюда текст ПЭ внесен в списки летописи «Картлис цховреба» (II, стр. 441—446, 449, 456). На поле приписки почерком мхедрули (ა): 69 მეფე ღავით ქეს 1299 «69(-й) царь Давит (от рожд.) Хр. 1299».

30. Приписка почерком асомтаврული: ქქნი: ჳ: მ: : «Кроникон 440» (1320).

31. მწვლის ღიღების მინიჭებოთ, букв. 'пожалованием множества дидеба'.

32. Выше (л. 26) речь шла о семи хеви.

33. Хада — в верховьях Арагви, Цхавати — в верховьях Ксани; мтиулы (букв. 'горцы') — жители Мтиулету в верховьях Арагви.

34. Карчохи — на Ксани, выше Ларгвиси, Колоти — в верховьях Рехулы, западнее Ларгвиси.

35. ცხიობოთ, у Ш. А. Месхиа: ცხიობოთ.

36. ჯრთო უელი, букв. 'перевал Крестов'.

37. Гуелетская крепость — севернее современного Казбеги.

38. Аластани — селение в Джавахети, севернее современного Ахалкалаки.

39. *Шав-двалы*, букв. 'черные двалы' (в КЦ описка: ზოვადელნი/ზოვადელნი бовдайцы/бодайцы).

40. Трису — у истоков Терека, Ачабети — на р. Лиахви, выше Цхинвали.

41. Оставлено место 17—18 букв, но текста не было.

42. Названные селения и хеви расположены: Гуда — в верховьях Арагви, Млеге и Арахуети — в Хадском хеви, Хандо, Канчаети и Абазас-дзе — на Ксани, ниже Ларгвиси, Ацерис-хеви (в КЦ: აჭვერის ქვეო აцкверис-хеви, но в некоторых списках КЦ правильно) — на среднем течении Патара (Малой) Лиахви. Следует оговорить, что восточнее Цхразма есть гора, крепость и церковь Хандо ზხზღო, но здесь, видимо, речь не о них. Владением Абазас-дзе, как видно из дальнейшего, является Лоцо-бани, который Д. В. Гвретишвили отождествляет с Лорцомани (*Из истории социальных отношений...*, стр. 40). Бехуше — ниже написано ზეხუშე Бехуше. Фамилия Гагас-дзе в оригинале дана во мн. ч. გაგას ძენი.

43. То есть богоматерь: *тетросани*, букв. 'имеющая белый цвет'.

44. მოიგვბზ, букв. 'привел'.

45. Здесь и в следующем абзаце речь, видимо, идет о жителях Магаро.

46. Три следующих абзаца пропущены в списках летописи «Картлис цховреба».

47. *Укан-цixe*, букв. 'задняя крепость'.

48. *Дарбазовани*, букв. 'имеющий залу', 'дарбаз'.

49. На поле приписки почерком асомтаврული: ქქნი: ფიგ: «Кроникон 516» (=1296).

50. Приписка почерком мхедрули (ა): 69 მეფის ღავითის ღროს უოფილა. ქეს 1296 «Оказывается, случилось (это) во время 69(-го) царя Давита (от рожд.) Хр. 1296».

51. Приписка почерком асомтаврული: ქქნი იწ «Кроникон 17» (=1329). Этой приписки нет ни у одного издатели, но она внесена в текст КЦ (II, стр. 444). Этот Пипа, его отец и мать Тамар упомянуты в синодике грузинского монастыря Креста в Иерусалиме [см. Е. П. Метревели, *Материалы к истории иерусалимской грузинской колонии (XI—XVII вв.)*, Тбилиси, 1962, стр. 23, 74, 75 (на груз. яз.)].

52. Ф. Д. Жордания считал, что имеется в виду египетский султан Насар-Мелик, с которым грузины сражались вместе с монголами около 1296 г. (*Хроники*, II, стр. 8). Сведения об этом см. КЦ, II, стр. 279, 280, 316. Однако описываемые здесь события произошли позднее, в царствование Георги V Блистательного. С. Н. Какабадзе считает, что они имели место около 1330 г. (см. С. Н. Какабадзе, *Руставели и его поэма...*, стр. 74).

53. მოძღვართ მოძღვარი მოძგვართ-მოძგვარ, букв. 'старший над учеными монахами, модзгварами'.

54. Епископ храма севернее Каспи на р. Рехула. В его епархию входило Ксанское эриставство.

55. მონაგრის მოძღვარი

56. Срезана строчка, написанная на две трети. Последнее слово *მომღრნი მოძგვარი*, перед которым сохранились остатки некоторых букв. Текст связно не читается. У Ш. А. Месхиа *მამღრნ მამღრნ მოძგვართ მოძგვარ*.

57. Тюркский термин, обозначающий ханские приказы и грамоты. В XIV—XV вв. был достаточно распространенным в Грузии.

58. Овсы опустошили и заняли Гори в конце XIII в. (см. КЦ, II, стр. 296; ср. там же, стр. 306, 318, 445).

59. *ჭოშს აშს გარეგნს*, букв. 'вне наших владений'.

60. Приписка почерком асомтаврული ქვნი «Кроникон» (числа не было).

61. Ш. А. Месхиа читает *მცირეს* «малого», а не *ციხეს* «крепости». Сохранившиеся следы букв исключают первое чтение. В летописи «Картлис цховреба» также внесено *ციხეს* «крепости». В переводе М. Броссе пропуск.

62. Ш. А. Месхиа пропускает *მთი* «их». Буквально означает: 'изгнал всех (воинов, принадлежащих) им, восвосяи'.

63. *წაგ--ნეს ცაღჯანეს*. Чтение сомнительное, восстановление по смыслу и по следам букв. Чтение Ш. А. Месхиа *წამ[ო]ვ[ი]დეს* *ცამ [o]θ[u]des* 'повернул обратно' — не подтверждается состоянием текста. Все это место в ПЭ читается так: *წაგ--ნეს* (Ш. А. Месхиа *წამ[ო]ვ[ი]დეს*) *უნი აზნაურნი ქართველნი (!) და წარვიდეს უნი თონ მთა მთ კევთა* «И отправили всех азнауров картвелов (у Ш. А. Месхиа: «отправились все азнауры картвелы») и ушли все, кроме трех тех хеви». В КЦ (II, стр. 445): *და წარვიდეს უოველნი აზნაურნი ქართველნი (*და წარვიდეს უოველნი*) თვინიერ სმთა მთ კევთა* «И ушли все азнауры картвелы, * и ушли все * (отмеченные три слова в основной текст КЦ издателем, С. Г. Каухчишвили, не внесены), кроме трех тех хеви».

64. Приписка письмом мхедрули (в), по палеографическим данным XVIII в.: *მცირედ უნი* «немногочисленные все» (последнего слова у Ш. А. Месхиа нет).

65. *Цхават-гаретцы*, букв. 'внешние цхаватцы'.

66. Ломиса являлась крупной святыней горцев-грузин.

67. До этого места текст внесен в списки летописи «Картлис цховреба».

68. *წითლონი (!) ბიძა მისი* «Цитлони (!), дядя его». Эти три слова вписаны между строками тем же почерком, что и основной текст.

69. *ღარბაზოვანი ღიდ ღიღი*

70. *საჭეთე: ზეთი* «растительное масло».

71. *Агапи* 'поминальный обед', 'трапеза'.

72. Жамури — область (хеви) у истоков Лиахви.

73. *წურილი ერი*, букв. 'мелкий люд' (см. прим. 23); *თვდი კვეის ზერი*, букв. 'главный, старейшина хеви'; *თავადი თავადი* 'главный', 'старший'.

74. *ბეგრის მკრფლნი* «собиратели бегары».

75. Кного — хеви у истоков р. Патара (Малой) Лиахви.

76. *უნი მშენი*, букв. 'все отцы'.

77. Это слово вписано между строками тем же почерком.

78. *უკორცო* «бестелесный» — в христианской литературе эпитет ангелов.

79. *საკუთრება*, букв. 'собственность'.

80. *მთავარ*, букв. 'главный', 'старший', 'князь'. В тексте ПЭ: *უნი მთვ რნი და ღწლნი* «все мтавары и дидебулы»; в КЦ (II, стр. 446): *უოველნი მთავარნი ღიდებულნი* «все мтавары-дидебулы».

81. Приписка почерком асомтаврული ქვნი: ა.: «Кроникон 61» (=1373). Ш. А. Месхиа приписку почему-то вносит в текст хроники и считает, что эта приписка сделана почерком хуцури, хотя и отличным от почерка текста ПЭ. У М. Броссе (*Ad-*

ditions et éclaircissements, p. 379) и Ф. Д. Жордания (*Хроники*, II, стр. 11) эта приписка внесена в текст ПЭ. См. вступительную статью к настоящей публикации.

82. ღაღონებლთა, букв. 'опечалившихся'.

83. Вдоль этих строк приписка почерком хуцури: საცა ქარხუნი ქვანო «!დე Карчухи называется».

84. Приписка почерком асомтаврули ქენი: ა: ღ: «Кроникон 64» (=1376).

85. მანიაკი, букв. 'ожерелье'.

86. Слово это приписано под предыдущим на поле.

87. Вначале приписка почерком мхедрули (ბ) და აუშტა უ [!] ფრცვლო აკლია მატრამ ამ ამბისა «И хотя недостает листа, но принадлежит этому рассказу». Однако текст здесь полный.

88. Цубени, в других источниках сохранено в форме Цобени. Теперь так называют цова-тушинцев (см. Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 124).

89. Западнее Базалетского озера, у истоков Нарекави.

90. В оригинале ჰატრონი *патрони*.

91. См. прим. 73.

92. В верхнем течении р. Патара (Малой) Лиахви.

93. Монастырь св. Микела (Михаила) в долине Меджуды; по Вахушти Багратиони — в Исролис-хеви (*Описание царства Грузинского*, стр. 70). Видимо, речь идет о небольших восстановительных работах.

94. По-видимому, имеются в виду вассальные цари провинций (см. вступительную статью к настоящей публикации).

95. Повествование об этом Вишеле и его супруге ведется в прошедшем времени, хотя и составлен ПЭ при их жизни (см. вступительную статью к настоящей публикации).

96. წყნარი, это слово пропущено у Ш. А. Месхиа.

97. მობეგრე, букв. 'обязанный платить и выполнять бегару'.

98. Мугис-вели написан под титулом მღის ველი — Мгис-вели, восстановление по Ш. А. Месхиа, ссылающегося на Д. В. Гвретишвили (см. Ш. А. Месхиа, *Памятник эриставов*, стр. 336). Все названные селения находились в верхнем течении Патара Лиахви.

99. ბეგარი *бегари*.

100. Гора Сосхо მოს სოსხოსა — в верховьях Диди (Большой) Лиахви, там же жили и магран-двады.

101. Фамилию Брутас-швили ср. с названием горы Брут-сабдзели в верховьях Диди Лиахви.

102. Приписка красивым почерком мхедрули (გ); на боковом поле: ქ: ცაცი: ცრემლითა შეიბღოს: თუ: ცოდვი: მ— «Человек слезами простится, если грех...» (вторая строка срезана); на нижнем поле: კარგმან: ვინმე: მოსწავლე მან: საკითხავნი: ესე: ჰპოვნე: ოდეს მტერს: მოერიო: ნულარა: ჰკლავ: «Хороший какой-нибудь ученик, чтения эти найдди, когда врага одолеешь, более не убивай...» (дальнейшее срезано). Палеографически эта приписка датируется началом XV в., но некоторые буквы имеют архаическое начертание.

103. На поле приписка вертикально: «12386 (?)»; очевидно, должно быть «1386 (г.)».

104. Мна — хеви и селение в Трису, на южном склоне Казбека.

105. Коби — селение в верховьях Терека, недалеко от Крестового перевала.

106. Приписка почерком мхедрули (ა): 75 მეფე გიორგი. 12 წელი იმეფა «75-й царь Гиорги, 12 лет царствовал».

107. Приписка тем же почерком ქესაქეთ 1396 «От (рожд.) Хр. 1396». Этот поход царя Гиорги был предпринят в 1398 г.

108. დიდგომი, букв. 'большого, великого племени, рода'.

109. თემურ სამნგელი «Темур Саманганский» (!).

110. Эта фраза внесена в списки летописи «Картлис цховреба». Названия даны в следующих формах: ПЭ — ჩალანელი: ქაშანელი (КЦ: ქვეშენელი/ქაშანელი) სიულბელი (КЦ: სიუალშელი/სიუალბელი) ნაჭროელი (КЦ: ნაღროელი, Ш. А. Месхиа: ნაჭრომელი) ინდუსკანლითა

111. Лихт-Имери, букв. 'по ту сторону Лихских (гор)', современного Сурамского хребта; отсюда название Имерети.

112. Эти два слова вписаны между строками.

113. *Хизан*, букв. 'беженец', позднее — 'бобыль'; о детях храма см. прим. 17.

114. Эта фраза внесена в списки летописи «Картлис цховреба» (КЦ, II, стр. 449). Бурдиас-швили, в КЦ: *შურდიას შვილი/ბურდიას შვილი* «Шурдиас-швили/Бурдиас-швили».

115. Лекет — Дагестан.

116. Здесь смешано два похода Тимура в Грузию: в 1400 г. было опустошено Ксанское эриставство, а в 1403 г. — Кутаиси (закончился этот поход в декабре того же года).

117. Одна строка срезана. На следующей строке текст начинается с окончания род. п. ед. ч. с наращением *ის*.

118. *აზნაურის შვილები*

119. *ქოხსი*; *ქოხი* (перс.) — «медный барабан». У Ш. Месхиа нет этого слова.

120. Вдоль этих строк приписка почерком мхедрули (б): *ეს ამის შიგნის*. «Это (является) продолжением предыдущего».

121. *შოახლე*, букв. 'прислуга', 'сопровождающий'.

122. *დემურ* «Демур!»

123. *სმრეანს* «(в) Самаркан».

124. *თავადი ციხე თავადი ციხე*.

125. Чтение числового обозначения сомнительно, к тому же, может быть, была буква и для единицы: край листа срезан. У Ш. А. Месхиа: 10.

126. Укан-убани, букв. 'задний околоток', Цин-убани, букв. 'передний околоток', находятся в Цхразмис-хеви.

127. На нижнем поле приписка поздним почерком хуцури: *აკერს ხარება* «Проклятый Хареба». На л. 96 портрет эристава Вишела.

128. На верхнем поле приписка письмом хуцури (почерк тот же, что и основного текста): *ხტი და წიგნი ული უვნებლ დ* — «Иконы и книги все невредимыми остались».

129. Это слово вписано киноварью между строками.

130. По-видимому, церковь в Тбилиси.

131. *სწლვრს ვარსისს* «у пределов Варн(и?)сских».

132. Этот абзац внесен в списки летописи «Картлис цховреба» (КЦ, II, стр. 456).

133. *ციხე და სოფელი ხუთი*, букв. 'крепость (или крепостей) и селений пять'; ср. выше: *რვა ციხე და სოფელი*, букв. 'восемь крепостей и селений'.

134. Гора и монастырь у Михета.

135. *Сурамели*, букв. 'сурамец', 'владелец Сурами'; Сурами — город и крепость в Шида (Внутренней) Картли, недалеко от входа в Боржомское ущелье. До середины XIV в. Сурамели являлись эриставами картлийскими, а во второй половине XIV и в начале XV в. — лишь эриставами Арагвскими.

136. *სჩინბო*, «видный, именитый».

137. В тексте ед. ч.: *სფლს თქნს*.

138. *ჟი* — этого слова нет у Ф. Д. Жордания и Ш. А. Месхиа, но есть у М. Броссе.

139. Одна строка выцвела, сохранились отдельные буквы, смысл неясен: *პირ—ფ აზი დო (?) ვ ამის*.

140. Дальше не читается около 10 слов.

141. *შალანბ დვალეთი*. «Магран-Двалети», область (хеви) в истоках Диди (Большой) Лиахви (см. прим. 100).

142. Одно слово (5—6 букв) не читается.

143. *სა* : возможно и ед. ч. На этом ПЭ обрывается.

Р. Г. Мукминова

К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТЕРМИНОВ

тагджа, сукнийат, ички

I

В некоторых среднеазиатских документах XVI в. встречается термин *тагджа* (تکجا). В вакфной грамоте *Вакф-нама*, составленной от имени невестки узбекского хана Мухаммада Шайбани — Михр-Султан-ханум, этот термин упоминается несколько раз. Так, среди ста сорока четырех земельных участков, расположенных в Шовдорском тумане Самаркандской области и передаваемых в вакф в пользу двух медресе (Шайбани-хана и Михр-Султан-ханум) в г. Самарканде, в грамоте называется и тагджа мельничного здания:

همگی و تمامی یک قریه است که در کتاب تنگ خس ولایت کش است و مشهور است این قریه بموضع جخسنوی و مشتمل است بر اراضی کثیره قابل زراعت و صالح حراثت و اشجار مثمره و غیر مثمره و تکجا آسیابخانه¹

«Целиком и полностью одно селение, которое находится в *тагобе*² [реки] Тангхас Кешской области. Это селение известно как местность Джахшинуй и включает многочисленные земли, пригодные для земледелия, плодовые и неплодовые деревья и *тагджа* мельничного здания».

Далее, в том же документе при перечислении границ *сукнийата* одной мельницы указывается, что ее восточная граница площадью примыкает к *тагджа* мельницы:

همگی و تمامی سکنیات یکجگر طاحونه دایره معموره است در موضع مذکور...
حد شرقی آن پیوسته است عرصه بتکجای آسیاب کهنه معینه...³

«Целиком и полностью сукнийат одной действующей благоустроенной мельницы, [находящейся] в упомянутой местности... Восточная его граница площадью примыкает к *тагджа* определенной старой мельницы».

Для осмысления слова *тагджа* значительный интерес представляет текст на л. 676 той же вакфной грамоты, где описывается «сто сорок четвертая» земельная площадь, передаваемая в вакф:

¹ Р. Г. Мукминова, *К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме»*, Ташкент, 1966, стр. 187.

² *Тагоб* (тагаб) — низменное место между горами, куда стекает вода; ущелье между двумя горами, по которому течет река, пойма реки. Подробнее см. Б. Х. Кармышева, *Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР*, — «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXIII, М., 1960, стр. 55.

³ Р. Г. Мукминова, *К истории...*, стр. 187—188.

همگی یکقطعه زمین است که قابل زراعت و تکجاء بازار موضع زنجیر باغ است که مشهور است و این زمین از اراضیه موضع و خشتی مذکور است که بر عرصه آن سکنیات دککین مردم است که این سکنیات خارج این وقف است و مستثنی است این دککین و عمارت از این وقف⁴

«Шеликом один участок земли, который пригоден для земледелия и является *тагджа* базара известной местности Занджирбаг. Эта земля входит в число земель упомянутой местности Вахашти; на площади той находится *сукнийат дукканов*⁵ людей, но этот *сукнийат* не входит в данный вакф; эти *дукканы* и постройка исключены из этого вакфа».

Далее описываются четыре границы «этой упомянутой земли *тагджа* базара». Поскольку в рассматриваемой грамоте во всех предыдущих случаях обязательно определяются границы передаваемых в вакф ста сорока трех земельных наделов, а в приведенном тексте о передаче сто сорок четвертой земельной площади называются лишь границы *тагджа* базара, надо полагать, что «*сукнийат дукканов* людей» находился на *тагджа* базара. Таким образом, под *тагджа* в цитированном месте подразумевается сто сорок четвертая земельная площадь, отведенная под базар и занятая *дукканами* и другими постройками, которые, судя по контексту, не включались в понятие *тагджа*.

На основании разобранного текста можно предположить, что в приведенных выше примерах из этого же *Вакф-нама* под *тагджа* мельницы и подсобных помещений понимается территория земли под ними. Сюда же включалась площадь, прилегающая к постройкам (мельницам, лавкам, баням и т. д.), отведенная для размещения людей и животных с грузом, прибывших на мельницу, базар и другие места общественного пользования.

Согласно тексту *Вакф-нама*, цитированному выше, одна из упомянутых *тагджа* передавалась в вакф, почему можно заключить, что она приносила доход вакфному учреждению в виде платы за аренду места. В *Джами' ал-васа'ик* — сборнике образцов для составления юридических документов — имеется указание о предоставлении в аренду *тагджа* площади двора, относящегося к числу вакфов ханаки (часть доходов с которых поступала в пользу некой Шахру-бегим, правнучки Мир Бурундука). Там же упоминается *тагджа* бани⁶.

В XIX в. денежные сборы, взимаемые за пользование местом на базаре, были известны под названием *тагджай*. В ведомости канцелярии туркестанского генерал-губернатора о поступившем сборе «Текъ-Джай (лавочный)» указывается, что в 1874 г. сбор *тагджай* «вследствие дешевого предложения арендаторов» взимался «особыми сборщиками административно установленными» по 15 коп. в месяц с каждого торговца, получившего на базаре место для товара. В 1879 г. сбор *тагджай* на территории Туркестанского генерал-губернаторства был отменен с указанием «отдавать с торгов одни лишь весовые сборы»⁷. В Хиве XIX в. также существовали сборы за базарные (торговые) места — *тагиджай* (تکى جای)⁸.

⁴ Там же, стр. 180—181.

⁵ *Дуккан* — торговая лавка, ремесленная мастерская или то и другое, вместе взятое.

⁶ *Джами' ал-васа'ик*, рук. ЛО ИВ АН СССР, А 933, лл. 79а, 79б, 80а.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, док. 293, л. 15.

⁸ П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением*, Л., 1940, стр. 29, 137—138.

II

На основании изучения документов джуйбарских шейхов П. П. Иванов доказал, что слово *сукнийат* обозначало «постройки, сооружения, насаждения, вплоть до посевов многолетних трав (люцерна) и даже пшеницы, на не принадлежащей юридически владельцу государственной земле...»⁹. Как явствует из многих документов, *сукнийат* мог находиться также на вакфной и милюковой землях¹⁰.

Данные из цитированного выше *Вакф-нама* свидетельствуют о том, что *сукнийатом*, кроме выше перечисленного, могли являться и предметы домашнего обихода, находящиеся внутри жилого здания. Так, по условиям вакфной грамоты упомянутой выше Михр-Султан-ханум лицо, занимающее одну из худжр медресе, не имело права продавать *сукнийат* в этой худжре.

شرط دیگر آنکه هرکسی که شاغل حجره از این حجرات مدرستین شریفترین بوده باشد بعله آنکه من درین حجره سکنیات دارم گویان آن سکنیات را نفروشد و هیچ کسی نیز نخرد و بر مدرسان و سایر طلبه و حفاظ و خدمه و متولی لازم باشد که اوزا از این کار منع و زجر کند و آنچه سکنیات ساخته باشد در حجره از حجرات مدرستین شریفترین آن سکنیات خود را بردارد و حجره را کماکان تسلیم نماید در محلی که از این حجره بیرون آید زیرا که بواسطه این فعل بسیار است که حجره بدست نااهل می افتد.¹¹

«Другое условие такое: каждый, занимающий какую-либо худжру из худжр обеих славных медресе, по той причине, что скажет: „я в этой худжре имею *сукнийат*“, пусть не продает тот *сукнийат* и никто пусть также не покупает [его]. И необходимо, чтобы мударрисы и другие — обучающиеся, знающие наизусть [Коран], слуги и *мутавалли* — препятствовали [этому] и удерживали его от подобного дела, а что из *сукнийата* [тот человек] сделал в одной из худжр обеих славных медресе, пусть он его возьмет [с собой], и когда будет уходить из этой худжры, пусть сдаст худжру такой, какой она была, ибо в результате подобных действий часто худжра попадает в руки недостойного»...

Отсюда следует, что *сукнийатом* назывались и такие предметы, которые могли быть установлены внутри помещения, например суфа, полка, лестница и т. п., не связанные непосредственно с землей¹², что позволяет несколько расширить приведенное выше определение П. П. Иванова.

Цитированное место из *Вакф-нама* говорит о том, что в XVI в. худжры фактически могли являться предметом купли-продажи. Однако это осуществлялось в завуалированной форме: за определенную сумму покупатель приобретал *сукнийат* — какую-либо вещь, находящуюся в

⁹ П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.*, М.—Л., 1954, стр. 33.

¹⁰ Там же, док. № 102, 139; Р. Г. Мукминова, *К истории...*, стр. 237.

¹¹ Р. Г. Мукминова, *К истории...*, стр. 211.

¹² По этнографическим данным, в Бухаре конца XIX — начала XX в. практиковалась покупка таких предметов, как лестница, метелка и т. п., с целью приобретения худжры в медресе.

худжре, — сделанный или приобретенный прежним жильцом. Под видом пользования купленной вещью покупатель фактически получал право проживать в худжре.

III

В среднеазиатских сочинениях XVI в., написанных как на узбекском, так и на персидском языках, нередко встречаются узбекские слова, применяемые для обозначения разных должностных лиц. Таковы, например, *ильчи*, *аткачи*, *ишик-агаси* (*ишик-акаси*) и др. К узбекским словам, обозначающим лиц из служилого сословия, можно отнести и слово *ички* ایچکی (в персидских сочинениях во множ. числе в форме *ичкийан*, в узбекском — *ичкилар*). *Ички* неоднократно упоминается в историческом сочинении Хондамира *Хабиб ас-сийар*, «Записках» Захираддина Бабура, *‘Абдулла-нама* Хафиз-и Таныша, *Шайбани-нама* Мухаммада Салиха и в других сочинениях того времени.

Рассматриваемый термин встречается часто в следующих сочетаниях: «эмиры (беки) и *ички*» — امرا و ایچکیان (реже — «*ички* и эмиры (беки)» — ایچکیان و امرا); «эмиры, садры, везиры, *ички* и приближенные» — امرا و صدور و وزرا و ایچکیان و مقربان и т. д.¹³

Приведем некоторые выдержки из сочинений, упомянутых выше.

В «Записках» Захираддина Бабура мы читаем:

ختلان ولايتى دا سلطان مسعود ميرزانيك خيلى بيكلارى نينك و ايچكىلارى نينك
تنى بار ايردى¹⁴

«В области Хутталан находилось немало беков и *ички* Султан Мас‘уд-мирзы...».

سلطان مسعود ميرزانيك بيك و ايچكىسى و ييگيت ييلانى ارزده بولوب
ايدىلار¹⁵

«Беки, *ички*, йигиты Султан Мас‘уд-мирзы были обижены».

بىر كون اسفيدك قورغانيدا جمعى ايچكىلار... بارى حاضر ايدىلار¹⁶

«Однажды в крепости Исфидук собрались все *ички*...».

تانكلاسيغه خواجه ابو المكارم و قاسم بيك و جمعى بيكلار و ايچكىلار... نى
چارلاب مشورت قيليب... مين و قاسم بيك و يادوغوم داغى ايچكىلار و ييگيتلار
بيله كومك بولدوك¹⁷

«На следующее утро я созвал Ходжу Абу-л-Макарима, Касима-бека, всех беков и *ички*... и устроил совет... Я, Касим-бек и близкие мне *ички* и йигиты остались в резерве».

¹³ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, Бомбей, 1857, т. III, ч. III, стр. 244, 253, 277, 294, 298. Здесь и ниже: *انچکیان* (ایچکیان); *The Babar-nama* (Facsimile), ed. by A. S. Beverige, Leyden — London, 1905 (GMS, I), лл. 566, 83а и др.

¹⁴ *The Babar-nama*, л. 556.

¹⁵ Ibid., л. 566; *Бабур-наме. Записки Бабура* [пер. М. Салье], Ташкент, 1958, стр. 71.

¹⁶ *The Babar-nama*, л. 83а; см. *Бабур-наме*, стр. 99.

¹⁷ Ibid., л. 91а; см. *Бабур-наме*, стр. 107.

کوکلداشلار و یاووق ایچی لار چیقیب ایردی¹⁸
«...Вышли *кукельдаши* и близкие *ички*...»

Более интересным с точки зрения выяснения роли *ички* и содержания этого термина является следующий текст из тех же мемуаров Бабур.

Перечисляя оставшихся с ним в дни скитаний лиц, Захираддин Бабур сообщает:

بیگلار و ایچی لار و ییگیتلار کیم مینینگ بیلہ قالیب ایдилار... بیکلاردین قاسم قوچین بیک ویس لاغری بیک ابراهیم سارو مینکلیغ بیک شریم طغای سیدی قرا بیک ایچی لاردین میر شاه قوچین سید قاسم ایشیک اغا جلایر قاسم عجب محمد دوست علی طغای محمد علی مباشر خدا بردی طوغچی مغول یارک طغای سلطان قلی بابا قلی پر ویس شیخ ویس یار علی بیلال قاسم میر اخور حیدر رکابدار¹⁹

«Беки, *ички* и йигиты, которые остались со мной... Из беков [среди них были]: Касим Каучин-бек, Вайс Лагири-бек, Ибрахим, Сару Минглик-бек, Ширим Тагай, Сайиди Кара-бек, из *ички*: Мир Шах Каучин, Сайид Касим Ишик-ага Джалаир, Касим Аджаб, Мухаммад Дуст, Али Дуст Тагай, Мухаммад Али Мубашшир, Худай Берди Тугчи могол, Ярак Тагай, Султан Кули, Бобо Кули, Пир Вайс, Шейх Вайс, Яр Али Билал, Касим Мирахур, Хайдар Рикабдар».

Ичкидан встречаются также в сочинении Хафиз-и Таныша 'Абдулла-нама²⁰.

По Мухаммад Салиху, для того чтобы привести семьи и обозы к месту сражения, были отправлены султаны, беки, *ички* и огланы:

سلطان لار بیگلار و ایچی لار و اوغلانلار²¹

В другом месте тот же автор сообщает, что из Кундуза выступили «*чухра* и *ички* — все конные»²².

Как мы видим, перечисляя разные разряды класса феодалов, Захираддин Бабур и другие авторы, писавшие в те годы, подразумевают под *ички* группу носителей почетных должностей и обычно упоминают их после эмиров (беков), садров и везиров. Это свидетельствует о том, что *ички*, как правило, не входили в число беков (эмиров) и на иерархической лестнице чинов и званий занимали место ниже их.

Следующий текст из *Бабур-нама* подтверждает это:

دوست بیک خیلی بخشی ییگیت ایدی بیکلیگی دا هنوز ترقی قیلور ایدی
بیکلیگی دین برون ایچی لیکلاریدا نیچه قائله یخشیلار باردی²³

«Дуст-бек был очень хороший йигит. Став беком, он все еще продолжал повышаться. Прежде чем сделаться беком, будучи еще лишь *ички*, он неоднократно совершал хорошие дела».

¹⁸ Ibid.

¹⁹ *The Babar-nama*, лл. 55a—55b.

²⁰ Хафиз-и Таныш, 'Абдулла-нама, рук. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 406б, см. также л. 407а и сл.

²¹ Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, стр. 203.

²² Там же, стр. 188. О *чухра* см. Р. Г. Мукминова, *Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.)*, — сб. «Памяти М. С. Андреева», Сталинабад, 1960.

²³ *The Babar-nama*, л. 234a.

Однако в отдельных случаях *ички* могли быть и беками. При этом беки *ички* не причислялись к группе высокопоставленных феодалов, которые титуловались великими беками, что ясно видно из приводимого ниже отрывка из того же сочинения:

ایچکی بیکلار چییرکاسیدا ایدی اولوغ بیکلار چییرکاسیدا رعایت قیلدیم²⁴

Султан Ахмед Танбел «находился в рядах беков *ички*, [теперь же] я оказывал ему внимание в рядах великих беков».

В состав *ички*, согласно приведенным выше данным Бабура, включались разные категории административных лиц, а именно: *ишиг-ага*, *мубанишир*, *тугни*, *мирахур* и *рикабдар*²⁵. Исходя из контекста 'Абдулла-нама Хафиз-и Таныша, можно полагать, что под термином *ичкийан* могли быть объединены *ишик-ака* и *чухра-ака*:

فوج از ایشیک اقایان و چهره اقایان با سایر ایچکیان²⁶

По свидетельству Хондамира, маулана Фасихаддин Сахибдар даруга, управляющий библиотекой Султана Хусайна, возвысился среди *ички*:

داروغه کتابخانه همایون شده در سلك ایچکیان رایت تقرب بر افراخت²⁷

По Мухаммаду Салиху, среди *ички* Шайбани-хана был *каргндар* — управляющий:

ایچکی سی نینک ایچیدا کارگندار
ینه بیر ایچکی لарیدین جالباش
اولداغی یغشی قیلور ایردی سواش²⁸

Среди его *ички* [был] ведущий дела,
еще один его *ички* Джалбаш,
он, кроме того, хорошо сражался.

Таким образом, из цитированных текстов видно, что понятие *ичкийан* в конце XV — первой половине XVI в. было обобщающим для нескольких придворных чинов. Терминологически оно применялось для обозначения служилых людей при правителях, может быть для придворных вообще²⁹.

Ички были не только при дворе хана, но и отдельных султанов³⁰,

²⁴ Ibid., л. 51а.

²⁵ Ibid., л. 55а—55б.

²⁶ Хафиз-и Таныш, 'Абдулла-нама, л. 406б. Мухаммад Салих относит *чухра* и *ички* к разным разрядам (Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, стр. 188).

²⁷ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, т. III, ч. III, стр. 343, в тексте: *انچکیان*.

²⁸ Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, стр. 138.

²⁹ *Ички* можно сблизить с *махрамами* (придворными) более позднего периода (см. «Узбек классик адабиёти учун қисқача лугат», Тошкент, 1953, стр. 193). Однако между ними было и некоторое различие: термин *ички* в XVI в., судя по приведенным данным из исторических источников, объединял различные должности, в том числе и должность *мирахура* (*The Babar-nama*, л. 55а—55б), в то время как *махрам* в Хиве XIX в. называется рядом с *мирахуром*, т. е. последний не входил в понятие *махрам* (П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в.*, стр. 33; см. также В. В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка*, — Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 408; А. А. Семенов, *Бухарский трактат...*, — «Сов. востоковедение», М.—Л., 1948, V, стр. 144).

³⁰ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, т. III, ч. III, стр. 277, в тексте: *انچکیان*; Хафиз-и Таныш, 'Абдулла-нама, л. 119; *Бабур-наме*, стр. 71; Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, стр. 64.

т. е. *ички* являлись придворными служилыми людьми как верховного правителя — хана, так и царевичей, — султанов. Некоторые авторы упоминают об особых (специальных) *ички* — *ایچکیان خاص*³¹.

В историческом труде Хондамира упоминается «внутренняя комната во дворце»³².

Наряду с другими должностными лицами *ички* принимали активное участие в военных сражениях. Например, Бабур сообщает:

غولدا قاسم بیک و ینہ بعضی یاووق ایچکی لاری ایدی³³

«В центре [отряда] находились Касим-бек и еще некоторые «близкие *ички*».

Или:

بولغان ابدان ییگیت لارنی و ایچکی لارنی تمام ایراول گا بیتلیب ایدی³⁴

«Все наличные храбрые йигиты и *ички* были приписаны к авангарду». Мухаммад Салих также неоднократно описывает участие в боях *ички*³⁵.

Ичкийан участвовали также в решении вопросов, касающихся государственных дел.

В несколько ином значении встречается термин *ичкийан* в *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар* Махмуда б. Вали — сочинении, составленном в первой половине XVII в.:

اما قفای سرپر اعلی و مسند معلما مخصوص است بقورچیان خاص و ایچکیان

«Что же касается [мест] позади высочайшего престола, то это место отведено собственным курчиям (телохранителям) и ичкиям (комнатным слугам)»³⁶.

Цитированное место из *Бахр ал-асрар* в переводе В. В. Бартольда отражает роль, которую играли *ички* в дворцовой жизни правителей начала XVII в. По данным Махмуда б. Вали следует, что ичкийаны не входили в ряды высокопоставленных эмиров и людей, «пользующихся доверием и свободных от беспокойств», коих называли биями (беками).

На церемониях при дворе узбекских ханов они располагались позади высочайшего престола в числе служилых людей, занимающих второстепенное место среди окружающих хана лиц. При этом носители

³¹ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, т. III, ч. III, стр. 343.

³² Там же, стр. 184.

³³ *The Babar-nama*, л. 89а.

³⁴ Ibid., см. также Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, стр. 188.

³⁵ Мухаммад Салих, *Шейбани-намэ*, стр. 64, 138, 166.

³⁶ В. В. Бартольд, *Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке*, — Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 391, 396. В транскрипции В. В. Бартольда: *ичги*, в другом месте: *ичеги*. В последнем случае переведено: «внутренние вельможи» (В. В. Бартольд, *Мир Али-Шир и политическая жизнь*. — Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 241). В русском переводе *Бабур-наме*, сделанном М. А. Салье, слово *ички* в разных местах переведено по-разному: «внутренние беки» (стр. 105—107), «внутренние приближенные» (стр. 107), «внутренние» (стр. 70), «приближенные» (стр. 71, 271) (*Бабур-наме*, Ташкент, 1958, стр. 71, 99, 105, 107). По В. В. Радлову: *ички* — внутренний, *ички-бек* — придворный чиновник (В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, СПб., 1893, т. I, ч. 2, стр. 1518). Л. З. Будагов пишет, что *ички-бек* или просто *ички* означает «беки или князья, находящиеся при дворе, при особе хана, придворные» (Л. З. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, СПб., 1869, т. I, стр. 181).

званий *ишик-ага* и *мирахур*, причисляемые в XVI в. Захираддином Бабуром к группе *ичкийан*, по данным Махмуда б. Вали, составляли особую группу служилых людей, не входящих в ряды *ичкийан*. *Ишик-ага* и *мирахур* к началу XVII в. занимали более почетное место, чем *ичкийан*³⁷. Эти данные позволяют говорить об изменении со временем содержания термина *ичкийан*.

В отдельных изданиях сочинения Хондамира *Хабиб ас-сийар* слово *ичкийан* встречается в форме *انچكيان* (انچكيان)³⁸, в то время как в рукописи этого сочинения, переписанной в 1595 г., и в цитированных выше произведениях XVI в. оно написано в форме *ايچكيان* (ايچكيان)³⁹.

³⁷ В. В. Бартольд, *Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке*, стр. 390—396.

³⁸ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, литогр. изд., Бомбей, 1857, стр. 244, 253, 257, 273, 281, 305, 343 и др.; Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин ал-Хусайни Хондамир, *Та'рих-и Хабиб ас-сийар*, Тегеран, 1333/1954, стр. 228.

³⁹ Хондамир, *Хабиб ас-сийар*, рук. ИВ АН УзССР, № 2153, лл. 606а, 615а. 1595 годом датирован т. III сочинения, охватывающий историю Чингиз-хана, Тимура, Тимуридов, первых Шейбанидов и Исма'ила Сефевида («Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1952, № 73).

М.-Н. О. Османов

РАЗНОЧТЕНИЯ И ОПИСКИ В СПИСКАХ ШАХ-НАМЕ И ИХ ФИКСАЦИЯ В КРИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена частному вопросу теории текстологии и ставит целью пояснить некоторые особенности составления сводно-критического текста на основе теоретических положений, разработанных Е. Э. Бертельсом применительно к восточной текстологии. Е. Э. Бертельс выдвинул новое положение о том, что при современном состоянии восточной текстологии и при отсутствии автографа или прижизненной рукописи нет смысла говорить о каноническом тексте, что в таком случае следует ставить вопрос о составлении сводно-критического текста, который воспроизводит редакцию определенного периода, что составленный таким образом сводно-критический текст будет строго установленным этапом на пути приближения к авторскому (каноническому) тексту¹.

Как известно, при наличии автографа или прижизненной рукописи задача текстолога состоит в том, чтобы посредством привлечения других рукописных материалов устранить описки и явные ошибки, которые по тем или иным причинам вкрались в автограф (прижизненную рукопись); в том, чтобы расшифровать те места, которые в силу технических причин (клякса, дефект, стерто и т. д.) не могут быть прочитаны в автографе или прижизненной рукописи. При этом следует иметь в виду, что задача текстолога — не улучшить текст, не сделать его доступным для читателя, а восстановить авторский текст (или приблизиться к нему). Если даже автор совершил явную ошибку, текстолог не вправе «улучшать», «исправлять», ибо в этом случае он ничем не будет отличаться от средневековых переписчиков. Текстолог обязан заметить подобную ошибку, обратить на нее внимание, дать свое толкование ее причин, но не волен предлагать свою конъектуру (если только ошибка автора не носит механического характера). Если в авторском тексте встречается стилистическая неряшливость, неудачная рифма, если нарушен метр и т. д., текстолог обязан сохранить их, воспроизведя одновременно разночтения и высказав свои соображения. Однако, если у исследователя-текстолога нет под руками автографа, то его свобода значительно возрастает, и ему предоставляется возможность заменить в основной (лучшей) рукописи то чтение, которое при всестороннем рассмотрении кажется не принадлежащим автору.

Названный этап на пути приближения к каноническому тексту по

¹ Это положение Е. Э. Бертельса было популяризировано в двух моих статьях: 1) «Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее принципы (на материалах иранской текстологии)», ВИМК, 1961, № 4; 12; «Из опыта текстологической работы над *Шах-наме* Фирдоуси», — ПВ, 1960, № 4.

мере обнаружения новых рукописных материалов может быть отодвинут ближе ко времени написания произведения и при благоприятном исходе, если говорить об идеале, может завершиться составлением канонического текста. Однако по большей части нам придется смириться с тем, что тексты многих персидских классиков так и не будут доведены до состояния канонического текста, поскольку вероятность обнаружения более древних рукописей весьма ограничена.

При составлении канонического текста первостепенное значение имеет творческая сторона подготовки текста, т. е. то, что зависит от субъективных данных текстолога, и эту сторону работы я называю субъективно-творческой. Она сводится к целому ряду критических актов, которые касаются как отдельных частных вопросов, так и всей композиции и содержания исследуемого текста. В текстологии необходимо исходить из того положения, что составление текста есть прежде всего исследование его, притом исследование творческое, историческое. Механическое же переписывание разных вариантов с выносом разночтений не является суммой критических актов и, следовательно, не является научной подготовкой текста.

При составлении сводно-критического текста субъективно-творческая сторона имеет существенное значение, но ограничиться одной ею не представляется возможным, поскольку сам этап приближения к авторскому тексту предполагает возвращение к этому этапу на основе других, новых рукописных материалов; иными словами, изданный текст впоследствии, во-первых, может быть использован в качестве одного из возможных вариантов, а во-вторых, он должен дать новым исследователям полное представление о состоянии тех материалов, которые были привлечены при составлении сводно-критического текста. Следовательно, сноски к тексту должны давать полную картину состояния использованного материала, чтобы новый исследователь мог не обращаться вновь к уже использованным материалам. Этап в текстологии, помимо субъективно-творческого осознанного текста, т. е. определенной редакции, должен еще представлять собой полное описание текста всех рукописей.

Эту сторону работы, в которой помимо творческого начала имеет значение и техническое исполнение, мы называем объективно-технической, поскольку технические моменты точности исполнения выступают здесь на первое место.

Конечно, мы могли бы воспроизвести все орфографические особенности текста, все описки и разночтения в каждом отдельном случае, и с объективно-технической стороны добиться безупречности, однако физически это вряд ли будет возможно, и сам текстолог потонет в море мелких ошибок и орфографических особенностей и неизбежно допустит примерно столько же описок, сколько имеется в любой использованной им рукописи. Иными словами, описание использованных списков должно быть не только полным, но и предельно экономным, простым.

Следовательно, систематизируя аппарат, текстолог должен думать не только об облегчении и упрощении работы следующих поколений текстологов, но и о том, чтобы и его работа была облегчена и неизбежные описки сведены к минимуму. Как известно, субъективно-творческая ошибка может быть поправлена в результате критического акта следующего текстолога, а описка может быть исправлена лишь при новом обращении к уже использованным материалам.

Эти обе стороны исследования текста, т. е. субъективно-творческая и объективно-техническая, в практической работе сводятся к выбору чтения и выделению разночтений (творческая) и оформлению разночтений и описок (техническая). Природе разночтения и описок как раз и посвящена данная статья.

Прежде чем говорить о воспроизведении разночтений и описок, следует дать дефиницию обоих явлений. Разночтение — это вполне пригодное чтение, отвергнутое текстологом не потому, что оно неправильное, плохое и т. д., а потому, что оно не принадлежит данному автору. Задача текстолога — не улучшение текста, а освобождение его от посторонних примесей, даже если эти примеси представляются лучшими, чем сам авторский текст, или равны ему. Поэтому текстолог должен отрешиться от своих субъективных вкусов и на основе своего опыта, на основе имеющейся в его распоряжении информации объективно выделить правильное чтение. Процесс этот, однако, субъективен в том смысле, что в нем участвует сама личность текстолога с его воззрениями, подготовкой и т. д. Идеалом субъективного критического акта был бы тот случай, когда этот акт стал бы абсолютно объективным, т. е. когда ученый дал бы абсолютно тождественный авторскому текст. Текстолог путем субъективно-творческих актов стремится познать объективную истину, вынести адекватное ей суждение, воспроизвести авторский текст.

Идеальным творческий критический акт был бы также в том случае, когда суждение или отбор чтения производились бы не на основе субъективных воззрений и знаний текстологии, а на основе полной информации, т. е. документированных данных, которые в качестве достоверно известных фактов подтверждали бы выбор текстолога. Но поскольку такие данные очень редки, текстолог вынужден прибегать к помощи своих знаний, делать отбор на основе сопоставления и сравнения материала списков, собственного опыта, основанного на изучении мировоззрения автора, его стиля, на основе изучения истории языка и стиля, исторических реалий, т. е. на основе всей имеющейся в его распоряжении информации.

Описка — это ошибка, неправильное чтение, которое не присуще не только данному автору, но вообще поэтическому тексту и данной литературе. Здесь нет выбора чтения, поскольку описка — неверное чтение, и выбрать ее в качестве правильного чтения может только неграмотный текстолог. Б. В. Томашевский отмечал, что «в первую очередь необходимо расслнить механические изменения (опечатки) и авторскую сознательную правку»². Д. С. Лихачев в применении к текстологии древнерусских памятников оговаривает, что в них место «авторской правки» занимает правка «соавторов» (переписчиков, редакторов, переделывателей и т. д.)³. Авторскую правку (по нашей классификации — разночтения в результате деятельности переписчиков) Б. В. Томашевский и Д. С. Лихачев делят на систематическую и спорадическую.

Сознательные изменения текста устойчивы, они определяют то, что называется редакцией произведения, и заменяются лишь тогда, когда возникает новая редакция, т. е. когда простой переписчик превращается в редактора, соавтора, «улучшателя».

² Б. В. Томашевский, *Писатель и книга. Очерк текстологии*, изд. 2, М., 1959, стр. 144.

³ Д. С. Лихачев, *Текстология*, М.—Л., 1962, стр. 168.

Среди многих современных иранских ученых бытует мнение, что европейские текстологи отмечают в сносках безграмотные описки переписчиков в силу плохого знания ими персидского языка. Но если какой-либо текстолог, желая избежать подобного обвинения и подлинных ученых, и дилетантов от текстологии, станет пренебрегать тем, что кажется ему безграмотной опиской, то составленный им текст принесет мало пользы науке; напротив: такой текст — явный и тяжело поправимый вред для науки, поскольку печатное издание предполагает, что оно может и должно быть использовано при дальнейшей работе над текстом, что к нему будут относиться с доверием, как к определенному этапу текстологического исследования, которое предполагает полное описание рукописного материала.

Значит ли это, что должны воспроизводиться все ошибки и неграмотные описки, все искажения? В известной мере да, и вот по каким причинам. Во-первых, даже самый опытный текстолог, даже если он является носителем языка, не может дать полной гарантии правильно-сти дешифровки того, что он считает опиской или искажением. Не исключена возможность, что среди сотни действительных описок и искажений окажутся два-три правильных чтения, которые текстолог просто не смог дешифровать. Всем известно и неоднократно подтверждено практикой текстологов, что кажущееся на первый взгляд неверным или опиской при более внимательном рассмотрении оказывается наиболее приемлемым чтением. Во-вторых, «ошибки, общие нескольким спискам, позволяют удобно классифицировать тексты, объединять списки в группы»⁴. Конечно, не следует возводить классификацию ошибок в абсолют и строить стемму списков по ошибкам: такой механический этап в текстологии давно уже преодолен⁵.

Нахождение среди так называемых описок и искажений правильных чтений, т. е. дешифровка трудных мест, — одна из самых сложных задач текстологии; она может быть решена лишь при глубоко осознанном творческом толковании текста; но не каждый текстолог отмечен способностью к этому. Однако каждый текстолог может и обязан точно воспроизвести все разночтения и описки, а в тех случаях, где он не может дешифровать текст, он обязан выразить свое сомнение, чтобы этим вопросом занялись другие текстологи, а не прошли мимо него. Вот в этом пункте как раз и возникает проблема разночтения и описки: какие описки отмечать в сносках, какие — нет.

Конечно, соблазн велик, и каждому текстологу приятно чувствовать, что он может верно отличить правильное чтение от описки. Но, увы, в текстологии, как и во всякой другой науке, не все так просто.

Описки вообще дело мало приятное и хлопотливое: они перегружают аппарат, а обилие описок в аппарате затрудняет восприятие действительного состава текста в списках. Поэтому вполне закономерно стремление текстологов не загружать аппарат. Нам кажется, что это желание можно удовлетворить не простым игнорированием описок, а их классификацией, разграничением их с особенностями исторически обусловленной сффографии. Эти соображения следует вынести в специальный раздел исследования, а не в аппарат.

В персидской текстологии установилась практика, согласно которой

⁴ Д. С. Лихачев, *Текстология*, стр. 169.

⁵ Убедительную критику теории ошибок К. Лахмана см. в кн.: Д. С. Лихачев, *Текстология*, стр. 6—20.

не принято отмечать в самом тексте и в аппарате особенности орфографии рукописи. Этой практики придерживались и составители критического текста *Шах-наме*. Однако в последнее время по указанию редактора А. Нушина мы стали в тексте показывать те особенности рукописи Британского музея, которые отражают особенности произношения периода ее написания (переписки).

Итак, основное условие отражения разночтений и описок в аппарате — это сведение их к наименьшему количеству при сохранении требования полного описания списков.

Как же стараются удовлетворить это требование составители текста *Шах-наме*?

Во-первых, мы оговариваем в предисловии все отличительные особенности рукописей, касающиеся как орфографии, так и описок. Например, рукопись Британского музея (Л) дает формы: هرک هرچ آنکه آنچ, вместо принятых в современной персидской орфографии форм: هرکه هرچه آنکه آنچه.

В нашем тексте мы даем эти формы по рукописи Британского музея, но сноска к ним не даем, хотя в других списках по этому поводу нет никакого единообразия (в одном и том же списке можно встретить и то и другое начертание). Вместе с тем та же рукопись Британского музея в начале мисра в некоторых случаях дает начертание کای вместо که ای, но это нарушает метр, если придерживаться современного произношения этого начертания. Несомненно, что переписчик Л читал کای как که ای, т. е. он верно скандировал. Возможно, что здесь или описка, или допустимая в то время орфографическая особенность. Как бы там ни было, мы не считаем целесообразным давать в каждом отдельном случае разночтение که ای к کای, а считаем возможным ограничиться оговоркой в предисловии в отношении этой особенности списка.

В равной мере список Л не дает буквы ی в словах پای, همای, رای и т. д. перед последующим словом, начинающимся с гласного. Здесь также нет необходимости отмечать это в каждом отдельном случае, достаточно оговорить в предисловии.

Рукопись VI дает имя брата Пирана в форме خورشیدورد вместо فرشیدورد, а это имя известно по другим персидским произведениям; следовательно, в рукописи VI мы имеем дело с явным искажением имени собственного. Однако игнорировать это искажение мы не имеем права, поскольку наш текст является лишь этапом на пути приближения к авторскому тексту. Конечно, имя فرشیدورد сохранит свою правильную форму, и чтение рукописи VI никогда не повлияет на это чтение; иными словами, этот факт имеет характер абсолютной истины, но тем не менее мы должны оговорить это чтение в предисловии, так как оно может понадобиться последующему поколению текстологов для установления каких-либо генетических связей списков, для выделения определенной редакции.

Это же положение распространяется на начертание имени لہای в списках IV и VI: کتہای و کتہای.

Возьмем другой пример явного искажения: рукопись К название горы همايون дает в начертании همايون, и это явное искажение, так как форма هماون подтверждается всеми остальными нашими списками. Но в предисловии это следует оговорить, так как впоследствии эта деталь может пригодиться опять-таки для установления генетических связей списков и выделения определенной редакции.

В наших списках *Шах-наме* нет никакого единообразия в местоимениях 'آن', 'این', а также в словах 'بران', 'بدان', 'برین', 'بدین'. Сначала составители *Шах-наме* отмечали это в разночтениях (это нашло отражение и в моей статье в «Проблемах востоковедения») ⁶. Однако впоследствии удалось установить, что здесь нет никакой смысловой или стилевой разницы; поэтому было решено не отмечать подобные разночтения, за исключением тех случаев, когда в списках с этими местоимениями связаны разные глаголы, так как в подобных случаях изменение местоимения связано с изменением управления глагола, поскольку одни глаголы требуют после себя предлога به, а другие بر.

Среди текстологов составителей *Шах-наме* нет единого мнения о том, следует ли отмечать в разночтениях те случаи, когда в тексте представлены слова без изменения метра. В прозаическом тексте может быть и нет смысла отмечать подобные разночтения, но в поэтическом, на наш взгляд, такие разночтения следует воспроизводить, так как это связано с поэтической инверсией.

Не следует отмечать очевидные описки, если только это не пригодится в дальнейшем для установления генетических связей. Что касается собственных имен и географических названий, то все различия в их написании, безусловно, должны отразиться (большей частью в предисловии, а не в аппарате).

Несомненно, не следует отмечать в сносках явные пропуски слов, слогов, букв, если такие пропуски могут быть восстановлены путем правильного скандирования, но при этом сначала необходимо проверить все возможности чтения, так как иногда пропущенная метрическая единица может быть восстановлена при помощи изафета или ташдида.

Приведем примеры:

К. Кушани, б. 87.

همه همگان خاک دادند بوسى رهام و گرگین چو گودرز و طوسى

В Л после слова گودرز оп. و, это явная описка, так как Гударз не был сыном Туса, но отразить ее следует, так как это может оказаться чтением определенной редакции.

К. Кушани, б. 199.

کجا بیژن و گیو آزادگان جهانگیر گودرز کشوادگان

Л после بیژن оп. و, допустимо и то и другое чтение, значит, надо обязательно фиксировать.

К. Кушани, б. 233.

بلان * مرا دیده روز جنگ باورد که تیغ هندی گرفته بچنگ
I, IV — بلادن K — فراوان T — يلاون

В данном случае эти явные описки помогают восстановить графические ошибки переписчиков, которые привели к тому, что вместо «видел моих рыцарей» получилось «в Ладане ты видел меня», т. е. было выдуманно несуществующее географическое понятие. Поэтому было бы непростительным легкомыслием пройти мимо этих описок.

К. Кушани, б. 325.

چو شیدوش و رهام و گستههم * گیو

⁶ М.-Н. О. Османов, *Из опыта текстологической работы*, стр. 127.

* Л — و оп., это явная описка, поскольку گستهه не был сыном گيو, но отразить здесь описку следует, так как не все переписчики знали, что Густахм не был сыном Гива, и потому они могли переписать эту ошибку.

В заключение изложим суммарно основные положения статьи:

1. При отсутствии автографа (прижизненного списка) текстолог составляет сводно-критический текст, отражающий редакцию или несколько редакций строго определенного периода, и этот текст является лишь этапом на пути приближения к авторскому тексту.

2. На этапе текстологического исследования использованные материалы должны быть описаны полностью, в том числе фиксируются и описки, которые по большей части должны быть классифицированы ради облегчения аппарата. Особое внимание должно быть обращено на те описки, которые могут впоследствии помочь выявлению родства списков. Описки, поддающиеся систематизации, должны быть оговорены в предисловии. Индивидуальные описки в рукописи, которые следующим переписчиком могут быть не учтены, воспроизводятся в аппарате. Явные описки, поддающиеся проверке размером, можно игнорировать.

В заключение скажем, что канонический или сводно-критический текст — только начало описания. Вслед за текстом должны быть составлены глоссарии-конкордансы, которые призваны дать точно зафиксированный материал для изучения истории грамматики и лексики. И лишь после этого можно говорить о подлинном, а не о приблизительном исследовании поэтического памятника на основе полного его описания.

А. Н. Рагоза

СОГДИЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Согдийский фонд центральноазиатского собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР состоит из материалов коллекций А. И. Кохановского, Н. Н. Кроткова, С. Ф. Ольденбурга и В. И. Роборовского. Все согдийские документы представляют обрывки рукописных листов, часто плохой сохранности (ветхая бумага, сильно стершийся текст, многочисленные разрывы и лакуны). Фрагменты преимущественно невелики по размеру, самый крупный фрагмент насчитывает 39 строк. По содержанию основная часть текстов является отрывками согдийских буддийских сочинений. 12 фрагментов — манихейские.

Из согдийского фонда до настоящего времени издано лишь несколько текстов. К. Г. Залеман опубликовал 4 манихейских фрагмента из коллекций Кохановского и Кроткова в I и III выпусках серии «Mapi-chaica» (Изв. АН, сер. VI, I, 1907, стр. 177; сер. VI, VI, 1912, стр. 27—29). Ф. А. Розенберг издал 2 согдийских буддийских текста из коллекции Ольденбурга (Изв. АН, 1918, стр. 817—842; 1920, стр. 399—420, 455—474) и 1 буддийский фрагмент из коллекции Кроткова (Изв. АН, № 15—17, 1927, стр. 1375—1398).

Настоящая статья представляет издание (описание, чтение, перевод) 35 согдийских фрагментов из собрания С. Ф. Ольденбурга. В работе используется система транслитерации, обычная для подобного рода публикаций:

- с — обозначает согласный ċ;
- [] — полное восстановление знака;
- () — частичное восстановление знака;
- — дефис указывает на отсутствие соединения с последующим знаком;
- /// — сильно стертые, не читающиеся знаки;
- ... — лакуна;
- ⊙ — воспроизводит значок рукописи.

1. SI $\frac{0}{107}$, № 4230.

Согдийский буддийский фрагмент. На обороте — рисунок и китайский текст.

Фрагмент представляет собой небольшую часть рукописного листа

9×15 см; бумага серая, плотная, текст нанесен черной тушью, 8 неполных строк, почерк буддийских писцов-профессионалов.

Сохранность плохая: имеются многочисленные разрывы.

Согласно надписи на конверте, в котором хранился фрагмент, он найден в Туяк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

Текст

- 1) ...|y δynδ'rt [...
- 2) ... rty ZKw ...
- 3) ...|šδ rty rm ...
- 4) ... δ'r'yδ rty MN nwr [...
- 5) ... ZKn γwr ZY ZKn ...
- 6) ...|wnh kwn't ZY nm [...
- 7) ...|kw γwz-'t rty p|...
- 8) ...|(p)t rty w'n'k(w)...

Перевод

- 1) ... верующие ...
- 2) ... и ...
- 3) ... и с ...
- 4) ... (чтобы вы) держали и от ...
- 5) ... солнце и ...
- 6) ... (если он) сделает и ...
- 7) ... (если он) попросит и ...
- 8) ... и такой ...

2. SI $\frac{0}{108}$, № 4231.

Согдийский фрагмент. На обороте—китайский текст.

Фрагмент представляет собой обрывок левого края рукописного листа, 8×18 см; бумага плотная, желтоватая; текст нанесен черной тушью, 9 неполных строк; почерк крупный, четкий.

Согласно надписи на конверте, в котором хранился фрагмент, он найден в Туяк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

Текст

- 1) ... δп
- 2) ...| (h) ZY MN
- 3) ...| 'tsy'ky' ZKw
- 4) ...| (h) 'zy'm't w'βyδ
- 5) [γ]rβ'kw šyrγwz-'y
- 6) ... rtms tym γw
- 7) ... 'yδcw ZY s'st
- 8) ...|ty šw ZK
- 9) ...|(w)γrt

Перевод

- 1) ... с
- 2) ... и от
- 3) ...
- 4) ... (если он) закончит так
- 5) ... мудрый друг
- 6) ... и также еще
- 7) ... что-либо и следует
- 8) ... его
- 9) ...

3. SI $\frac{0}{109}$, № 4232.

Согдийский буддийский фрагмент. На обороте — уйгурский текст.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок левого края рукописного листа, 8,5×5 см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью, 3 неполных строки; почерк буддийских писцов-профессионалов.

Согласно надписи на конверте, в котором хранился фрагмент, он найден в Туяк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
1) ...]k 'wy 'pw'd'k ¹	1) ... беседка ¹
2) ...]št ZY mrtym'tt	2) ... и люди
3) ...]š'nt 'PZYšy nm'c	3) ... и ему почтение

4. SI $\frac{0}{110}$, № 4233.

Четыре согдийских буддийских фрагмента. На обороте — китайский текст.

Фрагменты представляют собой обрывки рукописного листа: а) 17×9 см; б) 13,5×6 см; в) 13×10 см; г) 3,2×2,5 см; бумага желтая, плотная; тексты нанесены черной тушью, на фрагменте «а» — 6 неполных строк, «б» — 4, «с» — 4, «д» — 1; почерк крупный.

Сохранность плохая; бумага сморщилась, текст в некоторых местах стерт.

Согласно надписи на конверте, в котором хранились фрагменты, они найдены в Туяук-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
а	а
1) ...]cyh ...	1) ...
2) ...]t'k δ'ry ... c[...	2) ... имей ...
3) ...] 'kw ZY šy ɣw δβ'nz wβ[...]	3) ... и ему широкий ...
p[...	
4) ... ms cnn rw'ny pyδ'r šyr'	4) ... также для души благодея-
krtyh ...	ние ...
5) /// š///y šyr'krt'k ... βɣwm'δ	5) ... добродетельствующий у бога
'(p)rs' ...	так спросил ...
6) ...] rt ZY (c) [...	6) ... и ...
б	б
1) tw' ...	1) тебе ...
2) wrcy' 'skw't ...	2) успокаивающий (если) найдет-
	ся ...
3) ɣty βwt MN tw' ...	3) становится от тебя ...
4) δ [...t[...	4) ...
в	в
1) ... ZY 'wr'm wrm	1) ... и покой, тишина ...
2) ...]y ///δ ... 'nc'yt knpy	2) ... прекращает недостаток
3) ... p/// cywyδ pyδ'r tɣw	3) ... от того ты
4) ... p/// [...t MN	4) ... от
г	г
1) ...](h) kwn'y...	1) ... (чтобы я) сделал ...

¹ См. примечания к № 7 (фрагмент $\frac{0}{113}$).

5. SI $\frac{0}{111}$, № 4234.

Два согдийских буддийских фрагмента. На обороте — китайский текст.

Фрагменты представляют собой небольшие обрывки рукописного листа плохой сохранности: а) $9,5 \times 6,3$ см; б) $7,5 \times 4$ см; бумага плотная, желтоватая; тексты нанесены черной тушью, на фрагменте «а» — 4 неполных строки, «б» — 2; почерк четкий, одинаковый на обоих фрагментах.

Согласно надписи на конверте, в котором хранились фрагменты, они найдены в Туяк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

*Текст**Перевод***а****а**

- 1) ... t'y-'wny
- 2) ... p't'k 's[...ly MN ...
- 3) ...]rmykw ZY ZKwy γ'n'ky(h) ...
- 4) ...]ykw ZY ZKw ...

- 1) ... воровство ...
- 2) ... охраняющий ... от ...
- 3) ... и в доме ...
- 4) ... и ...

б**б**

- 1) ...](γ?)m' kw ...
- 2) ...]ry 'štykw ZY ...

- 1) ...
- 2) ... третий и ...

6. SI $\frac{0}{112}$, № 4235.

Четыре согдийских фрагмента. На обороте — китайский текст.

Фрагменты представляют собой очень небольшие обрывки рукописного листа плохой сохранности, надписи полустерты, имеются разрывы: а) $4 \times 5,5$ см; б) $7 \times 5,2$ см; с) $8 \times 6,5$ см; д) $4,5 \times 5$ см; бумага плотная, желтоватая; тексты нанесены черной тушью, на фрагменте «а» — 3 неполных строки, «б» — 4, «с» — 4, «д» — 2; почерк крупный, одинаковый на всех фрагментах.

Согласно надписи на конверте, в котором хранились фрагменты, они найдены в Туяк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

*Текст**Перевод***а****а**

- 1) ... MN ...
- 2) ...]h 'krt[...
- 3) ...]tp's ...

- 1) ... от ...
- 2) ... сделан (?)...
- 3) ...

б**б**

- 1) ... rty ...
- 2) ...]yš ms [...ly [...](r) ...
- 3) ...]mt rty ...
- 4) ...]t [...]δ ...

- 1) ... и ...
- 2) ... (ты) еси также ...
- 3) ... и ...
- 4) ...

с	с
1) ...]y	1) ...
2) ... 'sp' s	2) ... почтение ...
3) ///t'ṛr'yw	3) ...
4) ... rty 'prtm [...	4) ... и первый
d	d
1) ... ZKṇ s ///	1) ...
2) ... ḍḍtykw ...	2) ... второго ...

7. $\frac{0}{113}$, № 4236.

Три согдийских буддийских фрагмента. На обороте двух фрагментов — уйгурский текст.

Фрагменты представляют собой части рукописного листа: а) 9,5×12 см; б) 8,5×10,5 см; в) 16,5×14 см; бумага желтая, тонкая; тексты нанесены черной тушью, на фрагменте «а» — 9 неполных строк, «б» — 6, «с» — 12; почерк буддийских писцов-профессионалов.

Согласно надписи на конверте, в котором хранились фрагменты, они найдены в Туюк-мазаре в октябре 1909 г. экспедицией С. Ф. Ольденбурга.

Текст	Перевод
а	а
1) ...]wt 'pw'ḍ'kw ² ḍṇ šk'np	1) ... беседку вместе со строе-
2) ...]yn'k py'ty' py'tḍ'	нием
3) ['pw']ḍ' kw ctḥ'r šk'np'	2) ... украшением украшаете
4) ...]yn'k ZKw py'ty'	3) ... беседку четырех строе-
5) ... 'pw'ḍ'kw c'wn 'ḥt	ний
6) ... pyšt ZK šk'np rm	4) ... украшение
7) ... 'PZYšy ZK ḍgy 'rḍ'r	5) ... беседку из семи
8) ... [ḥ]wt	6) ... затем строение с
9) [ḥr']ny ḥrtm pwtu KZNH	7) ... и ему три владения
	8) ... становится
	9) ... наибожественный Будда так
б	б
1) ... t'rcyh 'ṛšpyh ...	1) ... темной ночью ...
2) ...]tk w'ṛwn'k [ṛ]w 'YKZY ...	2) ... такой ... как ...

² 'pw'ḍk ($\frac{0}{109}$, 1; $\frac{0}{113}$, а, 1,3,5,с,9) — слово засвидетельствовано в SCE, 276,

335 ('pw'ḍ'k-), 176, 348 ('pw'ḍ'y), TSP (pw'ḍ'k, 2, 1014). Контексты, в которых оно встречается, позволяют с уверенностью считать, что 'pw'ḍ'k является именем существительным и обозначает какую-то часть здания. Бенвенист (TSP., Commentaire, p. 182) предлагает понимать под 'pw'ḍ'k часть ступы — четырехугольную беседку, скр. har-mika (M. Monier-Williams, *A Sanskrit-English Dictionary*, Oxford, 1899, p. 1292). Исходя из такого толкования 'pw'ḍ'k, мы считаем возможным переводить слово šk'np, к которому 'pw'ḍ'k является определением, как «дом, строение, храм», ср. TSP, Glossaire, p. 247, 'šk'np-«étage», VJ., Glossaire, p. 105, 'šk'np-«étage (de l'univers)», Gauthiot, *Grammaire*, pp. 111, 131, 165, sk np- «base, appui».

- 3) ...] nʒ'n'k r'ʒ py'mt .
 4) ...] t ywn'k pwtɥ δrm pw [...
 5) ...] (t)'k'nt'(wɾ)c yw(') [...
 6) ... δrm ...

- 3) ... болезнь исцеляет ...
 4) ... такая дхарма Будды ...
 5) ... печаль ...
 6) ... дхарма ...

с

- 1) ...] 'PZYms c[...
 2) ... [c]tʒ'r 'nt'c ZKw š(r'y?)r ...
 3) ...]k 'wst't (k?) [...]y rtyšw
 pytsrδ 'wy ...
 4) ... ZKw prn [...] δ'wn wʒyw ZYms
 cnn znkznk'n
 5) ...]kh py'stk wnδ' wʒyw ZYms
 ZKw δ'mcyk
 6) ... 'sprɾmt' ZY pr'kh py'tyh wnδ'
 wʒyw
 7) ...]s'k [...]py ZKw p/// (r?)
 wyspw c'wn znkznk'n
 8) ... py'ty kh wnδ' KZNH 'PZY
 ZNH wyspw
 9) ...]δ 'spɿk ʒ't 'PZYms 'wy 'pw' 'δ'
 kw šk'np
 10) ... δʒrw ɾwyck' wnδ' 'PZY
 ZKw p'[...]k'
 11) ...]cn ZKw rytwh pt [...
 12) ...]k ɾwδ'(k)...

с

- 1) ... и также ...
 2) ... четыре толпы людей реликвии...
 3) ... (если он) установит и его после ...
 4) ... славу ... (вы) делаете и также из различных видов
 5) ... (вы) украшаете и также мирской
 6) цветы и знамена (вы) украшаете тогда
 7) ... все различных видов
 8) ... (вы) украшаете так и все
 9) ... полностью (если) будет и также беседку храма
 10) ... дверь (вы) открываете и ...
 11) ... лицо ...
 12) ... мера ...

8. SI $\frac{0}{114}$, № 4237.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 4,8×4 см; текст нанесен черной тушью с двух сторон по 4 неполных строки на каждой; почерк буддийских писцов-профессионалов, очень мелкий.

Текст

recto

- 1) ...]tɾm'k 'nšt [...
 2) ...]yrt ... cšty m'n 'nɾ' [...
 3) ...]cyk wnty ... kδry ...
 4) ...](ɾ') ... [...] ɾw ...

verso

- 1) ... wyn'ncyk w[...
 2) ...]nk'n ɾw 'prtmw pyš [...
 3) ...]rsy z'wrtɥ st'y [...
 4) ... yn'k mɥδ'ny ny [...

10*

Перевод

recto

- 1) ... (показывать?) ...
 2) ... третий дух ...
 3) ... делает ... теперь ...
 4) ...

verso

- 1) ... видимый ...
 2) ... первый ...
 3) ... силы ...
 4) ... в середине ...

9. SI $\frac{0}{115}$, № 4238.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок верхнего края рукописного листа, 4,9×4,6 см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 2 неполных строки; почерк буддийских писцов-профессионалов.

*Текст**Перевод*

- 1) ... mwck 'p(w?) [...
2) ...]c βr [...

- 1) ... учитель ...
2) ...

10. SI $\frac{0}{116}$, № 4239.

Согдийский буддийский фрагмент. На обороте — китайский текст. Фрагмент представляет собой обрывок верхнего края рукописного листа, 9,2×6,7 см; бумага желтая, плотная; текст нанесен с двух сторон — 4 и 2 неполных строки; почерк четкий, небрежный.

Сохранность: много лакун.

*Текст**Перевод*

recto

recto

- 1) ... pr ny'wr nm'w 'δw ...
2) ... t'-yt m't'nt ...
3) ... šyr y'ry 'yw [...]δwt ...
4) ...]tr wm't'nt...

- 1) ... давно памо два ...
2) ... органы чувств (āyatana) были ...
3) ... прекрасный храбрый один ...
4) ... были ...

verso

verso

- 1) ...-yw myδ wytr'nt ...
2) ... δwr z'y šw'nt ...

- 1) ... однажды (они) ушли ...
2) ... в далекие земли (если они) пойдут ...

11. SI $\frac{0}{117}$, № 4240.

Согдийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой обрывок рукописного листа, 8,5×9,5 см; бумага серая, тонкая; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 5 неполных строк; почерк буддийских писцов-профессионалов.

*Текст**Перевод*

- 1) ... δ [...
2) ... 'sk'tr δ'r't nysr [...
3) ... δ'r't rtšw pr
4) ...]k 's't CWRH my[...
5) ...](rn?) (p)[...

- 1) ...
2) ... еще (если он) имеет ...
3) ... (если он) имеет и его к ...
4) ... (если он) возьмет тело ...
5) ...

12. SI $\frac{0}{118}$, № 4241.

Согдийский фрагмент. На обороте — китайский текст.

Фрагмент — небольшой обрывок рукописного листа, по-видимому, представляет собой упражнение в письме, $9,8 \times 8,5$ см; бумага желтая, тонкая; текст разделен на столбцы двумя вертикальными линиями, нанесен черной тушью, 5 неполных строк; почерк четкий, крупный.

Сохранность: имеются разрывы и лакуны.

	Текст	Перевод
край	1) ...	1) ...
	2) kwr mrtý	2) слепой человек ...
	3) kr[... mrtý	3) ... человек ...
	4) ...]t mrtý	4) ... человек ...
	5) ... mrtý, pyð [... ýy [... ð(r)[...	5) ... человек ...

13. SI $\frac{0}{119}$, № 4242.

Согдийский фрагмент. На обороте — китайский текст.

Фрагмент представляет собой небольшой обрывок рукописного листа, $12,5 \times 8,2$ см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью, 4 неполных строки; почерк четкий, небрежный.

Сохранность: имеются лакуны и разрывы.

Текст	Перевод
1) ...]wnw nm'ny ...	1) ... раскаяние ...
2) ɣw'nw'c(y) ³ ptškwym	2) о прощении (мы) говорим ...
3) pr wyspw z-wrпысуктw p [...	3) ко всем относящимся к одному периоду ...
4) (c)w ... wr' [... ... 'w[...	4) ...

14. SI $\frac{0}{120}$, № 4243.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой обрывок края рукописного листа, $6 \times 9,5$ см; бумага серая, тонкая; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 6 неполных строк; почерк четкий, небрежный.

Сохранность: имеется несколько лакун.

Текст	Перевод
1) ...]t'wr n'm p [...	1) ... имя ...
2) ...]tɣr [...]'k CWRH	2) ... тело
3) ... cr[...]'ɣ'k 't	3) ... и
4) ...]rt pts'r cnn	4) ... затем из
5) ... βɣ'n	5) ... богов
6) ...](w?) ZK	6) ...

³ I. Gershevitch, *Sogdian Compounds*, — TPS, 1945, p. 145 (3).

15. SI $\frac{0}{121}$, № 4244.

Согдийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок края рукописного листа, 7,5×3 см; бумага плотная, желтоватая; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 2 неполных строки; почерк четкий.

Текст

- 1) ...]h š(p?) ...
2) ... δгу рсγгβ'у

к
р
а
й

Перевод

- 1) ...
2) ... три (чтобы я) получил

16. SI $\frac{0}{122}$, № 4245.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок края рукописного листа, 6,2×6,7 см; бумага темно-желтая, плотная; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 4 неполных строки; почерк четкий, красивый.

Текст

к
р
а
й

- 1) ... nwkr 'γ[...
2) pwtu s'r k [...
3) γгβ'w w'tδ [...
4) γwnch ...

Перевод

- 1) ... тогда ...
2) к Будде ...
3) (я) знал ...
4) цвет ...

17. SI $\frac{0}{123}$, № 4246.

Согдийский фрагмент. На обороте — китайский текст.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 6×5,5 см; бумага тонкая, желтоватая; текст нанесен черной тушью, 3 неполных строки; почерк четкий, крупный.

Текст

- 1) ...]kn ...
2) ...](n) ... skwn ...
3) ...](n) ''n|...

18. SI $\frac{0}{124}$, № 4247.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой обрывок рукописного листа, 8×7 см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью с двух сторон, с одной стороны 4 неполных строки, с другой — 5. Надписи выполнены перпендикулярно друг к другу. Текст на оборотной стороне нанесен поверх полустертой китайской надписи; почерк крупный, небрежный.

Сохранность: имеется несколько лакун.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
recto	recto
1) ... wm't'nt rty ...	1) ... были и ...
2) ...](h) ʔrβ krtr kršn'w ...	2) ... очень ловкий красивый ...
3) ... wm't'nt 'w[...	3) ... были ...
4) ...	4) ... были ...
verso	verso
1) ... 't kw [...]w...	1) ... и к ...
2) ... šyry p'scn...	2) ... хороший почтенный ...
3) ... βr't š [...]wn s'r ...	3) ... (если он) унесет ... к ...
4) ... MN δwr wyn' ...	4) ... (если) издали (он) уви- дел ...
5) ... 'nʔš'y(?)...	5) ... (чтобы я) ушел ...

19. SI $\frac{0}{125}$, № 4248.

Согдийский буддийский фрагмент. Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 6×8,5 см; бумага желтая, плотная; текст нанесен черной тушью с двух сторон, с одной стороны 4 неполных строки, с другой — 7; почерк буддийских писцов-профессионалов.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
recto	
1) ... pðkh ...	1) ... правило ...
2) ...]šth βwt ...	2) ... есть ...
3) ... ZY δ'γmh... ⁴	3) ... и ложь(?) ⁴
4) ...] δ' ršt' ...	4) ... истинный ...
verso	
1) ... skwn ...	1) ...
2) ... δn 'st [...]	2) ... с ...
3) ...] st cnn šyr'[k] ...	3) ... от хорошего ...
4) ... ʔr'm'[k] ...	4) ... богатство ...
5) ...]t cnn ...	5) ... от ...
6) ...]y βr't ...	6) ... (если он) унесет...
7) ... (c)nn ...	7) ... от ...

20. SI $\frac{0}{126}$, № 4249.

Согдийский буддийский фрагмент. Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 7×7 см, бумага желтая, плотная; текст нанесен черной тушью с

⁴ Слово δ'γmh не удалось найти ни в одном из словарей к согдийским текстам. Может быть, здесь описка и следует читать δγmh — «ложь, обман»?

двух сторон, с одной стороны 5 неполных строк, с другой — 6; почерк буддийских писцов-профессионалов.

Сохранность: во многих местах текст сильно стерт.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
recto	recto
1) ... (')ṣc'n(p)[ḍ] ...	1) ... мир ...
2) ... [n]m'cyw ṣr'nt ZY ...	2) ... кланяются ...
3) ... 'nt rty ''prs'nt ZY wy [...]	3) ... и спрашивают и ...
4) ... [k βɣ'ny βɣtm w'n'k[w] ...	4) ... наибожественный из богов так ...
5) ... [h BYw ḍwr n' [...]	5) ... отца далеко ...
verso	verso
1) ... [y m'ḍ ...	1) ... так ...
2) ... [n'nt cw k'] ... s [...]	2) ... что ...
3) ... [nk ZY w'n'kw nḅ'nt š [...]	3) ... и такой около ...
4) ... [y ZK pw [rny']h m'ḍ w' [...]	4) ... благочестие так ...
5) ... [wynw k'm rt[y]...]	5) ... и ...
6) ... [r' [...]	6) ...

[21. SI $\frac{0}{127}$, № 4250.

Согдийский буддийский фрагмент. На обороте — уйгурский текст.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 6×4,2 см; бумага тонкая, желтоватая, текст нанесен черной тушью, 4 неполных строки; почерк буддийских писцов-профессионалов.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
1) ... (Z)Y šy 'p[...	1) ... и ему ...
2) ... [(k)w ɣwrt 'wy ḍsty ...]	2) ... пища в руке ...
3) ... (py)r'n βwmh w[...]	3) ... (если я) верю мир ...
4) ... [k' (pk) [...]	4) ...

[22. SI $\frac{0}{128}$, № 4251.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, 4,5×6,5 см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 5 неполных строк; почерк буддийских писцов-профессионалов.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
1) ... (')pw 'n [...]	1) ... без ...
2) ... [w [...]k 'PZY n[...]	2) ... и ...
3) ... [w 'nc'n w[...]	3) ... (если я) прекращу...
4) ... [y c'wn [...]y(ḍ) ...]	4) ... от ...
5) ... [w'(r) ...]	5) ...

23. SI $\frac{0}{129}$, № 4252.

Согдийский буддийский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок рукописного листа, $8 \times 5,5$ см; бумага серая, плотная; текст нанесен черной тушью с одной стороны, 4 неполных строки; почерк буддийских писцов-профессионалов.

Согласно надписи на обертке, фрагмент привезен из Центральной Азии экспедицией С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 гг.

*Текст**Перевод*

1) ...]t ZY ky ...	1) ... и который ...
2) ...]nty βr'yzy ZY ZK p[...	2) ... и ... (он) направил ...
3) ...](p?)r' nt γ[...	3) ...
4) ...]tr ...[	4) ...

24. SI $\frac{0}{133}$, № 4256.

Согдийский манихейский фрагмент.

Фрагмент представляет собой маленький обрывок нижнего края рукописного листа, $4,2 \times 4$ см; бумага плотная, желтоватая; текст нанесен черной тушью с двух сторон по 5 неполных строк на каждой. На обеих сторонах имеются кружки, нанесенные красной тушью; почерк мелкий, четкий.

*Текст**Перевод*

recto

recto

[край]	1) s' ...	1) к ...
	2) žγ[/// (β) ...	2) ...
	3) kt[/// 'p cn	3) что ... вода из ...
	4) хсуу○ z' y cn s[...	4) есть ○ земля от ...
	5) хсуу○[///] δnn ...	5) есть ○ ... с ...

verso

verso

1) /// s ○	[край]	1) ...
2) ... nm'c		2) ... почитание
3) ...' [...] cyu δst'		3) ... рукой
4) ... γrβ'skwn ○○ kyū		4) ... (он) знал ○○ кто
5) ///]nw ptyškwyy kt		5) ... (он) сказал, что

25. SI $\frac{0}{134}$, № 4257.

Согдийский буддийский фрагмент. На обороте — китайский текст.

Фрагмент представляет собой длинную полосу рукописного листа, $8,5 \times 27$ см; бумага желтая, тонкая; текст нанесен черной тушью, 5 неполных строк в верхней части фрагмента, остальная часть — пустая. Почерк крупный, небрежный.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
1) /// s'r pušt ...	1) ... затем ...
2) ...]t ZY pr 'sp's...	2) ... и с почтением ...
3) [']sp's šyr zɣty ...	3) ... почтение хорошо удержать ...
4) ...]'n w[...]y syn'w[t] ...	4) ... надеющийся ...
5) ...]m'rzy ...	5) ...

26. SI $\frac{0}{135}$, № 4258.

Согдийский фрагмент. На обороте — китайский текст.

Фрагмент представляет собой небольшой обрывок края рукописного листа, 7×6 см; бумага коричневая, плотная; текст нанесен черной тушью, 4 неполных строки; почерк четкий.

<i>Текст</i>	<i>Перевод</i>
1) (γ)урδ 'krty-šn	1) ... своим сделал их
2) ...](w)п ''δ'kw ...γурδ	2) ... кто-нибудь ... свой
3) ...](k)w nyst δn tns	3) ... нет с раскаянием
4) ...]δ [...]δ	4) ...

к р а й

О. И. Смирнова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТИКИ ТЕКСТА

(«Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Шах-наме»
Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи)

Вопросы установления максимально правильного текста не могут не интересовать специалистов, которым так или иначе приходится иметь дело с рукописными произведениями.

Как известно, основная масса источников, имеющих в распоряжении востоковедов, до последнего времени представлена обычно рукописями или основанными на них изданиями, зачастую являющимися простым их воспроизведением. В этой связи анализом текста, восстановлением максимально правильного текста (отдельных частей, мест сочинения) приходится заниматься почти всем исследователям и им же приходится разрешать в каждом отдельном случае задачи критики текста. Именно в этом плане автору настоящей статьи неоднократно приходилось работать над разнохарактерными первоисточниками. Некоторые наблюдения, сделанные в процессе этой работы, были доложены на первой всесоюзной сессии по восточной текстологии, имевшей место в 1962 г. в Москве. Настоящая статья, подготовленная в свое время для текстологического сборника сессии, является лишь изложением этого доклада.

Всем известно, что рукописные сочинения, за редким исключением, не доходят до нас в своем первоначальном виде, в том виде, в котором они были написаны автором. Путь их сложен. Проходя через руки переписчиков и редакторов, тексты их зачастую претерпевают такие изменения, что лишь отдаленно напоминают оригинал. Со временем, в зависимости от того, насколько был велик интерес к тому или иному сочинению (об этом мы можем часто судить по количеству его разновременных списков и редакций), меняется не только его язык, но и форма и содержание (последнее относится в основном к сочинениям прозаическим). Редакторы не только перекомпоновывают текст, они вводят в него новые известия, добавляют целые разделы (главы, эпизоды) и опускают не интересующие их места, руководствуясь требованием своего времени. В свою очередь меняют и, надо сказать, довольно существенно текст переписчики. Последние в основном ограничиваются добавлениями, носящими в большинстве своем характер пояснений к тексту, не выходящих за пределы комментария к неясным, по их мнению, местам. Но, что важнее для критики текста, именно переписчикам мы обязаны изменениями в языке оригинала, который последние приближают к нормам своего времени (синтаксис, терминология, идиомы и т. д.).

Поэтому естественно, что прежде чем использовать в любом аспекте то или иное сочинение, следует отчетливо представить себе его отношение к оригиналу, иногда представленному разными авторскими редакциями.

Прежде чем перейти к частным вопросам, затрагиваемым в настоящей статье, необходимо коротко остановиться на основных задачах, стоящих перед исследователями текста и требующих решения. Первая из них — определить ценность сочинения как источника, вторая — установить для этого сочинения текст, заслуживающий доверия, текст, документально обоснованный, который может быть положен в основу исследования любого порядка. В этой связи в задачи критики текста входит также проверка достоверности известий источника.

Для того чтобы с успехом выполнить эти задачи, прежде всего необходимо установить историю формирования дошедшего до нас текста, зачастую достаточно сложную. Не установив истории текста, иными словами, не определив основных изменений, которые претерпел тот или иной текст с того времени, когда было написано сочинение, нельзя уяснить себе, в каком плане должна пойти его критика.

От истории сочинения, его, так сказать, биографии и состояния текста зависят и задачи, стоящие перед текстологом-издателем, которые могут быть сведены к трем основным, а именно:

1. Восстановление авторского оригинала путем привлечения источников, использованных его составителем. Это задача, которая может быть выполнена, как правило, лишь при наличии рукописи, близкой по времени к оригиналу.

2. Подготовка текста, документально наиболее близкого к оригиналу (авторским редакциям), на основе прочной рукописи, временем которой этот текст будет датироваться.

3. В том случае, если дошедший до нас текст представляет позднейшую обработку не сохранившегося оригинала, название которого он носит, подготовитель текста должен по возможности установить время, характер и текст позднейшей обработки сочинения и по возможности выделить части, принадлежащие оригиналу и сохранившиеся в тексте этой позднейшей обработки.

Эти положения могут быть проиллюстрированы соответствующими примерами — тремя известными сочинениями, упомянутыми в названии настоящей статьи: «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, *Шах-наме* Фирдоуси и так называемая «История Бухары» Наршахи.

Разберем первый случай — восстановление авторского оригинала. В качестве примера для данного случая рассмотрим те задачи, которые стояли перед подготовителями критического текста «Сборника летописей» Рашид ад-Дина.

Законченное в 1310-11 г. сочинение Рашид ад-Дина дошло до нас в нескольких списках. Известно, что Рашид ад-Дин в свое время позаботился об изготовлении нескольких копий своего труда, которые были выполнены квалифицированными переписчиками под его наблюдением. Эти списки послужили, как можно полагать, прототипом для позднейших. Уже одно это обстоятельство должно было обеспечить точность текста. Этот вывод подтверждается состоянием дошедших до нас рукописей. Единственным текстовым изменением, которому они подвергались, явились интерполяции, к тому же содержащиеся лишь в поздних списках. Как полагают, списки, содержащие интерполяции, представляют редакцию времени Шахруха. В основу издания, предпринятого ИВ АН в 1938 г., были положены две старейшие рукописи, текст которых почти тождествен. Одна из них (стамбульская) датируется 1317 г. и, следовательно, была переписана еще при жизни автора; вторая (ташкентская), без даты, относится к тому же XIV в. Однако текст,

который дают обе рукописи, все же местами попорчен. Встречаются пропуски и описки; кроме того, значительному искажению подверглись имена собственные тюркские и монгольские и в еще большей степени — китайские и европейские, а также неиранская географическая номенклатура, незнакомая переписчикам. Между тем для передачи тюрко-монгольских и китайских имен и слов, как сейчас уже может быть установленным, Рашид ад-Дин и участники его работы прибегали к определенной транскрипции, от норм которой они, как правило, не отклонялись на всем протяжении летописи. В дошедших до нас рукописях «Сборника летописей» Рашид ад-Дина большинство чуждых персидскому языку географических названий, имен собственных и значительная часть терминологии оказались настолько сильно искаженными ее переписчиками, что возможности восстановить их первоначальное написание в оригинале у Рашид ад-Дина на основании разночтений в рукописях не было и нет. Существующие исследования также не давали достаточно четкой номенклатуры, которая могла бы послужить основой для восстановления графической ее передачи средствами арабского письма в тексте летописи.

В процессе работы над переводом первого тома (часть вторая) удалось выявить ряд первоисточников Рашид ад-Дина, использованных им и его помощниками в этой части летописи, что значительно облегчило дальнейшее восстановление текста. Привлекая эти первоисточники, оказалось возможным исправить ряд искаженных переписчиками мест, а также восстановить многие имена и названия, встречающиеся в летописи, чуждые ее языку, о которых шла речь выше, в том числе топонимику Тангута и Северного Китая, а также тюрко-монгольскую и китайскую терминологию разного плана. С этой целью были привлечены: дошедшая до нас версия «Сокровенного сказания» о поколении монголов¹, китайская версия «Сказания о Чингизе»², китайская «История первых четырех ханов»³ и *Ган-му*⁴, а также арабские и персидские сочинения: Ибн ал-Асира⁵, дословные переводы отдельных мест которого введены в текст летописи, Джувайни (*Та'рих-и Джахангуша*)⁶ и Джузджани (*Табакат-и Насири*)⁷.

При работе над переводом летописи выяснилась одна интересная особенность, касающаяся ее языка. Части, включающие родословную Чингиз-хана и историю его борьбы с тюркскими племенами, а также касающиеся походов на Тангут и Северный Китай, не только отличаются от остальных частей своей терминологией, что могло явиться естественным следствием их содержания, но и своим синтаксисом и словарем, специфичность которых невольно останавливает внимание читателя.

¹ *Юань чао би ши*, Пекин, 1908; переводы: *Старинное монгольское сказание о Чингис-хане*, [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866; С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.*, т. I, М.—Л., 1941.

² *Шэн-у цинь-чжэн лу* в сб.: «Мэн-гу ши ляо сы-чжун», изд. университета Цинхуа, 1926; перевод: *Старинное китайское сказание о Чингис-хане*. Перевод с китайского архимандрита Палладия. — «Восточный сборник», т. I, СПб., 1877.

³ *Юань-ши*, Шанхай, [б. г.].

⁴ *Цзы чжи тун-цзянь ган-му*, [б. м.], 1933 (далее — *Ган-му*).

⁵ *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, ed. C. J. Tornberg, vol. XII, Upsaliae, 1853.

⁶ *The Ta'rikh-i-Jahān-gushā of 'Alau 'd-Din 'Aḡā Malik-i-Juwaynī*. Ed. by Mīrzā Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahhāb-i-Qazwīnī, pt I, Leyden — London, 1912 (GMS, XVI).

⁷ *Ṭabaqāt-i-Nāsiri: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia...* Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881; Index, Calcutta, 1897 (Bibliotheca Indica, NS, vol. 272—273).

В то время как часть летописи написана прекрасным персидским языком, лапидарным, но вместе с тем выразительным и красочным, для языка другой, в сущности основной, характерны тяжелые синтаксические обороты, не свойственные персидскому синтаксису, и загруженность словаря тюркской и монгольской лексикой. Создавалось невольное впечатление, что перед нами различные искусно (но искусственно) соединенные вместе произведения разных авторов.

При сличении текста летописи с текстами «Сокровенного сказания» и «Сказания о Чингизе» выяснилось, что в ряде случаев летопись является текстуальным переводом соответствующих частей этих двух сказаний, что и отмечено в изданном переводе Рашид ад-Дина. Но что касается «Сокровенного сказания», то Рашид ад-Дином была использована, видимо, иная его версия. При этом переводчиком (или переводчиками) добавлялись по мере необходимости пояснения, четко выступающие на фоне основного текста — персидского перевода. Сличение ряда мест летописи с соответствующими местами у Ибн ал-Асира и у Джүзджани в свою очередь позволяет говорить не только об использовании автором этих источников, но и о текстуальном переводе первого и цитировании второго. Аналогичный факт давно установлен в отношении труда Джувайни, как известно, использованного Рашид ад-Дином. Эти наблюдения над летописью также значительно облегчили работу над критикой представленного рукописями текста.

Неиранская номенклатура, встречающаяся в сочинении, — географическая, историческая и социальная, а также имена людей, их прозвания восстанавливались следующим путем: за основу бралось соответствующее название из монгольского, китайского или другого текста; это слово сопоставлялось с его воспроизведением арабской графикой в тексте летописи, с учетом возможных конъектур арабского его написания. Установленная таким образом графическая передача искомого слова арабским письмом вводилась в текст. Правильность принятого метода подтвердилась, когда удалось установить определенную закономерность в передаче Рашид ад-Дином чуждых персидскому языку имен, названий, терминов средствами персидской графики (т. е. по существу определенной отработанной транскрипции, о которой упоминалось выше и о которой мы можем судить хотя бы по тем соответствиям в монгольском письменном и в тексте Сокровенного Сказания, с помощью которых нами корректировалась летопись)⁸. Так, например, слово *буғурчи* (ар. графикой *بغوردچی*), вар. *бāūrчи* передает письменное монгольское *баһурчи*, *боорчу* Сокр. Сказания; *чаған* (*چغەن*) — монг. письменное *чаһан*, *чаан* Сокр. Сказания; *буғул* (*بغول*) — монг. письменное *боһол*, *боол* Сокр. Сказания; *туғрйл* (*طغردیل*) — *тоорил* Сокр. Сказ., тогда как *қадан* (*قدان*) соответствует *Хадаан* Сокр. Сказ., *қудā* (*قدا*) — монг. письменному *худа*, *туқтā* (*تقتا*) — *тохтоа* Сокр. Сказ, а вместе с тем имени племени в летописи *қунқират* (*قنقرت*) соответствует унгират Сокр. Сказания. Или, например, *на'уір* (*نأوور*) пер-

⁸ См. Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952. Перевод с персидского О. И. Смирновой. Редакция проф. А. А. Семенова, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой к переводу. В примечаниях приводятся в транслитерации собственные имена, названия, термины и т. д., встречающиеся в летописи, и параллели для них, взятые из соответствующих мест первоисточников Рашид ад-Дина: «Сокровенного сказания», «Сказания о Чингизе», «Истории первых четырех ханов», *Ган-му*, а также упомянутых в статье арабских и персидских сочинений.

сидского текста передает *наһур* монг. письменного и *нау*р Сокр. Сказания и т. д. Указанные закономерности представят, вероятно, определенный интерес и для диалектологов (тюркологов и монголистов). Встречающиеся в тексте Рашид ад-Дина названия местностей с монгольскими суффиксами местного падежа (например, *тэлэту амасар-а* собственно «в Тэлэту амсар») указывают, что составители летописи пользовались непосредственно монгольским текстом. Труднее обстояло дело с китайскими словами, в том числе и именами. Так, если в слове *кайзун* летописи было легко узнать имя первого императора южной сунской династии Гао-цзун, то не сразу можно было догадаться, что сочетание *рэй-лэй* (رایلیو) в персидском тексте является передачей (искаженной) китайского *да-ляо* (*дай-леу) и что его следует исправить на *дэй-лэй* (دایلیو), а *рэй-ун* (رایون) восстановить и читать *дэй-ун* (دایون) соответственно китайскому *да-ван* (*дай-он) — большой ван⁹. Восстановленный таким образом текст можно считать если не тождественным, то во всяком случае почти адекватным оригиналу. Я говорю так осторожно, учитывая то обстоятельство, что о тождественности текста можно было бы говорить только при наличии автографа или авторского экземпляра.

Перейдем ко второму случаю — изданию текста, документально наиболее близкого к оригиналу, на основе прочной рукописи.

Такая задача стояла и стоит перед филологами, исследующими текст *Шах-наме* Фирдоуси. О том, что такое поэма Фирдоуси и какова ее ценность, говорить не приходится. Списки этого произведения многочисленны и разнообразны. История сложения текста дошедших до нас копий далеко не ясна. Многочисленные, уже существующие исследования свидетельствуют об этом с достаточной ясностью. По мнению Е. Э. Бертельса, текст деформировался сильнее всего на протяжении первых четырех веков после смерти автора. Самая ранняя из известных копий относится к XIII в. К XIII же веку, к его началу, относится арабский перевод поэмы, который, как полагают, выполнен на основании списка XII в. и представляет одну из двух авторских редакций поэмы.

Всем известно, что произведение Фирдоуси было крайне популярным и переписывалось бесконечное число раз. «В силу этих причин, — пишет Е. Э. Бертельс в своем предисловии к изданию критического текста *Шах-наме*, — текст „Шах-наме“ подвергался значительным изменениям и искажениям уже в первые столетия после смерти автора»¹⁰. К этим словам следует добавить еще и то, что сюжеты большинства рассказов *Шах-наме* пользовались широчайшей известностью в народе и бытовали в фольклоре, в связи с чем текст *Шах-наме* подвергался не только письменной обработке, но и устной — фольклорной, результаты которой не могли не отразиться в целом на поэме. Последнему благоприятствовала и форма поэмы, написанной одним из самых легких для подражания размеров — мутакарибом. И многим изменениям текста мы обязаны, как мне представляется, своеобразным заимствованиям именно из фольклора.

⁹ Там же, стр. 77, прим. 7, 8, 9 и др.

¹⁰ Фирдоуси, *Шах-наме*. Критический текст, т. I. Под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960. Предисловие редактора, стр. 9 и сл. Там же изложены задачи, поставленные подготовителями критического текста поэмы, и принципы, которыми они руководствовались; дается краткая характеристика рукописей, использованных для издания.

Издание нового критического текста поэмы было предпринято в 1950 г. Институтом востоковедения АН СССР. Подготовителями его исследованы имевшиеся в их распоряжении списки, установлены две их основные группы, в первую из которых вошли рукописи, восходящие, как полагают, к списку 829 г. х. (1425 г. н. э.), к так называемому байсункаровскому тексту. Ко второй принадлежат рукописи как моложе XV в., так и старше, но восходящие к рукописям младше XV в.

В основу издания положена рукопись XIII в. (лондонская). Таким образом, подготовители текста поставили перед собой цель — издать документ XIII в., приблизив его по возможности к оригиналу путем критики текста. Задача не из легких.

Прежде всего было необходимо продолжить работу, столь успешно начатую прежними исследователями, — наметить и выделить интерполяции, сохранившиеся еще в тексте, уточнить и установить в ряде случаев порядок бейтов. Расширение текста поэмы за счет интерполирования не только отдельных бейтов, но целых эпизодов — явление обычное.

«Встречая у Фирдоуси изложение популярных сюжетов, отличающееся от версий, известных по другим источникам, — пишет Е. Э. Бертельс, — редакторы, считая версию Фирдоуси неправильной или почему-либо неуместной, изменяли ход рассказа, вводили в него новые главы и эпизоды»¹¹. Вводили они повторно эпизоды, заимствованные ими у самого же Фирдоуси, из той же поэмы, видоизменяя и приспособляя их к соответствующим ее местам. Так, например, оказалось, что хорошо всем известный рассказ о выборе коня Сохрабом имеется только в двух из использованных нами рукописей, между тем как в такой рукописи, как лондонская, и в современном ей арабском переводе поэмы этот эпизод отсутствует полностью. Исследование отдельных бейтов отрывка, сличение его текста с рассказом Фирдоуси о выборе коня Рустамом позволили установить его зависимость от последнего — эпизод в целом оказался позднейшей вставкой. Позднейшей вставкой являются и бейты, в которых Рудабе оплакивает погибшего Сохраба, и плач матери последнего над телом сына¹². Что касается интерполяций, принадлежащих переписчикам и сказителям, отдельных строк, то они носят разный характер; зачастую таковые заимствовались ими из других мест той же поэмы, но в основном это были бейты, вводимые ими в качестве пояснений к тексту или подчеркивающие их содержание. Такое расширение текста производилось чаще всего путем «повторов», т. е. добавлением бейтов, повторяющих мысль автора, Фирдоуси, заключенную в предыдущих строках; в других выражениях и словах. Так, рассказывая о Рустаме, Сохраб говорит следующее:

ميان سپه در نمايد نهان
نگهبان هر مرز و هر کشورست
به پيل دمان تخت و افسر كشد
چو برخيزد از دشت آوای غو

کسی کو بود جهان پهلوان
تو گفتی که بر لشکر او مهترست
[برزمی که کاؤس لشکر کشد
[جهان پهلوان بایش پیشرو

В двух рукописях два последних бейта (взятые в скобки) отсутствуют, что позволяет вывести их из текста, к которому возвращается его должная сжатость и отчетливость фразы. Такие интерполяции двух-

¹¹ Там же, стр. 10.

¹² Там же, т. II, 1962, стр. 258 (прил. VI и VII).

трех бейтов для текста наиболее характерны, и примеров этому можно привести немало.

Но если мы часто говорим о позднейших интерполяциях и о необходимости их изъятия из текста, то значительно реже обращаем внимание на необходимость восстановления выпавших из текста строк (опущенных или упущенных). Любопытным примером такого случая может служить бейт 37 главы о Гаюмарсе¹³, отсутствовавший до сих пор в изданиях, но сохранный рядом рукописей:

سیامک بدست خروزان دیو تبه گشت و ماند انجمن بی خدیو
«Погиб Сиамак от лапы خروزان-дива и остался анджуман без главы».

Подготовители нового критического текста при издании первого тома поэмы также поставили подлинность бейта под сомнение, в связи с чем взяли этот бейт в скобки.

В поэме в данном бейте речь идет о сыне Ахримана (Злого духа), умерщвленном Гаюмарсом — первочеловеком, сотворенным Ахура Маздой (Ормуздом). В единственном пехлевийском тексте (Меноки храт), где имеется упоминание о легенде, связанной с сыном Ахримана и Гаюмарсом, первый из них носит название Арзур (Arzwr).

В наших рукописях имя сына Ахримана пишется خروزان (Л), خروزان (IV) и خروای (VI). Согласно Бируни, сын Ахримана именовался خرزوره. Пехлевийская графика позволяет читать его имя *Xarzwg вместо принятого до сих пор Arzwr. В таком случае как наши рукописи, так и Бируни воспроизводят графически правильную форму этого имени, что и было установлено автором настоящей статьи при переводе первого тома поэмы Фирдоуси на русский язык¹⁴. Таким образом, бейт представляется отнюдь не сомнительного происхождения, и введение его в текст обязательно с соответствующей конъектурой первого мистра.

Кроме расширения текста путем интерполяций, изменение текста шло по линии его облегчения — упрощение синтаксиса и образов, их стандартизация, не говоря о стремлении освободиться от архаизмов языка, стремлении к его модернизации (условно употребляя это выражение). Упрощая синтаксис, переписчики и в особенности сказители стремились прежде всего ограничить предложение рамками одного, максимум двух бейтов, чего Фирдоуси отнюдь не придерживался. Трудно себе представить, чтобы позднейшие переписчики, а тем более сказители, вводили в поэму непривычные их среде написания имен таких, например, как старая диалектальная (возможно, согдийская) форма имени Сиавуша سیاوخش, вместо обычной хорошо известной им سیاوش. Между тем замена одной формы другой неизбежно вызвала изменение фразы в связи с нарушаемым метром. Простейшей иллюстрацией к сказанному может служить часто встречающееся в третьем томе поэмы в начале того или иного бейта сочетание таких слов, как سیاوخش گفت, которые при замене переписчиком имени سیاوخش на более привычное ему سیاوش в свою очередь заменялись словами

¹³ Там же, т. I, стр. 30, бейт 37.

¹⁴ Набранный в 1959 г. русский перевод первого тома *Шах-наме*, подготовленный автором настоящей статьи, и сопровождавший его комментарий не были опубликованы по не зависящим от автора обстоятельствам.

بگفت, благодаря чему нарушенный метр восстанавливался. Любопытно, что в рукописи, принадлежащей Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде и использованной нами при новом издании критического текста поэмы (рук. IV), появляется третья форма имени سیاووش, которую переписчики ввели в текст для восстановления нарушенного метра в аналогичных случаях.

Сложные и малопонятные образы, как было уже сказано, стандартизовались, в связи с чем текст Фирдоуси терял свою специфичность. Неплохим примером стандартизации текста могут служить несколько строк из рассказа о бегстве Фарангис с Кайхосровом и Гивом из владений Афрасиаба. Узнав, что Фарангис и ее спутники благополучно переправились через Джейхун, Афрасиаб, придя в ярость, в свою очередь вознамеревается пересечь Джейхун. Тогда к нему обращается Хуман:

بدو گفت هومان ای شهریار	براندیش و آتش مکن در کنار
تو با این سواران بایران شوی	همی در دم و چنگ شیران شوی
چو گودرز و چون رستم پیلتن	چو طوس و چو گرگین و آن انجمن
همانا که از گاه سیر آمدی	که ایدر بچنگال شیر آمدی

Сказал ему Хуман: О государь, подумай хорошенько, не гневишься.

Ты идешь в Иран с этими всадниками, идешь в жаркую пасть и лапы львов,

Таких, как Гударз, как Рустам-Слонотелый, как Тус, как Гургин и весь их анджуман.

Ты пресытился, видимо, престолом, явился сюда ко льву в лапы.

Речь пойдет о второй строке, а именно:

تو با این سواران بایران شوی همی در دم و چنگ شیران شوی

В этой, казалось бы, такой ясной строке переписчики не были уверены, о чем мы можем судить по вариантам второго ее мисра, имеющимся в рукописях:

Рукописи Л и I	—	همی در دم و چنگ شیران شوی
Рукопись IV	—	همی در دم چنگ شیران شوی
Рукопись VI	—	همی در دم و گاوشیران شوی

Последний вариант, на первый взгляд, представляется лишенным смысла, но именно он является почти правильным. В этимологических персидских словарях упоминается имя сказочного дракона گاوشید, долго опустошавшего Иран и причинившего ему многие беды¹⁵. Согласно преданию, этот дракон был уничтожен Киром, который в память об этом событии воздвиг великолепный храм огня. Можно думать, что Фирдоуси, прекрасный знаток иранской старины, употребил здесь имя этого дракона в нарицательном смысле, взяв его во множественном числе گاوشیدان «гавшиды». Переписчики же превратили گاوشید-ов в دم گاوشیدان-ы, а затем непонятное для них сочетание слов دم گاوشیدان сперва в دم و گاوشیران, а затем, заменив گاوشیران словом چنگ, получили, с их точки зрения, хороший текст: همی در دم و چنگ شیران شوی «Ты идешь в жаркую пасть и лапы львов» вместо должного همی

¹⁵ Vullers, *Lexicon*, v. II, 1864, стр. 946.

در دم گاوَشیدان شوی «Ты идешь в жаркую пасть драконов, таких, как Гавшид».

Таковыми же представляются слова Афраснаба, который, отвечая на попытки Гарсиваза восстановить его против нашедшего у него убежище Сиавуша, полный сомнений и страха, говорит:

که اندر دلش بیم شمشیر نیست	زد دتیزدندان تر از شیر نیست
کند مرغزاری تباه از گزند	اگر بچه او شود دردمند
نپسندد چنین داور هور و ماه	وگر ما بشوریم بر بی گناه
وز ایدر فرستمش نزد پدر	ندانم جز آنکش بخوانم بدر

Каждая строка в отдельности ясна, так же как и общий смысл текста, но связь второго бейта с остальным текстом ускользает. Вероятно, в нем по логике событий должна была идти речь об отце Сиавуша — Каусе. Разночтения, имеющиеся в рукописях, позволяют восстановить это место поэмы следующим образом:

که اندر دلش بیم شمشیر نیست	زد دتیزدندان تر از شیر نیست
کند مرغزاری پناه از گزند	اگر بچه از پدر دردمند
نپسندد چنین داور هور و ماه؟	سزد گر بدآید بدو از پناه؟
وز ایدر فرستمش نزد پدر	ندانم جز آنکش بخوانم بدر

Согласно новому варианту текста, речь в нем пойдет не о Каусе, а о самом Афрасиабе, в стране которого Сиавуш нашел себе убежище.

Хорошо известен яркий и красочный рассказ Фирдоуси о преступной любви Судабе к Сиавушу.

Напомню те строки, которые вложил Фирдоуси в уста Кауса, полностью сомнений и гнева, — кто же преступник: сын или жена?

که گفتار هر دو نیاید بکا	چنین گفت با خوبش تن شه-ریدار
که نیکی دل آرد خردرا بخواب	برین کار بر نیست جای شتاب
گواهی دهد دل چو گردد درست	نگه کرد باید برین در نخست
ببادافره بد سزاوار کیست	ببینم کزین دو گنه کار کیست
بیوند دست سیاوش نخست	بدان باز جستن همی چاره جست
سراسر ببویید هر جای او	بر و بازو و سر و بالای او
همی یافت کاؤس بوی گلاب	ز سودابه بوی می و مشکناб
نشان بسودن ندید اندر وی	نبود از سیاوش بدان گونه بوی
دل خویش-تن را پر آزار کرد	غمی گشت و سودابه را خوار کرد

Весь текст представляется ясным и не нуждающимся в каких-либо конъектурах. Однако это не так. Лондонская рукопись содержит интересный вариант 6—8 строк, дающий возможность предложить новый текст, и тогда весь отрывок оживает:

بیوند دست سیاوش نخست	بدان باز جستن همی چاره جست
سراسر ببویند هر جای او	بر و بازو و سر و بالای او
همی یافت 'کاؤس بوی گلاب	ز سودابه بوی می و مشکناб
نشان بسودن نبود اندر وی	ندید از سیاوش 'بدان گونه زوی
دل خویش-تن را پر آزار کرد	غمی گشت و سودابه را خوار کرد

В этой связи обращаю внимание на то, что еще не ясна роль паузы у Фирдоуси. Что касается методов критики текста, то это вопрос особый, требующий своего рассмотрения.

Итак, задача, стоящая перед исследователями текста *Шах-наме*, состоит в том, чтобы дать строго документированный текст XIII в., по возможности приближенный к оригиналу путем освобождения его от интерполяций, больших и малых, а также пояснений и упрощений. Восстановление авторского синтаксиса и образов потребует немало кропотливого труда. В связи с указанными задачами важно также решить вопрос, имеют ли право лица, работающие над текстом, на произвольный (по своему, так сказать, вкусу) выбор разночтений, когда в этом нет необходимости, если только речь не идет об исправлениях (скажем, нарушения метры, рифмы, смысла и т. д.).

Теперь перейдем к третьему нашему случаю — когда имеющийся в нашем распоряжении текст того или иного произведения представляет позднейшую обработку не дошедшего до нас оригинала, название которого он зачастую носит. Здесь перед издателем уже отнюдь не стоит задача восстановить текст или приблизить текст к оригиналу, наоборот, ему предстоит установить текст позднейшей обработки сочинения. Именно так обстоит дело с «Историей Бухары» Наршахи.

Построенная по типу так называемых историй городов, появившихся как литературный жанр в IX в., «История Бухары» в том виде, в котором она до нас дошла, представляет своеобразную энциклопедию по истории (в широком смысле этого слова) одного из важнейших экономических и культурных центров Средней Азии.

«История Бухары» заняла свое место в качестве одного из важных источников по истории Средней Азии еще в середине XIX в. С этого времени исследователи используют имеющиеся в ней известия. Текст ее издан дважды (Шеферовское издание 1892 г. и Тегеранское 1939 г.), так же как и перевод (русский Н. Лыкошина, под редакцией В. В. Бартольда, вышедший в 1897 г., и английский перевод Р. Фрая — в 1945 г.). Специальному анализу текст подвергался В. А. Шишкиным и О. А. Сухаревой в связи с их исследованиями по топографии бухарского оазиса и самой Бухары. Однако мнения относительно «Истории Бухары» и ее текста до сих пор расходятся. Прежде всего во многом неясной остается история сложения текста. Не решен вопрос о редакции сочинения¹⁶. В этой связи новое издание текста «Истории Бухары» представляется необходимым.

История книги в том виде, в котором она до нас дошла, настолько сложна и первоначальный ее текст подвергся последовательно таким редактурам, сокращениям и дополнениям, что даже упоминание имени Наршахи в качестве ее автора вряд ли оправданно.

«История Бухары» Наршахи, законченная ее автором около 933 г., была, как известно, первоначально написана на арабском языке и составлена на основе ряда источников такого порядка, как Белазури, а также материалов и сведений разного рода, имевшихся в личном распоряжении Наршахи, в том числе и расспросных.

В XII в. труд Наршахи был переведен в сокращенном виде на персидский язык ферганцем Кубави, который вместе с тем существенно его дополнил известиями из Табари и других трудов, в том числе из не дошедших до нас двух сочинений: *Хаза'ин ал-'улум* Нишапури и *Ахбар-и Муканна'* некоего Ибрахима. Что представляли эти два последних источника Кубави — мы не знаем. Выдержки из них, приведен-

¹⁶ О существующих по этому вопросу мнениях см. R. N. Frye, *The History of Bukhara*, Cambridge, Mass., 1954, pp. XI—XV (Introduction); О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 7—12 (Введение).

ные Кубави, говорят об их большой ценности. Как удалось установить, в части хадисов Кубави использовал также неизвестные нам сочинения такого знатока хадисов, как Шамс ад-дин Абу Бахр Заранджари, на что до сих пор не было обращено внимания. Наконец, что для нас особенно ценно, Кубави, будучи местным уроженцем, как и Наршахи, дополнил свой труд рядом собственных наблюдений и расспросных сведений, создав по сути дела новое сочинение. Через какие-нибудь пять-десять лет книга Кубави подверглась в свою очередь существенным изменениям. Она была отредактирована и сокращена бухарцем Мухаммадом б. Зуфаром для бухарского садра Абдалазиза II. Этому второму редактору «Истории Бухары» принадлежит компоновка глав и ряд позднейших добавлений. Наконец, в XIV в. «История Бухары» подверглась еще одной, четвертой, редакции, как сейчас известно, дополнившей книгу рядом позднейших известий. Есть основание думать, что в XV в. труд был снова изменен неизвестным нам лицом. Кроме того, начиная с XIII в. текст систематически расширялся и пополнялся за счет своеобразного комментария рядом неизвестных лиц (возможно, просто переписчиками). Комментарий идет по двум линиям: а) поясняются топонимы и собственные имена; б) разъясняются непонятные с точки зрения переписчика места, в связи с чем иногда в текст вводятся довольно обширные рассуждения разного плана. Меняется (судя по нашим рукописям) и синтаксис. Намечаются две редакции этого сочинения, одна из которых, наиболее распространенная, относится, как можно полагать, к XIV в.

Таким образом, дошедшая до нас так называемая «История Бухары» Наршахи сложилась из разновременных частей и представляет новое сочинение, далеко отстоящее от своего арабского оригинала — «Истории Бухары» Наршахи. О последнем можно составить себе известное представление по довольно многочисленным цитатам из него, приведенным Сам'ани (XIII в.) в его алфавитном списке нисб; ни одна из этих цитат не сохранилась в дошедшем до нас тексте. Уже одно это обстоятельство говорит о колоссальных изменениях, которым подверглось сочинение с того времени, когда оно было написано автором. Эти изменения шли, с одной стороны, по линии сокращения авторского текста (утерявших свое значение частей), с другой — расширения его разными интерполяциями и пояснениями. Позднейшие засорения текста многочисленными пояснениями и мелкими интерполяциями объясняются прежде всего большой популярностью произведения и связанным с его популярностью огромным количеством его списков.

Каковы же задачи, стоящие перед исследователями, которые будут готовить новый критический текст «Истории Бухары»? Перед ее издателем отнюдь не встанет задача восстановить текст Наршахи или его переводчика — Кубави, ибо для проверки такой реконструкции у нас пока нет критерия. Задача будет состоять в том, чтобы прежде всего установить время последней обработки сочинения, а затем и текст этой обработки, по возможности очистив его от пояснений и интерполяций переписчиков. Очень важно будет при этом указать, где возможно, наиболее древние части текста и установить последовательность обработки оригинала. Работа над таким текстом представляется чрезвычайно сложной в связи с ее разноплановостью. Однако только такой метод исследования подобного рода сочинений даст текст, который сможет быть положен в основу любого исследования: исторического, географического, этнографического и т. д.

И. В. Стеблева

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ТРАКТАТА БАБУРА ПО СТИХОСЛОЖЕНИЮ (АРУЗУ)

Трактат Бабура по стихосложению был обнаружен М. Ф. Кёпрюлю в Парижской национальной библиотеке в 1923 г.¹ Хотя на рукописи не имелось ни названия, ни имени автора, М. Ф. Кёпрюлю по ряду соображений, вытекающих из содержания рукописи, счел возможным заключить, что сочинение принадлежит Захираддину Мухаммаду Бабуру². М. Ф. Кёпрюлю высказал предположение, что трактат по арузу был написан Бабуром в 932—934/1525—1528 гг.³ На наш взгляд, Бакур написал трактат между 1523 и 1525 гг. На рукописи имеется дата ее переписки: 940/1533-34 г. и имя переписчика: Хаджи Мухаммад Самарканди⁴.

В трактате излагается теория аруза. Описание метров проиллюстрировано большим количеством примеров тюркских и персидских стихов. На лл. 266—27а автор трактата пишет, что в тех случаях, когда автор стихов не указан, они принадлежат самому автору трактата. Кроме изложения основ арабо-персидского аруза рукопись содержит описание некоторых особенностей тюркского аруза. Здесь особый интерес представляют те части трактата, в которых содержится объяснение тюркских поэтических форм, не входящих в канонический аруз. Одна из них не упоминается в известном трактате по метрике Алишера Навои *Мизан ал-авзан*, другие описаны полнее, чем у Навои, который заключительную часть своего трактата также посвятил специфически тюркским формам стиха. На эти места рукописи сочинения Бабура в свое время обратил внимание М. Ф. Кёпрюлю. В указанной статье он привел отрывки из трактата, но не снабдил их переводом на современный язык. Поскольку упомянутые части трактата Бабура имеют немаловажное значение в решении вопросов о происхождении некоторых жанров классической тюркоязычной поэзии и о связях последней с фольклорными формами стиха, представляется целесообразным опубликовать необходимые извлечения из трактата, снабдив их переводом.

¹ Сведения о трактате Бабура были впервые опубликованы М. Ф. Кёпрюлю в 1923 г.; затем — в отдельной статье: *تورك کلاسیق ادبیاتنده خصوصی: کوپرلی زاده محمد فواد*, *تورکیات مجموعہ سی*, которая позднее была напечатана в журнале «*تورکیات مجموعہ سی*» *نظم شکلبری: توپوغ*, 1928, جلد 2, «استانبول» 1928, а затем вошла в сборник его работ: M. F. Köprülüzade, *Türk klâsik edebiyatındaki hususi nazım şekilleri. Tuvug*, — M. F. Köprülüzade, *Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar*, İstanbul, 1934, S. 204—256.

² См. там же, стр. 207—208 (прим.).

³ M. F. Köprülü, *Babur*, — *İslâm ansiklopedisi*, II, 185.

⁴ Краткое описание рукописи см.: E. Blochet, *Catalogue des manuscrits turcs de la Bibliothèque nationale de Paris*, t. II. Supplément, Paris, 1933, p. 229, № 1308.

(п. 132a) بو وزن بيله رجز وزنی نینک اراسیده تفاوت بیر سبب حقیف تور
اگر بو وزن نینک اولیغه بیر سبب حقیف ارتورساق رجز وزنی بولور نیچوک کیم
بو جرخ نینک مین کورماکان جور وحقاسی قالدیمو
هم خسته کونکولوم جیکماکان درد وبلاسی قالدیمو
اتراک اراسیده بیر سرود بار کیم ترخانی دیلار بو وزن نی انکا تقسیم قیلورلار
ایکی دوردۀ باغلائیب (باغلائیب؟) تور تقسیمی بیر دوردۀ وایالغوسی بیر دوردۀ
سلطان حسین میرزانی زمانیدا ینه بیر سرود حمقی (جقتی؟) کیم ترکی کا اوق
موسوم بولدی انکا داغی اوشبو وزن وزنی (وزنی؟) تقسیم قیلورلار اول داغی
ایکی دوردۀ باغلائیب تور [۰.۰.]

کیل کیل ای ارام جان مین (؟) خسته تارتای انتظار
قیلدی هجرینک ناتوان قیلدی شو قینک بیقرار

بو وزن ترک اراسیده قوشوق قه موسوم دور اورغوشتهک تیارده (п. 132b) بو وزن
تقسیم قیلورلار

(п. 138a) نیچوک کیم عجم شعراسی رباعی وزنیغه حد معین مقرر قیلیب تورلار
توک فصحاسی هم بو وزن غه حد معین مقرر قیلیب ایکی بیت ایتیپ تورلار
تویوق قه موسوم دور بو وزن لار مغول خانلاری بيله ترک سلاطینی نینک (п. 138b)
مجالسیده تویوق نینک کوب اشتهاری بار ایرکاندور هر کیشیکا ایاق دوری بیتکانده
مناسب! حال تویوق نی تقسیم قیلیب بیرلار انکاندور (ایکاندور؟) تویوق نیچه
نوع دور بیر اولکیم هر اوج قافیه! تجنیس رعایت قیلورلار نیچوک کیم

شه سوپورای آستانینک یوز ایله
تیمینکدین (؟) تیمکدین (Кепрюлю: نیچه اورای یوز ایله
ایکی! یوزلук مدعی دین نی غمیم
کر ایشیم توشسه الار دین یوز ایله
(نویای)

[۰.۰.] ینه بیر اولکیم قطعه دیک بورونغی بیت نینک اولغی مصراعیده قافیه رعایت
قیلمای بیت لار نینک قافیه سیده تجنیس کیله تورلار نیچوک کیم

(п. 139a) بیر مه دیلار اول وفاسیغه کونکول
کیم انینک نیشی غه ارتوق نیشی بار
مین طمع اوزماس مین اولسام لعلی دین
جان مینینک جانیم دور ایل نینک نیشی بار
(نویای)

[۰.۰.] ینه بیر اولکیم تجنیس رعایت قیلای اوج قافیه بيله ایتورلار نیچوک

کیم

ایکمه * قاش ویغشی برجم دور سنکا راست قد وزلف پرخم دور سنکا
چون بو ینکلیغ دور سنکا خیل وحشم خوبلق ملکی مسلم دور سنکا
ینه بیر اولکیم تجنیس رعایت قیلمای ایکی قافیه بیلور (؟) بيله ایتورلار نیچوک
کیم

ایکمه * М. Ф. Кепрюлю ошибочно читает (стр. 210). В рук. ясно видно

Скандировка ее (по метру аруза) — в одном круге, а музыкальный ритм — в другом круге.

Во времена Султан Хусайна-мирзы появилась еще одна песня, которая была названа *тюрки*. В ней также скандируют этот метр*; она также связывается с двумя [ритмическими] кругами [...]

کیل کیل ای ارام جان مین (؟) خسته تارتای انتظار
قیلدى هجرینک ناتوان قیلدى شوقینک بیقرار

Приди, приди, о покой души, я. утомленный, буду ждать,
Разлука с тобой обессилила [меня], страсть к тебе лишила [меня] покоя.

Этот метр** у тюрков называется *кошук*. При исполнении ургуштака (л. 1326) скандируют этот метр***.

(л. 138а) Точно так же как персидские поэты установили определенные границы для метра рубай, тюркские мастера красноречия установили определенные границы для этого метра**** и произносят два бейта. [Это] называется *туюк*. (л. 138б) В собраниях могольских ханов и тюркских султанов туюк очень знаменит. Каждый человек, когда к нему приходит по кругу чаша, выбирает подходящий к случаю туюк [и] поет [его]. Сколько имеется видов туюка? Один [вид] — такой, когда в трех рифмах (трех рифмующихся строках) соблюдают таджнис, как например:

شه سوپورای آستائینک یوز ایله تیمینکدین (؟) نیچه اوڑای یوز ایله
ایکی یوزلук منعی دین نی غمیم کر ایشیم توشسه الار دین یوز ایله ****

О шах, да буду я подметать [пыль] с твоего порога [своим] лицом!
Как я смогу уйти от твоего крова (? , от тебя) на сто сторон?
Что за печаль (что мне печалиться) из-за двучлих соперников,
[Даже] если мое дело попадет из-за них в сотни рук?

(Навои)

[...] Еще один [вид] — такой, в котором, не соблюдая рифму в первом полустииши первого бейта, как в кит'а, в рифме [обоих] бейтов (во второй и четвертой рифмующихся строках) приводят таджнис, как например: (л. 139а)

بیر مه دیرلار اول وفاسیزغه کونکول کیم ا نینک نیشیغه ارتوق نیشی با
مین طمع اوزماس مین اولسام لعلیدین جان مینینک جاذیم نور ایل نینک نیشی بار

* Речь идет о метре рамал-и мусамман-и максур, упоминаемом выше, на л. 124а. Парадигма метра: (فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن) | — — — | — — — | — — — | — — — | .

** То есть рамал-и мусамман-и махзуф по формуле: فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن | — — — | — — — | — — — | — — — | .

*** Алишер Навои по этому поводу писал: «Еще есть кошук, который распространен в ритме аргуштак, и в некоторых музыкальных трактатах этот ритм упоминается...» (Алишер Навои, *Мезонул авзон*, Ташкент, 1949, стр. XVII, в узбекской транскрипции стр. 91).

**** То есть, рамал-и мусаддас-и максур по формуле: (فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن) | — — — | — — — | — — — | — — — | .

***** В этом примере из Навои последняя стопа метра — махзуф. Так как в тюркском арузе более чем долгие слоги практически не учитываются, то стопы махзуф (последний слог — долгий) и максур (последний слог — более чем долгий) ритмически однозначны.

О сердце, об этой неверной говорят, что она — месяц,
Ибо у нее сверх (помимо) одного острия *есть* [еще] *острие*.
Если я не перестая жаждать умереть от ее рубинов (губ),
[То] жизнь — это [ведь] моя жизнь, *какое* людям *дело*!

(Навои)

[...] Еще один [вид] — такой, который произносят с тремя рифмами, соблюдая таджнис, как например:

ایکمه قاش و یخشی برجم دور سنکا راست قد وزلف پرخم دور سنکا
جون بو ینکلیغ دور سنکا خیل وحشم خوبلق ملکی مسلم دور سنکا*

Выгнутые брови и красивые локоны — у тебя,
Стройный стан и выющиеся кудри — у тебя,
Так как [все] подобное этому — твоя свита,
[То] царство красоты принадлежит тебе.

Еще один [вид] — такой, который произносят с двумя рифмами, не соблюдая таджнис, как например:

بو ولایت قه مقید بولماغیل کیل خراسان جانبی قه عزم قیل
ل. 1396 کر بارور بولسانک ایرودمین همره ینک و رتورارسین مین بارودمین جنم قیل

Не будь приверженным к этой стране,
Отправляйся в сторону Хорасана.
Если пойдешь [туда], я стану твоим спутником,
А если останешься, я пойду [сам], твердо решай!

Приходят на память еще несколько видов *туюка*, которые нигде не встречаются. Один [из них] — такой, в котором во всех четырех рифмах (в четырех рифмующихся строках) соблюдается таджнис, как например:

وصل دین سوز دیرکا یوق یارا منکا هجر ارا رحم ایلا کیل یارا منکا
اوقونک ایتی کوب یمان یارا منکا مرم لطفونک بیله یارا منکا**

Чтобы произнести слово о свидании, нет *дерзости* у меня.
Смилуйся в разлуке, о *любимая*, приди ко мне.
Твоя стрела много опасных *ран* нанесла мне,
Пластырем своей милости *помоги* мне.

Еще один [вид] — такой, в котором в трех местах (в трех рифмующихся строках) таджнис находится в редифе и рифма соблюдается перед таджнисом, как например:

مهر کیم کوکا قیلور آهنک تانک الیده بولسه ایماس بی رنک تانک
خالی وایکی لبی دیک بولماغای هندو ار کیلتورسه شکر تنک تنک

Солнце, которое начинает на небе *рассвет*,
Перед ней если не побледнеет, — *удивительно*!
Ее родинке и губам не будет подобно —
Если [даже] индус принесет леденцы «танг-танг» ***.

* Пример на начертательный таджнис: *برخم — برجم*.

** В издании Дивана Бабура А. Н. Самойловичем бейты этого туюга даны как фарды, см. 14V, 14L.

*** Имеется в виду леденец особой формы, который в поэзии уподоблялся губам красавицы.

Еще один [вид] — такой, в котором перед таджнисом в трех местах (в трех рифмующихся строках) соблюдается хаджиб (редиф перед рифмой), как например:

نى بلا بىيىك تورور دولت تاغى كوه غم نى نى بيلور دولت تاغى
همتى توت داغى دولت ايستاكيل همتينك بولسه بولور دولت تاغى

Как велико несчастье в счастье?

Что знает о горé горя *гора* счастья?

Проявляй благородство и стремись к счастью.

Если будет у тебя благородство, будет и счастье.

(л. 147а) У турков есть песня, которую называют *оленг*. [Ее] большей частью поют на свадьбах, [и] этот метр * присущ ей. Когда [его] скандируют в этой песне, после каждого полустипа прибавляют слова *йар — йар*. Этот *оленг* был включен в музыкальный круг турки, который появился во времена Султан Хусайна-мирзы. Он [оказался] очень привлекательным и понравился:

مونجه جفا جانيمه جاغلاماديم [يار يار] دشمن ايميشى دوستلار انكلاماديم [يار يار]

Я не ожидал стольких мучений для своей души [йар — йар],

Я не понимал, что друзья оказались врагами [йар — йар].

* То есть мунсарих-и мусамман-и матви-и маукуф (последняя стопа образуется припевом йар — йар) по формуле: مفتعلن فاعلات مفتعلن فاعلات
| — — | — — | .

О. Д. Чехович

СКАЗАНИЕ О ТАШКЕНТЕ

Своеобразие государственного строя феодального Ташкентского владения XVIII в. давно привлекает внимание историков. В. В. Бартольд¹, М. Е. Массон², Ф. Азадаев³, Ю. А. Соколов⁴, Э. Ходжиев⁵ и другие касались этого вопроса в связи с изучением других периодов или иных аспектов истории Ташкента.

В XVIII в. Ташкент был крупным торговым центром, быстро развивавшимся в связи с ростом караванной торговли среднеазиатских ханств с Россией и Казахстаном. Освободившись от власти ставленников джунгар и от бухарской зависимости, ташкентцы создали особые формы управления городом и принадлежавшей ему областью, каких не существовало в соседних среднеазиатских ханствах. Город был разделен на четыре части, и каждой частью правил независимый правитель. Богатые и знатные горожане сами выдвигали на все административные посты лиц, утверждавшихся иногда курултаем (съездом представителей от кочевых племен окружающей степи и от горожан). Части города поочередно выставляли войско для борьбы против внешних врагов, а наиболее важные вопросы решали сообща.

Около 1784 г. междоусобные распри, возникшие между жителями четырех частей Ташкента, закончились победой одной из них, Шейхавендахурской части. После этого курултай утвердил общегородским правителем Юнуса-ходжу — феодала, связанного с торговлей, который обращался за помощью к русскому царю. Кокандское завоевание 1808 г. положило конец независимости Ташкента и его самоуправлению.

История Ташкента XVIII в. изучена слабо, даже хронология не вполне выяснена, и основной вопрос о характере и структуре государственной власти в период независимости остается открытым. Чтобы поставить на научную почву изучение этих вопросов и критически оценить имеющиеся сведения, нужно сделать анализ встречающихся в источниках данных о Ташкенте XVIII в. и прежде всего провести источниковедческую работу: установление подлинности, степени достоверности и взаимозависимости самих источников.

¹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, — Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 277.

² М. Е. Массон, *Прошлое Ташкента (Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк)*, — «Изв. АН УзССР», 1954, № 2, стр. 113—114.

³ Ф. Азадаев, *Ташкент во второй половине XIX века*, Ташкент, 1959, стр. 16—17.
⁴ Ю. А. Соколов, *Первое русское посольство в Ташкент*, — ВИ, 1959, № 3, стр. 166—177; *Ташкент, ташкентцы и Россия*, Ташкент, 1965, стр. 25—98.

⁵ Э. Ходжиев, *Важный источник по истории Ташкента*, — «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 5, стр. 63—65; *Неизвестное письмо Ташкентского правителя Юнуса ходжи*, — «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 2, стр. 63—64.

В настоящей статье мы ограничиваем свою задачу публикацией только одного, но зато важнейшего источника — сказания о Ташкенте, содержащегося в виде своеобразной вставки в сочинении Мухаммеда Салиха Ташкенди «Новая история Ташкента». Этот, до сих пор не изданный, труд был составлен на таджикском языке во второй половине XIX в. Рукопись его (по-видимому, автограф) состоит из более чем 2 тыс. страниц. Она хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР в Ташкенте, под № 7791. Там же имеются две неполные копии с нее, инв. № 5732 и 11072.

Первое упоминание об этих рукописях в литературе принадлежит, насколько известно, Я. Г. Гулямову⁶, который изложил содержание второй части труда Мухаммеда Салиха (историю завоевания Ташкента царской Россией), но не отметил наличия в первой, компилятивной части этого сочинения краткого описания Ташкента XVIII в. Не упомянута эта часть сочинения Мухаммеда Салиха и в каталоге рукописей⁷.

Нам неизвестно, позаимствовал ли Мухаммед Салих Ташкенди это краткое описание Ташкента из какого-либо не дошедшего до нас сочинения или составил это описание сам, на основании устных преданий. «Сказанию» предпослана ссылка на рассказы двух лиц: еврея-диванбеги, возвысившегося благодаря путешествию в Китай для заключения мирного договора, и муллы Джуванмарда, надима при ферганском дворе. Оба они якобы были приглашены к деду автора, где и рассказывали «сказку» про Ташкент XVIII в. (см. факсимиле, I, л. 353б). Однако в тексте, на лл. 355а, 357б и 358а, имеются пропуски отдельных слов или предложений такого характера, что они могли быть сделаны скорее всего при переписке с другого оригинала.

Достоверность некоторых важнейших сведений, содержащихся в «Сказании», подтверждается свидетельствами русских посланцев в Ташкент, бывших пленными и сообщениями ташкентцев, записанными в XVIII в.⁸

Ниже публикуется факсимиле соответствующих страниц из рукописи № 7791 вместе с попыткой чтения и перевода главной части этого текста⁹.

ПЕРЕВОД

(л. 354а)¹... В те счастливые, благословенные времена в странах кипчакской степи [и] в городе Ташкенте от четырех частей ташкентской округи на украшающем власть престоле [пребывали] четыре вельможи этого города, знатного Аулайкулиханского² рода. Происхождение их отцов и дедов, через лиц, записанных в родословной по степеням их

⁶ Я. Г. Гулямов, *Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом*, — «Изв. Узб. филиала Академии наук СССР», 1941, № 4, стр. 81—82.

⁷ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. VI, Ташкент, 1963, стр. 34—36.

⁸ См. «Поездка М. Поспелова и Т. Бурнашева в Ташкент в 1800 г., с примечаниями Я. Ханькова», — ВРГО, кн. I, ч. I, отд. VI, 1851; «Казацкого атамана подпоручика Телятникова объявление», — в ст.: Э. Ходжиев, *Важный источник по истории Ташкента*, стр. 64—65; *Рассказ сарга Нур Мухаммеда, записанный в 1735 г.*, — в кн.: «Материалы по истории России». «Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края», 1735 и 1736 годы, т. II, сост. А. И. Добросмыслов, Оренбург, 1900, стр. 55—65.

⁹ Примечания к переводу см. на стр. 176—177.

достоинства, возводится непосредственно к Алача-хану³, Юнус-хану⁴ падишаху, Бабур-хану⁵ до эмира Тимура Гургана, до Чингиз-хана кипчакской степи, Огуз-хана⁶, Бузанчар-хана, Кара-хана⁷ кипчакской степи и до потомков святого Нуха, привет ему, Сама и Яфета, как мы записали, приведя в порядок, в предисловии к славной генеалогии, включающей эту длинную родословную. От них произошли правившие в те дни в этом городе их сыновья и внуки, герои того времени, воины- (л. 354б) богатыри.

В Шейхавендтахурской⁸ части Ташкента правителем был Бабахан-тура Аулайкулиханид, в Бешагачской части правителем был Раджаб-бек из потомков Аштарханидов⁹, в Кукчинской части правителем был Мухаммед Ибрахим-бек, из потомков Чагатай-хана, а в Сибзарской части был правитель из потомков Джучи-хана. Они осуществляли управление страной, власть и правосудие по отношению к подданным в подвластных местах кипчакской степи совместно, по взаимному соглашению. При отражении неприятеля выходили на бой по очереди. Иногда из-за благородного рвения к защите чести на Джангах¹⁰ происходили поединки.

В то время как в Шейхавендтахурской части, среди базара, сыновья Бабахана-туры...¹¹.

В те времена как на базар, так и на обрабатываемые поля (л. 355а) и на охоту выходили в полном боевом снаряжении, в кольчуге, шлеме, с копьем, клинком, саблей и ружьем при себе. В самый разгар базарной торговли при продаже и купле баранов произошла ссора и драка с сыновьями Чагатаидов. Из-за срама и чести потомки {правителей} трех частей [Ташкента] объединились {и стали драться против} потомков Аулайкули-хана, шейхавендтахурцев из махалли Диванбеги^{12... 13}, который был родным дядей по матери составителю этой истории чудес. Произошло сильное побоище, много трупов отважных Аштарханидов, Чагатаидов и Джучиханидов вынесли из битвы. В конце концов победа досталась потомкам сыновей Аулайкули-хана, и они возвратились в четыре части [города].

В то время потомки Бабахана-туры состояли на службе у знаменитого деда Салимсака-туры, который был дедом Бабахана. {Они были} приближенными этого, украшающего сражения, смелого богатыря, (л. 355б) отважного, добронравного, дальновидного, предусмотрительного, красноречивейшего [оратора] того времени, самого великодушного и гостеприимного {человека всех} времен. Вместе с подчиненными, родственниками и приближенными они пришли к тому благородному вельможе-начальнику, рассказали о поведении трех партий частей [города] и поведали о соре.

Тогда Салимсака-тура из махаллей Диванбеги сказал потомкам и сыновьям:

«О вы, свет очей [моих], Аулайкулиханиды и мощь десницы [моей] Алачаханиды! Сей престарелый, проживший много лет старец, опасаясь вашей смелости, отклоняет эту жалобу. Правильный план завоевательных действий состоит в том, чтобы позор и основную причину зла возложить на общину Аштарханидов Бешагачской части, а к партиям Чагатайханидов и Джучиханидов проявить как можно больше единодушия, взаимопонимания и терпимости (л. 356а). Завоеюем Бешагач, а потом быстро двинемся против них».

Итак, препоясавшись в те дни таким образом поясом храбрости, после небольшой ночной подготовки, рано утром ринулись они из Шей-

хавендтахурской части в Бешагачскую и без больших хлопот и сражений одержали победу. В Бешагачской части построили дворец Дервишхани¹⁴ и воздвигли разнообразные постройки.

Закончив эти дела, стали бить в барабан притязаний на те две части [города]. Для придания блеска [своей] власти весной устроили большой пир и угощение курилтая. Перед всеми девяносто двумя племенами поставили на обсуждение вопрос о назначении одного среди них правителем вилайета и одного из эмиров — эмиром войска Салимсакуру из махалли Диванбеги, Аулайкулиханида, Алачаханида, Шейхавенд-(л. 356б)тахурца, который был родным дядей по матери составителя этой вереницы историй о новых событиях. Рустама-туру также возвели в чин аталыка, а другого — Адила-туру — назначили на пост парваначи. Таким же образом Бабахана-туру утвердили на должность сардара войска.

После отдыха дядья автора этой родословной и современной генеалогии, вместе с большинством племен и их благородными вождями, с согласия простого народа их, назначили правителем вилайета Юнусходжу Банги¹⁵ вследствие ошибочного представления о его стойкости. Вознеся громкие благословения ему до голубого неба и шумные прославления его власти и правосудия на все четыре стороны света, они спокойно возвратились на родину, к местам своего постоянного пребывания.

После того как Юнус-ходжа Банги укрепился на посту управления вилайетом, (л. 357а) опьянение верховной властью день за днем [все больше] смешивалось у него с опьянением от курения банга, и из нормального человека он стал умалишенным. Своих собутыльников он посчитал достойными доверия и участия в государственных делах и сделал их своими советниками. Кроме того, в каждое из преданных ему племен группы санджакли назначил он сыновей правителями крепостей. Например, Мухаммед-ходжу, Хан-ходжу, Хашим-ходжу, Султан-ходжу и Хамид-ходжу — всех расставил в подвластные городу Ташкенту [места]. В то же время, не посоветовавшись с эмирами вилайета, не обсудив с благородными эмирами страны и начальниками государства, по наущению группы казахов отправил он посла в столичный город Коканд к султану Алим-хану хакану со следующим [заявлением]:

«Намереваясь претендовать на Ферганское владение, я иду через округи Намангана».

Когда эмиры страны и вельможи власти услышали о том, что произошло без совещания [с ними], они (л. 357б) собрались во дворец Дервишхани и долго так говорили:

«Кровопротитие между населением Ферганы и Кипчакской степи не обойдется без ослабления и свержения власти и без распри между партиями [горожан]».

Не приняв во внимание их уговоры, Юнус-ходжа стал бить в барабан призыва в поход¹⁶ и дал разрешение к отправке артиллерии и пушкарей. Выставив вперед стада животных, он пообещал потомкам¹⁷ пиры в Фергане. Пройдя переход за переходом, через трое суток он остановился напротив города Ходжента в селении Kamiш Курган¹⁸. После отдыха, на второй день он расположился возле реки Сыр, против селения Шахидан¹⁹. Отсюда, опять ударив в барабан отправления, вышли к селению Чадак²⁰, что (л. 358а) у подножия гор в окрестности Хуррам Сарая²¹, и тут остановились.

Сведения [об этом походе Юнуса-ходжи достигли] столицы деспотической власти — дворца Алим-хана. Султан Алим-хан тотчас после вечерней молитвы послал повеление в город Ходжент таджику Мухаммеду Раджабу кушбеги, чтобы он, перейдя реку Сыр, подошел к Юнусу-ходже с тыла и стоял бы лицом к лицу до соединения с ними [кокандцами].

Получив это извещение, Раджаб кушбеги без промедления перешел реку Сыр и, под утро подойдя, остановился. Когда взошло солнце, кокандские войска дошли до берега реки Сыр и приготовились к переправе. Как только алимханские знамена переправились [через реку], Раджаб кушбеги начал бой.

В тот же час к эмирам и командующему войском [ташкентцев], коим был Салимсак-тура, от Юнуса прибыло указание приготовиться к битве. В этот самый момент Бабахан-тура, Рустам-тура и Адил-тура, войдя в лагерь командующего (л. 358б) войском, заявили:

«Эй, старик предводитель войск! Сначала пусть вступят в битву доброхоты свиты — подразделения санджакли и потомственные части Юнуса-ходжи, а потом уж мы выступим против войск, приближающихся из Коканда». Это предложение сообщили Юнусу-ходже, и он пустил [в бой] подразделения санджакли и отряд потомков. После сближения [с врагом и] недолгой битвы казахский отряд дрогнул и обратился в бегство. Подразделение потомков Юнуса-ходжи тоже побежало. А эмиры и прочие городские войска и предводители, украшающие арену битв, задержались на поле боя, приблизились к Алимханову шатру, позволили [начать преследование] и указали, как быстрее догнать безрассудных беглецов, захватить пленных и добычу.

Поняв, в чем дело, (л. 359а) ферганские нукары кинулись вслед бегущим и до конца дня хватали и грабили. А ташкентские эмиры и начальники, после того как все успокоились, перешли горы по Йетти-буйнакской дороге и через селение Шахидан вышли на дорогу к селениям Намданак²² и Фаркент²³. Затем через селение Курама и крепость Канджигалы²⁴ они пошли по Кинарской дороге и у входа в рабат Абдуллахани²⁵ присоединились к Юнусу-ходже. Отдохнув ночь в том рабате, ушли оттуда, затем через Бешагачские ворота вошли в Ташкент и расположились в Урде²⁶.

Тяжко переживая упадок [своей] власти, [Юнус-ходжа] через год переселился из сего непрочного мира в жилище вечного упокоения²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

¹ На предыдущей странице рукописи (см. Факсимиле, I) в центре написано позднее перечеркнутое сообщение о восшествии на кокандский престол Алим-хана (1800—1809), ссылка на рассказы еврея-диванбеги и муллы Джуванмарда и указание на то, что рассказанные ими события происходили через два года или позже после воцарения. Имеются в виду, очевидно, неудачный поход на Коканд ташкентского правителя Юнуса-ходжи и воцарение Алим-хана.

На полях той же страницы (л. 353б) помещено окончание глосс, начатых раньше и не имеющих отношения к «Сказанию о Ташкенте». Ниже, посреди правого поля начинается длинный текст, относящийся непосредственно к публикуемому «Сказанию» и продолжающийся на лл. 353б—359а. Этот текст составлен и написан несомненно позднее публикуемого «Сказания» и содержит другое изложение истории неудачного похода Юнуса-ходжи с явной тенденциозностью против него и в пользу кокандского хана. В нем ничего не говорится о ташкентском самоуправлении XVIII в., однако отмечено, что Юнус-ходжа получил власть в Ташкенте с помощью горожан (*мардуман-и шахр*), что под его знаменами на Коканд двигалось восьмидесятитысячное войско и

что после поражения он потерял престиж в глазах духовенства и простых людей (*фукар*).

² Аулайкули — возможно, имеется в виду Аблай, казахский хан Средней Орды (1771—1787). См. В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 529 и др.

³ Алача-хан (букв. «хан-убийца») — прозвище монгольского хана Ахмеда, сына Юнуса (ум. в 1504). См. В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 90.

⁴ Юнус-хан — монгольский хан, правивший Ташкентом в 1485—1487 гг. См.: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 88—89; М. Е. Массон, *Прошлое Ташкента*, — «Изв. АН УзССР», 1954, № 2, стр. 120.

⁵ Бабур-хан — Тимурид Захираддин Мухаммед Бабур, основатель империи Великих Моголов (1483—1530).

⁶ Огуз-хан — мифический предок тюрок-огузов. См. В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 552.

⁷ Кара-хан — легендарный предок династии Караханидов (илеков). См. В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. I, стр. 63.

⁸ Шейх Хавенди Тахур — ташкентский суфий XIV в., о культе которого заботился Ходжа Ахрар. См.: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 277; М. Е. Массон, *Прошлое Ташкента*, — «Изв. АН УзССР», 1954, № 2, стр. 112.

⁹ Аштарханиды или Джаниды — бухарская династия, правившая с 1599 по 1747 г.

¹⁰ Джангах — площадь в Ташкенте, неподалеку от старгородского базара, на месте которой теперь разбит парк им. Пушкина.

¹¹ Здесь, возможно, в оригинале пропущено несколько слов. См. текст и Факсимиле.

¹² Махалла Диванбеги — квартал в Ташкенте, к югу от Ходры, на противоположном берегу глубокого оврага. По воспоминаниям А. Расулева, в этом овраге раньше было много воды и он назывался Тарлак.

¹³ Здесь опять пропуск в оригинале, пропущено, очевидно, имя Салимсака-туры. См. текст и Факсимиле.

¹⁴ Дервиш-хан — Шейбанид, правивший Ташкентом в конце XVI в. Известно его торговое посольство в Москву. См. Ю. А. Соколов, *Ташкент, ташкентцы и Россия*, Ташкент, 1965, стр. 27—28.

¹⁵ Банги — прозвище, намекающее на пристрастие Юнуса-ходжи к курению банга.

¹⁶ Здесь также характерный пропуск, замеченный писцом, который отметил это место особым значком. Этот и подобные пропуски в отмеченных выше местах доказывают, что «Сказание» было переписано с другого оригинала. См. текст и Факсимиле.

¹⁷ Имеются в виду, очевидно, потомки знатного рода, к которому принадлежали Алача-хан, Аулай и сам Юнус-ходжа. Из них составлялись особые воинские части, находившиеся в непосредственном подчинении Юнуса-ходжи.

¹⁸ Камыш-Курган — селение на правом берегу Сыр-Дарьи, приблизительно в 4 км от этой реки, между переправами Чиль-Махрам и Чимбай.

¹⁹ Шахидан — селение, расположенное в 8—10 км севернее Камыш-Кургана. На картах обозначается как «Шайдан».

²⁰ Чадак — селение в Папском районе Ферганской области Узбекской ССР. См. «Административно-территориальное деление Узбекской ССР», Ташкент, 1954, стр. 99.

²¹ Хуррам-Сарай — совр. Гурумсарай Папского района, селение на правом берегу Сыр-Дарьи, выше впадения в нее р. Чадак-су.

²² Намданак — крупное селение в Паркентском районе Ташкентской области, в 15 км к югу от Паркента.

²³ Фаркент — Паркент, районный центр Ташкентской области, расположенный в 47 км к востоку от Ташкента.

²⁴ Канджигалы — селение на р. Ангрен, приблизительно в 50 км к юго-востоку от Ташкента.

²⁵ Рабат Абдуллы-хана, по сведениям Я. Г. Гулямова, находится в местности Кераучи, Пскентского района Ташкентской области, приблизительно в 45 км от Ташкента.

²⁶ Урда — ханская ставка, дворец, существовавший в Ташкенте неподалеку от пересечения современных улиц Навои и Абдуллы Тукаева.

²⁷ Далее, на лл. 359а—360б говорится, что Юнусу-ходже наследовал его старший сын Мухаммед-ходжа, который убил своего брата Хан-ходжу и правил в Ташкенте в течение трех лет. После Мухаммеда Ташкентом правил четвертый сын Юнуса-ходжи — Султан-ходжа. Так как кокандцы в XIX в. постепенно завладели всей принадлежавшей Ташкенту степной округой и ежегодно осаждали город, разоряя его окрестности, горожане были вынуждены просить мира и в 1808 г. передали власть над Ташкентом кокандскому хану.

Т Е К С Т

(л. 354a) ... در آن ایام فرخنده انجام خجسته فرجام در ممالک دشت قبیجاق در بلده تاشکند در مسند سلطنت ارای از چهار رکن دیار تاشکند چهار^۱ آکابوان این بلده متولد الاصل از اولای قلی خانی که نسب آباء اجداد آنها * بی واسطه بواسطه در نسب نامه معرر مرتبه بمرتبه بالاچه خان و یونس خان پادشاه و بر بابر خان تا بامیر تیمور گورگان و تا جنگیز خان دشت قبیجاق و اغوز خان و بوزنچر خان و قرا خان دشت قبیجاق و تا اولاد حضرت نوح علیه السلام که سام بود و یافت بود چنانچه در عنوان شجره پرشته^۲ دایره نسب نامه با هنگامه در قید کتابت آورده ترتیب کرده شده بودیم بانها وابسته میباشند در بین بلده از اولاد و از فرزندان نژده^۳ شیران زمانه و مبارزان (л. 354b) و بهادران و فرمانروایان همان ایام * در رکن^۲ شیخاوند طهور تاشکند بابا خان توره اولای قلی خانی والی این رکن بود و * در رکن^۲ بیش اغاج رجب بیک از اولاد اشترخانی والی این رکن بود و * در رکن^۲ کوجبه محمد ابراهیم بیک از اولاد جغتای خانی والی این رکن بود و * در رکن سیب زار^۲ از اولاد جوجی خانی والی این رکن بود مملکت داری و سلطنت ارای و کیردار داوری را بمحکومات توابعی در دشت قبیجاق با اتفاق بمصالحه و در دفع دشمن بمقاتله نوبتی بود و گاهی بتلاش حمیت داری جنگ در جنگاه بوقوع میافتاد * ایامی که در رکن حضرت شیخاوند طهور^۲ در وسط بازار فرزندان بابا خان توره^۴ در آن زمانه خواه در بازار و خواهی در کشت زراعت زار (л. 355a) و خواه در شکار در اسباب جنگ مسلح بجوشن و دوبوغه و نیزه و شمشیر و تیغ و تفنگ در بر میداشتند در گرمی بازار در بالای بیع و شرای گوسفند بفروندان جغتای مناقشه و تلاش بوقوع افتاده از روی نمک و ناموس اولاد ثلاثه ارکان متفق گردیده باولادان اولای قلی خان شیخاوند طموری از دیوان بیگی محله کی که بجامع این تأریخ غرایبات طغای عینی میباشد معاربه سخت بوقوع افتاده چندان لاشه دلاوران اشترخانی و جغتای و جوجی خانی را از معرکه جنگ بیرون برآوردند آخیر الامر فتح و ظفر بروی اولاد فرزندان اولای قلی خانی کشاده باربعه ارکان مراجعت نموده اند * در همان ایام اولاد بابا خان^۲ توره در خدمت جد بزرگواری سلیم ساق توره که بابا کلان بابا خان بود به نزد آن معرکه آرای نبرد و بهادر (л. 355b) دلاور و خیرکیشی دور اندیش صاحب مصلحت و ذی خطابت^۵ زمان و مهمان دوست توران و سخاوت پیشه بودند با توابعات و قریبات و ملازمات در نزد آن اکابر مدبر با حمیت پیوسته سر گذشت ثلاثه فرق ارکان و بیان مناقشه نمودند * در آن هنگام سلیم ساق توره از محلات دیوان بیگی باولادان و فرزندان^۶ گفتند ای نور دیدگان اولای قلی خانی و ای قوه بازوی الاجه خانی این که هرسالان سال خورده گان اندیشه در تهور شمایان انتظار^۶ نموده این مدعا را موقوف میگذاشتیم و تدبیر گیتی ستانی آنست که عیب را و اصل علت ماده را بجماعه اشترخانی در رکن بیش اغاج نهاد

^۱ В автографе и копии: چهار.

^۲ Написано красными чернилами.

^۳ В копии: نژده.

^۴ Здесь, очевидно, пропущено несколько слов в оригинале. См. ниже, лл. 356a и 356b.

^۵ В автографе и копии: حطانت, написано над строкой.

^۶ Написано над строкой.

اتحادمندی و بیکرنگی و تعذری را بفرقه جغتای خانی و فرقه جوجی خانی بلغاً^۱ کما بلغ رسانیده بیش اغاچی را (π. 356a) در تصرف دراریم بعد از آن قدم مبادرت بر سر آنها رسانیم * بس در آن ایام کمر دلاوری را بان طرز در میان استوار^۱ داشته باندک تدبیر شب چون^۲ سحری زده از رکن شیخاوند طهور برکن بیش اغاچ عنان تکاور ریخته باندک مقاتله و تلاش اورا فتح نموده بارگاه درویشی خانی را در رکن بیش اغاچ بنا نموده عمارت‌های گوناگون بر پای داشته بعد از اتمام این امور کوس مدعا را بطالب آندو ارکان بنوازش آورده * برونق آرای سلطنت جشن عظیم و ضیافت قریلتای در فصل بهار ایجاد نموده در مابین جمهور^۲ قبایل توقسان ایکی قبیلہ مصلحت نهادند که در میانه یکی را والی ولایت و یکی را امرای امیر لشکر ولایت منصوب گردانیدیم در آن هنگام جمهور ایلاتیه سلیمساق توره^۱ از محله دیوان بیگی اولای قلی خانی الاجه خانی شیخاوند (π. 356b) طهوری که طغای عینی جامع این سلسله تواریخ حوادث جدیده امیر الامراء لشکر گردانیده * و نیز رستم توره را بعمل اتالیق^۱ منصوب گردانیدند و دیگر عادل توره را بعمل پروانچی منصوب نمودند و اینچنین بابا خان توره را بعمل سردار لشکر تعیین کردند بعد از فراغ طغاهای جامع این نسب نامه و شجره هنگامه با اتفاق جمهور قبایل و صنایل فضایل برضای عامه ایشان یونس خواجه بنگی را بنابر خیالات سنگینی اورا والی ولایت نصب نموده مبارکبادی را بنمادی بلند بچرخ نیلگون و اواره دبدبه سلطنت داری و گیردآوری را بچهار حدود بوقلمون رسانیده بمقر قرارگاهش و باسایش باوطنش مراجعت کردند و چون یونس خواجه بنگی در مسند ولایت داری (π. 357a) بر قرار شد روز بروز هوای نشاء صدارت مرکب به نشاء بنگ آمیزش یافتہ از اعتدال امزجه^۱ دماغ عاری گردیده مردمان همشرب و همباره را معتمد علیه و متصدی امور مملکت نموده نیکو خواهان خود گردانیده * و نیز قبایل طایفه سنحقی را^۱ از جمله دولتخواهان و جانشینار خواهان خود بهر واحد فرزندانرا حاکم قلعهها کرده چنانچه محمد خواجه و خان خواجه و هاشم خواجه و سلطان خواجه و حامد خواجه بود همه را بمحکومات بلده تاشکند نهاده * در هنگامیکه بی مصلحت امیران ولایت و بی مشورت امرای اشرافان مملکت و سرهنگان دولت باغواي جماعه قزاقیه در دار السلطنت خوفند^۱ بسطان عالیم خان خاقان ایلچی فرستاد که بطلب انغای مملکت فرغانه از نواحی نمنگان خواهم رسیدن چون واقعه بی مشورت را امیران مملکت و اکابران دولت (π. 357b) استماع ورزیده در بارگاه درویشی خانی استجماع همیگفتند که در میانه اهل فرغانه و مابین شت قبجاق خونریزی بوقوع نافتد که باعث عجز و شکست دولت و منازعت در فریقین نگردد و با وجود نصیحت انها یونس خواجه در گوش نداشته کوس صدای کوچ بنوازش [آورده] رخصت بتوبخانه و توبجیان داده قوایم و سوادیم در پیشی نهاده طویلهای اولاد را در فرغانه بتقدیم رسانده‌نی شد مرحله بمرحله رهنورد نموده * بعد از سه شب روز از مقابل بلده خجند در قریه^۱ قمیشی قورغان نزول فرمود بعد از استراحت روز دوم بنواحی دریای سیر در مقابل قریه شهیدان نزول فرموده نیز از آن موضع کوس کوچ را بنوازش در آورده بمقابل قریه جادک بدامنه (π. 358a) کوهسار در نواحی خرّم سرای رسیده نزول فرمودند و اخبارات بدارالاماره بارگاه عالیم خان [رسیدند] در حال سلطان عالیم خان بعد از ادای صلوات

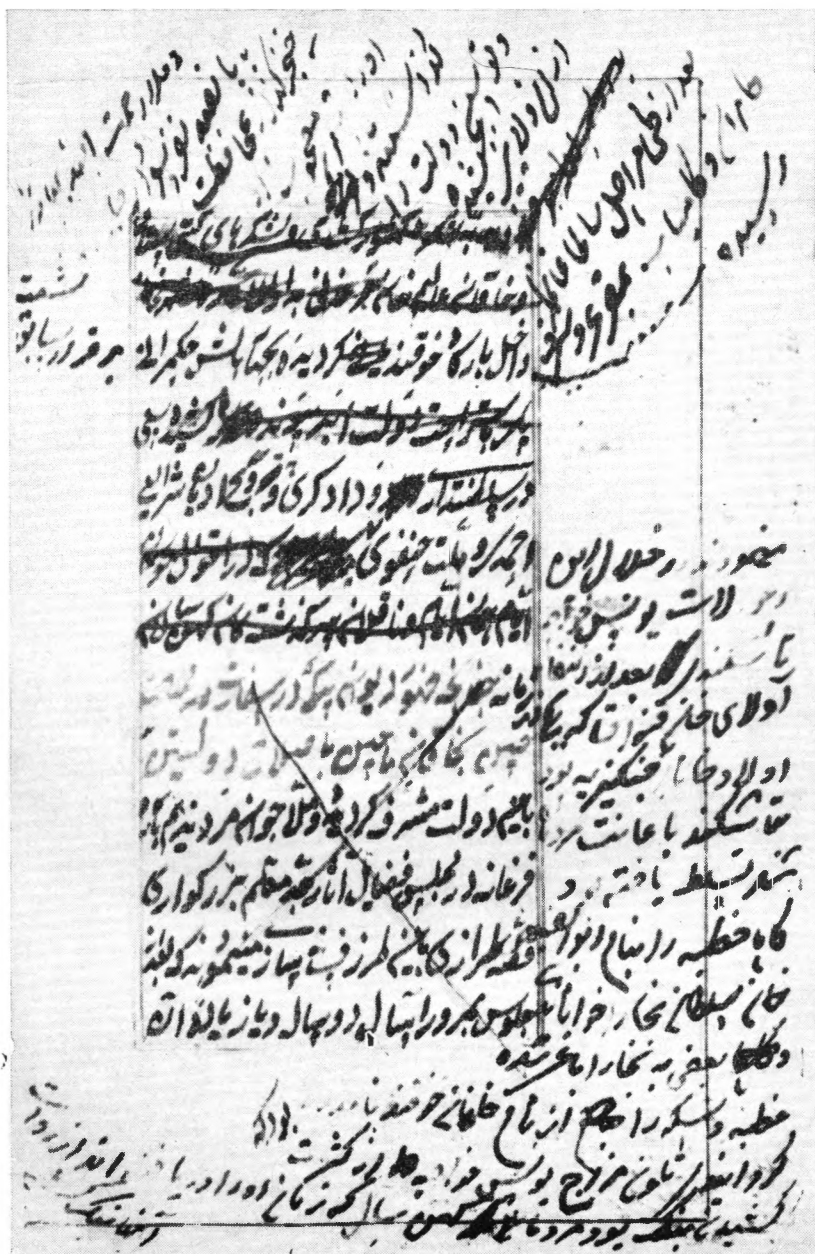
*^۱ Написано красными чернилами.

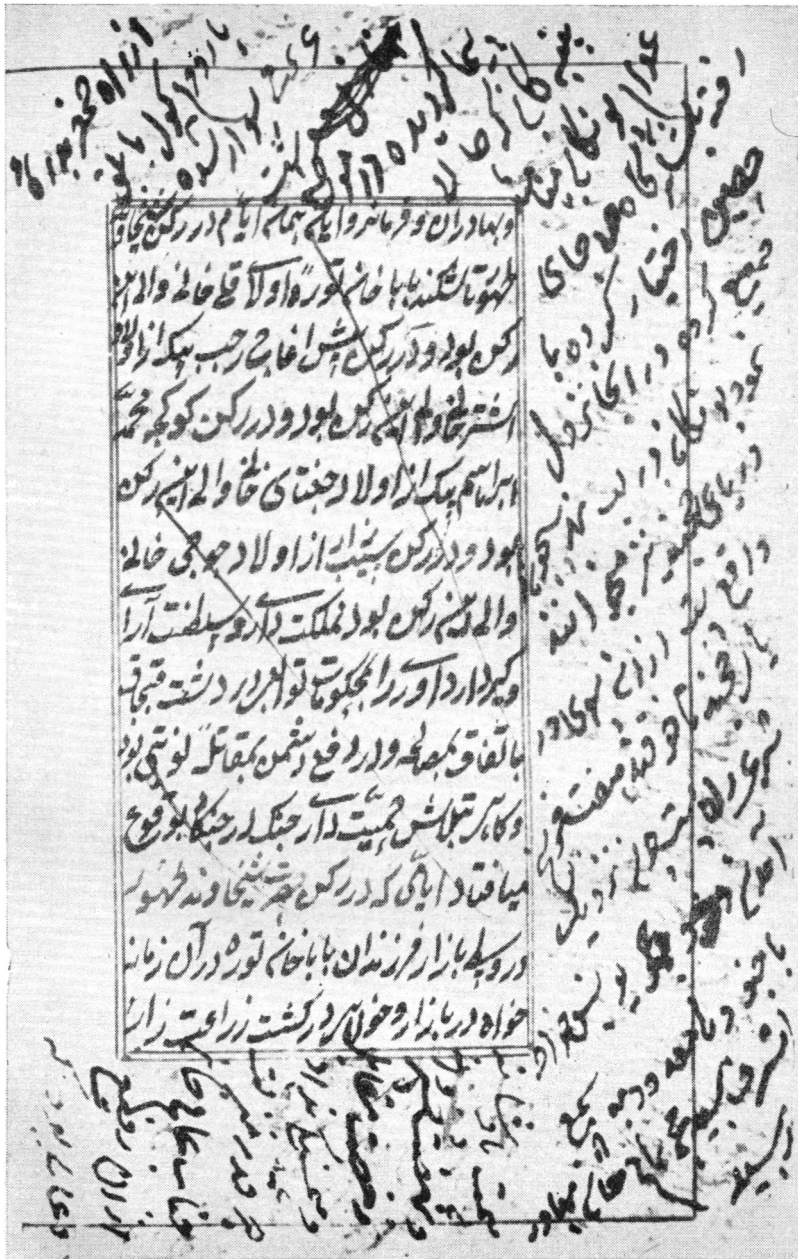
*^۲ В ориг.: شب‌اخون.

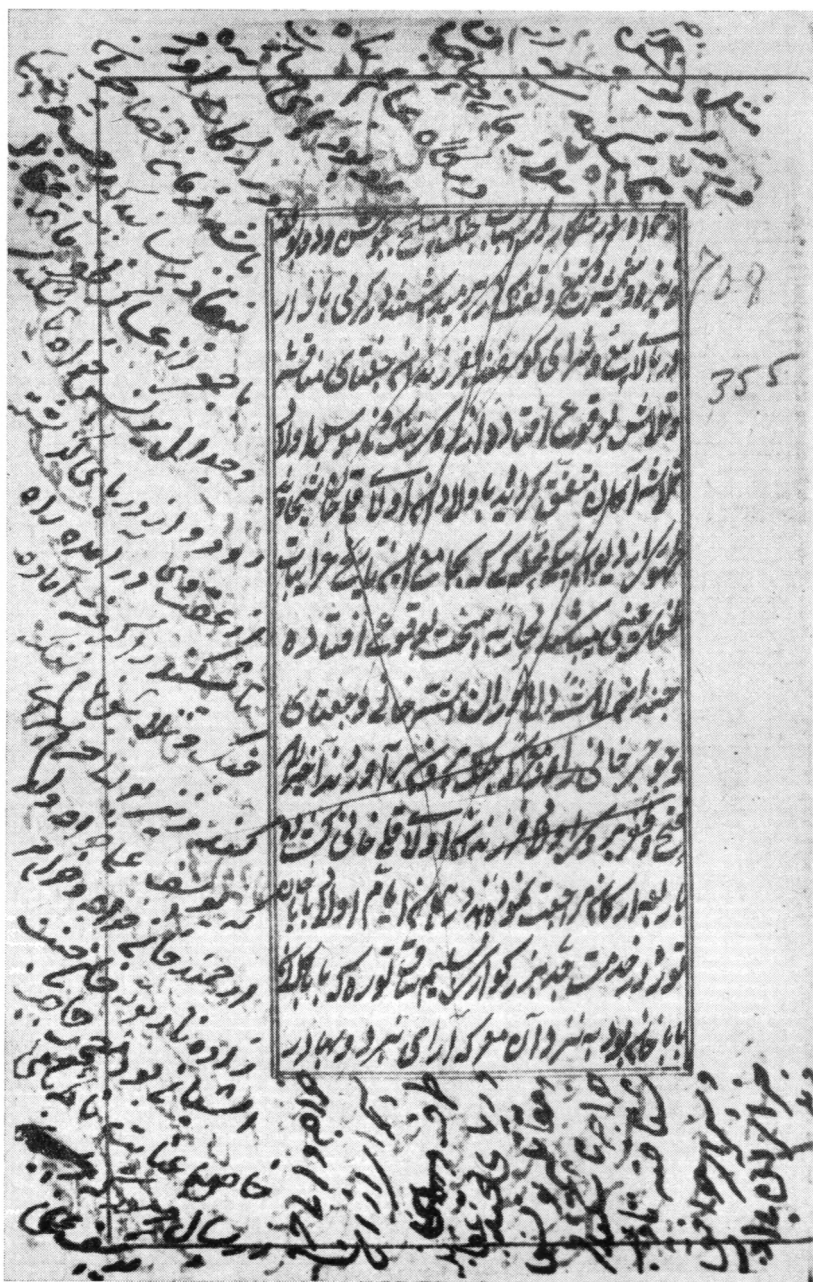
عصر در بلده خجند بمحمد رجب قوش بیگی تاجیک اهلام فرستادند که از دریای سیر گذشته از تعاقب یونس خواجه رسیده تا پیوستن مایان تقابل گردیده بر قرار باشد بعد از وصول اهلام نامه بی توقف رجب قوش بیگی* از دریای سیر گذشته در مقابل یونس خواجه در وقت¹ صبحدمی پیوسته بر قرار شد در هنگام طلوع آفتاب از طرف خوقند بلب دریای سیر رسیده آهنگ عبور نمودند بعد از گذشتن لوای عالیم خانی در آنحالت آغاز جنگ رجب قوش بیگی نمودند در آنساعت از یونس بامیران و امرای لشکر که سلیم ساق توره امیر بود اعلام رسید که آماده جنگ گردد در انهمگام بابا خان توره و روستم توره و عادل توره بخرگاه امرای (п. 358б) لشکری در آمده معروض داشته اند که ای بابای سردار لشکر اول جماعه دولتخواهان همراکان قبایل سنجقلی و قبایل اولادیه یونس خواجه جنگ نماید بعد از آن مایان لشکرانیکه از صوب خوقند پیوستنی شد مایان بآنطایفه تقابل گردیم این معانی بیونس خواجه بتقبیل آورده بطایفه سنجقلی و طایفه اولاد اجازت دادند بعد از تقابل اندک از جنگ رجب قوش بیگی جماعه قزاقیه درنک نا کرده روی بهزیمت آورد و طایفه اولاد یونس خواجه نیز منهنیم گردیدند* و جماعه امرا و باقی لشکران شهریه و صنادلان معرکه آرایان رزمیه² در جنگگاه درنک نموده ملازم ببارگاه عالیم خان فرموده اجازت و اشارت نمودند که از تعاقب منهنیمان بی اندیشه سرعت نموده اسیر و اولجه نمایند بعد از وقوف این اسرار (п. 359a) نوکران فرغانه در تعاقب منهنیمان افتاده تا اخیر روز اسیر و الجه میکراند و امیران و امرایان تاشکند بعد از آسایشستگی در کوهساران براه یتتی بویناف از قریه شهیدان گذشته براه قریه نمدانک و فرکینت افتاده در قریه قومه در قلعه قنجهلی براه قینار در در² رباط عبدالله خانی بیونس خواجه بهم پیوسته در آن رباط نزول فرموده بعد از استراحت لیالی از آن موضع کوچ کرده از دروازه بیش اغاج تاشکند در آمده بمقبر آوردی قرار گرفته روز بروز از غصه تنزل دولت اندوه کشیده بعد از مرور سال سنه کامل از دار بیمدار بدار القرار قرار گرفت

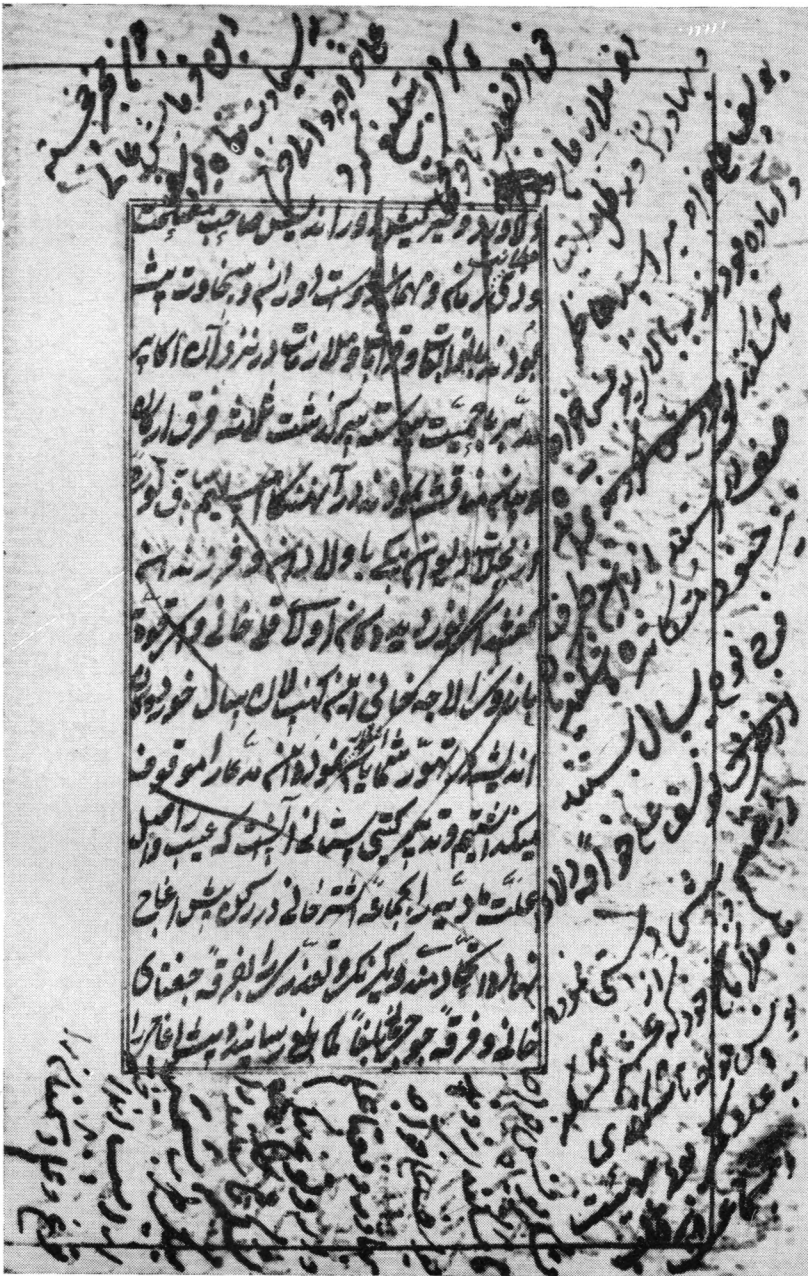
*¹ Написано красными чернилами.

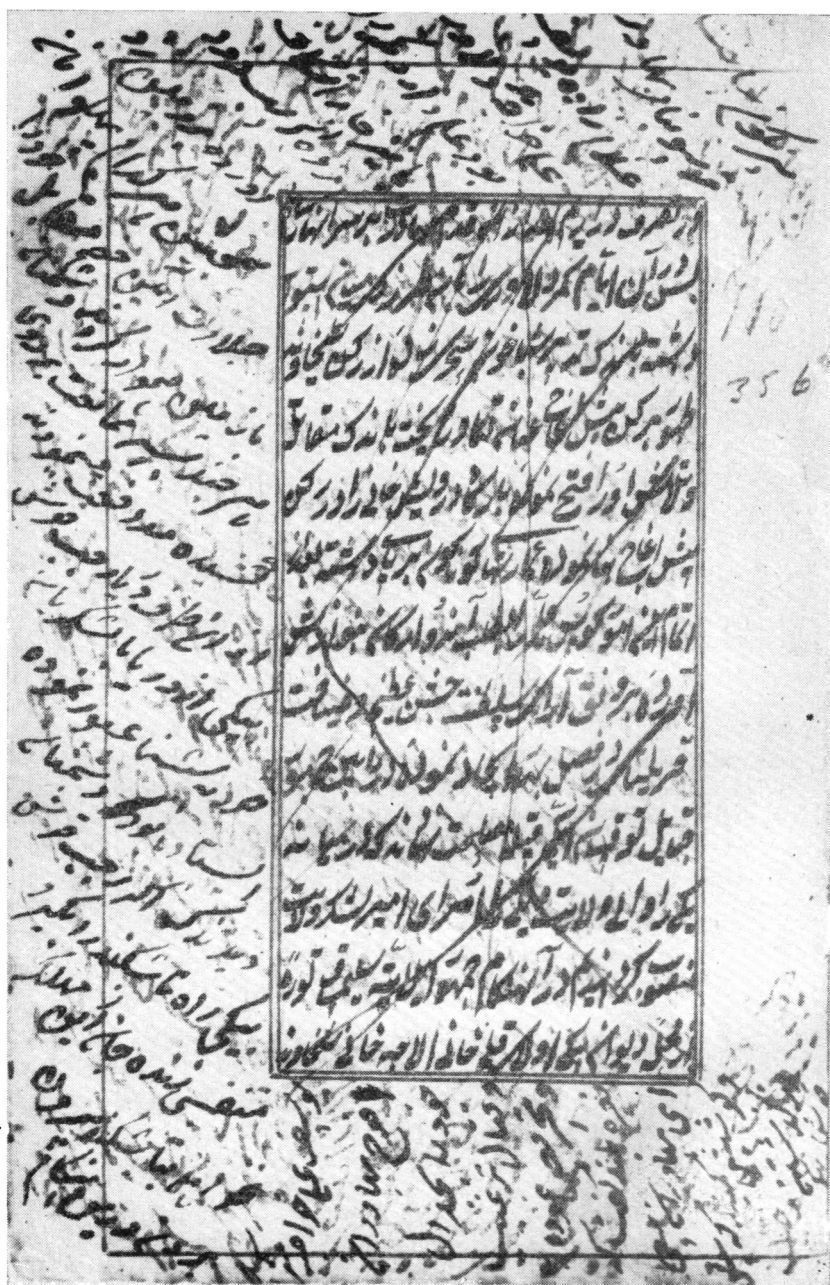
² Так в оригинале.

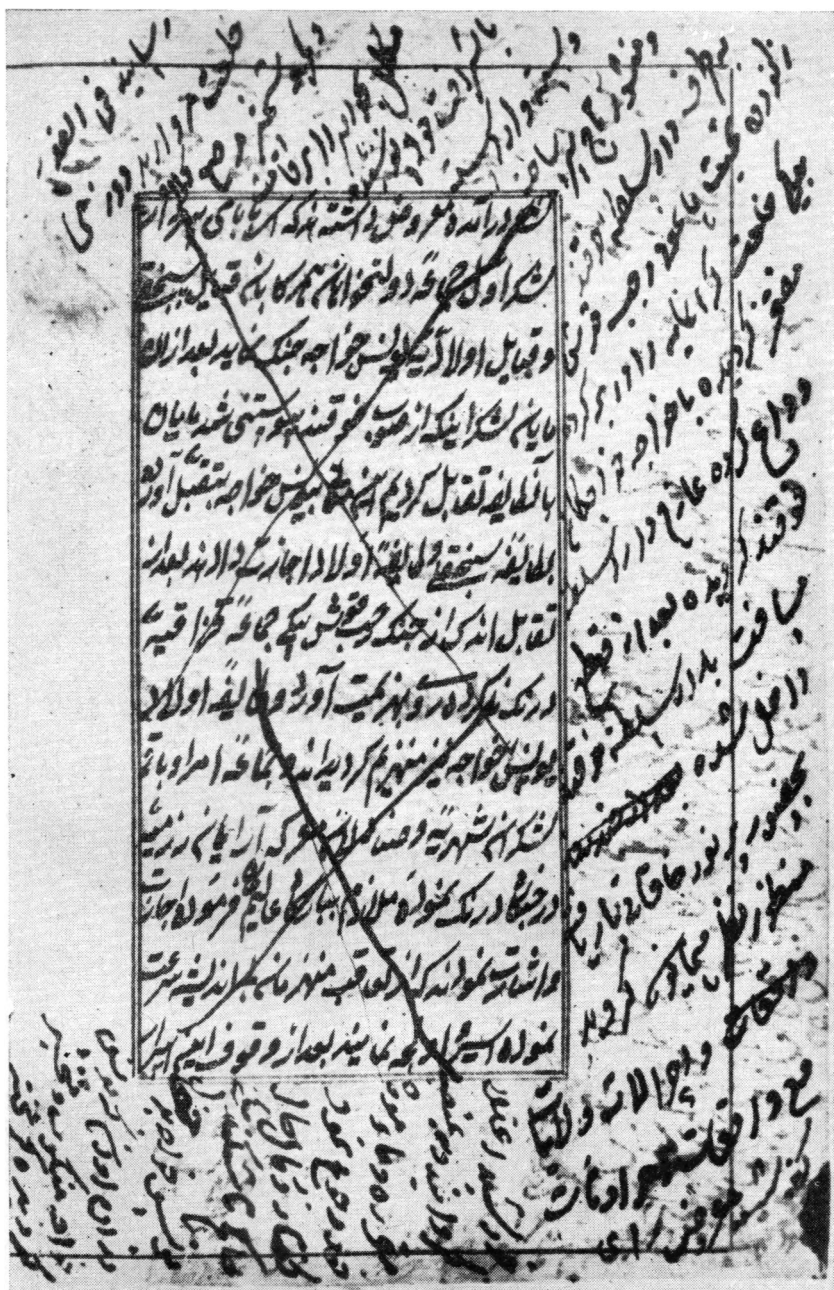

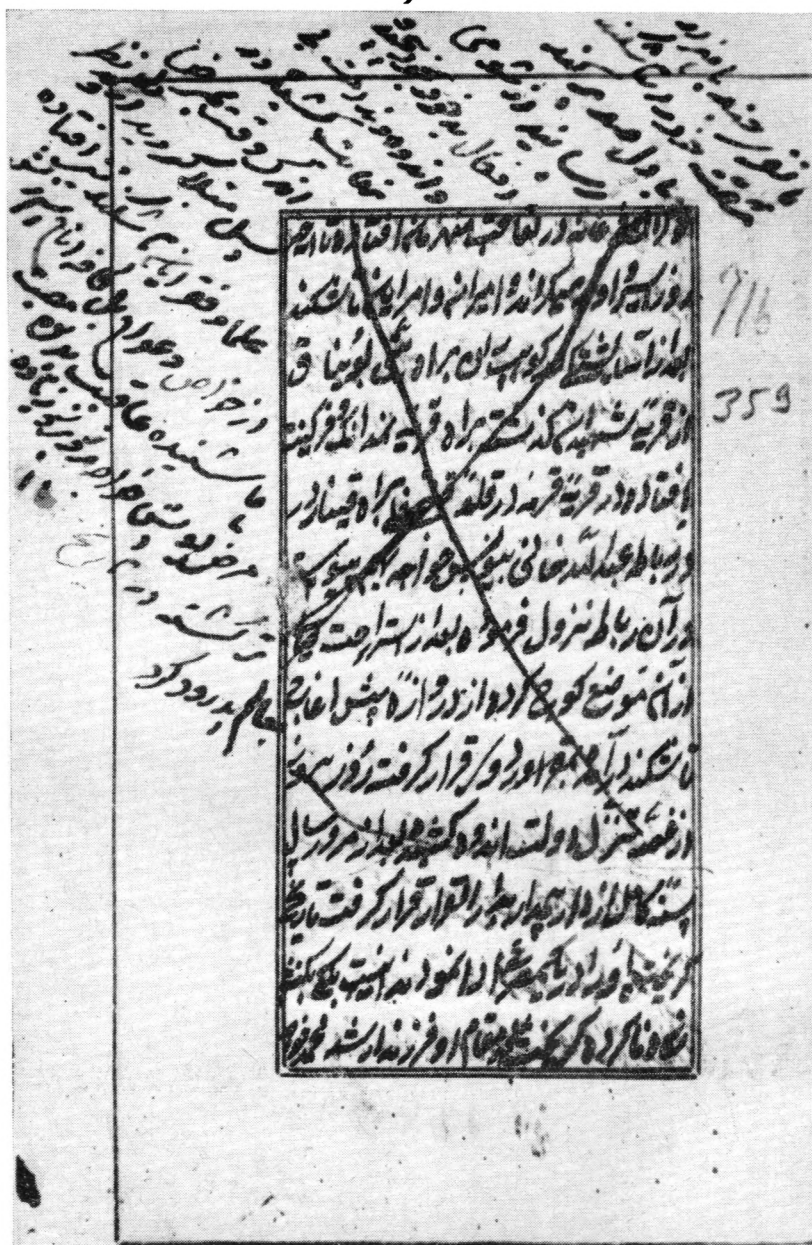

در دینکار ریشینه برادر عینی که به قلعه بنارس
 جاکم بود اگر در بالای آن قلعه بود که مصالح فریب
 شیخ عزیز لاریش افغانی به پست آوردند همان خان
 خواجہ را در آن شب کشته مرده او را بکعبه بلخی و نه
 رسانیدند من نموده بولایتی را رسیده که راجه تاج
 او کاظم خان خاقان فرغانه تاجی نواحیه و قلعه
 قره زکریا بجای مرآت قلعه تاشکند رانی مرده شد
 و متوکل در ویدیه کرده در سلطنت و قسطنطنیه
 افتاده در فرقه خجسته خواجہ نیز ازین دار چیده
 رحلت نموده در مقام او سلطنت خواجہ بولایتی را
 نشسته این نیز تالشیک جنگ و تاراج ملک را
 نموده علیم خان خاقان از فرغانه به سلطنت و کمرت
 بهار و تیره ماد مجاهره به پست متعلق بهشت ارم

الف

Л. 3596

راجع می باشد و در آن حال آن ایام هم به سیرت و عادت
 خود می باشد و می شناسد و در روزی که خوار و
 خواسته اند و خود ترانه می بخندند و هر که از جمیع این
 حوادث باغبان بود و هر چه از این کتاب قصه طرازی بود که
 در فصل آن کتاب که در روزی که به دیو می بیند و با سیرت
 پسر که شده و از جنگ خود در موضع ضعیف و از دروغ
 است که در یک سال خواب می برد و در وقت و قوت غنای
 در آن سال خواب می برد و در وقت و قوت غنای
 اند و چندین سال از یکدیگر می گذرانند و در یک سال
 به یکدیگر می بیند و در یک سال و در یک سال و در یک سال
 و در آن خود در یک سال و در یک سال و در یک سال
 و در وقت و می بیند و در یک سال و در یک سال و در یک سال
 و در وقت و در یک سال و در یک سال و در یک سال

شد به تمام الاوران فرغانه در موضع منورق
 توغون چون سید علی آقا را بدینکیر نمودند و جامه حرم
 از آن موضع در سار اگر بخت بود و در لیالی که بر
 به صاحب درینکیر نهادند لایست را بعلیم خان فرغانه نویسی
 نمودند این بود صورت و قد و قفا که زمانه بخیر یافت
 اما مولف میگوید که در آن زمانه بخیر یافت
 صورت عارفان بزرگ را بیک تقریر نمودند که بود
 مانند دین و دنیا و اوقات و حوادث و اینک سید علی
 خان صاحب قرآن را بشیفته آید و در دفترش می نویسد
 بعد از تحیات نیز در آن اول بعد از صلوات اجماع
 خلفا را بعد از آنکه هر از یکی از علما خان خانان
 فرغانه مال و اعیان را باینکه بعد از آن خواجه محرمه
 بنیاد بر تپه بر تپه که تپه بنام او است و این

Л. 3606

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

М. В. Воробьев

«ПРАВДИВЫЕ ХРОНИКИ» ЧЖУРЧЖЭНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (ШИЛУ)

Сведений о состоянии государственной историографии чжурчжэней мало в значительной степени потому, что их источники крайне скупы на подробности, а созданные в свое время оригинальные сочинения почти все погибли.

Как и китайцы, чжурчжэни вкладывали в понятие государственной историографии особый смысл¹. История была не только и не столько чисто научной или «литературной» дисциплиной, сколько делом государственным, политическим. Историк должен был не просто фиксировать прошлое, а удовлетворять насущные потребности государственной политики: прославлять правящую династию, ее основателей и предков царствующего дома, подавать прямые и косвенные советы императору, подкрепленные материалами исторического прошлого и разбором причин гибели предшествующей династии и «неправедных» государей, вести всю историографическую протокольную работу.

Для осуществления этих задач в стране была создана палата государственной истории — *гошиюань*². В обязанности чиновников этой палаты входило: находиться неотлучно при императоре, фиксировать все события, происходившие при императорском дворе, предостерегать императора от ошибок в государственных делах путем подачи докладных записок или устно во время аудиенций и совещаний, составлять и редактировать официальные исторические хроники. Первоначально посты в этой палате занимали чиновники, прикомандированные из других ведомств, но с 1190 г. чиновникам палаты было запрещено состоять в других ведомствах, так как это могло повлиять на беспристрастность их суждений.

Главный редактор, или начальник (*цзяньсю гоши*), палаты государственной истории руководил всей деятельностью палаты и прежде всего составлением и редактированием официальных историй. Редакторы государственной истории (*сюгоши*) вершили делами коллегии, которая решала все вопросы редактирования (*паньюань*). Соредакторами, или вычитчиками государственной истории (*тунсю гоши*), назначались два человека: чжурчжэнь и китаец, а с 1199 г. только чжурчжэни. В числе составителей (*бяньсюгуань*) было четыре чжурчжэня и четыре китайца, а в 1191 г. три места для китайцев были переданы киданям. Десять корректоров (*цзяньюегуань*) поровну состояли из чжурчжэней и китайцев. Кроме того, три человека составляли историю Ляо, один редактировал и контролировал ее издание.

¹ Han Yu-shan, *Elements of Chinese Historiography*, Hollywood, 1955, pp. 44, 208.

² 国史院, см. *Цзиньши* («История династии Цзинь»), цзюань 55; далее: ЦШ.

Одной из важнейших задач чиновников палаты государственной истории было редактирование материалов ежедневных «дневников трудов и отдохновений» (*цицзюйчжу*) каждого императора, а затем «правдивых хроник» (*шилу*). *Шилу* посвящались «нелицеприятному» описанию событий, происшедших в царствование одного какого-либо императора, и поэтому носили служебный характер. Они, как правило, либо вовсе не издавались, либо издавались очень небольшим числом экземпляров, так как предназначались для императорского обихода и для служебного пользования в качестве основных материалов при составлении исторических разделов династийных историй. В Китае *шилу* появились с династии Лян, но активно их стали составлять с династии Тан. Вопрос о *шилу* династии Цзинь, которому и посвящена наша статья, не только тесно связан с состоянием национальной чжурчжэньской историографии, но важен также и для понимания характера *Цзинь-ши*. Ни одна из этих хроник не сохранилась, и все сведения о них ограничиваются скупыми строками *Цзинь ши* да замечаниями последующих составителей «литературных заметок» (*ивэнь-чжи*)³.

1. «Правдивые хроники десяти императоров, начиная с Ши-цзу» (*Ши-цзу ися ши ди шилу*) в 3 цзюанях. Десять «императоров» — это чжурчжэньские вожди из дома Ваньянь, впоследствии создавшего государство Цзинь: Ши-цзу (Сяньпу), Дэ-ди (Улу), Ань-ди (Бахай), Сянь-цзу (Суйкэ), Чжао-цзу (Шилу), Цзин-цзу (Угунай), Ши-цзу (Хэлибо), Су-цзун (Полашу), Му-цзун (Ингэ), Кан-цзун (Уясу)⁴.

Этот источник известен под сокращенным заглавием *Ши-цзу шилу*⁵ и под видоизмененным *Сяньчао шилу*⁶ и *Ши-цзу ися ши ди шицзи*, где слово *шилу* заменено словом *шицзи* — «жизнеописание»⁷, не говоря уже о том, что у некоторых авторов перед каноническим заглавием появляется иероглиф 金, т. е. «династии Цзинь»⁸. Редактирование источника осуществил Ваньянь Сюй, чжурчжэньское имя которого было Уе, пятый сын Му-цзуна (Ингэ) — девятого из десяти вождей. В его биографии рассказывается, что в 1128 г. император Тай-цзун издал указ о розыске и записи сведений о делах предков царствующего дома для подготовки к составлению государственной истории⁹. Во главе этого дела были поставлены Ваньянь Сюй и Елюй Диюе. Чжурчжэни ранее не имели письменности, поэтому и дела предков не фиксировались. Ваньянь Сюй собрал отрывки преданий со времен Сяньпу и за период господства последующих вождей. В общей сложности записи составили

³ В настоящей статье использованы следующие источники такого рода: Хуан Юй-ци, *Цяньцинтан шуму* («Каталог Цяньцинтан»), далее — Хуан Юй-ци; Ни Цань и Лу Вэнь-чао, *Бу Ляо, Цзинь, Юань ивэнь-чжи* («Литературные заметки в дополнение к истории Ляо, Цзинь, Юань»), далее — Ни Цань и Лу Вэнь-чао; Цзинь Мэнь-чжао, *Бу сань ши ивэнь-чжи* («Литературные заметки в дополнение к трем историям»), далее — Цзинь Мэнь-чжао; Цянь Да-синь, *Бу Юаньши ивэнь-чжи* («Литературные заметки к истории Юань»), далее — Цянь Да-синь; Гун Сянь-цзэн, *Цзинь ивэнь-чжи булу* («Дополнение к литературным заметкам Цзинь»), далее — Гун Сянь-цзэн; Сунь Дэ-цян, *Цзиньши ивэнь-люе* («Литературные заметки к истории Цзинь»), далее — Сунь Дэ-цян. Все эти работы цитируются по сборнику *Ляо, Цзинь, Юань цвэнь-чжи* («Литературные заметки к истории Ляо, Цзинь, Юань»), Пекин, 1958.

⁴ В скобках даны их чжурчжэньские имена, китайские храмовые имена были им присвоены лишь впоследствии.

⁵ ЦШ, 107.

⁶ Цянь Да-синь, стр. 36.

⁷ Цзинь Юй-фу, *Чжунго шисюеши, Историография Китая*, Пекин, 1962, стр. 97.

⁸ Ни Цань и Лу Вэнь-чао, стр. 15; Цзинь Мэнь-чжао, стр. 25; Гун Сянь-цзэн, стр. 49.

⁹ ЦШ, 66.

гри цзюаня. В хронике были приведены названия чжурчжэньских родов и племен по рекам, селам и деревням, близ которых они располагались, описаны их взаимоотношения и связи с Ляо. В 1141 г. Ваньянь Сюй представил хроники Си-цзуну в торжественной обстановке, которая выдерживалась и позднее, равно как и обычай награждать авторов ценными подарками¹⁰.

В «Каталоге библиотеки Ши Шан» (*Шишандан шуму*), составленном Чэнь Ди и Лянь Цзяном при династии Мин, упоминается «Список правдивой хроники Цзинь» (*Цзинь шилу чао*) в 3 цзюанях¹¹. Если это и есть интересующее нас сочинение — значит, в эпоху Мин оно еще существовало.

2. «Правдивая хроника Тай-цзу» (*Тай-цзу шилу*) в 20 цзюанях. Тай-цзу — первый чжурчжэньский император, царствовавший в 1115—1123 гг., его чжурчжэньское имя Агуда. Редактура хроники приписывается разным людям. В историческом разделе *Цзинь ши* говорится, что Ваньянь Цзунби в 1148 г. преподнес эту хронику императору Си-цзуну¹². Однако в биографии Ваньянь Цзунби сообщается, что в 1148 г. он умер, и ничего не говорится о *шилу*¹³. По другой версии, этот источник редактировал уже известный нам Ваньянь Сюй. Его биография подтверждает этот факт и перечисляет награды, полученные им за труд: 80 ляннов золота и 100 ляннов серебра¹⁴. По-видимому, действительно редактировал этот труд Ваньянь Сюй¹⁵. Существование этой хроники подтверждается рядом беглых упоминаний о ней в *Цзинь ши*¹⁶, ее читал император Ши-цзун¹⁷, приближенным императора были розданы экземпляры *Тай-цзу шилу*¹⁸. Более того, в «Восполнениях пропусков в истории Ляо» (*Ляо ши ши*) приведен отрывок из *Тай-цзу шилу*, содержащий одно из объяснений названий Цзинь: «Тай-цзу искони принадлежал к роду Ваньянь. В 1115 г., при династии Ляо, он создал государство и сказал: „Ляо — это название государства в честь булата. Булат хотя и крепок, но в конце концов разрушается и исчезает. Только золото не меняет свой цвет, оно самое драгоценное. Поэтому впредь наше государство будет называться Дацзинь“» («Великое золото». — М. В.)¹⁹. Итак, составитель *Ляо ши ши*, живший в правление династии Цин, еще пользовался рассматриваемым нами сочинением.

3. «Правдивая хроника Тай-цзуна» (*Тай-цзун шилу*). Тай-цзун — второй чжурчжэньский император, настоящее имя которого Укитай, царствовал в 1123—1135 гг. По некоторым источникам хроника проходит под названием *Тай-цзу шилу* (см. 2), причем редактором назван Хэ-шиле Ляньби, а датой составления указан 1209 г.²⁰. В действительности это недоразумение, исправленное другими авторами литературных заметок, по-видимому, восходит к описке в *Цзинь ши*, так как ни в исторических разделах, ни в биографии предполагаемого автора нет упоминаний о таком труде.

¹⁰ ЦШ, 4.

¹¹ Сунь Дэ-цянь, стр. 87.

¹² ЦШ, 77.

¹³ ЦШ, 4, см. также Хуан Юй-цзи, стр. 4; Ни Цань, стр. 15, Цянь Да-синь, стр. 36.

¹⁴ Там же, 66.

¹⁵ Ср. Гун Сянь-цзэн, стр. 49; Сунь Дэ-цянь, стр. 87.

¹⁶ ЦШ, 88, 92.

¹⁷ Там же, 8.

¹⁸ Там же, 70.

¹⁹ Сунь Дэ-цянь, стр. 87.

²⁰ Хуан Юй-цзу, стр. 4; Ни Цань, стр. 15.

Разные источники приписывают редактирование *Тай-цзун шилу* различным коллективам историков. В некоторых случаях говорится, что этот труд представил единолично Хэшиле Ляньби²¹, в других он выступает как руководитель целой группы историков²². Последнее мнение более вероятно. Судя по его биографии, Хэшиле Ляньби²³ находился на должности главного редактора государственной истории и на специальной аудиенции получил от Ши-цзуна наказ записать минувшие события во всей полноте, а не так, как это делалось при Хай-лин-ване, дабы потомки могли читать эти записи и делать правильные выводы. Под его началом работало три соредатора государственной истории: Чжан Цзин-жэнь, Цао Ван-чжи²⁴ и Лю Чжун-юань. Все четверо по представлении труда получили ценные подарки.

О времени создания *Тай-цзун шилу* существуют весьма противоречивые сведения. Одна группа исследователей — те, кто связывали создание *Тай-цзун шилу* с именем Хэшиле Ляньби, называют годом создания 1209. Другие называют иную дату — 1167 г. Наконец, есть еще беглое упоминание о представлении *Тай-цзун Жуй-цзун шилу*²⁵, т. е. *Тай-цзун шилу* и *Жуй-цзун шилу*, а так как последнее было закончено в 1171 г., то и создание первого труда иногда связывают с этой датой. По-видимому, следует отдать предпочтение 1167 г. как дате создания *Тай-цзун шилу*, так она указана в исторической части *Цзинь ши*²⁶. Два косвенных обстоятельства подтверждают эту дату: означенное сочинение было уже завершено к 1171 г. и во всяком случае до смерти Ши-цзуна в 1189 г., поскольку есть указание, что он его читал²⁷.

4. «Правдивая хроника Си-цзуна» (*Си-цзун шилу*). Си-цзун — третий император Цзинь, царствовавший в 1135—1149 гг. Его настоящее имя Холу. О хронике существуют весьма скудные и противоречивые сведения. Ряд авторов литературных заметок вовсе не пишет о ней²⁸. Другие только упоминают ее, а в качестве автора называют крупного чиновника министерства личного состава и аттестаций Чжэн Цзы-да-ня²⁹. Третий источник указывает, что Хэшиле Ляньби представил в 1171 г. три хроники и в том числе *Си-цзун шилу*³⁰. Наконец, есть сведения, что Ши-цзун сам выразил желание редактировать этот труд³¹, видимо, особо интересуясь жизнеописанием одного из своих двоюродных братьев, убитого другим двоюродным братом, и что составлял и редактировал его Ваньянь Шоудао³².

5. «Правдивая хроника простолюдина Хай-лина» (*Хай-лин шужэнь шилу*). Хай-лин-ван — четвертый император Цзинь, правил с 1149 по 1161 г. Его настоящее имя Дигунай. Как узурпатор, он был лишен посмертно императорского звания и объявлен «простолюдином». Во всех литературных заметках, кроме принадлежащих Сунь Дэ-цяну³³, эта

²¹ Цянь Да-синь, стр. 36; Гун Сянь-цзэн, стр. 49.

²² Цзинь Мэнь-чжао, стр. 25; Сунь Дэ-цянь, стр. 88.

²³ ЦШ, 88.

²⁴ В биографии подтверждается его участие в редактировании *Тай-цзун шилу* (ЦШ, 92).

²⁵ ЦШ, 72.

²⁶ Там же, 6.

²⁷ Там же, 130.

²⁸ Хуань Юй-цзи, Ни Цань и Лу Вэнь-чао.

²⁹ Цзинь Мэнь-чжао, стр. 25; Гун Сянь-цзэн, стр. 35; Сунь Дэ-цянь, стр. 88.

³⁰ Цянь Да-синь, стр. 35.

³¹ ЦШ, 70.

³² Там же, 88.

³³ Сунь Дэ-цянь, стр. 88.

хроника либо не упоминается вовсе, либо приводится лишь ее заглавие без каких-либо комментариев³⁴. О фамилии редактора также имеются противоречивые указания. В исторической части *Цзинь ши* приводятся указания Ши-цзуна Хэшиле Ляньби в связи с назначением последнего в 1165 г. главным редактором государственной истории. Ши-цзун обратил его внимание на искажения истории во времена Хай-лин-вана, пагубные для потомства, и поручил составить правдивую хронику Хай-лин-вана³⁵. Несмотря на то что в биографии Хэшиле Ляньби говорится³⁶, что в 1171 г. он представил *Хай-лин шилу*, вопрос о его авторстве почему-то никем из составителей литературных заметок не поднимался, возможно потому, что в другом месте *Цзинь ши*, в биографии Чжэн Цы-даня, содержится любопытная фраза: «Император [Ши-цзун] сказал: «Редактируя „Правдивую хронику Хай-лина“ (*Хай-лин шилу*), знаю ее досконально, лучше Чжэн Цы-даня. Ведь изложение исторических фактов — обязанность особая...»³⁷. Здесь как будто подразумевается другой редактор. Хотя вопрос об авторстве этой хроники и не может считаться решенным, но особая забота Ши-цзуна о «беспристрастном» изложении дел его предшественника, посмертно лишенного императорского титула за узурпацию власти, и критическая оценка труда свидетельствуют о реальном существовании *Хай-лин шуэнь шилу* и о возможных осложнениях в работе (смена редакторов, переработка текста, создание нового варианта хроники и т. п.).

Впоследствии один из высших государственных органов настоятельно рекомендовал императору Вэй-шао-вану не забывать читать эту хронику, написанную в наидание последующим государям³⁸.

6. «Правдивая хроника Жуй-цзуна» (*Жуй-цзун шилу*). Вкратце упоминается во всех литературных заметках, кроме заметок Цянь Да-синя. Жуй-цзун — храмовое имя Ваньянь Цзуньяо, отца Ши-цзуна. Оно было присвоено последним никогда не царствовавшему отцу, дабы еще больше подчеркнуть узурпаторский характер власти Хай-лин-вана и утвердить законность престолонаследия от Агуда к его сыну Цзуньяо и к его внуку Ши-цзуну. Хроника была представлена Ши-цзуну в 1171 г. историком Хэшиле Ляньби³⁹. Совпадение даты с данными в том месте биографии последнего, где говорится о завершении им еще двух хроник — *Си-цзун шилу* и *Хай-лин шилу*⁴⁰, позволяет отнести более доверчиво к предполагаемой датировке последних. В биографии Ваньянь Куана сообщается, что Сянь-цзун (Ваньянь Юньгун), читая «Правдивую хронику императора Жуй-цзуна» (*Жуй-цзун хуанди шилу*), выразил пожелание, чтобы и дети его знали о всех тех трудностях, которые были связаны с укреплением государства⁴¹.

7. «Правдивая хроника Ши-цзуна» (*Ши-цзун шилу*). Ши-цзун или Улу, внук Агуды, пятый император Цзинь, царствовал в 1161—1189 гг. Все авторы литературных заметок, кроме Цянь Да-синя, согласно называют составителем хроники редактора государственной истории Ваньянь Куана, а время представления хроники — 1193 г. Цянь Да-синь

³⁴ Хуан Юй-ци, стр. 4; Ни Цань и Лу Вэнь-чао, стр. 15; Гун Сянь-цзэн, стр. 49.

³⁵ ЦШ, 6.

³⁶ Там же, 88.

³⁷ Там же, 125.

³⁸ Там же, 106.

³⁹ ЦШ, 6.

⁴⁰ Там же, 88.

⁴¹ ЦШ, 98.

указывает на коллективного автора — палату государственной истории и отодвигает срок представления работы до 1198 г.⁴² Однако исторический раздел *Цзинь ши* подтверждает дату — 1193 г.⁴³, а биография Ваньянь Куана — его авторство⁴⁴.

8. «Правдивая хроника Сянь-цзуна» (*Сянь-цзун шилу*) в 18 цзюанях. Сянь-цзун — храмовое имя Ваньянь Юньгуна, никогда не царствовавшего сына Ши-цзуна, отца Чжан-цзуна и Сюань-цзуна. Согласно литературным заметкам Цянь Да-синя — единственным, в которых это сочинение упоминается, — оно представлено в 1203 г. Ваньянь Куаном.

9. «Правдивая хроника Чжан-цзуна» (*Чжан-цзун шилу*). Чжан-цзун, чжурчжэньское имя которого Мадагу, был шестым императором Цзинь и царствовал в 1190—1208 гг. Редакторство хроники приписывается разным лицам: государственному историографу Ван Жо-сюю⁴⁵, коллективу редакторов — Чжан Син-синю и Ван Жо-сюю под руководством Гао Жу-ли⁴⁶. А Сунь Дэ-цянь считает, что существовали две самостоятельные хроники, одинаковые по названию, и редактором одной из них (100 цзюаней текста и 20 цзюаней указателей) называет Чжао Бин-вэня, а другой — Ван Жо-сюя⁴⁷. Между тем в исторической части *Цзинь ши* сообщается о том, что в 1217 г. Сюань-цзун приказал составить *Чжан-цзун шилу*⁴⁸ Гао Жу-ли и Чжан Син-синю. Из биографии Чжао Бин-вэня узнаем, что в том же году он был назначен одним из соредакторов государственной истории и представил императору доклад. В докладе настойчиво проводилась мысль о том, что облик правителя и состояние дел в государстве зависят от того, насколько часто государи «наведываются в исторические анналы»⁴⁹. В биографии Ван Жо-сюя тоже сообщается о том, что в начале годов чжэнда (1224—1231) он составил *Чжан-цзун Сюань-цзун шилу*⁵⁰. Но так как дата представления сочинения в обоих случаях одна и та же — 1220 г.⁵¹, то, очевидно, мы имеем дело с одним и тем же трудом, в редактировании которого участвовали так или иначе все упомянутые лица. Существует и другое косвенное свидетельство существования этого сочинения⁵² и похвальная оценка его за «подробность изложения»⁵³.

10. «Жизнеописание Вэй-вана» (*Вэй-ван шицзю*). Вэй-шао-ван — седьмой император Цзинь, царствовавший в 1209—1213 гг. Цзинь Да-синь отмечает, что некоторые авторы по аналогии именуют его хронику *Вэй-ван шилу*, но что это не соответствует действительности⁵⁴. Источник был составлен в 1221 г.⁵⁵, но составитель неизвестен. Так как «Жизнеописание Вэй-вана» составлялось при его брате Сюань-цзуне, занявшем трон после убийства Вэй-шао-вана, то понятны неоднократ-

⁴² Цянь Да-синь, стр. 36.

⁴³ ЦШ, 11.

⁴⁴ Там же, 98.

⁴⁵ Хуан Юй-цзи, стр. 4; Ни Цань, стр. 15.

⁴⁶ Цзинь Мэнь-чжао, стр. 25; Цянь Да-синь, стр. 36; Гуань Сянь-цзэн, стр. 50.

⁴⁷ Сунь Дэ-цянь, стр. 88.

⁴⁸ ЦШ, 15.

⁴⁹ Там же, 110.

⁵⁰ Там же, 126.

⁵¹ Там же, 16.

⁵² Там же, 106.

⁵³ Там же, 13.

⁵⁴ Цянь Да-синь, стр. 36.

⁵⁵ ЦШ, 16.

ные требования к историкам брать за образец хронику Хай-лин-вана (см. № 5) ⁵⁶.

11. «Правдивая хроника Сюань-цзуна» (*Сюань-цзун шилу*). Сюань-цзун — восьмой император Цзинь, царствовавший в 1213—1223 гг., его чжурчжэньское имя — Удабу. По литературным заметкам ⁵⁷, хроника отредактирована Ван Жо-сюем и представлена императору Ай-цзуну в 1228 г. ⁵⁸. В биографии Ван Жо-сюя подтверждается, что он был назначен на должность составителя в палату государственной истории и составил *Чжан-цзун Сюань-цзун шилу* в начале годов чжэнда (1224—1231) ⁵⁹. Существование этого источника подтверждается литературными реминисценциями из него в самом *Цзинь ши* по поводу введения в права каждого из девяти князей (гунов) ⁶⁰ и доказательства того факта, что Би Цзы-лун был убит мятежными солдатами ⁶¹.

Все вышесказанное не оставляет сомнений в реальном существовании этих *шилу*. Некоторые данные о них, сведенные в нижеследующую таблицу, помогут нам дать их общую характеристику.

Как мы видим, из одиннадцати чжурчжэньских *шилу* восемь посвящены императорам, одно сводное охватывает правление десяти племенных вождей от Ханьпу до Ингэ. Таким образом, для двух последних императоров — Ай-цзуна (Нингясу) и Мо-ди, по-видимому, не было составлено таких хроник, что вполне объясняется крахом государства Цзинь, приходящимся на время их царствования. Более того, можно только удивляться, что чжурчжэни сумели составить последнюю, 11-ю хронику, уже в разгар войны с монголами, за четыре года до падения цзиньской империи. В восьми случаях мы твердо знаем, что составление *шилу* находилось в руках палаты государственной истории. Неизвестно, был ли Ваньянь Сюй членом этой палаты и существовала ли палата в то время, но сам Ваньянь Сюй по происхождению (он был двоюродным братом Тай-цзу) и по положению (он занимал важнейшие государственные посты, неизмеримо более важные, чем пост начальника этой палаты) был для того времени очень крупной фигурой, что, несомненно, свидетельствует о том значении, которое придавалось созданию двух первых *шилу*, долженствовавших дать официальную историю дома Ваньянь и образец для последующих хроник. Семь трудов из десяти, чье авторство известно, отредактированы чжурчжэнями. При обилии чиновников нечжурчжэней в государственном аппарате Цзинь и недостатке хорошо образованных чжурчжэней это факт знаменательный, показывающий, какую огромную важность придавали чжурчжэни *шилу*. Любопытно, что факт редактирования двух последних работ (№ 10—11) китайцами находится в определенном противоречии с указом о вытеснении их из палаты государственной истории (1199 г.). Сроки с момента смерти императора и до появления *шилу* в целом неуклонно сокращались, хотя из этого правила были и исключения (хроники № 3, 5, 7). Если хроника № 1 была закончена лишь через 28 лет, а хроника № 2 через 25 лет после смерти действующего лица, то это, конечно, объясняется трудностями организационного периода в государстве и отсутствием нужного опыта. В дальнейшем этот срок сокра-

⁵⁶ Там же, 16, 106.

⁵⁷ В литературных заметках Цзинь Мэнь-чжао они не числятся.

⁵⁸ ЦШ, 17.

⁵⁹ Там же, 126.

⁶⁰ Там же, 118.

⁶¹ Там же, 124.

Сводная таблица сведений о шилу

	Название хроники	Имена императоров или других лиц	Число цзюней	Редактор	Национальность редактора	Были ли членами палаты гос. истории	Дата		Время	
							смерти императора и др. лиц	начала составления хроники	представления хроника	от смерти импер. до представления хроника
1	«Ши-цзу ися шиди шилу»	От Ши-цзу до Кан-цзуна	3	Ваньянь Сюй	чжурчжень	?	1113	1128	1141	28 лет
2	«Тай-цзу шилу»	Тай-цзу (Агула)	20	»	»	?	1123	?	1148	25 »
3	«Тай-цзун шилу»	Тай-цзун (Укмай)	?	Хэшилс Лянби	»	да	1135	?	1167	32 »
4	«Си-цзун шилу»	Си-цзун (Холу)	?	»	»	»	1149	?	1171	22 »
5	«Хай-лин шужэнь шилу»	Хай-лин-ван (Дигупай)	?	»	»	»	1161	1165	1171	10 »
6	«Жуй-цзун шилу»	Жуй-цзун (Ваньянь Цзуньяо)	?	»	»	»	1135	?	1171	36 »
7	«Ши-цзун шилу»	Ши-цзун (Улу)	?	Ваньянь Куан	»	»	1189	?	1193	4 »
8	«Сянь-цзун шилу»	Сянь-цзун (Ваньянь Юньгун)	18	он же	»	»	1185	?	1203	18 »
9	«Чжан-цзун шилу»	Чжан-цзун (Мадагу)	120	Гао Жу-ли и др.	китаец	»	1208	1217	1220	12 »
10	«Вэй-ван шицзи»	Вэй-шао-ван	?	?	?	?	1213	?	1221	8 »
11	«Сюань-цзун шилу»	Сюань-цзун (Улабу)	?	Ван Жо-сюй	китаец	да	1223	?	1228	5 »
		Ай-цзун (Нингясу)					1234			
		Мо-ди					1234			

щается до 5—8 лет. Недостаток надежных данных о начале оформления хроник не позволяет судить о длительности работы над каждой из них. В трех случаях (хроники № 1, 5, 9) на их составление потребовалось: тринадцать, шесть и три года, т. е. срок неуклонно сокращался.

Таким образом, государственная историография чжурчжэней на всем протяжении существования империи Цзинь играла важную роль в развитии самобытной чжурчжэньской культуры и государственности. Созданные ею *шилун* пережили разгром Цзинь. Юань Хао-вэнь хотел использовать эти хроники для составления *Цзинь ши*, но натолкнулся на препятствия и дело остановилось⁶². Тогда начали пользоваться неофициальными историями. Стали собирать вельмож государства Цзинь и, опрашивая их, записывали услышанное. Так было записано свыше миллиона слов. При составлении *Цзинь ши*, разумеется, не удалось в конце концов уклониться и от использования официозных *шилун*, к которым монгольские власти относились с понятным предубеждением. Поэтому наряду с другими источниками в *Цзинь ши* широко использованы и материалы *шилун* династии Цзинь⁶³.

⁶² Цзинь Юй-фу, стр. 100.

⁶³ В частности, в *Цзинь ши* (изд. 2) текстуально точно использовано цитированное место из *Тай-цзун шилун* о выборе названия для государства и пр. См. также А. Fujieda, *On the Veritable Records of the Chin Dynasty*, — «Toyoshi kenkyu», Tokyo, 1948, vol. 10, п. 2.

Ю. Л. Кроль

ОДНА ИЗ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ГЛАВАМИ 6 И 48 «ЗАПИСЕЙ ИСТОРИКА»

За две с лишним тысячи лет к обширному тексту «Записей историка» (*Ши цзи*) были сделаны многочисленные добавления. К сожалению, их далеко не всегда легко определить и еще труднее связать с именами каких-либо интерполяторов. Лишь первый из этих людей — Чу Шаосунь — в ряде случаев оговорил сделанные им вставки и при этом называл себя. Поэтому перед исследователем интерполяций «Записей историка» встает немало текстологических проблем.

Одна из самых интересных проблем этого рода — та, с которой сталкиваются при сопоставлении авторских эпилогов, или, как говорят в Китае, «восхвалений» (*цзань*) гл. 6 и 48 «Записей историка». В этих эпилогах трактуются причины гибели династии Цинь (221—207 гг. до н. э.).

Очень важное значение для оценки Сыма Цянем (145?—87? гг. до н. э.) династии Цинь и причин ее гибели имел трактат ханьского ученого Цзя И¹ (201—169 гг. до н. э.)² под названием «Рассуждение, обвиняющее в ошибках династию Цинь». Этот трактат ныне входит как одна из глав в сочинение Цзя И «Новая книга»³. Он также полностью включен в нынешний текст «Основных анналов Цинь Ши хуана» (гл. 6 «Записей историка») и частично — в нынешний текст биографии Чэнь Шэ (гл. 48 «Записей историка»).

Как указывают комментаторы гл. 6 книги Сыма Цяня, между современным текстом «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династию Цинь», помещенным в этой главе, и параллельным разделом «Новой книги» есть известные иероглифические расхождения⁴.

Ныне трактат Цзя И в «Новой книге» распадается на три части (*пянь*), которые следуют друг за другом в определенном порядке: сначала часть, посвященная Цинь Ши хуану (I)⁵, затем часть, посвя-

¹ См. его биографию в соч. *Ши цзи хуй чжу као чжэн* (или *Сики кайтё кбсё*, далее: СКК), Пекин, 1955, т. 8, гл. 84, стр. 20—37 (3856—3873); *Цянь Хань шу*, гл. 48 в сер. «Сы-бу бэй-яо», т. 52, стр. 741—752.

² О его порицаниях см. Ван Цзи-син, *Цзя И хэ тады цзопин*, — «Дунбэй жэнь-минь дасюэ. Жэнь вэнь кэсюэ сюэ бао», 1956, № 4, стр. 11—20.

³ *Синь шу*, — в сер. «Сы-бу бэй-яо», т. 152.

⁴ См.: Лян Юй-шэн, *Ши цзи чжи и* в сер. «Цун-шу цзи-чэн», вып. 1, кн. 149(2), гл. 5, стр. 189; СКК, т. 2, гл. 6, стр. 87—103 (501—517), комментарий; «Ши цзи сюань-чжу», Пекин, 1956, стр. 54, прим. 405.

⁵ Начиная со слов: 孝公 «Циньский Сяо-гун» и кончая фразой: 而攻守之勢異也 «условия завоевания и сохранения различны». См.: *Синь шу*, гл. 1, стр. 7 и 8.

щенная его сыну Эр-ши (II) ⁶, и, наконец, часть, посвященная последнему циньскому правителю Цзы-ину (III) ⁷.

Цитата из «Рассуждения...» Цзя И, помещенная в конце гл. 48 «Записей историка», представляет собой первую часть трактата (согласно делению нынешнего текста «Новой книги»), посвященную Ши хуану. Она привязана к предыдущему тексту биографии Чэнь Шэ словами: «Учитель Чу сказал: „Неприступность рельефа местности — вот чем создается прочность [положения]; вооружение и уголовные законы — вот чем создается хорошее управление; но, пожалуй, [этого] еще недостаточно для опоры. Ведь прежние ваны считали корнем человеколюбие и справедливость, а ветвями и листьями — прочные преграды, [казенные] документы и законы. Разве это не так? Я слышал, что учитель Цзя сказал [об этом]“...» ⁸. Таким образом, нынешний текст гл. 48 «Записей историка», казалось бы, свидетельствует о том, что в данном случае цитата из Цзя И является интерполяцией Чу Шао-суня (дополнил книгу Сыма Цяня во второй половине I в. до н. э.). При этом в гл. 48 отсутствует обычное восхваление «господина великого астролога», т. е. Сыма Тяня или Сыма Цяня.

В конце гл. 6 «Записей историка», где трактат Цзя И цитируется полностью, порядок его частей иной, чем в «Новой книге»: здесь сначала стоит часть III (о Цзы-ине) ⁹, затем часть I (о Цинь Ши хуане) ¹⁰ и на последнем месте часть II (об Эр-ши) ¹¹. Трактат присоединен к тексту главы словами: «Господин великий астролог ¹²: Со времен Му-гуна княжество Цинь постепенно, как шелковичный червь [поедает тутовые листья], пожирало [владения] удельных князей (чжу-хоу), и в конце концов [его государь] учредил титул „Первый император (Ши хуан)“». Ши хуан полагал о себе, что превосходит заслугами пять владык (ди) и что [его] земли обширней, [чем были владения] трех ванов, и стыдился равняться с ними. [О, сколь] прекрасно учитель Цзя исследовал [царствование династии Цинь] и сказал о нем! [Он] говорил...» ¹³.

Таким образом, следует объяснить: (1) почему первая часть трактата Цзя И встречается в «Записях историка» дважды, (2) почему гл. 48 труда Сыма Цяня не имеет восхваления «господина великого астролога» и (3) почему порядок частей трактата Цзя И в гл. 6 «Записей историка» перепутан.

Комментаторы оставили несколько свидетельств, проливающих некоторый свет на эту проблему.

1. В комментарии *Цзи-цзе* Пэй Иня (жил около 438 г.) к фразе: «[Правитель] Цинь объединил [страну, лежащую] между морей, при-

⁶ Начиная со слов: 秦滅周祀, 并海內, 兼諸侯 [Правитель] Цинь прекратил (досл.: уничтожил) жертвоприношения [дома] Чжоу, объединил [страну, лежащую] между морей, присоединил [владения] удельных князей (чжу-хоу)» и кончая фразой: 是二世之過也 «Это ошибка Эр-ши» — *Синь шу*, гл. 1, стр. 8 и 9.

⁷ Начиная со слов: 秦兼諸侯, 山東三十餘郡 — «[Правитель] Цинь присоединил [владения] удельных князей (чжу-хоу), [создал] более 30 округов [в стране, расположенной] к востоку от гор» и кончая фразой: 而社稷安矣 «алтари божеств земли и зерна пребывают в покое». Там же, стр. 9.

⁸ СКК, т. 6, гл. 48, стр. 20—21 (2958—2959).

⁹ Перед иероглифом 兼 в первой фразе добавлен иероглиф 并, СКК, т. 2, гл. 6, стр. 87—91 (501—505).

¹⁰ Там же, стр. 91—99 (505—513).

¹¹ В первой фразе иероглифы: 滅周祀 опущены. — Там же, стр. 99—103 (513—517).

¹² Цитируем не полностью. Полный перевод этого отрывка см. в кн. E. Chavannes, *Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien*, t. 2, Paris, 1897, p. 218.

¹³ СКК, т. 2, гл. 6, стр. 87 (501).

соединил [владения] чжу-хоу, [повернулся] лицом к югу и назвался императором (*ди*)»¹⁴ из эпилога гл. 6 «Записей историка» сказано: «Сюй Гуан (352—425 гг.) говорит: «Один экземпляр [«Записей историка»] имеет в конце гл. 6 эту *пянь* (т. е. нынешнюю вторую часть трактата Цзя И. — Ю. К.), но не имеет [идущего] ранее [текста, начиная со слов]: „Циньский Сяо-гун“ и далее (букв. ниже)¹⁵; да и к тому же [в той книге фразой]: „[Государь] Цинь присоединил [владения] чжу-хоу, [создал] более 30 округов [в стране, расположенной] к востоку от гор...“¹⁶ продолжен конец этой [части]».

Комментарий *Со-инь* (составлен в VIII в.) к тому же месту гл. 6 «Записей историка» поясняет: «Как известно, [трактат] Цзя И „Рассуждение, обвиняющие в ошибках династию Цинь“, имеет в качестве первой *пянь* [текст, начиная со слов]: „Сяо-гун...“ и далее (досл. ниже), имеет в качестве последней *пянь* [текст, начиная со слов]: „[Правитель] Цинь присоединил [владения] чжу-хоу, [создал] более 30 округов [в стране, расположенной] к востоку от гор“».

Цзоу Дань-шэн говорит: «Господин великий астролог написал это рассуждение, отредактировав (т. е. сократив ненужное и оставив нужное. — Ю. К.) *пянь* „[Трактата], обвиняющего в ошибках династию Цинь“ Цзя И. [При этом историк] сократил текст (досл. слова), сохранив смысл. Учитель Чу расширил и продолжил (эпилог гл. 6 «Записей историка»). Раз уж спутали, [что написал Сыма Цянь и что добавил учитель Чу], а вульгарные [умы того] века [отличались] малыми знаниями (невежеством), они не приняли во внимание смысл редактур и сокращения [Сыма Цяня] и, соединив [его текст с текстом учителя Чу], записали здесь данное рассуждение. Поэтому [оно] не таково, [каков первоначально был эпилог великого астролога]. Да и никак нельзя теперь распознать, [что тут написал Сыма Цянь, а что добавили впоследствии]»¹⁷.

2. В комментарии *Цзи-цзе* к выражению «учитель Чу говорит» из гл. 48 «Записей историка» сообщается: «Сюй Гуан говорит: Вариант — „господин великий астролог“. Согласно [Пэй] Иню, Бань Гу¹⁸, докладывая об [этом] деле, сказал: „[Господин] великий астролог [Сыма] Цянь взял первую и последнюю *пянь* „[Рассуждения], обвиняющего в ошибках династию Цинь“ Цзя И и сделал из них тексты восхвалений в конце (букв. после) [глав] „Основные анналы Цинь Ши хуана“ и „Наследственный дом Чэнь Шэ“¹⁹. [Если это так], тогда то, что [здесь] говорится: „учитель Чу“ — ошибка»²⁰.

3. В комментарии *Со-инь* Сыма Чжэна к той же фразе сказано: «Сюй Гуан и Пэй Инь, основываясь на виденном [Сюй Гуаном] другом экземпляре [«Записей историка»], а также на том, что Бань Бяо²¹ доложил об [этом] деле, оба говорят и одинаково пишут „господин великий астролог“. Теперь, [если] опереться на это, значит, учитель Чу,

¹⁴ Это первая фраза нынешней второй части трактата Цзя И, в которой говорится об Эр-ши хуан-ди. — СКК, т. 2, гл. 6, стр. 99 (513).

¹⁵ Часть, отсутствовавшая в этом экземпляре *Ши цзи*, — нынешняя первая часть трактата Цзя И, где говорится о Ши хуане. Там же, стр. 91 (505).

¹⁶ Фраза, открывающая нынешнюю третью часть трактата Цзя И, посвященную Цзы-ину. Там же, стр. 87 (501).

¹⁷ СКК, т. 2, гл. 6, стр. 99 (513).

¹⁸ 班固.

¹⁹ 陳涉世家.

²⁰ СКК, т. 6, гл. 48, стр. 20 (2958).

²¹ 班彪, следует читать: Бань Гу (см. выше).

[до]писывая „Записи историка“, добавил несколько фраз: „неприступность рельефа местности“ [и другие] — в начале этого восхваления, а потом уже начал переписывать слова учителя Цзя; потому-то он и изменил заглавные [слова] — „господин великий астролог“, а [вместо них] написал в заглавии свой титул и прозвание. Смысл [того, что сказано] далее, одновременно содержится (досл. встречается) в „Основных анналах Ши хуана“»²².

Таким образом, уже во времена династии Тан имелись следующие объяснения интересующих нас вопросов:

1. Цзоу Дань-шэн считал, что Сыма Цянь поместил части трактата Цзя И в конце гл. 6 *Ши цзи* в сокращенном виде, что впоследствии к тексту цзань этой главы сделал добавление Чу Шао-сунь и что провести границу между оригинальным текстом Сыма Цяня и добавлениями Чу Шао-суня невозможно, так как переписчики по невежеству записали эти тексты слитно.

2. Пэй Инь считал, что Сыма Цянь использовал в качестве цзань к гл. 6 и 48 «Записей историка» первую и последнюю части трактата Цзя И и что в гл. 48 слова «учитель Чу говорит» вставлены ошибочно.

3. Сыма Чжэн (VIII в.) соглашался с тем, что вместо слов «учитель Чу говорит» в гл. 48 должны стоять слова «господин великий астролог говорит». Он считал, что это искажение оригинального текста гл. 48 произвел сам Чу Шао-сунь вследствие того, что добавил перед словами «Я слышал, что учитель Цзя говорил» несколько собственных фраз. Таким образом, Сыма Чжэн поставил вопрос об авторстве этих фраз, тут же решив его в пользу Чу Шао-суня.

Интересующая нас проблема привлекла внимание трех видных цинских ученых.

Исследователь Ван Мин-шэн (1722—1797) попытался целиком решить ее исходя из убеждения, что не только Сыма Цянь, но даже такой ученый средней руки, как Чу Шао-сунь, не могли допустить повторения первой части трактата Цзя И в конце гл. 6 и 48 «Записей историка».

Ван Мин-шэн исходил также из того, что в «Новой книге» «Рассуждение, обвиняющее в ошибках династию Цинь», делится на три части, следующие друг за другом в определенном порядке, и что порядок этот в конце гл. 6 современного текста *Ши цзи* нарушен. На основании свидетельств Сюй Гуана, Пэй Иня и Сыма Чжэна он высказал предположение, что Сыма Цянь использовал первую часть «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династию Цинь», как восхваление для гл. 48 «Записей историка», а вторую и третью части трактата (в той последовательности, в какой они располагались у Цзя И) — как восхваление для гл. 6.

Ван Мин-шэн отметил, что Бань Гу видел книгу Сыма Цяня, в которой части трактата Цзя И были распределены указанным образом. Такую же книгу видел и Сюй Гуан. Во времена династий Вэй (220—264) и Цзинь (265—420) какой-то «безрассудный человек» добавил в эпилог гл. 6 «Записей историка» первую часть трактата Цзя И (о Цинь Ши хуан-ди). В дальнейшем другой человек, заметив, что этот отрывок встречается в «Записях историка» дважды, и заподозрив, что это дело рук Чу Шао-суня, заменил фразу из эпилога гл. 48 «господин великий астролог говорит» фразой «учитель Чу говорит»²³.

²² СКК, т. 6, гл. 48, стр. 20 (2958).

²³ Ван Мин-шэн, *Шици ши шан цюе*, — в сер. «Цун-шу цзи-чэн», выш. 1, кн. 3517(2), гл. 2, стр. 13—14.

В теории Ван Мин-шэна есть, однако, существенный недостаток, подмеченный японским ученым Такикава Камэтаро²⁴. Дело в том, что ссылка Ван Мин-шэна на экземпляр «Записей историка», якобы виденный Бань Гу, несостоятельна. Бань Гу, действительно, располагал экземпляром книги Сыма Цяня, где в качестве восхвалений для гл. 6 и 48 фигурировали первая (*шан*) и последняя (*ся*) части трактата Цзя И. Но Ван Мин-шэн считал, что этот трактат делился на три части²⁵. Таким образом, строго говоря, китайский ученый имел право сделать из слов Бань Гу только тот вывод, что средняя, вторая часть «Рассуждения...», посвященная Эр-ши, по каким-то причинам не была включена Сыма Цянем в «Записи историка» и что она была интерполирована в текст этой книги лишь впоследствии.

Точка зрения Ван Мин-шэна была поддержана проф. Э. Шаванном, который признал ее довольно вероятной, и Л. С. Переломовым²⁶.

Крупный специалист по династийным историям Чжао И (1727—1814) придерживался иных взглядов. Он считал, что Сыма Цянь процитировал «Рассуждение, обвиняющее в ошибках династию Цинь» в эпилоге гл. 6 «Записей историка», а Чу Шао-сунь еще раз процитировал этот трактат в конце гл. 48 ради нескольких слов, которые в нем посвящены Чэнь Шэ²⁷.

У этой гипотезы чрезвычайно много слабых мест. Ее автору пришлось совершенно оставить в стороне свидетельства комментаторов, людей, действительно видевших древние экземпляры «Записей историка», и исходить только из современного текста этой книги. В свете исследований других ученых становится ясно, что гипотеза Чжао И совершенно несостоятельна.

Особенно четко это видно, если вспомнить постановку вопроса об эпилоге гл. 48 «Записей историка» у Такикава Камэтаро. Этот комментатор книги Сыма Цяня полагал, что, согласно свидетельству Бань Гу, слова «учитель Чу» в тексте гл. 48 «Записей историка» должны были писаться «господин великий астролог», как это было в одном из экземпляров этого сочинения, на который ссылается Сюй Гуан. В пользу своего мнения Такикава Камэтаро приводил в числе прочих также и то соображение, что каждая глава «Записей историка» имеет восхваление и что биография Чэнь Шэ не может являться единственным исключением из этого правила. Несколько фраз гл. 48, стоящих перед текстом Цзя И, он приписывал «господину великому астрологу»²⁸.

Взгляд, подобный высказанному Чжао И, несмотря на всю свою необоснованность, был принят для практических целей составителями книги «Избранные [главы] „Записей историка“ с комментарием». Сюда вошли и гл. 6, и гл. 48 *Ши цзи*, причем в гл. 6 составители включили полностью трактат Цзя И (с обычной для современного текста спутанной последовательностью частей)²⁹, а из гл. 48 убрали весь эпилог, начиная со слов «учитель Чу говорит»³⁰. Таким образом, они, видимо,

²⁴ СКК, т. 2, стр. 517 (103).

²⁵ Ван Мин-шэн, *Шици ши шан цюе*, кн. 3517(2), гл. 2, стр. 13.

²⁶ E. Chavannes, op. cit., t. 1, Paris, 1895, Introduction, p. CLVIII, n. 1; t. 2, pp. 218—219, n. 3. Л. С. Переломов, *Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.)*, М., 1962, стр. 16—17.

²⁷ Чжао И, *Эршиэр ши да цзи*, — в сер. «Цун-шу цзи-чэн», вып. 1, кн. 3543(1), гл. 1, стр. 13.

²⁸ СКК, т. 6, гл. 48, стр. 20 (2598).

²⁹ *Ши цзи сюань-чжун*, стр. 21—25.

³⁰ Там же, стр. 181.

практически исходили из того, что весь текст эпилога гл. 48 «Записей историка» (первая часть трактата Цзя И и несколько фраз перед ними) были интерполированы³¹.

Занимающую нас проблему пытался решить Лян Юй-шэн (1745—1819). Он высказал очень интересную мысль о том, что трактат Цзя И делился всего на две части. Если исходить из этого деления, сейчас в гл. 6 «Записей историка» второй кусок последней части «Рассуждения...» находится после первой части трактата.

По мысли Лян Юй-шэна, «господин великий астролог» сделал из первой части трактата эпилог для гл. 48 «Записей историка», а из второй его части — эпилог для гл. 6. Позднее в гл. 6 была интерполирована первая часть трактата. Порядок частей трактата в конце гл. 6 был нарушен при переписке.

«Поэтому, — заключает Лян Юй-шэн, — Сюй Гуан говорил, что в одном экземпляре [Ши цзи в конце гл. 6] есть последняя часть [трактата] и нет первой и что [там частью, начинающейся словами]: „[Государь] Цинь присоединил [владения] чжу-хоу, [создал] более 30 округов [в стране, расположенной] к востоку от гор...“, — продолжен конец [части, открывающейся фразой]: „[Правитель] Цинь объединил [страну, лежащую] между морей“; [поэтому и в комментарии] *Со-инь* также сказано: „Господин великий астролог написал это рассуждение, отредактировав (т. е. сократив ненужное и оставив нужное. — Ю. К.) *пьянь* „[Трактата], обвиняющего в ошибках династию Цинь“. [При этом историк] сократил его текст (досл. слова), сохранив его смысл. Учитель Чу расширил и продолжил [эпилог гл. 6 „Записей историка“]. Раз уж спутали [то, что написал Сыма Цянь и что добавил учитель Чу], а вульгарные [умы того] века [отличались] малыми знаниями (невежеством), они не приняли во внимание смысл редакции и сокращения [Сыма Цяня] и, соединив [его текст с текстом учителя Чу], записали здесь данное рассуждение. Поэтому [оно] не таково, [каков первоначально был эпилог великого астролога]»³².

Весьма правдоподобная теория Лян Юй-шэна нуждается, однако, в одном дополнительном доказательстве: именно в подтверждении того, что во времена Бань Гу трактат Цзя И делился не на три, а на две части таким образом, что тогдашняя первая часть трактата соответствовала его нынешней первой части, а тогдашняя последняя часть трактата — его нынешним второй и третьей частям.

Существует и еще одна точка зрения на рассматриваемый вопрос. В отличие от Ван Мин-шэна и Лян Юй-шэна японский ученый Накаи Рикэн (1732—1817), по-видимому, считал, что первоначально в эпилоге гл. 6 «Записей историка» имелась только нынешняя третья часть «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династию Цинь». Во всяком случае Такигава Камэтаро приводит такое его высказывание в комментарии к эпилогу гл. 6 «Записей историка»: «Рассуждение Цзя [И], процитированное господином великим астрологом, кончается на [словах]: „алтари божеств земли и зерна пребывают в безопасности“³³, [а то, что] после них (т. е. первая и вторая части трактата. — Ю. К.), вероятно, добавление потомков»³⁴.

³¹ Сами составители никак не мотивировали предпринятого ими сокращения текста гл. 48 *Ши цзи*.

³² Лян Юй-шэн, *Ши цзи чжи и*, кн. 149(2), гл. 5, стр. 189—190.

³³ Фраза, заключающая нынешнюю третью часть трактата Цзя И

³⁴ СКК, т. 2, гл. 6, стр. 91 (505).

Аналогичной точки зрения придерживается проф. Чжу Дун-жунь. Основываясь на словах Бань Гу, процитированных Пэй Инем, и отправляясь от того, что первая часть «Рассуждения...» приведена в эпилоге гл. 48 «Записей историка», он заключает, что в эпилоге гл. 6 первоначально могла цитироваться только последняя часть трактата Цзя И. Так как при этом Чжу Дун-жунь исходит из современного деления «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династию Цинь» на три части, то он делает вывод, что в оригинале у Сыма Цяня в конце гл. 6 имелась лишь третья часть трактата Цзя И, которая и сейчас занимает там первое по порядку место, а первая и вторая части трактата, ныне следующие за ней в тексте гл. 6 «Записей историка», были впоследствии добавлены интерполяторами³⁵.

Таким образом, все ученые (кроме Чжао И, а также составителей *Ши цзи сюань-чжу*) сходятся на том, что Сыма Цянь поместил первую часть трактата Цзя И в конце гл. 48 «Записей историка» и что вместо слов «учитель Чу говорит» следует читать «господин великий астролог говорит». Об этом свидетельствуют слова Бань Гу и показания Сюй Гуана. Кроме того, в пользу такого мнения говорит еще один факт.

Бань Гу, в значительной части скопировавший «Записи историка», завершил гл. 31 *Хань шу*, в которой подряд помещены биографии Чэнь Шэ и Сян Юя («Жизнеописание Чэнь Шэна и Сян Цзи»³⁶), восхвалением, состоящим из нынешней первой части трактата Цзя И, а также из эпилога Сыма Цяня из «Основных анналов Сян Юя»³⁷ (воспроизведен с небольшими иероглифическими отступлениями от оригинала). Поскольку в гл. 31 своей книги Бань Гу скопировал (с незначительными отклонениями) текст биографии Чэнь Шэ из гл. 48 «Записей историка», естественно было бы ожидать, что он скопирует и восхваление гл. 48 сочинения Сыма Цяня, тем более что рядом он воспроизвел восхваление анналов Сян Юя из «Записей историка». Комментатор Ин Шао (ок. 178 г.) пишет об эпилоге гл. 31 *Хань шу*, объясняя фразу: «В старину в „[Рассуждении], обвиняющем в ошибках династию Цинь“ учителя Цзя было сказано»: «Это первая *пянь* [трактата Цзя И]. Сыма Цянь сделал из нее восхваление, а Бань Гу последовал ему»³⁸.

Учитывая все эти соображения, мы считаем доказанным тезис о том, что Сыма Цянь поместил в эпилог гл. 48 своей истории первую часть трактата Цзя И.

По вопросу о том, кто произвел изменение в заголовке восхваления гл. 48 «Записей историка» и кому следует приписать несколько фраз, стоящих там перед рассуждением Цзя И, есть несколько точек зрения: а) эти фразы написаны Чу Шао-сунем, который сам изменил слова «господин великий астролог» на «учитель Чу» (Сыма Чжэн); б) они написаны «господином великим астрологом», причем вопрос о том, кто произвел изменения в заголовке восхваления, не ставится (Такигава Камэтаро); в) изменение слов «господин великий астролог» на «учитель Чу» было произведено каким-то позднейшим интерполятором, пытавшимся таким путем решить проблему повторения первой части

³⁵ См.: Чжу Дун-жунь, *Ши цзи као со*, Шанхай, 1948, стр. 25.

³⁶ 陳勝本籍列傳。

³⁷ 項羽 紀 См.: *Цянь Хань шу*, гл. 31, стр. 605—606.

³⁸ Там же, стр. 605, комментарий. На свидетельство текста *Хань шу* в пользу того, что эпилог гл. 48 *Ши цзи* изначально включал первую часть трактата Цзя И, указал, еще Лян Юй-шэн. — Лян Юй-шэн, *Ши цзи чжи и*, кн. 149(2), гл. 5, стр. 189.

трактата Цзя И в тексте «Записей историка», причем вопрос об авторе указанных фраз не затрагивается (Ван Мин-шэн).

С нашей точки зрения соображения Ван Мин-шэна удачно дополняют объяснение Такикава Камэтаро. Чу Шао-сунь не мог произвести изменения в заголовке восхваления гл. 48 «Записей историка», так как уже после смерти интерполятора (в I в. н. э.) Бань Гу, судя по его сообщению, знал, что «господин великий астролог» составил эпилог к биографии Чэнь Шэ из части трактата Цзя И. Естественно сделать вывод, что в том экземпляре «Записей историка», который имел в руках Бань Гу, в конце гл. 48 вместо «учитель Чу говорит» значилось «господин великий астролог говорит». Видимо, такой же экземпляр книги Сыма Цяня знал Ин Шао. Мало того, даже во времена Сюй Гуана наряду с другим был известен вариант заголовка восхваления гл. 48, гласивший «господин великий астролог говорит». Таким образом, изменение в заголовке эпилога гл. 48 «Записей историка» было, скорее всего, произведено не Чу Шао-сунем, а кем-то из более поздних редакторов труда Сыма Цяня в период между Ин Шао и Сюй Гуаном (конец II—V вв.). Вполне возможно, что, как предположил Ван Мин-шэн, это было сделано с целью решить проблему повторения первой части трактата Цзя И в «Записях историка».

Поскольку ясно, что заголовок восхваления гл. 48 изменил не Чу Шао-сунь, отпадает необходимость искать для этого интерполятора повод к такому искажению текста «Записей историка». Само собой становится излишним приписывать Чу Шао-суню несколько фраз, стоящих в восхвалении гл. 48 «Записей историка» перед текстом Цзя И. У нас вообще нет оснований считать эти фразы интерполированными и не приходится спорить с мнением Такикава Камэтаро, полагавшего, что их автором был «господин великий астролог»³⁹.

По вопросу о том, какие части трактата Цзя И первоначально входили в эпилог гл. 6 «Записей историка», мы рассмотрим лишь два мнения, опустив взгляды Чжао И как явно несостоятельные. Накаи и Чжу Дун-жунь утверждали, что в оригинальный текст этой главы входила только третья часть «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династии Цинь», а Лян Юй-шэн и Ван Мин-шэн придерживались той точки зрения, что сюда были включены нынешние вторая и третья части трактата Цзя И. Чжу Дун-жунь (аргументы которого в отличие от аргументов Накаи нам известны) строит свою теорию главным образом на свидетельстве Бань Гу, который говорил о первой и последней *пянь* трактата Цзя И как об использованных Сыма Цянем и не упоминал в этой связи средней (второй) *пянь* этого сочинения. Его теория очень красиво решает вопрос о том, как возникла путаница частей трактата Цзя И в эпилоге гл. 6 «Записей историка». Правда, она обходит молчанием тот факт, что Сюй Гуан видел экземпляр «Записей историка», в котором в эпилог гл. 6 включены части вторая и третья трактата Цзя И в том порядке, в котором они расположены в нынешнем тексте «Новой книги». Но этот недостаток гипотезы до известной степени устраняет соображение, высказанное нам устно С. Е. Яхонтовым. Последний пред-

³⁹ Следует, однако, отметить, что Бань Гу не воспроизвел эти фразы в восхвалении гл. 31 *Хань шу*, куда он по примеру Сыма Цяня ввел первую часть трактата Цзя И. Казалось бы, это может навести на мысль о том, что указанные фразы были добавлены в эпилог гл. 48 *Ши цзи* каким-то интерполятором, жившим позднее Бань Гу. Но других данных в пользу такого предположения нет.

лагают считать эпилог гл. 6, виденный Сюй Гуаном, результатом работы еще одного интерполятора, который вставил в текст этой главы нынешнюю вторую часть трактата Цзя И перед третьей его частью, пытаясь дать свою «реконструкцию» эпилога.

Рассуждение Чжун Дун-жуня неопровержимо при одном условии, что в руках Бань Гу был экземпляр трактата Цзя И, делившийся так же, как и современный текст трактата, на три части. Между тем у нас есть серьезные основания подозревать противное.

Комментарий к гл. 31 *Хань шу* приводит следующее свидетельство Ин Шао: «В книге учителя Цзя есть две *пянь* „[Рассуждения], обвиняющего в ошибках династию Цинь“, в которых говорится об ошибках [государей] Цинь»⁴⁰. Далее следует уже приводившаяся цитата, показывающая, что первая часть трактата Цзя И, о котором говорит Ин Шао, соответствовала нынешней первой части трактата. Следовательно, во времени Ин Шао трактат Цзя И делился только на две части (*пянь*), причем в последнюю его часть входили вынешние вторая и третья части трактата.

Если так было во времена Ин Шао, который жил при Восточной Хань, видимо, так было и при подданном этой же династии Бань Гу. Следовательно, говоря о том, что «господин великий астролог» сделал восхваления к гл. 6 и 48 «Записей историка» из «первой и последней *пянь* (частей) „Рассуждения...“ Цзя И», Бань Гу вполне мог иметь в виду, что Сыма Цянь поместил в эпилог гл. 48 первую часть трактата, а в эпилог гл. 6 — нынешнюю вторую и третью части его, которые в ту пору⁴¹ входили в одну общую часть (*пянь*).

Таким образом, главный довод Чжу Дун-жуня вполне может быть оспорен. Поэтому мы вынуждены отказаться от того, чтобы принять весьма соблазнительную гипотезу Чжу Дун-жуня, и присоединиться к взглядам, высказанным Лян Юй-шэном. По нашему мнению, эпилог гл. 6 «Записей историка» первоначально состоял из нынешних второй и третьей частей трактата Цзя И (входивших тогда в одну, последнюю часть «Рассуждения...»), которые следовали друг за другом в их естественном порядке (сначала 2-я, потом 3-я часть). В то же время мы отдаем себе отчет в том, что эта гипотеза пока не дает такого убедительного объяснения путаницы частей «Рассуждения...» Цзя И в конце гл. 6 *Ши цзи*, как предложенная Чжу Дун-жунем, и, следовательно, вопрос нуждается в дальнейшем уточнении.

⁴⁰ *Цянь Хань шу*, гл. 31, стр. 605, комментарий.

⁴¹ Следует указать, что в одном из сунских изданий *Синь шу* (так называемом 建本), согласно свидетельству Лу Вэнь-чао (1717—1795), вместо 過秦中 стояло 過秦下 (*Синь шу*, гл. 1, стр. 8). Проф. Чжу Дун-жунь, признающий допустимой гипотезу о делении трактата Цзя И всего на две части при Восточной Хань, обратил внимание на то, что в фигурирующем в серии «Сы-бу цун-кань» минском издании *Синь шу* периода Чжэн-дэ (1506 г.), этот трактат также делился на две части. При этом Чжу Дун-жунь указал, что некоторые ученые, напр. Ван Мин-шэн, располагавший сунским изданием 8 г. периода Шунь-ю (1248 г.), в котором трактат Цзя И делился на три части, и Яо Най (1731—1815), принявший в сочинении *Гу вэнь цы лэй цзуань* аналогичное деление текста этого трактата, придерживались того же взгляда на число частей «Рассуждения, обвиняющего в ошибках династию Цинь», к которому впоследствии присоединился и он сам.

Е. И. Кычанов

«ГИМН СВЯЩЕННЫМ ПРЕДКАМ ТАНГУТОВ»

Среди тангутских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР¹ есть книга без названия, довольно посредственной сохранности, которая является одним из наиболее ценных памятников нашего собрания. Еще в начале 30-х годов Н. А. Невский, занимаясь разбором коллекции, обнаружил, что на оборотных сторонах листов ксилографа записан от руки целый сборник оригинальных тангутских поэтических произведений, названных им одами. И бесспорно, как это сразу же и отметил Н. А. Невский, самыми ценными среди них были «Ода в честь создателя тангутской письменности»² и «Гимн священным предкам тангутов». Последняя ода уже своим названием заинтересовала Н. А. Невского. Он тщательно копирует текст оды³ и приступает к ее исследованию.

Однако общий уровень тангутоведения того времени, признанным лидером которого был Н. А. Невский, оказался еще недостаточным, чтобы дать хотя бы черновой перевод памятника. Словарь самого Н. А. Невского также был еще далек от того объема, который он имеет теперь. И поэтому, выступая на сессии АН СССР в 1935 г. с обзорным докладом: «Тангутская письменность и ее фонды», Н. А. Невский, прежде чем зачитать отрывки из этого произведения, должен был предварительно заявить: «Эта ода, на мой взгляд, представляет значительный интерес, проливая свет на раннюю историю возвышения тангутов. Но, к сожалению, она полна собственных имен, установление чтения которых сопряжено с громадными трудностями, и в ней масса неизвестных мне идеографов, так что при моем настоящем знании тангутской письменности я еще не в состоянии зачитать полный перевод этой оды, но все же хотел бы остановиться на некоторых местах, доступных расшифровке»⁴.

За прошедшие тридцать с небольшим лет благодаря трудам Н. А. Невского и посмертному опубликованию его трудов, удостоенных в 1962 г. Ленинской премии, а также усилиями тангутоведов разных стран тангутоведение продвинулось вперед. Мы имеем теперь возможность попытаться опубликовать полный тангутский текст оды и дать

¹ «Тангутские рукописи и ксилографы», составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963.

² Точное название: «Церемониальная песнь [в честь] благородного учителя». Полный, слегка художественно обработанный и точный перевод этой оды выполнен Н. А. Невским (Н. А. Невский, *Тангутская филология*, М., 1960, стр. 80; далее — ТФ).

³ Архив востоковедов ЛО ИВ, ф. 69, оп. 1, № 11, лл. 37—42.

⁴ ТФ, кн. 1, стр. 75.

ее посильный перевод, верно пока еще не окончательный, требующий дальнейшего изучения и критического разбора как специалистами в области тангутского языка, истории и культуры, так и специалистами смежных дисциплин, в первую очередь тибетологами.

Публикация включает краткую характеристику ксилографа, тангутский текст оды, транскрипцию текста, перевод, комментарий к переводу и заключение, посвященное краткой оценке оды как источника по ранней истории тангутов.

Книга, на оборотных сторонах листов которой записаны тексты од⁵, представляет собой ксилограф, сброшюрованный «бабочкой», размер листа 25,0×16,5 см, размер текста 18,8×13,0 см, 8 строк на странице, по 16 знаков в строке. Пагинация текста не сквозная, каждый раздел книги имеет свою разметку листов по-китайски от л. 1а и т. д. Общий объем памятника — 61 лист. Основной, отпечатанный ксилографическим способом текст состоит, по-видимому, из поэтических произведений, так называемых больших од. Другой записан от руки на оборотных сторонах листов по 8 строк на странице, подогнанных между просвечивающими строками ксилографированного текста. В каждой строке чаще всего по 17—18—19 знаков. Почерк четкий, но иногда с элементами скорописи, что, естественно, затрудняет разбор текста. «Гимн священных предкам тангутов» написан на оборотной стороне лл. 26—36 раздела «Большие оды», по-видимому, первого из сохранившихся разделов книги. Строки записи, начиная со стк. 5 л. 26 до стк. 7л. 36, не совпадают со строками поэтического текста «Гимна». Однако строки поэтического текста выделены при переписке просветами, и поэтому при воспроизведении его мы смогли каждую строку «Гимна» переписать отдельно.

Сказать точно, когда был сочинен «Гимн», трудно, но несомненно, что он, как и все остальные оды, был переписан после 1185 г., когда вышла в свет книга, оборотные стороны листов которой были использованы для их записи. Наиболее поздней вероятной датой переписки мог быть 1226 г. — год взятия Хара-Хото монголами, поскольку коллекцию в целом можно датировать концом XI — началом XIII вв.⁶

Каких-либо данных о лице, записавшем текст оды, пока обнаружить не удалось.

Ниже воспроизводится текст «Гимна», переписанный от руки, так как фотографии его получаются очень нечеткими из-за плохой сохранности листов оригинала и еще потому, что первоначальный ксилографический текст, просвечивая сквозь недостаточно плотную серую бумагу, затемняет и без того не всегда ясный текст «Гимна».

Транскрипция дается в реконструкции Нисида Тацуо⁷. Однако, к сожалению, система принятых Нисида Тацуо знаков крайне сложна для воспроизведения ее типографским способом. Этим объясняется воспроизведение факсимиле транскрипции текста, переписанного от руки, а также и то, что в дальнейшем в тексте перевода и комментария передача звучания тангутских слов средствами русского алфавита приближительна и условна.

⁵ Тангутский фонд ЛО ИВ, инв. № 121.

⁶ «Тангутские рукописи и ксилографы», стр. 21.

⁷ Нисида Тацуо, *Сэйка го-но кэнкю*, т. I, 1964; т. II, 1966.

1. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
2. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
3. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
4. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
5. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
6. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
7. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
8. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
9. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
10. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
11. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
12. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
13. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
14. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
15. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
16. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
17. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
18. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
19. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗
20. 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗

21. 移孛茲移孛茲 移孛孛訖茲
22. 孛孛孛孛
23. 孛孛 ~ 孛孛孛孛 孛孛孛孛
24. 孛 ~ 孛孛孛孛 孛孛孛孛 孛孛孛孛
25. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
26. 孛 ~ 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
27. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
28. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
29. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
30. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
31. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
32. 孛孛 ~ 孛孛孛孛孛孛 ~ 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
33. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
34. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
35. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
36. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
37. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
38. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
39. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛

40. 纓 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
41. 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
42. 纓 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
43. 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
44. 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
45. 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭
46. 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭 蔭

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. lɬɛ ɕiɕ mah 'yoh Ga
2. yuh nhiah lɔ vɪ tshō ɔzɪr phɪu
3. nih neh mɔɪa lɬɪ mah phĩɔ mbeh
4. mɪ niah ndʒiɕ 'yeh lɬɛ thəh wɛh
5. mɪr ? mbeh ɣə tshiah ndzɛh
6. ɲɛh lɪu ɲhə ɲɣɛh mah kʷɪh
7. mah tsɪɪr neh 'a yoh ɲɪh
8. rɪr tɔ pʷɪ 'yeh ɣkiɕ mɪh khʷɛ phā ɔzɛ ɕiɕ
9. tshɪh ɔzɛh neh ɲɣu wi mɪ ndʒiʷɔ khʷɛ nɪɛh tshɪu
10. tshɛh mbɪɛh lɪu lɪu ɲɪh mbeh
11. ʂə ɔɪh rɪɛ rɪɛ wi ?
12. le yoh phɛh 'yeh tsɪɕ tshiah lɪu
13. phɛh 'yeh tsɪɕ lɪu sɔ mbeh lɔ
14. khə yoh ɔzɪr rɪr lɪu ndzɪr ɕɪh
15. ɔzɪr rɪr lɪu ndzɪr tshɪh kɛh rɔh

16. G1 neh rĭe mĭ mah ʔzār ʔdzeh Bō mih t̂s̃
17. xoh xah m̃vĭa ʔxur ndi nreh vĭ 'wu phō phō m̃vĭh l̃u
18. ʔx̃u ndih b̃a nhĭah lō ɣuh kh^wih
19. s̃ĭa m̃u k̃i ndz̃ur m̃u ? ʔg̃i
20. nr̃ĭy nr̃ĭy kh^wi m̃u ʔeh lhe s̃^wih
21. lĭ rir 'a ɣ̃e lĭ ʔdz̃ih s̃a
22. ʔ-zqr mah ʔz̃i
23. ñi ñi Lĭṽh ʔ̃i Lĭṽh ndah nĭe
24. ʔg̃i ʔg̃i t̃shih t̃i t̃sih mih 'yĭe
25. p̃ĭy t̃shĭa m̃i kah Hĭew ndah nah
26. wi wi m̃i t̃sĭer rar t̃u m̃vĭh ? 'yeh meh l̃hi
27. ʔhah mih 'yeh 'a m̃b̃ah mah m̃i r̃ur lĭy t̃i
28. ʔah mah k̃ñew rĭe s̃ĭy mih m̃b̃ah m̃ĭeh G1 mih
29. 'ya t̃sh̃a ɣoh thah rō ñi
30. G1 'yĭu rar ʔxu t̃shĭah nah t̃ch
31. thah 'yeh ñoh lĭe ʔx̃ah ndeh ʔg̃ih m̃vĭ rir m̃vĭh
Gir wq'yĭaw ñoh
32. k̃y k̃y ʔg̃ih ? m̃ĭeh m̃ĭeh 'a l̃e mih seh xoh
33. m̃vĭh thuh neh ʔz̃uh nh̃i s̃^wih ɣoh
34. ndah ʔdz̃ah k̃y ɣ̃a mah ʔg̃ĭṽh rĭur b̃ih ʔdz̃ĭu ʔdz̃i
35. s̃̃q ʔdz̃e s̃̃u s̃ĭow ʔdzu wi ʔe
36. ʔl̃ m̃vĭlor m̃i nhah 'a m̃ĭu l̃a mih ʔ̃i k̃i ʔxu
37. l̃ih ? s̃ĭe nreh ña s̃ih nhah
38. rĭe ʔz̃ew ɣah ɣoh Geh neh thah t̃shĭah l̃eh
m̃vĭh kh^we
39. ʔhah mih th̃i m̃vĭh m̃b̃ir r̃ie

40. ? mah le kh^Wah yah rie si^Y la
 41. meh ? ngɛ' yiew mbieh theh mieh khah kir nieh tsh^Yu
 42. kir li^Y ? ndɛ s^Wi si^Y wah
 43. law nu si^Y ndɛh hah na ɕɛh
 44. rar ɣ^Y sah ? mih ?
 45. rir kh^Wah nu kir mɛ seh
 46. ml ? ihI ? ɣɛ ndɛ 'a mbqh ndqh Bi^Y nih

ПЕРЕВОД *

1. Гимн^а священным^б предкам тангутов¹.
2. Каменный город² черноголовых³ на берегу⁴ реки Цзон⁴.
3. Могилы отцов краснолицых⁵ в верховьях⁶ Белой реки⁶.
4. Длинных⁷ тангутов¹ страна там находится¹.
5. Народ [там] талантливый, высокий, в десять футов⁷ [ростом] люди².
6. Кони телом добрые, пятчестремянные⁸.
7. Роды и поколения⁹ — близкая родня [и] сыновья одной утробы.
8. Батюшка Рар-ту¹⁰, сам хоть и ростом был невелик, но необыкновенно^с мудр.
9. В то давнее время, малое делать не соглашаясь, замысел великий тайл^ж.
10. Тибетскую девушку, красивую-красивую, взял себе в жены.
11. Семь [его] доблестных-доблестных сыновей крепко любили друг друга.
12. Решили нарушить замысел³ западного тибетского государя.
13. Замыслы тибетцев нарушил Сан-мбух-лон^и¹¹.
14. Отправились на войну^к с восточным китайским государем.

* В дальнейшем буквами русского алфавита обозначены построчные комментарии к переводу, а цифрами — комментарии к тексту, помещенные вслед за переводом.

^а Букв. «хвалебная песнь».

^б Или «мудрым».

^в Знак значит «край», «бок», «окраина», «рубеж», «граница».

^г У Н. А. Невского эти строки переведены следующим образом: «Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни, Краснолицых отцовские курганы в верховьях белой реки, Длинных 'mi-'nǝ страна там находится», — ТФ, кн. 1, стр. 75.

^д Эта строка также встречается в переводе Н. А. Невского: «Высокого [человеческого] роста люди в 10 футов» (ТФ, кн. 1, стр. 75).

^е В тексте *pxin rdze*; *pxin* — «необыкновенный», «удивительный», «изумительный», «небывалый», «название чего-либо очень хорошего», *rdze* — служебное слово для выражения степени сравнения. Все сочетание буквально значит «необыкновенно мудр».

^ж Эта строка цитируется Н. А. Невским: «С некоей поры, не желая быть малым, замысел великий тайл» (ТФ, кн. 1, стр. 76).

^з Букв. «напасть на замыслы».

^и Сан — фамильный знак. Мбух-лон могло быть именем. Одновременно это слово значит «волдырь», «прыщ»; «свиток».

^к В тексте: *liu-ndzur* — в этом слове (или словосочетании) неясно значение *liu*. В словаре «Гомофоны» этот знак поясняется знаком «тело», «форма». Возможно, вместе с *ndzur* — «ссориться», «враждовать», «сражаться...».

15. Сражался с китайцами Чих-кух-рух¹².
16. Ги-нех¹³ с внешностью коня¹⁴ реку переплыл, в низинах не укрывался¹⁵.
17. Отец [наш] Хох-хах¹⁴ в китайской столице был накрепко заточен¹⁶.
18. Непреклонный вожак, крутолобий черный бычок¹⁵ с [крепкими] рогами¹⁷.
19. С благовонным слоном сразился¹⁸ — слону бивни отрезал.
20. Нриу-риу¹⁷, с внешностью¹⁵ собаки, рот, как ущелье, и клыки.
21. С тигром сразился — тигру когти выдрал.
22. Китайский император.¹
23. Каждодневно об заклад бился¹⁹ пересилить [тангутов?] — заклад проиграл.
24. Ежедневно ставил в ряд колесницы — колесницы не помогли¹⁸.
25. [Ибо его и тангутов?] сила и доблесть были не равны, [и его] сомнения углубились¹⁹.
26. Что бы [китайский император] ни делал, не добился успеха, Пар ту противился¹⁴, [но] сам еще не добился независимости²⁰.
27. Наша матушка 'А-мбах²¹ — рода источник¹⁹,
28. Серебряное чрево, золотые груди. Доблестное племя не прекращается и именуется Ги-мих²².

¹² Как и в случае, оговоренном выше (стк. 13, прим. 2). Чих — фамильный знак. Кух-рух могло служить именем, букв. «шкатулка». Строки 12—13 и 14—15 параллельны по построению.

¹³ В китайских текстах данный знак транскрибируется как 卩. Это первый знак в фамилии тангутского правящего рода Вэймин. Нисиды Тацуо. (Изучение языка Си Ся, стр. 175) дает еще реконструкцию «Гиух».

¹⁴ Ми «вид», «образ», «контур».

¹⁵ Бон «низ», «нижний», «внизу». Слово чан, кроме «прятаться», «укрываться», имеет еще значение «труднопроходимая местность», «горы и ущелья». Смысл последних трех слов недостаточно ясен.

¹⁶ Пхон-пхон. Значение слова неясно. В словаре «Гомофоны» знак поясняется словом, означающим «корень», «столб», «опора», «опираться». Поэтому употребление слова пхон в повторе в качестве обстоятельства образа действия мы переводим условно как «накрепко». Лу «преграда», «препятствие», «заковать в кандалы».

¹⁷ Смысл фразы не совсем ясен. Мы трактуем ее как характеристику «отца Хох-хаха», бывшего в плену в Китае. Нгу «крепкий», «твердый», «непреклонный». Нди — точное значение неизвестно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «глава», «вождь», «руководитель». Отсюда наш перевод «непреклонный вожак». Бу-нхих «черный бычок». Лон-гух-кхих — «крутая рогатая голова», ибо лон — «холм», «крутизна», «крутой склон».

¹⁸ Миу — точное значение неясно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «вид», «цвет», «наружность», «красота». Как и в стк. 16, мы переводим это место как характеристику внешнего облика предка, там с «внешностью лошади», здесь с «внешностью собаки». Кстати, оба слова пишутся по-разному, но фонетически близки.

¹⁹ Букв. «сын Неба». Словосочетание, по-видимому, выделено не как отдельная поэтическая строка, а как написание высокого титула. Такая форма записи была широко принята на Дальнем Востоке.

²⁰ Лиух «биться об заклад», «ставить на кон».

²¹ Букв. «не получая выгоды».

²² Хиу «сомневаться», «не верить», «сомнения», «неуверенность»; нах «глубокий».

²³ Значение знака см. ТФ, кн. 2, стр. 234.

²⁴ Нех мех лхи. Связь этих слов с предыдущими не совсем ясна. Буквально они значат «сам (сам себя) еще не освободил». Если допустить, что переписчик написал слово мех вместо ндах (см. стк. 25, предпоследний знак), то тогда следует перевести «сам себя освободил».

²⁵ 'А-мбах еще значит «теща». Если это не собственное имя, то надо переводить: «Наши тещи и матери — рода источник».

²⁶ Эта строка переведена у Н. А. Невского: «Наша матушка А-ма стала 'рода' истоком» (ТФ, кн. 1, стр. 76).

²⁷ Как уже указывалось, знак реконструируется Нисиды Тацуо так же и как «Гиух». Строка в переводе Н. А. Невского:

29. Дедушка Йа-цхан²³ неужто знал это?
 30. Корову искал, на границу вышел.
 31. После этого [его] сын *Нгух-ндех* с драконом спарился^а ²⁴ по какой причине?
 32. Позднее сыновья и внуки [его] повсюду процветали [и появился] тангут¹ Сех-хох²⁵.
 33. Еще до рожденья имел [он] два зуба,
 34. Вырос, всеми десятью благими знаменьями²⁶ овладел.
 35. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором^{а6},
 36. На земле^{ав} тангутов¹ призвал, кто к нему не пришел? ²⁷.
 37. [Как] ветер промчалась (?) ^{аг} священных князей божественная армия,
 38. Коня ведя на поводу^{а1}, [Сех-хох] усилился, и на этом государство расцвело,
 39. [Поэтому] отныне мы — люди, выполняющие церемониал лошади²⁸.
 40. Доблестное племя идет на запад, где лики предков²⁹.
 41. Еще не отложившись^{ае}, не бросив клича, среди захолустных окраин [он] замысел смелый тайл³⁰.
 42. К иноземцам всех четырех стран света одинаковых^{аж} гонцов послал,
 43. Первым среди прочих обратился к мудрецам со словами мира:
 44. Землю холить^{а3}, злаков не губить,
 45. Среди людей земли равно не знать грабежей,
 46. [Под] вечным солнцем и вечной луной сраженья и раздоры прекратились и радость пришла!

«Это серебряное чрево и груди златые,
 Хорошее семя не прерывается и носит название нвей-ми»

(ТФ, кн. 1, стр. 76).

^а *Гир* «два», «пара», «парный», также фамильный знак. Поскольку перед этим словом стоит глагольный префикс, значит это сказуемое, отсюда перевод «спарился».

^{а6} Строки 32—35 переведены у Н. А. Невского так:

«Когда же впоследствии широко развернулось потомство,
 [появился] ми Се хук,

С момента рожденья имел он два зуба,
 Когда же подрос он, все десять удач в нем одном собрались,
 Ведя за собою семь всадников, он явился, чтобы быть государем».

(ТФ, кн. 1, стр. 76)

^{ав} *Лди-мвиор* — букв. «спинной хребет», «спина земли».

^{аг} После слова «ветер» — непонятный знак. Возможно, в данной строке речь идет о том, что призыв Сех-хох получил отклик не только среди живых тангутов, но и среди божеств, духов предков.

^{а1} Букв. «коня в руке имея».

^{ае} Букв. «еще не вытаскивать, не срезать».

^{аж} Точное значение слова *сви* неясно. В «Гомофонах» это слово поясняется словом «один», «некий». Поэтому *нде-сви* мы переводим как «одного рода», «одной категории», «одинаковый».

^{а3} *Гон* «подушка», отсюда «делать мягким, как подушка», «холить».

КОММЕНТАРИИ

1. В тексте «Гимна» встречаются три слова для наименования тангутов: *лхе* (стк. 1), *ми-ниах* (*миняе*) (стк. 4 и 36) и *мих* (стк. 32). Два последних этнонима наиболее часто встречаются в тангутских текстах, и их с полным основанием можно считать наиболее распространенными самоназваниями тангутов. Употребление слова *мих* в качестве самоназвания тангутов впервые было установлено А. И. Ивановым (Си Ся го шу шо, — «Го сюе цзи кань», цз. 1, стр. 677). Этноним *ми-ниах* был расшифрован в

тангутских текстах Н. А. Невским (ТФ, кн. 1, стр. 39—40, 75, кн. 2, стр. 135). Наименование *ми-них* впервые зафиксировано в китайских источниках (*Синь Тан шу*, 221, (1), «Новая история [династии] Тан», гл. 221А) в форме 彌藥, по реконструкции Б. Карлгрена *mīe lak* (B. Karlgren, *Grammata Serica Recensa*, — «The Museum of Far Eastern Antiquities, Bulletin», № 29, Stockholm, 1957, № 360, 1125). *Миная* являлось и тибетским наименованием тангутов, верно отражавшим одно из распространеннейших их самоназваний. По мнению Р. А. Штейна, *миная*, возможно, были лишь одной из этнических составных частей населения тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.) (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia. Géographie historique et légendes Ancestrales*, — BEFEO, t. XLIX, Nanot, 1951, p. 234). Этноним *лхе* как самоназвание тангутов зафиксирован в тангутском словаре «Море письмен, смешанные категории», на стр. 96: Одно из наименований тангутов, название тангутов (букв. «людей *мих*»). Его можно попытаться очень условно сопоставить с lHe-rNegs тибетских источников. lHe-rNegs упоминаются в связи с l'Doñ и Toñ, возможно, предками тангутов (R. A. Stein, *Les Tribus anciennes des Marches Sino-Tibetaines*, Paris, 1961, p. 25, 78).

Этноним «тангуты», под которым население Си Ся известно в русской и европейской литературе, по своему происхождению связан или с самоназванием тибетцев (H. W. Bailey, *Ttagutta*, — BSOS, vol. X, 1941, pt 3, pp. 599—605), или с китайским названием племен северо-восточного Тибета — дансян (ТФ, кн. 1, стр. 74; P. Poucha, *Mongolische Miszellen*, — CAJ, vol. 1, № 4, p. 285), названием, вероятно, уходящим в глубь веков и имеющим автохтонное происхождение (R. A. Stein, *Les Tribus*, pp. 32, 40, 48).

Этноним «тангуты» употреблялся у центральноазиатских народов — древних тюрок, монголов (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 16, 20) для обозначения родственных тибетских и дансянских (тангутских) племен.

2. Каменный город. — Стк. 1, 2, 3, 4 «Гимна» были в свое время детально разобраны Н. А. Невским. Под Каменным городом Н. А. Невский понимал город Хара-Хото, расположенный в устье р. Эдзин-гол, на северной границе тангутского государства (ТФ, кн. 1, стр. 40). Однако Р. А. Штейн считает, что Каменный город — это Шичэн (букв. «каменный город»), находившийся в свое время в районе между реками Синин и Хуанхэ (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 229—230). Трактовка этих трех строк «Гимна», данная Р. А. Штейном, кажется нам более убедительной, о чем подробнее будет сказано в следующих комментариях.

3. Черноголовые — одно из наименований тангутов, обычно употребляется в сочетании с «краснолицыми» (ТФ, кн. 1, стр. 36—37, Нисид Тацуо, *Изучение языка Си Ся*, стр. 170). Кроме словосочетания, указанного в «Гимне», понятие «черноголовые» передается также другими словами, одинаковыми по смыслу («голова» и «черный»), но звучащими иначе: *лиу мур* и записываемыми соответственно другими знаками (ТФ, кн. 1, стр. 51, табл. 16). В словаре «Море письмен» мы встречаем упоминание о прародителе, «отце черноголовых» (стр. 336) по имени *либух* (написание знака см. ТФ, кн. 1, стр. 51, табл. 17). Кроме того, в этом же словаре сохранилось упомина-

ние об одном из его сыновей по имени *гух* (стр. 106) 忽訖 . Черноголовые извест-

ны нам и из тибетских источников где рассказывается о том, что 18 лиц были источником «появления на свет черноголовых людей Тибета» (R. A. Stein, *Les Tribus*, p. 22). Н. А. Невский полагал, что слова «черноголовые» и «краснолицые» были синонимическими выражениями, употреблявшимися в значении тангутского народа в целом» (ТФ, кн. 1, стр. 37). Думается, что исторически, как и полагал Н. А. Невский, «это было популярным наименованием каких-то двух основных племен тангутского народа, образовавших свое государство» (ТФ, кн. 1, стр. 37). В пользу этого предположения, как нам кажется, говорит упоминание о прародителе, «отце черноголовых» и только их, а также упоминание об одном из его сыновей.

4. На берегу реки Цзон — в переводе Н. А. Невского «на берегу вод пустыни». Под водами пустыни Н. А. Невский понимал р. Эдзин-гол. Р. А. Штейн позднее предложил считать знак «пустыня» употребленным здесь фонетически и полагал, что в тексте имеется в виду не р. Эдзин-гол, а р. Цзуншуй, в районе озера Кукурнор, обозначенная между городами Шичэн (Каменный город) и Цзунгэ на китайской карте этого района, относящейся к династии Мин, но отражающей еще более ранние сведения. «Это река Tsoñ долины Tsoñ-ka, перед которой расположен Шичэн, или „город из камня“, точно соответствует реке Tson, на берегу которой находится Шичэн из стихотворения Си Ся» (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, pp. 229—230). Нам кажется, что локализация страны «длинных тангутов» в районе к западу от Гумбум, в Tsoñ-ka,

предложенная Р. А. Штейном, поскольку речь идет о предках тангутов, а не о более позднем периоде тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.), более приемлема и предпочтительна. Из китайских источников хорошо известно, что дансянские (тангутские) племена действительно заселяли этот район, и поэтому предлагаемый перевод этих строк «Гимна» выполнен на основании толкования, данного в свое время Р. А. Штейном.

5. Краснолицы́е — как уже указывалось в прим. 3, одно из наименований тангутов, встречающееся в парном сочетании: «краснолицы́е и черноголовые». Кроме того, оно передавалось также словами *лхе ших* (письменные знаки см. ТФ, кн. 1,

стк. 51, табл. 16) и *рзах* «краснолицы́е», «название людей с красными лицами»

(«Море письмен», стк. 24а) и *не* «краснолицы́е», «название краснолицых»

(«Море письмен», стк. 68а). Н. А. Невский полагал, что данное название происходит от известного по китайским источникам обычая древних тибетцев мазать лица красной краской (ТФ, кн. 1, стр. 36—37). Тибетские женщины еще до недавнего времени мазали лица темно-коричневым составом (Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломник у святынь Тибета*, Пг., 1919, стр. 162). Постоянное, бесспорно образно-поэтическое в эпоху Си Ся, наименование тангутов «черноголовыми» и «краснолицы́ми» предполагало, по-видимому, разделение древних предков тангутов на две какие-то группы, — разделение, происхождение и характер которого предстоит еще выяснить.

6. Верховья́ Белой реки. — Под этой рекой Н. А. Невский подразумевал р. Байшуй (букв. «белая вода»), стекающую с гор Миньшань (ТФ, кн. 1, стр. 47). Такое отождествление не противоречит и толкованию, данному трем указанным строкам «Гимна» Р. А. Штейном. Таким образом, если мы будем считать северной границей страны тангутов, описанной в «Гимне», р. Синин, к югу от которой, в междуречье рек Синин и Хуанхэ течет река tshō, на берегах которой стоял Каменный город (совр. провинция Цинхай), а южной границей верховья р. Байшуйцзян, на линии (с востока на запад) современных городов Вэньсянь—Жоэргай (провинция Сычуань), то указанная территория довольно точно будет соответствовать той, на которой, судя по китайским источникам, в VII—VIII вв. размещались дансянские (тангутские) племена (Ямамото) Сумико, *Тодай-ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, — «Сикан», т. 26—27; Е. И. Кычанов, *К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам)*, — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 153).

7. Дли́нных тангутов страна там находится, народ [там] талатливы́й, высо́кий, в десять футов [ростом] лю́ди. — В стк. 4 и 5 «Гимна» дается характеристика тангутского народа. В тексте подчеркивается, что тангуты были высокорослыми — «длинные тангуты». Высокий рост тангутов не раз подчеркивается и другими источниками. В тибетском сочинении d'Pag-bsam самоназвание тангутов *миняг* объясняется как «люди с красивыми телами» (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Ni*, p. 229). В китайских источниках также не раз подчеркивается высокий рост тангутов: император Юань-хао «был круглолиц, с высоким носом, ростом более 5 чж» (*Сун ши*, изд. 485, — «Сы бу бэйяо», Шанхай, 1935—1936, стр. 3786), князь Жэнь-чжун был «высокого роста» (Дай Си-чжан, *Си Ся цзи*, Пекин, 1924, гл. 24, стр. 106). Вильгельм де Рубрук писал: «Среди тангутов я видел людей больших, но смуглых» (Иоанн де Плано Карпини, *История Монголов*; Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, перевод Маленна, СПб., 1910, стр. 110). Таким образом, как и отмечается в нашем источнике, тангуты действительно были в глазах современников высокорослым народом.

10 футов, или *чи* (тангутское *чхиах* — явно заимствованное китайское слово 尺 *чи*) в данном случае, очевидно, поэтическое преувеличение, так как 1 *чи* равняется приблизительно 0,32 м. Тангуты, по-видимому, в своей значительной части были близки тому современному антропологическому типу тибетцев, который характеризуется высоким ростом, выступающим носом, долихоцефалией. Этот тип широко представлен и сейчас в древних областях расселения тангутов и родственных им племен — в восточном и северо-восточном Тибете (Ю. И. Журавлев, *Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны*, — «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXIII, «Восточно-Азиатский сборник», II, 1961, стр. 86—87).

8. Пятистремя́нные ко́ни — по-видимому, поэтическая характеристика

хороших, породистых коней. Ее происхождение и другие случаи употребления, а также иноязычные аналогии нам неизвестны.

9. Роды и поколения — *мух* «род», «фамилия», слово, переводимое китайским 姓 *син*, *циэр* по словарю «Море письмен» (л. 90а), «своя кость», «кровная родня», «близкие родственники по отцу и братьям», т. е. только по мужской линии. Нам кажется, что между *мух* и *циэр* у тангутов в глубокой древности было, возможно, то же различие, что и между *син* и *ши* (氏) у древних китайцев, т. е. первое это «восходящее к тотему родовое имя», а второе — «патронимическое наименование», общее наследственное имя всех членов группы семей, происходивших от общего предка по мужской линии (М. В. Крюков, *Род и патронимия в древнем Китае*, автореферат канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ин-т этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, М., 1965, стр. 16). Однако следует сразу же отметить, что изучение родо-племенных терминов родства у тангутов требует специального исследования.

10. Рар-ту — имя предка, отца-прародителя тангутов. Н. А. Невский писал: «Имени Рар-ту мне пока не удалось отождествить ни с одним именем, встречающимся в китайских источниках» (ТФ, кн. 1, стр. 76). Рар-ту «Гимна» трудно сопоставить с кем-нибудь из реальных предков правящего дома Си Ся, несмотря на множество известных нам из китайских источников имен. Ограничимся пока лишь тем, что укажем на возможную близость Рар фамилии правящего данчанского рода Лян 梁. Как известно, данчанские племена также являются вероятными предками тангутов Си.

11. Сан-мбух-лон, он же Сан-волдырь, предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с тибетцами. Имя его можно попытаться сопоставить с именем Сифын Бу-лая 細封步賴, *si piwong b'uo lai* (В. Karlgren, № 1241, 1197i, 73, 272e), хотя китайские источники ни слова не сообщают о борьбе Сифын Бу-лая с тибетцами (*Цзю Тан шу*, изд. 198, стр. 1651).

12. Чи-кух-рух, он же Чих «шкатулка», предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с Китаем. Отдаленное сходство с его именем можно найти в имени хорошо известного Тоба Чи-цы, действительно воевавшего с Китаем 赤辭 *tšiak zi* (В. Karlgren, № 793, 968).

13. Ги-нех — предок тангутов, тоже, возможно, один из сыновей Рар-ту. Имел внешность коня. В этой связи любопытно заметить, что конь Гэсэра должен был победить демона-лошадь из страны Sa-tham, а эта лошадь-демон должна была родиться из скалы (R. A. Stein, *Recherches sur l'épopée*, p. 531). В связи с этим мы обращаем внимание читателей на тот факт, что первая часть имени Рар-ту значит «гора», а его сын (?) Ги-нех имел внешность коня.

14. Хох-хях — предок тангутов. Сын ли он Рар-ту или другое лицо, так как сам назван «отцом», — неизвестно.

15. Черный бычок. — Любопытно отметить, что черный бычок на Дальнем Востоке обычно был жертвенным животным.

16. Благовонный (ароматный) слон (санскр. Gandhahasti) — один из семнадцати почитаемых слонов Bhadha-kalpa — настоящего периода. Также имя бодхисатвы, жившего на севере, на горе Благовоний.

17. Нриу-нриу — предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту.

18. Каждодневно... колесницы не помогли. — Возможно, в этих строках найдла легендарное отражение подлинная история переселения тангутов из Амдо в Ордос и их расселение в Ордосе. В 635 г. Тоба Чи-цы, вынужденный подчиниться Китаю, получил должность правителя области Сижун, в районе современного г. Цинъян провинции Ганьсу. Позднее, где-то между 678—680 гг., под давлением тибетцев в Ордос переселяется часть тангутских племен. В 763 г. из-за восстания Ань Лу-шаня тангутские племена, жившие к востоку от Куку-нора, тоже переселяются в район Ордоса. К этому времени тангуты плотно заселяют южную окраину Ордоса (округа Линчжоу, Цинчжоу, Иньчжоу, Сячжоу) по обеим сторонам Великой стены. Они оказались беспокойными соседями и в союзе с тибетцами и другими племенами создавали угрозу расположенной неподалеку столице танского Китая — г. Чанъань. В VII в. Го Цзы-и представил двору проект переселения тангутов в более отдаленные районы. Это переселение, хотя и недобровольное, состоялось, и дансяны (тангуты) заселили центральные и северные области Ордоса. В начале IX в. произошло восстание тангутских племен, вызванное притеснениями китайских чиновников. Край выпал из-под власти Тан, и сам император возглавил карательную армию. После подавления восстания часть тангутских племен переселилась в район Наньшанских гор. Возможно, что все эти события и нашли туманное отражение в стк. 22—26 «Гимна».

19. Его сомнения углубились — о каких и даже чьих сомнениях, неуверенности, неверии идет речь — неясно. Может быть, углубилась неуверенность китайского императора в его власти над тангутскими племенами?

20. Рар-ту противился, [но] сам еще не добился независимости («сам себя еще не освободил»). — По-видимому, речь идет о периоде истории тангутов до 873 г., когда Тоба Сы-гун захватил г. Сячжоу, так как до этого тангуты постоянно зависели от танского Китая, хотя, как уже указывалось в предыдущем комментарии, и противились его господству.

21. Матушка 'А-мбах. — В примечании к тексту мы уже указывали, что 'А-мба может значить «теща», и тогда это не собственное имя. В тексте речь идет о прародительнице тангутского правящего рода, известного в китайских источниках как Вэймин 魏名. В «Море писем» (стр. 67а) упоминается еще «несравненная пра-

родительница тангутов Те» 特死. Р. А. Штейн указал нам (в частном письме),

что, по его мнению, бесполезно пытаться отождествить Рар-ту с каким-то конкретным историческим лицом, а матушка 'А-мба, по логике легенды, должна быть легендарной женой Рар-ту, хотя она и упомянута в легенде значительно позднее. По-видимому, и Рар-ту и 'А-мба просто легендарные прародители тангутского народа. (Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность проф. Р. А. Штейну за то, что он взял на себя труд прочесть комментарий в рукописи и сделал ряд очень ценных замечаний.)

22. Ги-мих — правящий род тангутов. В китайских источниках известен как Вэймин и Тоба. Насколько нам известно, фамилия Тоба еще ни разу не зафиксирована в тангутских источниках. О Вэймин см. Е. И. Кычанов, *К проблеме этногенеза тангутов (Тоба, Вэймин, Вамо)*, — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964)», М., 1964.

23. Дедушка Йа-цхан — предок тангутов, возможно, муж (или сын?) матушки 'А-мба. Может быть, его можно попытаться сопоставить с государем минятов gYu-gce (R. A. Stein, *Recherches sur l'épopée*, p. 191). О нем говорится, что он искал корову. Легенда о корове известна и в тибетских преданиях (R. A. Stein *Recherches sur l'épopée*, p. 202), а также в легендах древних тюрков (информация получена от Ю. А. Зуева).

24. Нгух-ндех — предок тангутов, сын деда Йа-цхана. О нем говорится, что он «спарился с драконом». Он же прародитель Сех-хоха. Из тибетских источников известно, что отец Сех-хоха был змеем-демоном, а мать — демоном-людоедом. (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 240). Нам кажется, что в тексте «Гимна» мы имеем дело с отзвуком этой легенды, известной уже из тибетских источников.

25. Сех-хох или Цих-хох (имеется два, очень сходных по написанию, но раз-

личных по звучанию знака 𐰇𐰏 сех и 𐰇𐰏 цих) — основоположник правящей

тангутской династии, лицо, хорошо известное в тибетских источниках как Se-hu, Se'u — сын змея-демона и демона-людоеда (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 240). В «Гимне» сообщается, что он стал императором тангутов и родился с двумя зубами. В «Истории [династии] Сун» также сообщается, что у первого тангутского императора Цзи-цянна еще до рождения прорезались зубы («История [династии] Сун», гл. 485, стр. 3748).

Это дало Н. А. Невскому полное основание считать Сех-хоха и Цзи-цянна одним и тем же лицом (ТФ, кн. 1, стр. 76). Имя Цзи-цянна (繼遷 ki ts'ian, В. Karlgren, № 1241, 206), даже если принять чтение его имени в тексте «Гимна» как Цих-хох, не совпадает с оригинальным тангутским именем первого государя Си Ся. То, что Цзи-цянн был первым тангутским императором и что рассказ о его рождении также сопровождается легендой о зубах, которые прорезались еще до рождения, дает очень веские основания для сопоставления Сех-хоха и Цзи-цянна.

Но мы заметим, что если исключить легенду о зубах, то право на отождествление с Сех-хох имеет и Тоба Сы-гун. (思恭 si kung, В. Karlgren, № 973, 1182). Основания для попытки такого сопоставления следующие: 1) имена Сы-гуна и Сех-хох довольно близко совпадают, 2) Сы-гун тоже может считаться основоположником правящего дома Си Ся, ибо именно со времени его правления тангуты дома Тоба стали ванами и цзедуши армии Диннань, полусамостоятельными, а зачастую фактически и самостоятельными, правителями будущих центральных областей государства Си Ся. Действительно в 873 г. Сы-гун завладел г. Сячжоу и объявил себя его правителем. Затем он отличился во время подавления народного восстания в Китае, предводительствуемого Хуан Чао, и в 881 г. был назначен цзедуши армии Диннань (военным

генерал-губернатором округов центрального и южного Ордоса), а затем в 884 г. получил титул вана Ся, т. е. первого князя будущего государства Си Ся. Начиная с Тоба Сы-гуна, управление центральным и южным Ордосом и должность цзедуши стали наследственным правом дома Тоба. Мы не оспариваем отождествления Н. А. Невским имени Сех-хох с Цзи-цянем, а лишь указываем на тот факт, что не будь легенды о зубах, претендентом на отождествление с Сех-хохом с неменьшими основаниями был бы и Тоба Сы-гун.

26. Десять благих знамений — десять счастливых предзнаменований, предрекавших необычное будущее ребенка. Образ заимствован из буддийских представлений (*Бьяньвэнь о Вэймоцзе, бьяньвэнь «Десять благих знамений» (неизвестные рукописи бьяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии)*). Издание текста, предисловие, перевод и комментарий Л. Н. Меньшикова, М., 1963).

27. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором. На земле тангутов призвал, кто к нему не пришел? —

Семь всадников сопровождали Сех-хоха, у Пар-ту было семь сыновей. Эти совпадения не случайны и, вероятно, говорят о включении буддийских элементов в тангутские предания. Семь сыновей известны в притче *Nirvāna sutra* (W. E. Soothill, *A dictionary of Chinese buddhist terms*, London, 1937, p. 11), семь всадников, семь разбойников упоминаются в Гэсэриаде, легенда о семи всадниках существует и независимо от эпоса о Гэсэре (R. A. Stein, *Recherches*, p. 140). Упоминание о семи всадниках, сопровождавших Сех-хоха, возможно, только относит эти легенды в глубь веков.

Как известно, в 982 г. с группой своих единомышленников Цзи-цянь бежал из г. Иньчжоу в степь и поднял тангутов на борьбу за независимость, так как его брат Цзи-пэн в том же году из-за ссоры с родственниками подарил все тангутские земли сунскому двору. Тангутские племена охотно поддержали Цзи-цяня в борьбе с Сунами. Именно эти события, по-видимому, и описываются в стк. 35—36 «Гимна».

28. Мы, люди, выполняющие церемониал лошади, — О церемониале лошади у тангутов нам ничего не известно. Но обожествление лошади, необычайность лошади героя хорошо известны в мировом фольклоре, в частности в тибетских легендах и эпосе (R. A. Stein, *Recherches*, pp. 535—542; *Les Tribus*, p. 35). Думается, что в тексте «Гимна» мы сталкиваемся с аналогичным явлением.

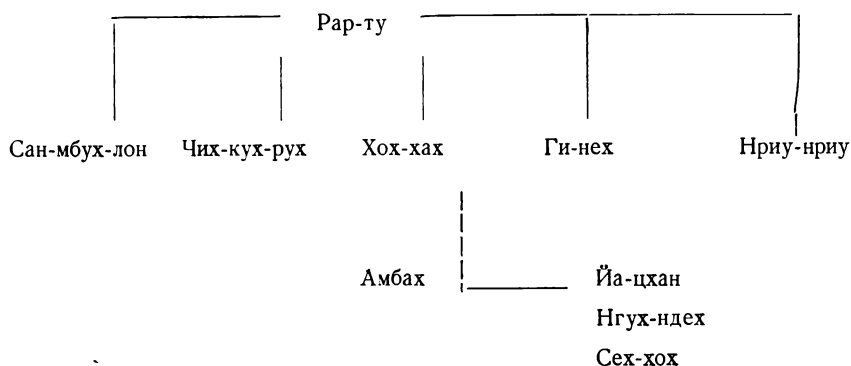
29. Доблестное племя идет на запад, где лики предков. — По буддийским поверьям, на западе находился рай будды Амиды, где пребывали души праведников, в том числе, конечно, по поверьям тангутов, и их предков. Упоминание о продвижении тангутов на запад в тексте «Гимна» является, возможно, отражением войн тангутов с восточнотибетскими племенами и уйгурами (Е. И. Кычанов, *Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в.*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. XV, 1962, стр. 140—153).

30. Еще не отложившись, не бросив клича, среди захоластных окраин он замысел смелый таил. — Из китайских источников известно, что, еще не добившись полного признания, ведя войну на западе с тибетцами и уйгурами, на востоке — с Китаем, Цзи-цянь не раз обращался к Сунам с предложениями о мире, считая почетный мир с Китаем непременным условием победы над другими врагами и укрепления тангутского государства. Именно по его настоянию его сын Дэ-мин в 1006 г. добился мирного договора с Сунами и тем самым юридически признания своего независимого положения. Возможно, именно эти события и отражены в последних строках «Гимна».

* * *

«Гимн священной предкам тангутов» повествует о ранней истории тангутских племен. Эта история в тексте «Гимна» изложена в поэтической и легендарной форме. Два последних обстоятельства сильно затрудняют выявление в тексте реальных исторических фактов и сопоставление их с материалами китайских источников, единственным полным сводом сведений по истории тангутов. Однако изложение ранней истории тангутов в тексте «Гимна» имеет сходство с тибетскими легендами и тибетским эпосом. Корни этого сходства понятны: они объясняются родством всех тибетоязычных народов, тем, что тангутские легенды, с одной стороны, сами впитывали в себя тибетские легенды, а с другой, — становились, по-видимому, их составной частью. Стоит указать на то обстоятельство, что ранняя история самих тибетцев, как правило, носит тоже легендарный характер.

Генеалогия предков тангутов, составленная по тексту «Гимна», может быть отражена в следующей схеме:

Следует заметить, что мы имеем дело как бы с двумя уровнями, на которых распределяются предки правящего дома Ся: прародитель Рар-ту и последующие пять предков — это первая группа. Потомков Рар-ту можно считать его сыновьями, так как рассказ об их подвигах замыкается новым упоминанием о Рар-ту, напоминанием об его успехе, который можно расценивать и как результат деятельности его пятерых сыновей. Это как бы прародители тангутов-миняг вообще. Затем мы имеем дело со второй группой предков, на этот раз твердо названных прародителями правящего тангутского дома. Характер связи этих двух групп предков неясен. Наконец, лишь последнего из перечисленных в «Гимне» предков мы можем сопоставить с реальным историческим лицом. Остальные ждут своего отождествления, если оно вообще будет возможно. А это произойдет лишь тогда, когда мы найдем о них дополнительные сведения для сопоставления в тангутских же источниках. Большую пользу может принести изучение тибетских источников, к которым тангутский материал, как мы пытались показать, имеет большее тяготение, чем к китайским. Многие, еще неуловимые нити, связывают тибетскую и тангутскую традиции. Сопоставление их станет возможным при более полном выявлении тех и других материалов.

Однако, если уровень наших знаний еще не позволяет нам точно интерпретировать генеалогическую таблицу предков, то мы можем все-таки найти в «Гимне» целый ряд фактов, подтверждающих сведения, известные из других источников, и просто новые факты, доселе неизвестные. Текст «Гимна» подтверждает точность китайских сведений о первоначальном месте расселения тангутских племен (комм. 6), характеристику их внешнего облика (комм. 7), указывает на то, что составители «Истории [династии] Сун» знали некоторые тангутские легенды (легенда о рождении основателя династии с двумя зубами).

К числу новых и важных сведений относятся сообщение о женитьбе Рар-ту на тибетской девушке, чем, вероятно, в легенде подчеркивается древность родства и общность происхождения, исторически достоверная, двух народов, а также, если мы правильно поняли текст, сообщение о коне предка — коне, участнике всех его побед и поражений, положившем якобы начало «церемониалу лошади» у тангутов. Содержание данного обряда нам пока неизвестно⁸, но упоминание о нем заслуживает всяческого внимания.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о художественных особенностях «Гимна». Как и другие поэтические произведения этой группы, «Гимн» написан торжественно и просто, без употребления сложных поэтических образов. Определить точные закономерности построения стиха затруднительно. Построенный на принципе параллелизма, стих не отличается четким чередованием ровного и восходящего тонов, параллелизм тонов скорее угадывается, чем прослеживается как закономерность. Нет строгой последовательности и в чередовании коротких и длинных строк. Окончательные выводы о характере стиха всей группы од могут быть сделаны только после комплексного их изучения.

Пока же мы ограничиваемся лишь тем, что представляем читателю тангутский текст и перевод «Гимна» — перевод, требующий критики, но, как нам кажется, позволяющий уже на тангутских материалах приоткрыть завесу, скрывающую отдаленное прошлое тангутских племен, как оно отразилось в тангутских преданиях.

⁸ В «Истории [династии] Сун» сообщается, что, потерпев поражение, тангуты возвращались на место неудачи и убивали там человека и лошадь для того, чтобы «убить злых духов и призвать добрых» («История династии Сун», гл. 486, стр. 3797).

И. И. Хван

СОБРАНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ И ЛИЧНЫХ БУМАГ ФЛОТОВОДЦА ЛИ СУНСИНА

В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР под шифром D 47 (F 81) хранится уникальный экземпляр издания официальных и личных бумаг Ли Сунсина (1545—1598) — одного из самых выдающихся полководцев феодальной Кореи и героев народного сопротивления японским войскам, вторгшимся в страну в конце XVI в. Этот ценный исторический источник был приобретен в конце XIX в. на Дальнем Востоке известным русским востоковедом и дипломатом П. А. Дмитриевским и в 1907 г. поступил в распоряжение Азиатского музея, преобразованного в 1930 г. в Институт востоковедения АН СССР.

Публикация состоит из 15 книг (*квон*) с общим количеством 717 лл., размером 34 см × 22 см каждый; пагинация китайская, по книгам; бумага корейская; без переплета¹. На титульном листе, обрамленном рамкой с орнаментом, надпись в три строки. В средней строке сверху вниз напечатано крупным шрифтом во всю длину заглавие: *Ли Чхунму гон чонсо*, что в дословном переводе означает: «Полное собрание бумаг Ли Чхунму»². В стк. 1 в верхнем правом углу гриф: *Нэгак пуджип* («Издание Печатного двора») ³, а в последней, стк. 3, *Ыльмё хвальин* («Напечатано подвижным шрифтом в год зайца младшего брата дерева» [1797 г.]) ⁴.

Все листы в книгах обрамлены черными жирными линиями, а внутри рамок сверху вниз лист разграфлен на 20 строк. Посредине листа между стк. 10-й и 11-й разделительная колонка *пхансим*, т. е. «сердцевина печатной доски». На ней сверху вниз напечатаны заглавие памят-

¹ О. П. Петрова, *Описание письменных памятников корейской культуры*, вып. 1, М.—Л., 1956, стр. 38—39.

² Чхунму (досл. «Верный воин») — посмертное имя Ли Сунсина, присвоенное ему как прославленному полководцу в освободительной войне против японских захватчиков в 1592—1598 гг. королем Инджо в 1643 г.

³ В 1776 г. в Корею был создан Печатный двор (Гюджангак) для издания различных памятников и хранения наиболее важных из них, как опубликованных в Корею, так и за ее пределами. При нем имелись два отдела: «Нэгак» (досл. «Внутренний двор»), занимавшийся изданием летописей, памятников и других ценных книг для нужд двора, и «Вэгак» (досл. «Внешний двор»), ведавший хранением книг. Первый из этих отделов сразу же приобрел такую популярность, что его стали именовать «Бонгак» (досл. «Главный двор»). Более того, роль этого отдела вскоре настолько возросла, что его нередко стали вообще отождествлять с Гюджангаком, т. е. со всем Печатным двором. Начиная с 1776 г. на всех книгах, выпущенных Гюджангаком, стоял гриф «Нэгак пуджип» — «Издание Печатного двора».

⁴ Подробно вопрос о датировке памятника рассматривается нами в подготавливаемой к печати работе «Ли Чхунму гон чонсо» («Полное собрание бумаг Ли Чхунму»).

ника, номер книги и порядковый номер листа. Между заглавием и номером книги — горизонтальная разделительная черта, под которой нарисован так называемый *оми* («рыбий хвост») — узор в виде четырех белых чешуек на черном фоне в форме рыбьего хвоста. По линии *пхан-сим* лист перегибается пополам. На каждой странице помещается 10 строк текста по 18 иероглифов в строке. Текст напечатан металлическим шрифтом «капинджа» или «литер года тигра старшего брата дерева» (1434). Отступление от этого правила представляет текст трех королевских указов и надгробной надписи, напечатанной в самом начале памятника в виде предисловия к изданию. Эти листы содержат по 4 строки на каждой странице, а строка состоит из 7 иероглифов, набранных крупным подвижным шрифтом.

Рассматриваемый памятник написан на ханмуне — корейзированном китайском классическом письменном языке (вэньянь).

Прежде чем перейти к изложению состава рассматриваемого памятника, необходимо выяснить, что представляет собой находящийся в нашем распоряжении список: первоначальное издание авторского текста или одно из его переизданий. Для этого необходимо установить, когда и при каких обстоятельствах было принято постановление о публикации *Ли Чхунму гон чонсо*, а затем определить дату выхода его в свет.

В одном из указов короля Чонджо, обнародованном в 1792 г. и напечатанном в качестве предисловия к *Ли Чхунму гон чонсо*, говорится, что король приказал «Печатному двору опубликовать полное собрание бумаг [Ли] Чхунму подвижным шрифтом»⁵. Это первое официальное указание о подготовке посмертного издания записей Ли Сунсина. Другим свидетельством, дополняющим предыдущее весьма интересными подробностями, является запись видного чиновника Печатного двора конца XVIII в. Юн Хэнима (1762—1801), сделанная им в том же 1792 г. в храме предков Ли Сунсина. «В году крысы [1792], — писал он, — по поручению Печатного двора... [я] Хэним собрал хранящиеся до сих пор как в государственных, так и в частных коллекциях записи Чхунму Ли Сунсина. Собранные таким путем его бумаги я назвал *Ли Чхунму гон чонсо*. Они состоят из 15 книг»⁶.

Следовательно, вопрос об издании официальных и личных бумаг Ли Сунсина впервые возник в 1792 г., когда Корея отмечала 200-летие начала войны против войск Хидэси, главным героем которой был Ли Сунсин. Через три года, т. е. в 1795 г., Печатный двор на средства государства на эту публикацию израсходовал 1 тыс. связок денег: одна половина отпущена королем из своей личной казны, а другая — военным ведомством⁷, опубликовал записи Ли Сунсина под названием *Ли Чхунму гон чонсо*. Это издание, судя по таким корейским хроникам, историческим и библиографическим справочникам, как *Кук-чо богам* («Драгоценное зеркало правящей династии»), *Чынбо мунхон биго* («Расширенная и дополненная энциклопедия») и другим, является первой публикацией официальных и личных бумаг Ли Сунсина⁸. Кстати

⁵ *Ли Чхунму гон чонсо* («Полное собрание бумаг Ли Чхунму»), Сеул, 1795 г., Издание Печатного двора подвижным шрифтом, книга начальная, л. 9а—9б (далее — ЛЧЧ).

⁶ ЛЧЧ, кн. 2, л. 28а—28б.

⁷ Там же, кн. 14, л. 38а—38б.

⁸ *Кукчо богам*, Сеул, ксилограф, 1848, кн. 74, л. 20; *Чынбо мунхон биго*, Сеул, 1909, кн. 243, стр. 13; кн. 245, стр. 14.

отметим, что в указанных работах отсутствуют упоминания о каких-либо других изданиях рассматриваемого памятника, осуществленных после 1795 г. Печатным двором или каким-нибудь другим правительственным учреждением старой Кореи. Это издание, воспроизведенное непосредственно с авторского текста, заслуживает полного доверия и может считаться надежным историческим источником.

Ли Чхунму гон чонсо, как и все издания Печатного двора, предназначенные главным образом для короля и его двора, вышло тиражом лишь в 19 экземпляров⁹ и уже через несколько лет после своего выхода в свет оно стало библиографической редкостью. В настоящее время, судя по опубликованным каталогам и описаниям старинных книг и рукописей Кореи, Японии и других стран, сохранилось, по-видимому, только два экземпляра издания 1795 г.: один — в книгохранилище университета в Сеуле (на нем в начале каждой книги, в правом нижнем ее углу стоит продолговатая четырехугольная печать *Нэгак* — «Печатный двор»), а другой — в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (без каких бы то ни было печатей или отметок, на основании которых можно было бы определить его бывшего владельца).

* * *

Документы и различные иные материалы, включенные в *Ли Чхунму гон чонсо*, распределены следующим образом.

Материалы, относящиеся к жизни и деятельности флотоводца Ли Сунсина, помещены в самом начале сборника под названием «Книга начальная». В ней имеются разделы: «Королевские указы», «Посмертные посвящения», «Пояснения с иллюстрациями», «Родословная» и «Хронологическая таблица».

В следующей книге, озаглавленной «Книга первая», находим 15 различных заметок, писем и стихов Ли Сунсина, написанных им в период Освободительной войны 1592—1598 гг. Здесь же помещено более 30 стихов и отрывков из различных надписей на посвященных Ли Сунсину памятниках.

Центральную часть исследуемого памятника составляют кн. 2—4, в которые включены официальные бумаги Ли Сунсина под общим названием *Чанге*¹⁰. Здесь собран 71 документ командующего флотом Ли Сунсина, написанный им за период с 15-го дня четвертой луны 20-го года Вань-ли (25 мая 1592 г.) по 20-й день четвертой луны 22-го года Вань-ли (8 июня 1594 г.).

Через все эти документы красной нитью проходит основная идея Ли Сунсина о необходимости всеми доступными средствами вести борьбу во имя спасения страны от вторгнувшихся в страну японских захватчиков. Документы пронизаны стремлением создать сильный флот, обеспечить его вооружением и продовольствием, повсюду организовать отряды Армии справедливости, добиться установления взаимодействия флота и сухопутных войск. Большинство документов непосредственно посвящено боевым действиям флота в период войны.

Ли Сунсин был приверженцем «справедливой» королевской власти

⁹ ЛЧЧ, кн. 14, л. 38а—38б.

¹⁰ *Чанге* — это официальные бумаги придворных сановников, губернаторов провинций, командующих сухопутными войсками и флотами на имя короля в виде донесений, прошений, докладных записок и пр. Официальные бумаги тех же лиц, адресованные на имя наследного принца, носили название *чандаль*.

и всеми силами ее поддерживал. Это, однако, не мешало ему резко критиковать как отдельных корейских придворных сановников, так и минских военачальников за их бездеятельность в период японского нашествия на Корею, с одной стороны, и, с другой — выступать за облегчение положения народных масс. В этом отношении большой интерес представляют те документы, в которых он предлагает освободить представителей самого бесправного сословия феодальной Кореи — так называемых «подлых людей» от крепостной зависимости за определенный выкуп (в виде металла для литья оружия, продовольствия для нужд войск и т. д.)¹¹.

Основные материалы, использованные Ли Сунсином для составления этих официальных бумаг, можно разделить на следующие группы: личные наблюдения Ли Сунсина во время тех или иных боевых операций, устные рассказы участников и очевидцев; донесения военачальников, разведчиков и солдат, а также мирных жителей о положении противника и его тыла; показания плененных японцев и освобожденных из вражеской неволи корейцев; обращения населения отдельных уездов и округов по тем или иным вопросам; письменные источники в виде всевозможных предписаний короля и его двора, официальных писем губернаторов и военачальников трех южных провинций и, наконец, распоряжений высокопоставленных минских военачальников в Корее.

Нередко Ли Сунсин приводит в своих донесениях полные тексты сообщений подчиненных ему военачальников и мирных жителей о положении на фронте и в тылу, обращения населения целых уездов, тексты королевских указов и много других не дошедших до нас документов, что делает еще более ценным рассматриваемый раздел памятника. Эти материалы дают возможность значительно расширить и углубить наше представление о таких важных вопросах, как, например, социально-экономический строй Кореи XVI в., положение народных масс, система военного управления, закулисная борьба между различными придворными «партиями» за власть, политика минского двора в Корее в период японского нашествия и т. д. Присутствие народа, участие широких слоев населения в борьбе против вторгнувшихся в страну японских войск, показ героизма и отваги народных масс в защите своей родины от иноземных захватчиков — главная отличительная черта рассматриваемого раздела нашего памятника по сравнению со всеми средневековыми корейскими историческими документами вообще и по изучаемому периоду в особенности.

Ценность документов заключается не только в богатстве содержащихся в них разнообразных данных, но и в их достоверности. Судя по ним, а также по записям в дневниках, можно видеть, что Ли Сунсин с педантичной добросовестностью проверял все поступающие в его распоряжение сведения военно-политического характера и только после установления их достоверности заносил эти сведения в свои донесения¹².

Большой интерес представляют и помещенные в кн. 5—8 *Ли Чхун-му гон чонсо* личные бумаги Ли Сунсина под названием *Нанджун иль-ги* — «Военные дневники». Ли Сунсин изо дня в день лаконично фиксировал наиболее важные события войны и внутренней жизни страны. К сожалению, не все его записи в дневниках сохранились. Так, в них мы не находим записей почти за всю вторую половину года дракона

¹¹ ЛЧЧ, кн. 3, л. 366.

¹² Там же, кн. 2, л. 6а—6б; л. 46а.

(1592), за первую, четвертую, десятую, одиннадцатую и двенадцатую луны года змеи (1593), за двенадцатую луну года лошади (1594), за одиннадцатую и двенадцатую луны года обезьяны (1596), за первую, вторую и третью луны года птицы (1597) и, наконец, за вторую — года собаки (1598).

«Дневники» дают возможность воссоздать ход военных действий в целом, выяснить отношение отдельных слоев населения к войне, вскрыть всю глубину совершенных японскими захватчиками преступлений. Содержащиеся в этих записях отдельные детали знакомят нас и с закулисной борьбой правящих кругов Кореи за власть, с отношением различных придворных «партий» к Ли Сунсину и т. д.

В последней части *Ли Чхунму гон чонсо* (кн. 9—14), в «Приложениях» («Пурок»), приводятся извлечения из более чем 60 работ различного характера (жизнеописание флотоводца, некрологи, стихи, надписи на посвященных Ли Сунсину памятниках и др.). Здесь же помещены отрывки из корейских и китайских исторических произведений и мемуаров, повествующих о деятельности Ли Сунсина и участии корейского флота в войне против японских захватчиков в конце XVI в. Среди этих работ наибольшее значение имеет жизнеописание Ли Сунсина, принадлежащее перу Ли Пуна — племянника флотоводца; значительный интерес представляют также отрывки из мемуаров Ю Сонёна *Чинбирок*, сочинения Ли Сугвана *Чибон юсол* и извлечения из знаменитой корейской энциклопедии XVIII в. *Мунхон биго*, а из китайских работ — *Минши* («Истории минской династии»).

Таково основное содержание памятника *Ли Чхунму гон чонсо*. Не имея в своем распоряжении самой рукописи, с которой производилась в XVIII в. публикация рассматриваемого памятника, но зная общие принципы составления средневековых корейских официальных бумаг, можно с уверенностью утверждать, что в текстах документов имеются купюры. Во-первых, отсутствуют части трафаретного начала и концовки всех официальных бумаг, дата и имя подателя¹³. Во-вторых, в тексте встречаются места, где логика изложения явно нарушена, что также дает основание предполагать лакуны или купюры. Так, в донесении от 27-го дня четвертой луны 20-го года Вань-ли (6 июня 1592 г.) встречается такая фраза: «...В вышеприведенном высочайшем повелении сказано» — хотя до того об этом повелении нигде не говорилось ни слова. В этом месте, как нам удалось установить на основании «Черновики официальных бумаг», отсутствует большая цитата из повеления короля Сонджо от 20-го дня четвертой луны. Внимательное изучение памятника показывает, что вообще в тексте повсюду опущены все извлечения из королевских приказов.

Анализ характера купюр показывает, что в первом ряде случаев они были произведены с целью сокращения текста, а во втором — для изъятия из текста извлечений из королевских указов во избежание их повторений помимо специальной публикации.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что официальные

¹³ В Корею в средние века любое донесение на имя короля должно было начинаться с указания фамилии и имени подателя, его сана и должности, а заканчиваться именем подателя и датой составления. Бумаги, составленные без соблюдения этих правил, вызывали резкое осуждение. Так, в самом начале японского нашествия на Корею в мае 1592 г. главный инспектор корейских войск Син Ип, посланный на юг для борьбы с врагом, прислал в Сеул донесения без подписи. Этот случай был настолько из ряда вон выходящим, что придворные узрели в нем проявление «душевного расстройства» военачальника (см. Ю Сонён, *Чинбирок*, 1960, т. 1, кн. 1, стр. 8).

документы, включенные в памятник, рассказывают лишь о событиях до июня 1594 г., хотя Ли Сунсин руководил боевыми действиями флота вплоть до полного изгнания японских войск из Кореи в декабре 1598 г. (за исключением нескольких месяцев 1597 г., когда он был отстранен от должности в результате интриг придворных «партий») и, очевидно, писал донесения и после 8 июня 1594 г. Содержание его военных дневников подтверждает это предположение. Так, в записях от 22-го дня седьмой луны 22-го года Вань-ли (6 сентября 1594 г.) читаем: «...утром составил черновой вариант официальной бумаги»¹⁴; подобные записи в дневниках, которые касаются и последующего периода войны вплоть до ее окончания, встречаются довольно часто¹⁵.

Судя по этим и другим записям в дневниках, Ли Сунсин в официальных бумагах, которые не вошли в исследуемый памятник, требовал проведения решительных мер для усиления борьбы против Хидэеси, а также писал о бездействии минских войск в Корее, о грабежах мирного населения минскими солдатами и командирами, о тайных переговорах минских военачальников с японскими генералами для заключения мира за спиной корейцев и т. д. Это дает основание предполагать, что составитель *Ли Чхунму гон чонсо* Юн Хэним или его цензор Ю Дыккон либо по своему личному усмотрению, либо по настоянию двора не внесли в рассматриваемый текст документы, которые были не угодны правящим кругам Кореи и Минской империи. Однако правильность нашего предположения может быть доказана лишь тогда, когда мы получим подлинный список интересующих нас документов, хранившийся некогда в королевском архиве. Сейчас, к сожалению, не известна судьба не только подлинных записей Ли Сунсина, но и вообще всего королевского архива.

Допущенные при издании памятника пропуски делают чрезвычайно трудным изучение рассматриваемого текста. Этот пробел отчасти может быть восполнен благодаря дошедшим до нас черновикам записей Ли Сунсина. Собранные во второй половине XVIII в. одним из его потомков по имени Тхэсан, они переходили из поколения в поколение как драгоценная семейная реликвия. В начале 20-х годов XX столетия их обнаружили японцы в семейной коллекции потомков Ли Сунсина, хранившейся в селе Пэкамни, уезда Асан, провинции Чхунчхон намдо, и передали в распоряжение так называемой Комиссии по составлению истории Кореи, которая в 1935 г. и опубликовала их как секретное издание¹⁶.

На титульном листе, в правом верхнем углу красной краской типографским способом отпечатан иероглиф *би* (в японском чтении *хи*), означающий «секретно», а в конце книги, где приводятся выходные данные, поставлен продолговатый четырехугольный штамп с надписью— «Напечатано в 300 экземплярах» и рядом порядковый номер экземпляра¹⁷. Все экземпляры были предназначены исключительно для нужд центральных правительственных учреждений и военных ведомств, а в Корею хранились только в генерал-губернаторстве как секретный ма-

¹⁴ Там же, кн. 6, л. 286.

¹⁵ Там же, кн. 8, л. 226 (запись от 12-го дня восьмой луны года птицы — 1597); л. 37а (запись от 27-го дня одиннадцатой луны того же года и т. д.).

¹⁶ «Ли Сунсин чангун чонджип», Пхеньян, 1959, стр. 4.

¹⁷ На экземпляре, полученном автором из японской парламентской библиотеки, стоит порядковый номер 176. Судя по штампу на титульном листе, он первоначально принадлежал бывшему министерству колоний Японии.

териал. Поэтому корейские историки не знали о существовании публикации черновиков Ли Сунсина и, конечно, не могли использовать ее в своих работах.

Черновики записей Ли Сунсина состоят из двух разделов: «Черновики военных дневников» (*Нанджун ильги чхо*) и «Черновики официальных бумаг года дракона старшего брата воды» (*Имджин чан чхо*). В основу первого раздела легли записи Ли Сунсина, сделанные им в период с 1-го дня пятой луны года дракона (10 июня 1592 г.) по 7-й день девятой луны года собаки (6 октября 1598 г.) с некоторыми перерывами. Эти записи занимают 7 тетрадей объемом 205 лл., форматы которых колеблются от $23,5 \times 24,2$ до $25,7 \times 34,5$, а число листов в отдельных тетрадах — от 8 до 52. Во второй раздел книги вошли черновики 66 официальных бумаг, отправленных Ли Сунсином королю Сонджо и его двору за период с 15-го дня четвертой луны 20-го года Вань-ли (25 мая 1592 г.) по 20-й день первой луны 22-го года Вань-ли (11 марта 1594 г.) включительно. Они занимают одну тетрадь $46 \times 33,5$ объемом в 61 л. В отличие от предыдущих тетрадей здесь почти на каждой лицевой стороне листа сохранилась красная печать Ли Сунсина с надписью: «Печать командующего флотом левого крыла провинции Чолладо». Наличие печати, равно как совпадение содержания публикации с текстом официальных бумаг основного памятника, не оставляет никаких сомнений относительно того, что в основу издания положены действительно черновики, принадлежащие перу самого Ли Сунсина.

Судя по воспроизведенным фотографическим способом отдельным листам рукописи, текст черновиков написан трудной для чтения скорописью. По-видимому, поэтому японцы и были вынуждены отказаться от факсимильного издания памятника, как они обычно делали почти со всеми корейскими рукописями, а опубликовали текст типографским способом, снабдив его глоссами, относящимися главным образом к собственным именам и географическим названиям. Текст в основном правильно прочитан и установлен издателями памятника. Встречается, однако, значительное число иероглифов, значение которых не определено, а иногда дешифровка вызывает явные возражения. Так, запись в дневнике от 18-го дня второй луны года лошади (1594 г.) передана следующим образом: 元水使醉甚故未能一二, т. е. «Командующий флотом Вон [Гюн] был сильно пьян, поэтому было невозможно один (?) два (?)». Вполне очевидно, что здесь последние два иероглифа: — («один» или «первый») и 二 («два» или «второй») не связаны с текстом и конец фразы бессмыслен. Вероятно, издатели неправильно прочитали последний знак: 言 «говорить», «сказать», «вести речь о...» и т. д. и передали его как два знака. Тогда это место в записи выглядит вполне логично: «Командующий флотом Вон [Гюн] был сильно пьян, поэтому [с ним] невозможно было разговаривать». Такое предположение, кроме того, хорошо согласуется с общим духом записей Ли Сунсина в дневниках по поводу поведения Вон Гюна в этот период и также с возможным искажением иероглифа 言 при скорописи¹⁸. Следовало бы воспроизвести факсимале тех или иных мест в черновиках, которые либо не прочтены, либо прочтены предположительно (а такие места имеются в ряде случаев). Кроме того, в публикации не отражены ни нумерация тетра-

¹⁸ Графически это вполне возможно, если учесть, что текст написан вертикальными строками, т. е. — находится выше 二, образуя, таким образом, верхнюю часть иероглифа 言.

дей черновиков, ни пагинация по ним. Наконец, один из наиболее крупных недостатков издания—отсутствие каких бы то ни было комментариев или примечаний, относящихся к тексту, историческим событиям или специфической терминологии.

В рассматриваемой публикации черновки Ли Сунсина представлены, к сожалению, не целиком. Так, в первый ее раздел (стр. 1—302) вошли дневниковые записи не с 1-го дня первой луны года дракона (13 февраля 1592 г.), как это наблюдается в издании 1795 г., а лишь начиная с 1-го дня пятой луны того же года (10 июня 1592 г.) Не находим мы в публикации также записей почти за весь год овцы (1594 г.) и, наконец, за последние дни войны — с 8-го по 17-й день одиннадцатой луны года собаки (с 6 по 14 декабря 1598 г.). Таким образом, в публикации черновиков по сравнению с изданием 1795 г. отсутствуют записи в общей сложности приблизительно за 450 дней. Значительно лучше обстоит дело с черновиками официальных бумаг, вошедших во второй раздел публикации (стр. 303—455). В нем представлены черновики 66 донесений и прошений, составленных Ли Сунсином за период с 15-го дня четвертой луны 20-го года Вань-ли (25 мая 1592 г.) по 20-й день первой луны 22-го года Вань-ли (11 марта 1594 г.). Следовательно, здесь недостает черновиков пяти донесений, включенных в издание 1795 г., зато вошли семь черновиков неизвестных до сих пор документов Ли Сунсина.

Оба раздела черновиков Ли Сунсина имеют далеко не одинаковую ценность. Черновики дневников не отличаются от опубликованного в 1795 г. Юн Хэнимом и Ю Дыкконом текста «Военных дневников» в составе *Ли Чхунму гон чонсо*, если не считать весьма незначительных изменений редакционного характера. При наличии более полных по объему и вполне надежных по содержанию «Военных дневников» — копии тех же черновиков, когда не произошла еще утрата различных частей рукописи, черновики с их нынешним дефектом не имеют сколько-нибудь серьезного значения для изучения текста памятника. Исключением является та часть записей, которая касается событий, происходивших в период с 5-го дня восьмой луны по 3-й день десятой луны года птицы (15 сентября по 11 ноября 1597 г.). Наибольший интерес из этих двух вариантов представляет не тот, что включен в издание 1795 г., а оставшийся до недавнего времени неизвестным и опубликованный в черновиках. В нем, например, мы находим подробное описание знаменитого морского сражения в районе Пёкпхаджона у острова Менряна 16-го дня девятой луны года птицы (26 октября 1597 г.), исход которого фактически решил судьбу второго похода Хидэеси в Корею в 1597—1598 гг.

Черновики официальных бумаг, несомненно, важный источник. Судя по записям в дневниках, Ли Сунсин уделял серьезное внимание как подбору приводимых в донесениях материалов, так и оформлению официальных бумаг. Сначала он делал набросок донесений, затем вносил необходимые дополнения и исправления, после чего переписывал текст начисто¹⁹. Вот почему черновики официальных бумаг Ли Сунси-

¹⁹ Дневники Ли Сунсина пестрят записями следующего содержания: «...составил черновик донесения» (см. ЛЧЧ, кн. 5, л. 456 — запись от 2-го дня девятой луны года змеи — 1593); «...внес поправки и исправления в черновик донесения» (см. там же, кн. 6, л. 286 — запись от 22-го дня седьмой луны года лошади — 1594); «...переписал начисто с черновика донесения» (см. там же, кн. 6, л. 126 — запись от 12-го дня третьей луны года лошади — 1594) и т. д.

на носят довольно законченный характер и представляют определенный научный интерес. Они дают возможность восстановить имеющиеся в тексте пропуски и установить разночтения.

Таков вкратце характер памятника *Ли Чхунму гон чонсо*, изданного в 1795 г. Печатным двором, и черновиков официальных и личных бумаг флотоводца Ли Сунсина, изданных в 1935 г. Наличие этих двух публикаций дает возможность сопоставить и критически исследовать собрание важнейших исторических документов эпохи Освободительной войны корейского народа 1592—1598 гг.

Л. И. Чугуевский

ДУНЬХУАНОВЕДЕНИЕ

В западной части провинции Ганьсу лежит небольшой городок Дуньхуан. Отсюда когда-то начинался Шелковый путь, ведущий через пустыни и оазисы Восточного Туркестана, через перевалы Памира в Иран, в Среднюю Азию и дальше на запад, в Европу. Являясь в течение ряда веков древности и раннего средневековья узловым пунктом на этом пути, Дуньхуан служил связующим звеном в обмене материальными и культурными ценностями, которые шли в обоих направлениях. В связи с освоением в XIII в. морского пути на Запад, а также по ряду других причин, вызванных развитием в X—XIII вв. антифеодальных движений китайского народа, набегами кочевников и потерей монополии в производстве шелка, этот путь утратил свое значение, а вместе с ним упала и роль Дуньхуана.

Однако на рубеже нашего века Дуньхуан вновь напомнил о себе, но уже как замечательный памятник интересной и сложной жизни северо-западной окраины средневекового Китая.

Исключительно благоприятные климатические условия того района сохранили до наших дней не только памятники китайского буддийского искусства, но и большое количество письменных источников, открытие которых вызвало огромную сенсацию в научном мире, привлекло к себе внимание историков, лингвистов и искусствоведов и послужило основанием для зарождения новой отрасли источниковедческой науки — дуньхуановедения.

В 20 км юго-восточнее города протекает небольшая река Дацюань. Вдоль ее крутого левого берега, проходящего у подножия горы Минша, более чем на полтора километра протянулся комплекс искусственных пещер, построенных в два-три яруса. Здесь когда-то были расположены буддийские монастыри и храмы. Деятельность монастырей и связанное с ней строительство этих пещер относят в основном к периоду активного распространения буддизма в Китае в IV—XI вв. Общее число пещер дуньхуанской группы составляет около 500 сооружений, различных как по своим размерам, так и по внутреннему их оформлению¹.

¹ Подробный перечень пещерных сооружений около Дуньхуана см. в книге Се Чжи-лю, *Дуньхуан шиу сюйлу*, где автор описывает пещерные группы Могаоку, Си Цяньфодун, Юйлинью, Аньси и Шуйсякоу. Характеристика каждой пещеры содержит следующие данные: дата или эпоха ее постройки, размеры внешнего входа и внутренних частей пещеры — алтарей и ниш, а также краткие сведения о сохранившихся внутри и снаружи пещер лепных фигурах и статуях. В тех случаях, когда это возможно, дается основное содержание росписей стен и потолков, а также воспроизводятся встречающиеся там надписи.

Некоторые сведения о дуньхуанских пещерах можно найти в работах Пелльо и Стейна (см. ниже).

После XI в. с упадком буддизма на территории Китая эти храмы — пещеры были запущены и поддерживались, по-видимому, от случая к случаю. Так, в одной из пещер группы Могаоку² в 1900 г. даосский монах Ван Юань-лу, очищая как-то фрески от песка, случайно обнаружил в стене замурованный вход, за которым, как оказалось, было скрыто ставшее впоследствии всемирно известным хранилище дуньхуанской буддийской библиотеки.

Обнаружив рукописи, Ван Юань-лу пытался привлечь к ним внимание местных чиновников. Однако последние, опасаясь, что распространение буддийских сочинений может быть сочтено за преступление, предложили монаху оставить их на месте и не трогать. Бывший в то время начальником уезда Ван Цзун-хань, по-видимому, в какой-то степени понимавший значение этого открытия, пытался организовать отправку рукописей в центр провинции, но и ему было отказано в средствах на перевозку. В 1904 г. власти окончательно предложили замуровать рукописи в той же пещере³.

Молва об этой уникальной находке продолжала распространяться и вскоре дошла до работавшего со своей экспедицией в Синьцзяне известного археолога А. Стейна, который еще раньше был наслышан о Дуньхуанских пещерах от побывавшего там в 1879 г. геолога проф. де Люцци. В 1907 г. Стейн прибыл в Дуньхуан, и там ему удалось приобрести у монахов более 7 тыс. свитков и фрагментов рукописей. Небольшое количество рукописей (около 500) Стейн увез и во второй свой приезд в Дуньхуан в 1914 г.

В 1909 г. в Дуньхуан попадает французский синолог П. Пелльо, который в противоположность Стейну, будучи хорошим знатоком китайского языка, сумел получить довольно крупные по размерам и интересные по содержанию рукописи и фрагменты. Коллекция Пелльо составила примерно 6 тыс. единиц. Будучи в Дуньхуане, Пелльо ездил в Пекин, чтобы реставрировать некоторые из приобретенных им документов. Здесь он познакомил с ними китайских ученых, в частности Ло Чжэнь-юя, уделив последнему часть своих материалов.

Вслед за Пелльо Дуньхуан посетила японская экспедиция Отани, которой тоже удалось стать обладательницей небольшой коллекции (около 200 единиц) этих рукописей. И только после этой экспедиции, в 1910 г., тогдашнее пекинское правительство удосужилось перевезти остатки библиотеки в столицу. Было собрано около 10 тыс. фрагментов, причем часть рукописей разошлась по рукам чиновников, осуществлявших эту работу. Известно, например, что уже в 40-х годах японский музей в Киото Юринкан приобрел коллекцию Ли Шэн-до, руководителя этой операции. К тому же на месте, как видно, работа была проделана настолько поверхностно, что посетившая Дуньхуан в 1914 г. русская экспедиция С. Ф. Ольденбурга тоже увезла большую коллекцию, которая значительно уступает другим собраниям по количеству крупных и цельных рукописей, но превосходит их по общему числу фрагментов, количество которых превышает 12 тыс. единиц хранения.

² В дуньхуановедении Могаоку, пожалуй, чаще встречается под названием Цяньфодун — Пещеры тысячи будд. Такое название вообще является нарицательным для любых пещерных буддийских монастырей, где имеются наскальные изображения будд или стенопись. Пещеры тысячи будд имеются также во многих уездах провинций Шаньси, Синьцзян и Ганьсуй.

³ Подробно историю дуньхуанской библиотеки см. в книгах: Цзян Лян-фу, *Дуньхуан — вэйдады вэньхуа баоцзан* и Пань Се-цзы, *Дуньхуан Могаоку шиу*.

Таким образом, дуньхуанская монастырская библиотека оказалась разрозненной и составила фонды крупнейших государственных и национальных библиотек Китая, Англии, Франции и Советского Союза. Большая часть собрания экспедиции Отани осталась в портартурском музее в Китае, а остальные хранятся в буддийском университете Рюоку в Киото. Некоторое количество дуньхуанских рукописей рассредоточено в частных собраниях и музеях Китая, Японии и Индии.

Как теперь известно, общее число фрагментов и рукописей дуньхуанской буддийской библиотеки равно примерно 40 тыс. единиц хранения. Если рассматривать их с точки зрения языков, на которых они написаны, то примерно 75—80% из них приходится на китайский язык, а в остальных превалирует тибетский. Часть рукописей написана на древнеуйгурском и таких мертвых языках, как санскрит, согдийский, кучинский и хотанский.

По времени эти письменные памятники в основной массе относятся к VII—X вв., т. е. к периоду правления династии Тан, хотя какой-то процент их приходится на документы как более раннего (нередки рукописи V—VI вв.), так и позднего времени.

Что касается содержания рукописей, то оно чрезвычайно разнообразно. Естественно, что в библиотеке, являвшейся собственностью буддийского монастыря, подавляющее большинство сочинений приходится на долю произведений, входящих в буддийский канон (сутры, винаи и шастры).

Помимо буддийских текстов в собраниях имеются даосские и конфуцианские произведения, а также значительное количество фрагментов и рукописей, относящихся к различным жанрам буддийской и международной литературы. Незначительный процент составляют рукописи и фрагменты небуддийского содержания — это медицинские и гадательные, календарные и астрономические тексты, официальные и частные документы, списки населения и всевозможные хозяйственные записи. Кроме того, в дуньхуанской библиотеке было обнаружено некоторое количество сочинений, отпечатанных с доски, а также произведений искусства, написанных на шелку и бумаге.

Такое обилие и разнообразие письменных источников и произведений искусства, естественно, вызвало огромный интерес к материалам дуньхуанской библиотеки. В первую очередь как результат деятельности побывавших в Дуньхуане экспедиций должную известность в научной литературе получили произведения буддийского искусства на шелку и бумаге. Многие из них были воспроизведены и описаны в отчетном труде Стейна по его археологическим работам в Центральной Азии⁴. Здесь же Стейн дал краткое описание монастыря, некоторые справки по истории Дуньхуана, виды его окрестностей и образцы стеной росписи. Затем был подготовлен специальный альбом дуньхуанских цветных репродукций с пояснительным текстом к ним и описанием⁵. Первым отчетом об экспедиции Пелльо было небольшое сообщение о

⁴ A. Stein, *Serindia, Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*, 5 Vols. I: Text. XXXIX, 548 pp., 144 fig.; II: Text. VII, 549—1088 pp., 145—236 fig.; III: Text. XI, 1089—1580 pp., 237—345 fig, 59 plans; IV: Plates X pp., CLXXV Plates; V: Maps. 95 maps. Oxford, 1921.

⁵ A. Stein, *The Thousand Buddhas, Ancient Buddhist Paintings from the Cave-Temples of Tun-huang on the Western Frontier of China, with an Introductory Essay by Laurence Binyon*, 2 Vols. Text: XII, 65 pp. Plates: 33 pls., 34—48 pls., London, 1921.

результатах экспедиции⁶, а затем выход в свет шеститомного альбома репродукций, содержащего 376 таблиц⁷.

Результаты деятельности Второй русской Туркестанской экспедиции, как официально называлась группа С. Ф. Ольденбурга, не могли быть своевременно подготовлены к изданию, так как следовавшие за окончанием экспедиции исторические события в России и начавшееся строительство новой науки настолько отвлекли ее руководителя на организационную работу, которую он выполнял как неперемный секретарь Академии наук, что Ольденбург смог опубликовать лишь несколько небольших заметок⁸. Часть материалов экспедиции была использована одним из спутников Ольденбурга — художником С. М. Дудиным, который опубликовал две работы, посвященные вопросам техники и скульптуры осмотренных ими буддийских храмов⁹. Позднее краткий обзор отдельных пещер, обследованных Ольденбургом, был сделан Н. В. Дьяконовой¹⁰. Ею же опубликован приобретенный главой русской экспедиции у одного из буддийских монахов фрагмент китайской шелковой набойки с изображением стоящего под деревом оленя¹¹.

Что касается привезенных экспедициями рукописей, то с содержанием некоторых из них уже в 1909 г. можно было познакомиться по факсимильному и литографированному изданиям Ло Чжэнь-юя¹² и Ван Жэнь-цзунь¹³. Дальнейшие шаги по публикации их были продолжены в целом ряде отдельных сборников, в которых, как правило, в необработанном виде воспроизводились копии самых различных документов. Хотя составители этих сборников стремились к выявлению в первую очередь утраченных текстов, все же, по-видимому, подборка материала в достаточной степени определялась физическим состоянием рукописей, с одной стороны, и их доступностью в смысле более легкого определения содержания, не требовавшего сложных комментариев, — с другой.

В 1913—1917 гг. под наблюдением Ло Чжэнь-юя вышло еще несколько публикаций репродукции с оригиналов коллекции Пелльо, которые составитель подготовил по привезенным из Франции фотокопиям

⁶ P. Pelliot, *Trois ans en Asie centrale, Conférence faite la Sorbonne le 10 Dec. 1909*, — «Bulletin du Comité l'Asie Française», 1910.

⁷ P. Pelliot, *Les Grottes du Touen-Houang, Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song* (Mission Pelliot en Asie centrale, Serie in Quarto. I). 6 Tomes, Paris, 1920—1924, 1: Grottes 1 A 30. 8 pp. 1 pl et 64 planches en phototypie et un plan. 2: Grottes 31 A 72. 64 planches en phototypie. 3: Grottes 72 A 111. 64 planches en phototypie. 4: Grottes 111 A 120. 64 planches en phototypie. 1921. 5: Grottes 120 A 146. 64 planches en phototypie. 1921. 6: Grottes 146 A 182 et Divers. 65 planches en phototypie. 1924.

⁸ С. Ф. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане*, — «Казанский музейный вестник», Казань, 1921, № 1—2, стр. 25—30; *Пещеры тысячи будд*, — «Восток», 1922, № 1, стр. 57—66; *Искусство в пустыне. Очерк*, — «30 дней», 1925, № 1, стр. 41—52, 4 фото [из Дуньхуана].

Описание пещер и дневники русской экспедиции были подготовлены к печати вдовой С. Ф. Ольденбурга, но до сих пор остаются неизданными.

⁹ С. М. Дудин, *Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая*, — «Сборник музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии наук», Пг., 1917, т. V, стр. 21—92; *Архитектурные памятники Китайского Туркестана (Из путевых заметок)*, — «Архитектурно-художественный еженедельник», Пг., 1916, № 6, 10, 12, 19, 22, 28 и 31.

¹⁰ Н. В. Дьяконова, *Буддийские памятники Дуньхуана*, — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», 1947, IV, стр. 445—470.

¹¹ Н. В. Дьяконова, *Китайская шелковая набойка из Дуньхуана*, — «Сообщения Государственного Эрмитажа», 1954, VI, стр. 28—30.

¹² Ло Чжэнь-юй, *Дуньхуан шиши ишу*.

¹³ Ван Жэнь-цзунь, *Дуньхуан шиши чжэньцзи лу*.

и собственноручно там переписанным документам¹⁴. В состав этих публикаций, в частности, вошли неизвестные прежде материалы, касающиеся истории, географии и населения самого Дуньхуанского района.

С 1924 г. начали появляться публикации, в которых текст рукописей воспроизводился с набора. Так был издан очередной сборник Ло Чжэнь-юя¹⁵, а также Цзян Фу¹⁶ и Ло Фу-чана¹⁷. Примеру китайских коллег последовал японский исследователь Одзима Сукэма, опубликовавший таким способом в девяти номерах журнала «Синагаку» целый ряд документов из коллекции Национальной библиотеки (Париж)¹⁸.

В отличие от предыдущих издателей другой видный китайский исследователь дуньхуанских документов проф. Лю Фу, используя старый способ печатания — ксилографию, начал с 1925 г. издавать «Сборник мелких дуньхуанских документов»¹⁹, включив в него из коллекции Пелльо 104 документа самого различного характера: образцы литературных жанров, юридические документы, письма, а также тексты, имеющие лингвистическое значение, и т. п.

Несмотря на все многообразие материала, который вошел в публикации с набора и доски, следует заметить, что их существенным недостатком явилось отсутствие фототипических воспроизведений текстов. Поэтому они не только не дают исследователю никакого представления о подлинной форме документа, но и в дешифровке знаков оригинала вынуждают слепо следовать за составителем, между тем как в публикациях, например у Лю Фу, есть немало явно непонятных, а потому и неверно переписанных знаков.

Если в первых публикациях дуньхуанских документов в основном были использованы материалы коллекции Пелльо, то в опубликованный в 1937 г. Сюй Го-линем очередной подобный сборник вошли рукописи, хранящиеся в Пекине²⁰. Он в значительной мере состоит из буддийских текстов, но включает также и небуддийский материал, в том числе произведения народной литературы и документы социально-экономического характера. Другая работа, касающаяся материала, хранящегося в Пекинской библиотеке, опубликована Сян Да²¹.

Интенсивность изучения и публикации дуньхуанских рукописей была обусловлена не столько наличием соответствующих фондов (например, в Англии или Франции), сколько особым интересом к этим материалам, возникшим вследствие важности их для восстановления картины культурного развития Китая и, в меньшей мере, Японии. Со стороны японских ученых был проявлен настолько большой интерес, что многие из них неоднократно получали длительные командировки в Париж и Лондон для специального изучения хранящихся там материалов. Выезжали в Европу и упомянутые выше китайские ученые Ло Чжэнь-юй, Лю Фу, Сян Да, а также другие, входившие в созданное в Китае в 1924 г. «Общество по сбору и хранению дуньхуанских рукописей» (敦煌經籍輯存會).

¹⁴ Ло Чжэнь-юй, *Минша шиши ишу*; его же, *Минша шиши гуцзи цунцань*.

¹⁵ Ло Чжэнь-юй, *Дуньхуан линши*.

¹⁶ Цзян Фу, *Шачжоу вэньлу*.

¹⁷ Ло Фу-чан, *Шачжоу вэньлу буи*.

¹⁸ Одзима Сукэма, *Пари кокурицу тосёкан дзё тонкё исё сёкэн року*.

¹⁹ Лю Фу, *Дуньхуан досо*.

²⁰ Сюй Го-линь, *Дуньхуан шиши сецзин тицзи юй дуньхуан цзалу*.

²¹ Сян Да, *Дуньхуан цунчао*.

Поездки в Англию и Францию дали в руки китайских и японских ученых ряд первоисточников, которые уже считались безвозвратно утраченными. Своими работами и публикациями они познакомили научную общественность с материалами, касающимися буддизма, дуньхуанских произведений искусства и небуддийских религий, а также с документами социально-экономического характера. В изучении последних особенно много сделал проводивший два года в Париже проф. Наба Тосисада. Он скопировал около двух тысяч фрагментов, многие из которых цитируются или приводятся в более чем тридцати его работах.

Разумеется, трудно перечислить все то, что благодаря дуньхуанским документам стало известно науке. Это и почти ранее неизвестные тексты, связанные с несторианством и манихейством, а также считавшиеся утраченными или вообще неизвестные произведения буддийской и народной литературы и раннепечатные издания — ксилографы.

Среди дуньхуанских рукописей был обнаружен, например, рифмический лексикон «Це юнь», который является предшественником пользующегося широкой известностью тонально-рифмического словаря «Гуан юнь», составленного позднее, уже при сунской династии, Чэнь Пэн-нянем. Материалы на тибетском языке, содержащие транскрипцию китайских текстов, в значительной мере содействовали исследовательской работе по восстановлению фонетики китайского языка танского периода.

Находка конфуцианских, даосских и особенно буддийских письменных памятников дает обширный материал исследователям идеологии того времени, а анализ подворных списков и всевозможных контрактов позволяет шире осветить вопросы классового состава общества, получить представление о социальных отношениях в том виде, как они существовали в действительности. Кроме того, изучение различных монастырских записей о выдаче и займе зерна и других продуктов, а также исследование циркулярных предписаний объединений прихожан при местных буддийских монастырях дает возможность реконструировать картину быта населения и их социально-экономических отношений.

За прошедшие полвека число работ, созданных на материалах дуньхуанской библиотеки, а также близких к ним документах из других районов Центральной Азии (Турфана и др.), настолько велико, что у нас нет никакой возможности претендовать хотя бы на более или менее полный обзор этой литературы. Так, например, в библиографии работ по Дуньхуану, подготовленной издательством «Тоё бунко» в Японии, зарегистрировано около тысячи статей и монографий, изданных до 1957 г. только на японском языке²², а за прошедшие после этого издания годы, несомненно, прибавилась еще не одна сотня японских статей. К тому же, если за первые тридцать лет со времени открытия дуньхуанских рукописей для изучения и публикации фондов многое сделали иностранцы²³, начиная с Японии на Востоке и кончая Францией и Англией на Западе, то за послевоенные годы на материалах дуньхуанских коллекций издано много работ в самом Китае. Эти работы посвящены самым различным вопросам прошлого его северо-западной окраины. Поэтому остановимся лишь на кратком обзоре основных направлений, вызванных изучением и публикацией дуньхуанских рукописей на китайском, а отчасти и на тибетском языках.

²² Тонкō бункэн кэнкё ромбун мокурсу.

²³ Juntaro Ishihama, Ariyoshi Sanada, Taijun Inokuchi, *Bibliography of the Central Asiatic Studies*, — в сб. «Сайнки бунка кэнкю», т. 1, Киото, 1958, стр. 53—87 англ. текста.

Естественно, что одной из основных задач, которые встали перед новой отраслью источниковедческой науки, было описание рукописей и составление полного каталога каждого из образовавшихся фондов.

Начало такому описанию коллекций было положено хранителями самой бедной части дуньхуанских рукописей — музея бывшего Квантунского генерал-губернаторства в Порт-Артуре и университетов Отани и Рюкоку. Полное описание более крупных фондов требовало многих лет упорного труда. Поэтому первые сведения об их содержании сводились к публикации в многочисленных периодических изданиях небольших, кратких списков, в которых составители порою ограничивались лишь указанием наименования рукописи и датировкой, если она имела, опуская, например, такие данные, как размер рукописи, ее начало и конец, количество строк и знаков в строке, не говоря уже о бумаге, состоянии рукописи или каких-либо других приметах, пометах, приписках и т. п.

Недостаточность сведений, имевшихся в таких описаниях, вполне очевидна. Поэтому большим событием явилось появление в свет в 1931 г. каталога дуньхуанских рукописей, хранящихся в Пекинской библиотеке²⁴, в котором составитель описания Чэнь Юань дал хотя и не исчерпывающие, но все же сравнительно полные сведения о составе фонда.

Неполнота первых изданий характерна также и для публикации каталога дуньхуанских рукописей Национальной библиотеки, который был переведен Ло Фу-чаном и Лу Сяном с рукописи Пелльо²⁵.

Наиболее подробные и обширные сведения о дуньхуанских рукописях даны в описании коллекции Стейна, хранящейся в Британском музее²⁶. Недавно выпуском третьей части завершена работа по описанию тибетских рукописей фонда Пелльо²⁷. В новой, более полной обработке описаны также китайские рукописи экспедиции Отани, хранящиеся в университете Рюкоку в Киото²⁸. Закончено также описание тибетских рукописей из коллекции Стейна, хранящихся в Индии, куда вошла и имеющаяся там небольшая группа фрагментов на китайском языке²⁹.

Что касается введения в научный обиход дуньхуанских рукописей Института востоковедения (коллекция С. Ф. Ольденбурга), то первая публикация материалов этого фонда была сделана в 1929 г. проф. Кано Наоки, который опубликовал сообщение «О фрагменте старой рукописи „Литературного изборника“»³⁰. Примерно в это же время систематической обработкой материалов из Дуньхуана стал заниматься К. К. Флуг. Им были составлены и опубликованы краткий обзор небуддийской части

²⁴ Чэнь Юань, *Дуньхуан цзе юй лу*.

²⁵ Ло Фу-чан, *Бали тушугуань дуньхуан шуму*; Лу Сян, *Бали тушугуань дуньхуан себэнь шуму*.

²⁶ L. Giles, *Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tun-huang in the British Museum*, London, 1957, 334 pp.

²⁷ M. Lalou, *Inventaire des Manuscrits tibetains de Touen-houang conservés à la Bibliothèque Nationale* (Fonds P. Pelliot tibétain), Paris, I — nos. 1—849, 1939; II — nos. 850—1282, 1950; III — nos. 1283—2216, 1961.

²⁸ *Рюкоку дайгаку сёдзё тонкё кокё гэнсон мокуроку*.

²⁹ Poussin Louis de la Vallée, *Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Tun-Huang in the India Office Library*. With an Appendix on the Chinese Manuscripts by Kazuo Enoki, Oxford, 1962, XVIII, 299.

³⁰ Кано Н., *О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук*, — «Известия Академии наук», отделение гуманитарных наук, 1930, № 2, стр. 135—144 (Пер. Ю. К. Щуцкого). Японский текст и факсимиле рукописи опубликованы в журн. «Синагаку», 1929, т. 5, № 1.

фонда и краткая выборочная опись буддийских рукописей³¹. Вместе с Флугом, насколько это можно проследить по архивным материалам, социально-экономическими документами фонда должен был заняться А. С. Поляков, известный нам по его работе в «Согдийском сборнике», посвященной изучению найденных в 1933 г. в Таджикистане китайских документов танской эпохи³². Однако безвременная гибель К. К. Флуга во время блокады Ленинграда, а также смерть А. С. Полякова надолго прервали изучение Дуньхуанского фонда.

Систематическая работа над фондом возобновилась только в 1957 г. С того времени уже вышли в свет два выпуска описания фонда³³, и работа продолжается.

Ленинградские составители каталога дуньхуанских рукописей попытались учесть недостатки предшествовавших им описаний и потому поставили перед собой задачу значительно расширить сведения о каждом описываемом фрагменте. Так, например, допуская возможность того, что различные части одной и той же рукописи могут быть обнаружены в других собраниях, решено было дать подробное описание внешних признаков рукописей с такими обязательными данными, как характеристика бумаги, почерк, пометы, исправления, оформление рукописи и т. п.

Значительным событием в дуньхуановедении был выход в свет в 1962 г. «Сводного указателя рукописей из Дуньхуана», подготовленного издательством «Шаньху иньшугуань»³⁴. Это первый генеральный каталог, который, несмотря на имеющиеся в нем недостатки, является прекрасным путеводителем для любого дуньхуановеда. Указатель содержит сведения о всех известных к моменту выпуска дуньхуанских рукописях, сохранившихся как в самом Китае, так и в заграничных собраниях. При его составлении, особенно в части, касающейся фондов Стейна и Пелльо, использован упомянутый выше каталог Джайлза, а также материалы Ван Чжун-миня, которые последний получил во Франции в период работы в Национальной библиотеке в 1934—1938 гг.³⁵

Важный раздел этого справочника составляет перечень 14 собраний, хранящихся у частных лиц и в музеях.

В конце каталога в общее построение «Указателя» включены пять тематических (перепечатанных с ранее издававшихся работ) списков: «Каталог сутр, шастр и комментариев, не вошедших в опубликованные произведения буддийского канона», «Каталог сутр и апокрифов, считавшихся утерянными», «Каталог рукописей бяньвэнь», «Каталог рукописей цюйцзыцы» и «Каталог произведений по четырем разделам (кано-

³¹ К. К. Флуг, *Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Библиография Востока», вып. 7, 1935, стр. 87—92; *Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР*, — там же, вып. 8—9, 1936, стр. 96—115.

³² А. С. Поляков, *Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане*, — «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 91—121.

³³ М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спирин, С. А. Школяр, *Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии*, вып. 1, под ред. Л. Н. Меньшикова, М., 1963, 774 с.; М. И. Воробьева-Десятовская, И. Т. Зюграф, А. С. Мартынов, Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Смирнов, *Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии*, вып. 2, под ред. Л. Н. Меньшикова, М., 1967.

³⁴ *Дуньхуан ишу цзунму соинь*.

³⁵ Ван Чжун-минь, *Дуньхуан гуцзи сюлу*, Пекин, 1958.

ны, история, философия и поэзия), считавшихся утерянными». Однако помещение их в общем списке не совсем увязывается с замыслом составителей, ибо это не систематическое описание фондов, а специальные тематические каталоги — результат работы над определенными документами из состава разных коллекций. К тому же расположение этих рукописей под новой общей нумерацией вносит известные неудобства при пользовании справочником, так как они значатся где-то раньше в этом же справочнике под своим шифром.

Было бы гораздо лучше, если бы эти тематические каталоги были изданы самостоятельно с более подробными данными, как это, например, сделано с произведениями даосских сочинений³⁶, несторианских рукописей³⁷ или текстами медицинского содержания³⁸.

Особо следует остановиться на вышедшем в 1964 г. первом опыте справочника, в котором зафиксированы дуньхуанские рукописи небуддийского содержания, вошедшие в исследовательские работы китайских, японских и европейских ученых³⁹. Это прекрасная работа, которая окажет неоценимую услугу, особенно тем, кто занимается вопросами социально-экономических отношений в широком смысле слова. Справочник разбит на разделы по темам с указанием шифров рукописей, к ним относящихся. К каждой рукописи дана подробная библиографическая справка с перечислением всех известных работ, где данный документ исследуется. Для удобства пользования справочником в конце тома даны указатели, которые позволяют легко найти все необходимые сведения.

Из приведенных выше кратких сведений о той огромной работе, которая проделана по систематизации и описанию фондов, видно, что изучение дуньхуанских рукописей до недавнего времени продолжало находиться в начальной стадии. Однако появление наряду с общими описаниями фондов таких каталогов, как тематические, может служить хорошим свидетельством того, что параллельно с этой работой по публикации и изучению отдельных рукописей идет развитие вполне конкретных направлений в дуньхуановедении.

Первое направление, по которому пошло изучение дуньхуанских рукописей, определялось уже самой принадлежностью библиотеки к буддийскому монастырю. Наличие большого числа рукописей по буддизму встретило огромный интерес в Японии как со стороны всевозможных буддийских организаций, так и со стороны специалистов-буддологов. Первый же перечень сутр, не вошедших в опубликованные ранее произведения буддийского канона, сообщенный в 1912 г. китайским специалистом по буддизму Ли И-жо, дал толчок к интенсивным поискам и изучению их.

Один из крупнейших японских специалистов — видный историк буддизма Ябуки Кэйки вскоре дважды побывал в Лондоне и получил около 250 фотокопий с китайских буддийских текстов коллекции Стейна. В большинстве своем это были рукописи сутр, комментариев к ним, апокрифов и других буддийских текстов, считавшихся ранее утраченными. Многие из привезенных Ябуки материалов в 1924—1928 гг. были подготовлены к изданию и вошли в т. 85 «Трипитаки

³⁶ Офути Ниндзи, *Тонкō дōкэй мокуроку*.

³⁷ Саэки Есиро, *Кэйкё бункэн оёби ибуцу мокуроку*.

³⁸ Мики Саказ, *Сайики сюцудо ияку канкэй бункэн сōгō кайсэцу мокуроку*.

³⁹ Сугайн тонкō бункэн оёби кэнкю бункэн-ни ингё сёкай-сэрарэтару сайики сюцудо камбун бункэн бунруй мокуроку.

годов Тайсё», которая недавно вышла вторым изданием⁴⁰. Кроме того, ряд редких и неизвестных рукописей, выявленных Ябуки Кэйки, был опубликован и прокомментирован в его работе «Минся ёин»⁴¹, а также использован для многих статей и капитального исследования, посвященного изучению буддизма⁴².

За последнее время наметилась тенденция к исследованию так называемых апокрифов, а также принимавшихся монахами обетов и других буддийских произведений (в частности, славословий — цзань, уставов — виная, фоминцизна и др.), которые не были переводом с санскрита, а родились на чисто китайской почве. Из последних работ в этой области следует назвать статьи, опубликованные в посвященном Дуньхуану т. 35 журнала «Тохо гакухо»⁴³.

Что касается рукописей небуддийских религий, то здесь известное внимание исследователей привлечено даосскими каноническими произведениями, которые имеются в каждой из существующих коллекций. Общее число работ, посвященных изучению даосских рукописей, невелико. Если исследования по буддизму насчитывают не одну сотню статей и десятки монографий, то по даосизму их менее двадцати статей. Первой крупной работой в этой части изучения дуньхуанской библиотеки явилась попытка У Ци-юя восстановить первоначальный текст даосского произведения «Бэнь цзи цзинь»⁴⁴. Исследователь собрал из разных коллекций более пятидесяти фрагментов и издал их факсимильным способом, снабдив развернутым предисловием.

Большую роль в изучении идеологии того времени наряду с исследованием ранее неизвестных буддийских и даосских рукописей играют дуньхуанские материалы, касающиеся манихейства и несторианства, распространенных одно время в районах Центральной Азии. Работа над обнаруженными в Дуньхуане первоисточниками позволяет осветить этот важнейший вопрос с точки зрения взаимодействий, проявлявшихся в сложном центральноазиатском мире, где столкнулись культуры Запада, Передней Азии, Индии и Китая. В этой области дуньхуановедения следует указать на одну из ранних опубликованных работ Шаванна и Пелльо, большая часть исследований в которой принадлежит Пелльо, собравшему и изучившему не только китайские источники по манихейству, но и письменные памятники, относящиеся к этой религии, на других языках⁴⁵. Исследованию распространения несторианства в Китае посвящен ряд монографий и статей упоминавшегося выше автора библиографии и каталога несторианских рукописей Саэки Ёсиро⁴⁶ и др.

Если в Японии большое внимание привлекли материалы, связанные с изучением буддизма и других религий, то в Китае предпочтение было отдано рукописям, дающим материалы по истории китайской литературы. Из этой группы сохранившихся рукописей основное внимание привлекли образцы неизвестного ранее жанра бяньвэнь, который исполь-

⁴⁰ Тайсё синсю дайзёкё.

⁴¹ Ябуки Кэйки, *Минся ёин*; его же, *Минся ёин кайсэцу*.

⁴² Его же, *Санкайкё-но кэнкё*.

⁴³ Макита Тайрё, *Тюгоку буккё-ни окэру гикё кэнкё дзёсэцу. Тонкё сюцудо гикё-руй-о мэгуттэ*; Инокути Тайдзюн, *Тонкё-хон «буцумёкё»-но сё кэйтё*.

⁴⁴ «Pen-Tsi-King» (Livres du terme originel). Ouvrage taoïste inédit du VIIe siècle. Manuscrits retrouvés à Touen-houang reproduits en fac-simile. Introduction par Wu Chi-yu, Paris, 1960, 50 + 208 pp.

⁴⁵ E. Chavannes and P. Pelliot, *Un traité manichéen*, Paris, 1913.

⁴⁶ См. работы Саэки Ёсиро: *Кэйкё кэнкё-но рэкиси то гэндзё*; *Кэйкё-но кэнкё*; *The Nestorian Documents and Relics in China*; *Тюгоку-ни окэру кэйкё суйбё-но рэкиси*.

зовался рассказчиками сутр для распространения буддийского учения. Стараясь сделать свои проповеди более понятными и привлекательными, монахи излагали содержание сутр в значительно расширенном плане, языком, близким к разговорному и понятному на слух.

Открытие этих и других образцов литературных произведений стало предметом широких исследований китайских специалистов по истории литературы⁴⁷. В настоящее время большинство известных рукописей жанра бяньвэнь объединены в опубликованном двухтомнике и обработаны группой видных китайских специалистов по Дуньхуану⁴⁸. Исследованию стихотворных произведений посвящены две большие работы Жэнь Эр-бэй⁴⁹.

Известное внимание изучению бяньвэнь уделяют и японские исследователи, которые рассматривают их в связи с историей развития японской литературы⁵⁰, а также с общими направлениями исследований в этой области дуньхуановедения⁵¹.

С возобновлением в 1957 г. систематической обработки коллекции С. Ф. Ольденбурга в Советском Союзе тоже ведется большая работа по изучению обнаруженных в фонде уникальных памятников народной литературы⁵². Первые же работы ленинградских специалистов по Дуньхуану встретили положительные отзывы в печати⁵³ и получили международное признание⁵⁴.

Этими же вопросами занимаются и другие европейские ученые. Так, известный английский исследователь и переводчик А. Вейли издал в 1960 г. перевод на английский язык 26 текстов бяньвэнь, снабдив их краткой аннотацией и пояснениями⁵⁵. Одна из последних работ П. Демьевиля посвящена вопросу датировки текста и происхождению сюжета бяньвэнь о Ван Чжо-цзюнь⁵⁶. Вопросам изучения бяньвэнь уделяют внимание также и чехословацкие литературоведы⁵⁷.

⁴⁷ Подробно об этом см. Л. Н. Меньшиков, «Предисловие» в кн.: «Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь „Десять благих знамений“» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии). Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963, 194+35 стр.

⁴⁸ Дуньхуан бяньвэнь-цзи, сост. Ван Чжун-минь, Ван Цин-шу, Сян Да, Чжоу И-лян, Ци Гун и Цзэн И-гун.

⁴⁹ Жэнь Эр-бэй, Дуньхуан цюй цзяолу; его же, Дуньхуан цюй чутань.

⁵⁰ Кавагути Хисао, Тонкё хэмбун-но судзай то нихон бунгаку; его же, Мокурэн кюбо хэмбун; его же, Хассёсэй хэмбун то кондзюку моногатарисё буцудэн сэцува.

⁵¹ Канаока Сёкё, Тонкё хэмбун кэнкё-но дёкё.

⁵² «Бяньвэнь о Вэймоцзе..», «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ». Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963, 73 с.; Л. Н. Меньшиков, Фрагмент неизвестной лэйшу из Дуньхуана, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 69, 1965, стр. 77—98.

⁵³ G. Dudbridge, L. N. Men'shikov, *Byan'ven o Veymoitze. Byan'ven Desyat blagikh znameniy*, — «Bulletin of the Oriental and African Studies University of London», vol. XXVIII, pt 2, 1965, p. 420; M. Dolezelovwa-Velingerova, *Kitajskie rukopisi iz Dun'huana*, — «Archiv Orientalni», 33/2, 1965, pp. 313—315; P. Demieville, *Manuscrits Chinois de Touen-Houang à Leningrad*, — «T'oung Pao», vol. VI, livr 4—5, pp. 355—376; Канаока Сёкё, *Собизто-ни окэру тонкё бункэн сансю*.

⁵⁴ В 1964 г. Французская Академия надписей и изящной словесности за цикл работ по Дуньхуану, возглавляемых кандидатом филологических наук Л. Н. Меньшиковым, присудила Институту народов Азии АН СССР премию имени Станислава Жюльена.

⁵⁵ A. Waley, *Ballads and Stories from Tun-huang*, London, 1960, pp. 1—274.

⁵⁶ P. Demieville, *Quelques traits de incurs Barbares dans une chantefable Chinoise des T'ang*, — «Acta Orientalia», 1962, tomes XV, facsimile, 1—3, pp. 71—85.

⁵⁷ V. Hrdlickova, *Some Questions connected with Tun-huang Pien-wen*, — «Archiv Orientalni», 30, 1962, pp. 211—230.

В дополнение к общему обзору состояния изучения образцов литературных произведений следует добавить, что публикация этих материалов способствовала появлению исследований, связанных с изучением лексики того времени. Первые попытки интерпретации трудных для расшифровки просторечных слов, зарегистрированных только в дуньхуанских рукописях, были сделаны Жэнь Эр-бэем и Ирия Еситака. Первый дал значение 105 слов и выражений в приложении к своей работе, посвященной исследованию цюйцзыцы⁵⁸, а второй уделил место исследованию лексики в двух статьях, посвященных изучению творчества и эпохи поэта Ван Фань-чжи⁵⁹. Огромную и очень важную работу в этом направлении проделал Цзян Ли-хун, составив первый свод редких и трудных слов и выражений дуньхуанских бяньвэнь с подробным и обоснованным их толкованием⁶⁰.

Заканчивая обзор описаний рукописных фондов, а также изучения буддийской литературы и связанных с ней неизвестных ранее жанров китайской литературы, нельзя не сказать несколько слов и о сохранившихся памятниках искусства, которые наравне с письменными источниками таят в себе ценные сведения как исторического, так и этнографического характера.

Дуньхуанские пещеры с сохранившимися в них замечательными образцами стенной росписи и статуями будд фактически стали объектом дуньхуановедения только за два последних десятилетия. Многочисленная более ранняя литература, посвященная изучению этих живописных памятников искусства по репродукциям из трудов Пелльо и Стейна, рассматривала их в некотором отрыве от тех конкретных условий жизни, которые существовали в Дуньхуане в момент их создания. Авторы большинства работ старались, прежде всего путем сопоставления картин и образов, найти в них соответствие тому или иному буддийскому произведению, вошедшему в канон.

Так, например, на материалах шеститомного альбома Пелльо японский исследователь Мацумото Эйити раскрыл сюжеты каждой панели фресковой живописи. Сопоставив их с рисунками, выполненными на шелку в Дуньхуане и других районах Центральной Азии, он дал пояснения о том, какая сутра легла в основу создания каждого рассмотренного им произведения⁶¹.

Однако впоследствии исследователи стали обращать внимание на то, что содержание фресок не всегда передает суть самого канонического произведения — сутры, а скорее всего согласуется с ее упрощенным толкованием, распространявшимся среди мирян через посредство бяньвэней. Сейчас предпринимаются попытки найти эту связь и подтвердить ее при помощи уже самих дуньхуанских письменных свидетельств (среди которых имеются записи, касающиеся, например, строительства пещерных храмов) и других документов⁶².

В восстановлении и сохранении этих памятников искусства огромную роль играет созданный в 1943 г. Институт дуньхуанской культуры — «Дуньхуан вэньу яньцзюсо», который занимается не только реставрационно-восстановительными работами, но также организацией вы-

⁵⁸ Жэнь Эр-бэй, *Дуньхуан цюй чутань*, стр. 354—369.

⁵⁹ Ирия Еситака, *Вамбонси ни цуйтэ*; его же, *Вамбонси сикю кё*.

⁶⁰ Цзян Ли-хун, *Дуньхуан бяньвэнь цзыи тунши*.

⁶¹ Мацумото Эйити, *Тонкё-га-но кэнкю*.

⁶² Фудзиэда Акира, *Тонкёгаку-но тэнкай*.

ставок⁶³ и публикацией этих замечательных памятников⁶⁴. Особого внимания заслуживает тот факт, что большое значение придается реставрации и репродуцированию фресок, сюжет которых содержит бытовые сценки и отображает общественную жизнь и быт современной строительству пещер эпохи⁶⁵.

Перейдем теперь к обозрению тех письменных источников, которые, как ни что иное, позволяют глубже заглянуть непосредственно в жизнь людей, обитавших в районе этих пещерных памятников

В количественном отношении рукописи небуддийского содержания составляют очень незначительную часть каждой из известных дуньхуанских коллекций. К тому же большинство их, как правило, представляет собой небольшие обрывки. Документы эти, по-видимому, утратившие в свое время силу, были использованы как бумага для нужд буддийской библиотеки. Их чистая обратная сторона предназначалась для каллиграфических упражнений переписчиков сутр, для писания и реставрации текстов буддийских сочинений, молитв и т. п.

Однако, несмотря на их большую фрагментарность, документы эти рисуют более подробно, чем было известно до находки дуньхуанской библиотеки, многие стороны социально-экономической жизни этого района. Свидетельством тому — большое количество публикаций и сообщений, созданных на основе этих ценнейших материалов. Среди них немалая доля приходится на исследования, касающиеся экономических, юридических и официальных документов, которые имеют первостепенное значение для выяснения исторической и экономической обстановки в Дуньхуане того времени и, если не полностью, то в какой-то степени дают возможность восстановить в очень конкретном виде картину экономического и хозяйственного развития Дуньхуанского уезда во второй половине I тысячелетия нашей эры.

Первыми документами социально-экономического характера, которые привлекли внимание исследователей, были опубликованные Ло Чжэнь-юем в «Шачжоу вэньлу» подворные списки — хуцзи (戶籍). Ценность этих первоисточников в том, что они не ограничивались простой регистрацией социального положения людей, в них находили отражение количество и категории получаемой земли, отношение зарегистрированных лиц к трудовой повинности и налогам. Одновременно они являлись и регистрационной ведомостью земельных участков — подробной описью полей.

Фрагменты таких списков, найденные в Дуньхуане и Турфане, в основной своей массе относятся к периоду Тан и хорошо отражают картину осуществления наделной системы цзюньтянь, а потому представляют огромную ценность как источник для изучения земельных отношений периода этой династии.

Первым, кто посвятил свои исследования вопросу о подворных спис-

⁶³ См., например, специальный выпуск журнала «Вэнь цанькао цзыляо», посвященный выставке дуньхуанских памятников в Пекине (Пекин, 1951, цз. 2, № 4—5).

⁶⁴ За последние годы вышли следующие известные нам издания этого института: «Design from the Tunhuang Caves», Peking, 1956; *Дуньхуан бихуа сюань*, *Дуньхуан бихуа цзи*, *Дуньхуан шиу хуаку*, *Дуньхуан могаоку*, *Дуньхуан бихуа*, *Дуньхуан цай-су* и др.

⁶⁵ О том, как успешно развивается деятельность института, рассказывает дважды побывавший за последние годы в Дуньхуане Китагава Момоо — см. его работы: *Тонкё кикё* и *Тонкё бидзюцу-но таби*. Историю создания института см. в книге Канда Киитиро, *Тонкёгаку годзюэнэн*.

ках, был Тамаи Дзэхаку, который в статье «Фрагменты дуньхуанских подворных списков»⁶⁶ подверг разбору методику их составления, прокомментировал встретившиеся в рукописях названия географических пунктов, а также затронул некоторые вопросы, связанные с осуществлением системы цзюньтянь. Во второй работе он значительно расширил свое исследование и опубликовал несколько новых документов, привезенных им из Англии и Франции, включив туда аналогичные списки начала династии Сун, которые нередко попадают среди дуньхуанских коллекций⁶⁷.

Большим толчком к изучению этой группы документов явилось сообщение, сделанное упомянутым выше проф. Наба Тосисада о многочисленных фрагментах подворных списков, хранящихся в Берлине (коллекция Лекока из Турфана) и в Парижской Национальной библиотеке⁶⁸.

Исследования подворных списков в первую очередь связывались с системой надельного землепользования цзюньтянь и приобрели форму дискуссии, которая продолжается и в наши дни⁶⁹. Особенно много споров ведется вокруг часто встречающегося в подворных списках 712—779 гг. термина цзытянь (自田) — «собственное, личное поле». Есть предположение, что эти земли, помимо полагавшихся по наделу, приобретались каким-то самостоятельным путем, который, если, может быть, официально и не поощрялся, то во всяком случае признавался властями⁷⁰. Вопросы содержания терминов, обозначающих категории земель, затрагиваются в очень многих работах, в частности у Хань Го-паня⁷¹, Хэ Чан-цуня⁷², Согабэ Сидзуо⁷³ и др.

Большую работу по изучению подворных списков провели Судзуки Сюн⁷⁴ и Ниида Нобору⁷⁵. Последний детально разобрал их составные части и проанализировал на основании официальных источников все те изменения, которые произошли в их форме. Рассматривая эти списки, ученый предпринял попытку сопоставить зарегистрированные в них данные о полученной земле с официальными распоряжениями, по которым государство предоставляло каждому работоспособному жителю земельный надел. Удалось установить, что ни в одном случае количество причитавшейся земли не было получено полностью, даже самая высокая цифра полученной площади составляла, как правило, лишь незначительную долю того, что полагалось по закону.

Конечно, сами по себе подворные списки являются ценнейшим источником не только для изучения надельной системы, мимо них нельзя пройти и при изучении других вопросов, касающихся социально-экономической истории периода танской династии в целом. Много вни-

⁶⁶ Тамаи Дзэхаку, *Тонкō косэки дзанкан-ни цуйтэ*.

⁶⁷ Его же, *Футатаби тонкō косэки дзанкан-ни цуйтэ*.

⁶⁸ Наба Тосисада, *Сэйси ни кисайсэраэтару дайтō тэмпō дзидай-но косй то кōсй то-но канкэй-ни цукитэ*.

⁶⁹ Икэда Он, *Тōдай киндэнсэй но мэгуттэ*.

⁷⁰ Нисикага Магао, *Тонкō хаккэн-ни тōдай косэки дзанкан-ни араварэта дзидэн-ни цуйтэ*.

⁷¹ Хань Го-пань, *Гэньцзюй дуньхуан хэ тулуфань фасянь ды вэньцзянь люэтань ю гуань тандай тяньчжи ды цзигэ вэньти*.

⁷² Хэ Чан-цунь, *Хань ган цзянь фэнцзянь туди соючжи синши яньцзю*.

⁷³ Согабэ Сидзуо, *Киндэнсэй-но энтакути-ни цуйтэ*.

⁷⁴ Судзуки Сюн, *Тōдай-но косэки-ни цуйтэ*; его же, *Тонкō хаккэн тōдай косэки то киндэнсэй*; его же, *Косэки сакусэй-но нэндзи то торэй*.

⁷⁵ Ниида Нобору, *Тонкō-тō хаккэн тō сō косэки-но кэнкю*.

мания в этой связи уделяется таким сложным вопросам, как развитие арендных отношений⁷⁶ и системы налогов⁷⁷.

Кроме подворных списков в числе дуньхуанских рукописей были найдены и другие документы регистрационного характера. Так, например, исследованию документов, служивших основой для составления подворных списков, посвящены работы Ямамото Тацуро⁷⁸ и Икэда Он⁷⁹. В фонде Пелльо имеется пять фрагментов, содержащих ценные сведения по вопросу о трудовой повинности. В них зарегистрировано мужское население из нескольких деревень Дуньхуанского уезда. Против многих фамилий, помимо общих данных, стоят термины, обозначающие разновидности повинностей, рассмотрению которых посвятил свою статью Ван Юн-син⁸⁰. Особого внимания в этом плане заслуживает список коллекции Стейна (S — 542), в котором против фамилий отбывающих повинность имеются, например, такие пометы: «охрана в монастыре Пугуаньсы арестованных, 5 дней», «охрана в монастыре Юньаньсы арестованных, 5 дней». Как видно, монастыри не только экономически эксплуатировали местных жителей, но и имели право на лишение их свободы.

Списки, отражающие регистрацию буддийских монахов, рассмотрены в работе Фудзиэда Акира⁸¹, а вопросы системы дуньхуанской монашеской иерархии и организации монастырских поселений освещены в статьях Тикуса Масааки⁸².

В настоящее время все известные списки населения, обнаруженные в различных собраниях (кроме фрагментов, содержащихся в дуньхуанском фонде Ленинградского отделения Института востоковедения), уже прочно вошли в научный обиход и продолжают служить предметом пристального изучения японских и китайских ученых. Около 80 списков различного назначения объединено в сборнике «Дуньхуанских документов», который был подготовлен Институтом истории Китайской Академии наук⁸³. Кроме того, в этот же сборник вошло около 150 других документов. Это контракты о найме рабочей силы, о займах, договоры на аренду или продажу земли, отдача в залог детей, братьев, продажа на рабство, раздел имущества и многое другое.

Такое разнообразие дошедших до нас рукописей небуддийского содержания может пролить свет на очень большое количество вопросов социально-экономической истории, раскрыв перед нами действительную картину жизни различных общественных слоев в Дуньхуанском уезде, местное население которого вовлекалось ходом экономического и духовного развития в непосредственный контакт с существовавшими там монастырями.

Хотя многие из рукописей небуддийского содержания на первый взгляд не имеют никакого отношения к буддийским монастырям, одна-

⁷⁶ Ша Чжи, *Тулуфань дянъжэнь вэньшу ли ды тандай цзутянь гуаньси*; Нисидзима Садао, *Торуфан сюцудо бунсё ёри митару киндэнсэй-но сико дзётэй*; Судо Ёсиюки, *Дэндзин бунсё-но кэнкю*.

⁷⁷ Согабэ Сидзю, *Киндэнхё то соно дзэйяку сэйдо*; Нисимура Гэнью, *Тёдай тонкё сакабо-но кэнкю*; его же, *Сай-ги кэйтё косэки-ни окэру ка то дзэй-но иги*; его же, *Тонкё хаккэн сай-ги кэйтё косэки*.

⁷⁸ Ямамото Тацуро, *Тонкё хаккэн кэйтё-ё бунсё дзанкан*.

⁷⁹ Икэда Он, *Тонкё хаккэн то дайрэки ёнэн сюдзицу дзанкан-ни цуйтэ*.

⁸⁰ Ван Юн-син, *Дуньхуан тандай чакэбу каоши*.

⁸¹ Фудзиэда Акира, *Тонкё-но сёни-сэки*.

⁸² Тикуса Масааки, *Тонкё-но сёкан сэйдо*; его же, *Тонкё-но кокё-ни цуйтэ*.

⁸³ *Дуньхуан цзыляо*.

ко в большинстве их все же прослеживаются если не прямые, то косвенные связи с ними. Так, например, самые разнообразные сделки, заключавшиеся между мирянами, как правило, неизбежно совершались в присутствии представителей духовенства, выступавшего в качестве свидетелей.

Более четко эти связи выступают в довольно большой группе документов, которые, как нам кажется, могут быть отличным материалом для изучения структуры дуньхуанского общества. Это документы, связанные с организацией шэ — 社; назовем их пока условно общинными, условно потому, что еще предстоит выяснить, какое положение они занимали, как они создавались и какое содержание скрыто под этим термином, так как первые попытки Наба Тосисада рассмотреть роль шэ в экономической и социальной жизни Дуньхуана из-за ограниченности сведений не дали удовлетворительного ответа на этот вопрос⁸⁴.

Несколько удачнее в этом плане выглядит работа Тикуса Масааки, который на современном этапе дуньхуановедения смог более полно анализировать эту группу документов как материал для дальнейших исследований шэ⁸⁵.

Как видно из приведенной выше литературы, многие из этих важнейших источников в свое время были использованы главным образом в отдельных статьях и сообщениях. Попыток обобщения документов в одно целое было мало.

Начало комплексному исследованию документов было положено посмертным изданием многолетнего труда крупного французского синолога Анри Масперо⁸⁶, который расшифровал и перевел на французский язык 607 документов, найденных Стейном не только в Дуньхуане, а также в районе Турфана, в Таримском бассейне и в Хара-Хото. Хотя в его работе процент дуньхуанских документов незначителен, однако сам принцип соединения воедино китайских документов, распространенных в районах, с которыми Дуньхуанский уезд был тесно связан во все времена, важен в том отношении, что явления, зафиксированные в них, могут прослеживаться в ряде мест и, таким образом, дают возможность показать закономерность того или иного явления, а не видеть в ней случайность, имевшую местное значение.

Принцип комплексного исследования был продолжен и развит в шеститомном японском издании «Исследования по культуре Западного края»⁸⁷, во второй и третий тома которого вошли дуньхуанские и турфанские документы, касающиеся деятельности буддийских монастырей, вопросов аренды земель, особенностей наделной системы и почтового сообщения, а также исследования официальных документов, подворных списков, системы налогов и многих других вопросов, воссоздающих общую картину того или иного явления.

Одновременно с накоплением фактического материала некоторые ученые стали предпринимать попытки свести воедино свои разрозненные исследования. Так, крупнейший японский специалист проф. Нида Нобору в своем капитальном четырехтомном исследовании по истории китайского законодательства наряду с использованием юридических и нарративных источников удачно объединил дуньхуанские и

⁸⁴ Наба Тосисада, *Тōдай-но сяю-ни цукитэ*; его же, *Буккё синкō-ни мотодзукитэ сосики-сэарэтару тōбан тō годай дзидий-но сяю-ни цукитэ*.

⁸⁵ Тикуса Масааки, *Тонкō сюцудо «ся» бунсё-но кэнкю*.

⁸⁶ H. Maspero, *Les documents Chinois*, London, 1953.

⁸⁷ *Сайики бунка кэнкю*, тт. 1—6.

турфанские документы, рассматривая их с точки зрения юридических норм. Особый интерес в плане дуньхуановедения представляют тома, посвященные исследованиям в области земельного и торгового, работладельческого и общинно-родового права⁸⁸.

Как мы говорили выше, в Ленинградском отделении Института востоковедения ведется систематическая работа по описанию всей коллекции, а также изучение обнаруженных памятников литературы. Наряду с этим первые итоги работы над фондом показали, что в его составе имеется достаточное количество рукописей небуддийского содержания, которые тоже могут стать предметом самостоятельного комплексного изучения. Хотя количество их и небольшое — из 12 тыс. фрагментов фонда таких документов немногим более 400, — все же с полным основанием можно ожидать, что с привлечением уже имеющейся литературы публикация их даст в руки исследователей много новых и ценных сведений.

В предстоящей публикации предполагается объединить рукописи по группам (подворные списки, долговые обязательства, официальные документы, частные письма и т. д.), каждая из которых должна быть снабжена обобщающим введением как итог ее изучения. Подготавливаемые документы намечено снабдить переводом, комментариями и факсимильным воспроизведением.

Наш обзор дуньхуановедения будет неполным, если не сказать несколько слов о самой малочисленной группе дуньхуанских документов, которая тоже представляет большой научный интерес. Здесь в первую очередь следует указать на наличие рукописей, содержащих своды конфуцианской канонической литературы и историко-географические описания⁸⁹. Среди географических сочинений важное место занимают описания дуньхуанского района, содержащие данные о местных каналах, реках, дамбах и других ориентирах, сведения о которых вряд ли можно найти в каком-либо другом источнике. Находка этих рукописей привлекла внимание не только китайских, но и европейских ученых⁹⁰.

Из других фрагментов этой части дуньхуанской библиотеки нельзя не назвать материалы типа бэньцао (*Materia medica*), в которых обычно содержатся сведения о лекарственных растениях и о других веществах, употреблявшихся в лечебных целях. Кроме того, в эту же группу следует включить фрагменты о способах математических вычислений, имевших преимущественно практическое значение, а также календарные тексты и несколько фрагментов музыкальных нот.

Что касается рукописей бэньцао, то некоторые из них вскоре после открытия дуньхуанской библиотеки были опубликованы Ло Чжэнь-юем⁹¹, а затем исследованы японскими учеными Накао Мандзо⁹² и Курода Гэндзи⁹³. В последние годы эти материалы вновь привлекли

⁸⁸ Нинда Нобору, *Тягоку хёсэйси кэнкю*.

⁸⁹ Цзян Лян-фу, *Дуньхуан — вэйдады сэнхуа баоцзан*, стр. 89—113.

⁹⁰ L. Giles, *Tun Huang Lu. Notes on the district of Tunhuang*, — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1914; *The Tun Huang Lu re-translated*, — там же, 1915; *A Topographical Fragment from Tunhuang*, — «Bulletin of the School of Oriental Studies». London Institution, vol. VII, 1934.

⁹¹ Ло Чжэнь-юй, *Кайюань се бэньцао цзичжю сюлу*; его же, в сб. *Чжэньсунтан сичуй бицзи цунцань*.

⁹² Накао Мандзо, *Сёку-рё хондзо-но кёсацу*; его же, *Тё синсю хондзо-но кайсёцу*.

⁹³ Курода Гэндзи, *Рокутё ко-сяхон синно хондзёкё-но дзанкан-ни цукитэ*; его же, *Пуроя гакусиин сёдзё тёд Адзия сюцудо ихёсё ёнсё*.

к себе внимание, став объектом изучения для историков восточной медицины⁹⁴.

В настоящее время в научный обиход введен считавшийся прежде утраченным прекрасный источник, свидетельствующий об уровне медицины того времени, трактат Чжан Чжун-цзиня «О пяти внутренностях», в котором описываются формы и строение человеческого тела, а также лекарственные вещества и методы, применявшиеся народной медициной⁹⁵. Сопоставлению дуньхуанских вариантов с сунскими печатными изданиями посвящены работы Мики Сакаэ⁹⁶.

Из материалов, относящихся к другим областям знаний, можно указать на немногочисленные астрономические тексты, имеющие определенное значение для изучения истории китайской науки, в частности способов летосчисления и построения календаря. Насколько нам известно, материалы этой группы рассмотрены в отдельных работах как китайских⁹⁷, так и японских ученых⁹⁸.

То же самое относится и к рукописям по смежной с астрономией отрасли знания — математике, которые как будто нашли полное отражение в работах историка китайской математики Ли Яня⁹⁹ и Наба Тосисада¹⁰⁰.

Что касается памятников музыкального искусства, то специалисты неоднократно принимались за них, но наличие лишь нескольких небольших фрагментов не позволяет делать каких-либо обобщающих выводов¹⁰¹, и они ограничиваются в основном изучением музыкальных инструментов, нашедших отражение в художественной росписи¹⁰².

Находка среди дуньхуанских рукописей некоторого количества ксилографов помогла осветить многие вопросы, связанные с историей книгопечатания в Китае. Наиболее полной и интересной среди работ, касающихся этой области китайской культуры, является монография Картера¹⁰³. В известной мере сведения о дуньхуанских печатных текстах использованы в работе К. К. Флуга¹⁰⁴. Кроме того, ксилографы из Дуньхуана стали предметом исследований, связанных с историей книгопечатания в других странах Азии¹⁰⁵.

Подводя итоги краткого обзора тех направлений, в которых разви-

⁹⁴ Ватанабэ Кёдзо, *Рёсингёку сэнсэй-но тонкёхон хондзё сётю дзёроку бацу-о хёсу*; там же, *Тонкё сюцудо хондзё сётю дзёроку-но бункэнгаку-тэки сэйкаку*; его же, *Дэй эй хакубуцукан дзё тонкё сюцудо сёканрон сёканкэн-ни цуйтэ-но бункэнгаку-тэки кэнкё*.

⁹⁵ Миясита Сабуро, *Тонкё хон «Чжан Чжун-цзин годзорон» кёякусё*.

⁹⁶ Мики Сакаэ, *Сутайн тонкё бунсё S — 202 то гэндэн сохан сёканрон бэммякухё нарабини кинку кёкуканкё бэммяку-то но хикаку*.

⁹⁷ Ван Чжун-минь, *Дуньхуан бэнь лижи чжи яньцзю*; Чжан Юн, *Дуньхуан цаньли инянь цзюйли*.

⁹⁸ Ябуути Киёси, *Сина-но тэммонгаку*; Накамура Сэйдзи, *Тонкё корэки-ни цуйтэ*; его же, *Футатаби тонкё корэки-ни цуйтэ*.

⁹⁹ Ли Янь, *Чжунго гудай шусюэ шиляо*; его же, *Лунь дуньхуан шиши личэн суаньцзин*.

¹⁰⁰ Наба Тосисада, *Тодай-но сёмин кёнку-ни окэру сандзюцука-но найё то соно фусан-но хёхё то ни цукитэ*.

¹⁰¹ Хаяси Кэндзо, *Тонкё буфу-ни цуйтэ*; его же, *Тонкё фу кэнкё*.

¹⁰² Кисибэ Сигэо, *Тонкё-га-ни араварэтару онгаку сирё*.

¹⁰³ T. F. Carter, *The invention of printing in China and its spread westward*, ed. 2, New York, 1955.

¹⁰⁴ К. К. Флуг, *История китайской печатной книги сунской эпохи. X—XIII вв.*, М.—Л., 1959.

¹⁰⁵ Токуудзи Юсё, *Тёё инсацуси дзёсэцу*; Нагасава Кикюя, *Вакан-сё-но инсацу то соно рёкиси*.

вается в настоящее время исследование дуньхуанских рукописей, следует надеяться, что начатое в Советском Союзе изучение этого исключительного по научному значению материала с привлечением обширной литературы, созданной за рубежом на материалах других частей дуньхуанской библиотеки, поможет осветить конкретнее социальную и экономическую жизнь не только части северо-западной окраины Китая — Дуньхуанского района, но и сопредельных с ним стран и народов Центральной Азии. Первые шаги в этом направлении уже сделаны во многих работах японских ученых. В частности, Фудзиэда Акира, используя доступные ему документы на тибетском и китайском языках, исследовал многие стороны жизни в Дуньхуане в годы, когда он находился под тибетским влиянием, а также в период власти *цзедуши* ¹⁰⁶. Икэда Он посвятил несколько статей изучению дуньхуанских родословных ¹⁰⁷ и предпринял успешную попытку реконструировать существование в середине VIII в. еще одной неизвестной ранее согдийской колонии в Китае ¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Фудзиэда Акира, *Тобан сихайки-но тонкō*; его же, *Сѣсѹ кикигун сэцудōси симацу*.

¹⁰⁷ Икэда Он, *Тōдай-но гумбохѳ*; его же, *Тонкō ханси кадэн дзанкэн-ни цуйтэ*; его же, *Тō-тѳ синдзокуси-но иккосацу*; его же, *Хассэйки хадзимэ-ни окэру тонкō-но сидзоку*.

¹⁰⁸ Его же, *Хассэйки накаба-ни окэру тонкō-но согдодзин сюраку*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. В. Лунин, *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении*. Издательство «Наука» Узбекской ССР, Ташкент, 1965, 408 стр.

Как сообщает автор в предисловии (стр. 19—22), его книга представляет собой первый том (книгу I, часть I) задуманной им обширной (по-видимому, шеститомной) работы, посвященной истории изучения Средней Азии. Б. В. Лунин известен как автор большого числа историографических работ, касающихся этой темы; список этих работ (в том числе еще неопубликованных) он сам приводит на стр. 22—24. Его новый труд, насколько можно судить по опубликованному им плану, должен стать как бы завершением и обобщением его предыдущих исследований. Данная книга¹ состоит, помимо введения, из следующих разделов: (1) «Из истории востоковедения в России и Средней Азии», (2) «Восточные рукописи. История собирания, изучения и издания», (3) «Из истории антропологического изучения Средней Азии». Уже отсюда можно видеть, что в понятие «востоковедение» автор включает и антропологию. Об этом он прямо говорит в нескольких местах в тексте (например, стр. 261: «Яркую... страницу в летописи востоковедения составляет история... антропологического изучения народов края»; стр. 303: «на некоторых направлениях работы дореволюционных востоковедов явственно сказывалось прямое влияние идей дарвинизма... как это имело место в сфере первичных антропологических наблюдений в Средней Азии»). Как показывает напечатанный Б. В. Луниным план всего издания (стр. 19, 21), он относит к востоковедению также археологию и этнографию². Востоковедение, которое некогда было «комплексной» отраслью знания, уже давно представляет собой не единую дисциплину, а совокупность научных дисциплин, к нашему времени дифференцировавшихся настолько, что сам термин «востоковедение» потерял какой-либо научный смысл и употребляется только по традиции. Однако ни ранее, ни теперь антропология к востоковедению не причислялась, а для рассматриваемого Б. В. Луниным времени (в основном с середины XIX в.) археология и этнография тоже могут быть включены в востоковедение только с большими оговорками. Уже хотя бы поэтому столь «безбрежное» понимание термина «востоковедение»

¹ Титульный лист не соответствует подлинному содержанию книги (которая касается только дореволюционного востоковедения) и не содержит указаний на то, что она является только первым томом многотомного издания; повинен в этом не автор, а существующая ныне нелепая система книжной торговли, при которой многотомные издания либо должны быть подписными, либо не должны иметь обозначения томов.

² Ср. также стр. 304, где «изучение... антропологических данных, осуществление археологических изысканий, этнографических наблюдений» названы в числе «основных направлений научно-востоковедческой работы».

ние» требовало бы специального обоснования, которого, однако, мы у Б. В. Лунина не находим. В особенности странно, что автор, объединяя в одной книге историю антропологии с историей изучения рукописей, отрывает первую от истории этнографии; зато историю этнографии, согласно его плану (стр. 19), он собирается рассматривать вместе с «филологией Средней Азии»; последняя будет объединена в одной книге с историей археологии, нумизматики, этнографии и музейного дела. Я не собираюсь здесь полемизировать с Б. В. Луниным по поводу такого рода систематизации научных дисциплин; отмечу лишь, что соединение истории антропологии с историей изучения рукописей носит, естественно, чисто механический характер и рассматриваемая книга состоит из двух совершенно самостоятельных работ. Настоящая рецензия касается только той ее части, которая посвящена собственно востоковедению (т. е. первых двух разделов).

На стр. 68 автор следующим образом формулирует свою задачу: «Задача нашего очерка — воскресить преданные забвению или малоизвестные затерянные факты, привести их в систему и дать общий обзор сложения и развития знаний по такому ценному и незаменимому источнику к истории народов Средней Азии, каким являются восточные рукописи». Далее он подчеркивает, что его книга носит «историографический и био-библиографический характер» (стр. 68), что она является «историографическим исследованием» (стр. 69). Поэтому удобнее всего будет рассмотреть книгу именно в этих двух аспектах: 1) что она представляет собой как историографическое исследование, 2) что она дает как био-библиографический справочник.

* * *

На первой странице книги автор совершенно справедливо отмечает, что «искусственная подгонка действительного хода событий под заранее установленные и надуманные социологические схемы», наряду с некоторыми другими явлениями, свойственными «годам культа личности», отрицательно сказались на историографических исследованиях. По-видимому, Б. В. Лунин не хочет идти по такому пути; однако как раз в той части, в какой рассматриваются общеисториографические вопросы, ему не удалось отойти от надуманных социологических схем. Собственно, общеисториографическим вопросам посвящен главным образом первый раздел книги, осторожно названный «Из истории востоковедения в России и Средней Азии». Такое заглавие несомненно подчеркивает, что автор не претендует здесь на общее освещение истории изучения Средней Азии в русском востоковедении, а рассматривает только некоторые вопросы, которые кажутся ему наиболее важными. Эти вопросы названы в самом начале раздела: «Естественно, что подробное рассмотрение пути, пройденного дореволюционным и советским востоковедением, требует хотя бы краткого освещения конкретных социально-экономических условий, в которых осуществлялась деятельность востоковедов... Важно также выяснить общественный облик этих ученых, показать, чем именно была обусловлена в целом прогрессивная направленность их деятельности» (стр. 25).

Большая часть рассматриваемого раздела посвящена обоснованию тезиса (заимствованного автором у И. С. Брагинского — ср. стр. 25, 47—48), согласно которому в дореволюционном русском востоковедении преобладали прогрессивные тенденции, чем оно выгодно отличалось

от западноевропейского востоковедения. Собственно, этот тезис (нигде и никем не доказанный) принимается априорно, и все усилия автора направлены только на то, чтобы определить, чем же объясняются такие преимущества русского востоковедения. Б. В. Лунин сперва (стр. 48) заявляет, что «следует согласиться» с утверждением И. С. Брагинского (1951 г.), будто на русских востоковедов оказала влияние «революционно-демократическая мысль в России»; это, по мнению Б. В. Лунина, «тем более справедливо» (!), что революционеры-демократы интересовались историей Востока и относились с симпатией к поработленным народам³. Впрочем, тут же вслед за этим (стр. 48—49) сам Б. В. Лунин вполне справедливо сомневается в правильности этого утверждения и подчеркивает, что русские востоковеды были «весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки и уж во всяком случае взглядов, бесконечно далеких от революционно-демократических идей передовой русской интеллигенции». Поскольку правильность основного тезиса — особой прогрессивности русского востоковедения — сомнению не подвергается, Б. В. Лунин для увиденного им противоречия (люди «весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки» — носители прогрессивных тенденций в востоковедении) предлагает такое объяснение (которое он, правда, не считает исчерпывающим): все дело было «в той атмосфере, какая существовала в свое время в стенах Петербургского университета» (стр. 50); атмосфера эта во второй половине XIX в. определялась политической активностью студенчества и участием многих студентов в революционном движении (стр. 50—52)⁴. «Образно говоря [?], это конечное влияние передовых идей своего времени шло незримо через настроения подавляющей массы студенческих аудиторий, путем общения с передовыми учеными, составлявшими красу и гордость русской науки, при посредстве произведений прогрессивной научной, общественно-политической и художественной литературы своего времени» (стр. 53). Все это остается неподкрепленным какими-либо фактами (никакого отношения к делу не имсет приводимый Б. В. Луниным рассказ Ольденбурга о его беседе с Владимиром Ульяновым, стр. 52). Можно согласиться с мнением автора, подкрепляемым некоторыми свидетельствами, о том, что «либерально-оппозиционные настроения несомненно проникали в среду тех дореволюционных востоковедов, которые... чуждались политики» (стр. 55); но и это, конечно, основного тезиса автора (о большей прогрессивности русского востоковедения по сравнению с западноевропейским) доказать не может. Между тем этот тезис повторяется Б. В. Луниным достаточно настойчиво. На стр. 47 говорится, что, «сопоставляя общий облик и общую направленность⁵ русского и западного востоковедения» (каким образом производится эта операция сопоставления — остается неизвестным), «нельзя не видеть» (! эти слова заменяют все доказательства), что в разных отношениях «русские востоковеды (очевидно, все.—Ю. Б.) во многом... стояли выше

³ То же самое сказано уже во введении, на стр. 7 («Многовековые политические, экономические и культурные связи России со многими государствами Востока, прогрессивные взгляды и сочувственное отношение к судьбам восточных народов передовых людей России, особенно революционных демократов, предопределили преобладание прогрессивно-демократических тенденций в старом русском востоковедении...»).

⁴ Ни одного примера, относящегося к восточному факультету, при этом не приводится.

⁵ Здесь и далее разрядка в цитатах везде моя.

большинства своих западноевропейских коллег». На стр. 49 говорится, что благодаря своему уважительному отношению к народам Востока «петербургская школа востоковедения... стояла на голову выше многих представителей западного востоковедения». В заключении, на стр. 308, говорится: «Лучшие представители [! ср. выше] буржуазно-либерального направления в русском востоковедении... стояли значительно выше многих и многих современных им зарубежных востоковедов». Вряд ли есть необходимость опровергать подобного рода высказывания, несостоятельность которых очевидна даже с точки зрения элементарной логики (не говоря уже об их фактической бездоказательности)⁶. К сожалению, Б. В. Лунин не только уделил много места этим научно-патриотическим упражнениям, но и придает им, видимо, большое значение, поскольку именно этому вопросу в основном посвящено его заключение (стр. 300—308).

Мало что дает и «краткое освещение конкретных социально-экономических условий». Б. В. Лунин первую треть общего раздела (стр. 28—38) посвящает «исторической канве событий в Средней Азии после ее присоединения к России», так как только «с учетом и на фоне» «общей картины жизни» Средней Азии следует рассматривать историю ее изучения (стр. 43). Очевидно, «фон» вообще не имеет причинной связи с событиями, происходящими на этом фоне; поэтому приходится считать, что либо автор понапрасну уделил столько места тому, что он называет «фоном», либо это просто неудачное выражение (оно встречается в аналогичной связи и на стр. 95). Во всяком случае этот «фон», как и следовало ожидать, остается существовать сам по себе, и читатель не испытывает необходимости связывать с ним излагаемую далее историю собирания и изучения восточных рукописей.

Попытку связать историю науки с фактами социально-экономической истории можно видеть в принятой Б. В. Луниным периодизации. Он говорит о востоковедении предреформенного периода (стр. 95—96), о востоковедении «времени домонополистической и монополистической стадий развития русского капитализма» (стр. 58—59). При этом он сам отмечает, что, ввиду неразработанности вопроса, «общие положения [касающиеся периодизации истории востоковедения] не связаны или слабо связаны пока с реальным ходом процесса накопления востоковедческих знаний» (стр. 58). Иными словами, это означает, что эти положения не выведены из исследования фактического материала, а приняты автором в качестве априорных. Автор здесь просто заимствует распространенную в нашей историографической литературе периодизацию⁷, не заботясь о том, насколько она обоснована вообще и применительно к востоковедению в частности.

Наконец, «выяснение общественного облика» ученых также оказывается весьма слабо связанным с выяснением их «научного облика». В лучшем случае оно приводит к выводу, что консервативные политические взгляды могут уживаться с прогрессивными научными тенденциями или не отражаются на научной деятельности. Так, на стр. 91 сообщается, что В. В. Григорьев «отнюдь не был носителем прогрессивных политических взглядов, но вместе с тем [...] был одним из выдающихся русских востоковедов XIX века». Рассуждая подобным образом,

⁶ Между тем в «Заключении» (стр. 302) автор заявляет, что к таким выводам привел его «осуществленный на страницах книги анализ [...] этого вопроса».

⁷ Ср. цитаты из книги Н. А. Смирнова на стр. 58 и 59, введенные словами «естественно, что» и «нельзя не согласиться в общем».

можно было бы также утверждать, например, что в настоящее время некоторые «носители прогрессивных политических взглядов» (из числа востоковедов) «вместе с тем» не относятся к выдающимся русским востоковедам XX века. Однако вряд ли таким способом можно способствовать выяснению путей развития науки.

Социально-экономические условия, конечно, играют большую роль в развитии всякой науки, особенно общественной. Эти условия оказывают влияние на направление научных исследований, на их организационные формы и методологию, они отчасти определяют также объем и характер материала, находящегося в распоряжении исследователя⁸. И все же, изучая только эти условия, мы не сможем получить представления о развитии самой науки, т. е. о накоплении фактического материала, об изменении задач и методов, об эволюции научных теорий и школ. Закономерности развития общества сами по себе не могут объяснить развития науки, исследование которой возможно только при уяснении ее внутренних закономерностей. Внутренние же закономерности развития какой-либо системы (а определенная отрасль науки должна рассматриваться как система) нельзя описать и исследовать при помощи понятий, лежащих за пределами этой системы. Тем более нельзя этого сделать, оперируя, как Б. В. Лунин, в сущности, всего двумя такими категориями, как «прогрессивный» и «реакционный».

До сих пор речь шла только о вступительной главе и заключении книги Б. В. Лунина, посвященных некоторым общим историографическим проблемам (как их представляет себе автор). Второй из рецензируемых разделов книги (т. е. стр. 65—260) посвящен собственно истории рассматриваемой науки. В истории всякой науки можно различить два основных процесса: процесс накопления эмпирического материала и процесс его теоретического осмысления. При освещении второго (и важнейшего для истории науки) процесса автор, по-видимому, должен был оказаться в затруднительном положении прежде всего из-за неясности самого предмета исследования. На стр. 65 этот предмет определяется как «история собирания, изучения и издания» восточных рукописей, «в данном случае — рукописей среднеазиатского происхождения или связанных своим происхождением с другими странами Востока, но содержащими [sic] те или иные сведения по Средней Азии». Поскольку это рассматривается Б. В. Луниным в одном ряду с историей таких научных дисциплин, как антропология, археология, нумизматика, этнография, филология, эпиграфика (см. стр. 19), то следует заключить, что и собирание, изучение и издание восточных рукописей Б. В. Лунин считает особой научной дисциплиной (в противном случае придется признать, что книга не имеет последовательного логического построения). Вся беда, однако, в том, что на самом деле такой научной дисциплины нет. Отчасти рассматриваемые автором вопросы входят в область археографии, но не покрывают ее; с другой стороны, «изучение восточных рукописей» в том плане, в каком его описывает автор (т. е. с точки зрения содержания, а не методов), входит составной частью во всяком случае в три различные дисциплины: историю, литературоведение и языкознание; но даже если рассмат-

⁸ Применительно к истории изучения Средней Азии анализ конкретных социально-экономических условий позволяет выяснить причины возраставшего интереса к Средней Азии в русском обществе, источники сведений о Средней Азии, обстоятельства, благоприятствовавшие или мешавшие изучению Средней Азии русскими востоковедами, и т. п. (обо всем этом Б. В. Лунин пишет, например, на стр. 94—96).

ривать востоковедение как единую комплексную дисциплину (что противоречит позиции самого Б. В. Лунина, ср. об этом выше), то и тогда «изучение восточных рукописей» нельзя считать особой областью этой науки. На стр. 65—67 Б. В. Лунин под «восточными рукописями» понимает преимущественно письменные исторические источники⁹, однако далее в своем обзоре он упоминает всевозможные сочинения — исторические, философские, религиозные, лингвистические, медицинские, произведения художественной литературы и т. д., многие из которых не имеют отношения к историческим источникам. **Говорить об истории изучения восточных рукописей «вообще», пожалуй, не намного более целесообразно, чем, скажем, об истории изучения европейских печатных книг**¹⁰.

Естественно, что характеризовать какие-либо общие закономерности развития науки, оставаясь в том круге фактов, которые рассматривает Б. В. Лунин, было бы довольно трудно. Поэтому нельзя предъявлять претензии автору за отсутствие общих историографических оценок деятельности различных ученых, отсутствие характеристики каких-либо школ и направлений. Однако мы вправе ожидать оценку трудов отдельных ученых в области изучения и издания «восточных рукописей», характеристику методов их работы в этой области, их достоинств и недостатков, их связей с теми или иными направлениями в востоковедении и т. п.

О жизни и трудах отдельных ученых Б. В. Лунин, казалось бы, говорит достаточно много. Во введении (стр. 17) он сообщает, что «уделяет в своей работе значительное внимание биографиям ряда турецких исследователей, причем в отношении ученых, наиболее сложных по своей социальной противоречивости, делаются попытки критического анализа их жизни и деятельности с показом положительных и отрицательных сторон последней в свете марксистско-ленинской методологии». Уже эти слова должны настораживать читателя, так как показывают, что «попытки критического анализа» связаны не с научной деятельностью, а все с тем же «общественным лицом» ученых. Несколькими строками ниже (стр. 18) и сам автор не оставляет в этом сомнений: «Биографическая сторона дела тем более важна, что помогает полнее и глубже уяснить еще и различия в социальном облике отдельных ученых...». Очевидно, попытками «критического анализа» следует считать (помимо упомянутых выше рассуждений о Григорьеве) биографии Лыкошина (стр. 207—208) и Наливкина (стр. 405—406); но как раз здесь особенно ясно видно, что такой анализ никакого отношения к науке и трудам этих лиц не имеет¹¹.

Биографии ученых, как правило, не связываются Б. В. Луниным с оценкой их научной деятельности; поэтому они выглядят некими «вставными новеллами» не только потому, что автор выделяет их петитом. Кроме того, о деятельности отдельных ученых говорится просто об одном после другого (т. е. в лучшем случае в хронологической по-

⁹ О неправильном употреблении автором термина «рукопись» см. ниже.

¹⁰ Предметом особого рассмотрения может быть история собирания и каталогизации рукописей; можно рассматривать развитие востоковедной текстологии (о которой Б. В. Лунин ничего не говорит); можно, наконец, писать об истории издания памятников восточной письменности. Но те вопросы, которые рассматривает Б. В. Лунин, не образуют единой дисциплины в ряду других самостоятельных дисциплин.

¹¹ Следует добавить, что попытка оправдать бессмысленное преследование Лыкошина в последние годы его жизни, вызывает, мягко говоря, недоумение.

следовательности), но не об одном в связи с другим. Представления о каких-либо направлениях и научных школах это, естественно, дать не может. Автор, правда, упоминает (стр. 57—58, со слов Крачковского) о петербургской и казанской школах и о «трех основных категориях туркестанских деятелей», но в дальнейшем это приводит только к выводу, что в области исследования рукописей «плодотворно» (стр. 249) или «благотворно» (стр. 257) трудились как специалисты-востоковеды, так и «энтузиасты», «местные деятели», «востоковеды-любители». Среди «специалистов-востоковедов» Б. В. Лунин уже не считает нужным проводить какие-либо различия и рассматривает, например, Гафарова (стр. 193—195) в одном ряду с Самойловичем и Бартольдом.

Б. В. Лунин приводит названия множества работ русских востоковедов, иногда даются суммарные перечни основных работ отдельных лиц (вместе с биографическими сведениями или без них), но оценок нет почти нигде. Впрочем, иногда встречаются и оценки, но они выглядят следующим образом: «Как ученый-востоковед Кун оставил после себя приметное научное и рукописное наследие» (стр. 117). «В лице Куна... востоковедение приобрело энергичного и много потрудившегося исследователя» (стр. 119). «По степени содеянного [!] им на благо отечественного востоковедения, по количеству и значению печатных трудов, по уровню специальной подготовки Пантусов являлся, несомненно, одним из виднейших ориенталистов-туркестановедов» (стр. 128). «Многогранная и большая деятельность Пантусова обеспечила ему почетное место в истории отечественного востоковедения» (стр. 131). «Доброй памятью окружено в истории отечественного востоковедения имя... Туманского» (стр. 139). «Заслуживает несомненного внимания и попытка [А. Гафарова] дать общий историографический очерк...» (стр. 194). «Историографически очень примечательна оценка Гафаровым рукописей „монголохвалебных историков“» (стр. 195). «Перевод Лыкошиным [труда Нершахи] явился крайне важным событием в местной научно-переводческой жизни и весьма примечательным явлением в истории русского востоковедения» (стр. 213; перед этим в том же абзаце сказано, что этот перевод был «наиболее приметным явлением в переводческой деятельности Лыкошина»). «Много потрудился в сфере издания восточных рукописей Н. Н. Пантусов» (стр. 216). «Заметное место принадлежало труду Н. Ф. Петровского...» (стр. 226). «Сам по себе подстрочный перевод бессмертного творения Саади не был бы примечателен, если бы не попытка Ходжаева „разъяснить глубокое значение некоторых фраз...“» (стр. 228).

Во всех этих «заметных», «приметных», «примечательных» и т. п. словах, может быть, не было бы большой беды, если бы кроме них был и какой-либо конкретный анализ; однако его нет нигде, и потому эти слова остаются совершенно бессодержательными. Следует оговориться, впрочем, что иногда встречаются и более конкретные оценки и характеристики, но они принадлежат не самому Б. В. Лунину, а другим лицам. Так, о Сенковском говорится словами Якубовского, Бартольда, Савельева (стр. 78—79), об Ильминском — словами Крачковского (стр. 83), о Григорьеве — словами Рейснера и Якубовского (стр. 91), о Туманском — словами Крачковского (стр. 140); о переводах Абулгази говорится словами П. П. Иванова (стр. 181), о «Развалинах Старого Мерва» Жуковского — словами Тизенгаузена, Туманского, Бартольда и

Ольденбурга (стр. 186—187), об издании «Дневника похода Тимура в Индию» — словами Семенова (стр. 221—222), о «Краткой истории Кокандского ханства» Наливкина — словами Розена, Веселовского и Зимина (стр. 225—226), о переводе автобиографии Тимура Лыкошиным — словами Веселовского (стр. 209) и т. д. Конечно, цитирование уже имеющихся отзывов о трудах отдельных ученых во многих случаях бывает полезно; но если чужие высказывания заменяют собственный анализ, то это только подчеркивает отсутствие всякого анализа в тех случаях, когда автору не удалось найти готовых высказываний.

Нужно еще добавить, что иногда даже к имеющимся и приводимым им чужим высказываниям Б. В. Лунин не относится достаточно внимательно. Так, на стр. 233—236 он говорит о трех изданных Н. Н. Пантусовым сочинениях по истории Средней Азии и Восточного Туркестана и весьма высоко отзывается об этих изданиях. Между тем здесь же (стр. 235) приведены слова В. В. Бартольда, который отмечает, что в изданиях Пантусова не выполнены элементарные научные требования, в них полностью отсутствует научный аппарат, начиная с предисловия и кончая указателями. Б. В. Лунин здесь (как и во многих других случаях) явно смешивает вопрос о значении издаваемых памятников с вопросом о значении и качестве самого издания. Автору не мешало бы иметь в виду слова Бартольда (сказанные им по другому поводу)¹²: «При современном состоянии востоковедения каждая книга, в которой приводятся отрывки из неизданных сочинений восточных авторов, этим самым приобретает некоторое научное значение; каждое издание восточного текста, хотя бы исполненное без всякого внимания к требованиям науки, по типу так называемых „восточных изданий“, полезно уже тем, что делает текст доступным более обширному кругу читателей». Все это вполне относится и к двум из упомянутых здесь трех изданий Пантусова.

Отсутствие конкретного и четкого разбора отдельных работ и деятельности отдельных ученых вполне закономерно приводит к тому, что и о русском востоковедении в целом говорится в таких же бессодержательных выражениях: «Заметный и достойный вклад в эту литературу [посвященную изучению и публикации рукописей] внесен русскими дореволюционными и советскими востоковедами» (стр. 67). «Из сказанного выше мы вправе сделать вывод, что в первой — начале второй половины XIX в. русское востоковедение вписало в свои анналы весьма существенные страницы в деле изучения Средней Азии» (стр. 94). История «изучения и опубликования» восточных рукописей образует «весьма значительную страницу в летописи отечественного востоковедения» (стр. 179). «Перед нами еще одна весьма яркая и значительная страница отечественной науки, свидетельствующая, что именно русским ученым принадлежала значительная доля заслуги в освещении... истории Средней Азии XIX — начала XX в.» (стр. 229—230). Венцом подобного рода рассуждений является вывод, завершающий всю рецензируемую часть книги: «Заклучая, мы можем сказать, что дореволюционная история собирания, изучения и издания восточных рукописей по Средней Азии имеет свою историю и свои порой весьма яркие и достойные страницы» (стр. 260).

¹² «Мир ислама», т. I, вып. 1, СПб., 1912, стр. 72.

Таким образом, приходится признать, что теоретические вопросы истории рассматриваемой Б. В. Луниным области востоковедения (в той степени, в какой о них вообще можно говорить при нечетком определении предмета) в книге вообще не исследованы. Практически книга содержит только информационный материал, к рассмотрению которого нам и остается перейти.

Б. В. Лунин приводит множество фактов, связанных с собиранием, изучением и изданием восточных рукописей из Средней Азии или относящихся к Средней Азии. Собственно, весь второй раздел (стр. 65—260) рецензируемой книги, если не считать некоторых общих рассуждений и пассажей, отчасти упомянутых выше, представляет собой собрание таких фактов: сведения о находках отдельных рукописей и о составлении рукописных собраний, об изданиях письменных памятников и работ, связанных с изучением памятников, биографические данные об отдельных ученых и т. п.; все это сопровождается большим количеством библиографических сведений, помещенных в примечаниях в конце книги. Для добывания этих фактов автор, несомненно, проделал очень большую работу. Иногда он сообщает любопытные и малоизвестные или вовсе не известные данные¹³, извлеченные им из местной туркестанской печати и из архивных документов (Б. В. Лунин вообще превосходный знаток советских архивов и широко использует их материалы в своих работах). Из таких интересных сведений стоит упомянуть факты, характеризующие отношение некоторых востоковедов к царской администрации (стр. 55—57), сведения об истории изучения архива хивинских ханов (стр. 121—125) и архива кокандских ханов (стр. 126—128), письмо Вяткина Бартольду о бухарских библиотеках (стр. 177—179), сведения о работе Л. А. Зимина (стр. 222), запись Остроумова о судьбе хивинских рукописей, вывезенных Куном (стр. 345, прим. 523). Однако информационная ценность работы зависит не только (и, может быть, даже не столько) от количества содержащихся в ней единичных фактов, но и от того, как эти факты систематизированы и изложены. Сам Б. В. Лунин, как уже упоминалось выше, видит свою задачу в том, чтобы «воскресить... факты» и одновременно «привести их в систему».

Автор старается излагать факты в основном в хронологической последовательности, которую он, по его словам (стр. 332, прим. 336), в некоторых случаях «в интересах цельности изложения» нарушает. Сперва рассматривается период до «присоединения Средней Азии к России», затем — период после «присоединения» (с 1865 г., т. е. со времени взятия Ташкента, до 1917 г.). В «Периоде после присоединения» сперва рассматривается «собрание и описание рукописей» (стр. 99—179), а затем «изучение и издание рукописей» (стр. 179—249); последнее в свою очередь делится на рубрики: «Рукописи средних веков», «Рукописи нового времени» и «Актовые материалы».

В параграфах «Собрание и описание рукописей» и «Актовые материалы» изложение ведется в порядке хронологической последовательности фактов (находок и приобретения отдельных рукописей, издания

¹³ Зачисление некоторых фактов самим Б. В. Луниным в разряд малоизвестных бывает слабо обоснованным. Так, на стр. 93 он говорит о подготовке издания 'Абдулла-наме Вельяминовым-Зерновым как о «полузабытом факте»; между тем об этом сообщается в общезвестном справочнике Стори (С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, section II, fasc. 2, London, 1936, p. 375), где дана ссылка и на статью И. И. Умнякова, подробно излагающую этот вопрос.

документов и т. д.)¹⁴, в остальной части дается главным образом характеристика деятельности отдельных лиц, также в приблизительном хронологическом порядке. О работах отдельных ученых говорится в следующей последовательности: 1) «до присоединения»: Сенковский — Саблуков — Григорьев — Березин — Бичурин — Ильминский — Френ, Тизенгаузен и Савельев — Муравьев — Ханыков — Григорьев — Вельяминов-Зернов; 2) «после присоединения»: а) «рукописи средних веков»¹⁵: Вельяминов-Зернов — Григорьев — Демезон — Тизенгаузен — Розен — Радлов — опять Розен — Жуковский — Веселовский — Мелиоранский — Самойлович — Гафаров — Бартольд — Вяткин — Лыкошин — Пантусов — Туманский — Маллицкий — Семенов — Зимин — другие лица; б) «рукописи нового времени»: Григорьев — Веселовский — Гаврилов — Пантусов — Бартольд — Пантусов — Самойлович — Беляев — Бартольд. Уже этот перечень показывает, что последовательность изложения иногда совершенно случайная. Даже беглый просмотр книги позволяет убедиться в том, что изложение ведется фактически в трех планах: хронологическом, биографическом и предметно-тематическом, причем ни один из этих планов не выдержан и «перебивки» встречаются все время.

Ради соблюдения избранной им искусственной периодизации Б. В. Лунин говорит о работах Григорьева и Вельяминова-Зернова в двух местах (стр. 88—93 и 180—181), зато «в интересах цельности изложения» он забывает о периодизации и рассматривает факты, относящиеся ко времени после 1917 г. (биография Самойловича — стр. 173, обзор работ Зимина — стр. 222, история «Корана Османа» — стр. 108, история изучения архивов хивинских и кокандских ханов — стр. 124—125, 131, история изучения рукописи Туманского — стр. 139, 140—141). Б. В. Лунин рассматривает особо «собрание и описание рукописей» и особо — их «изучение и издание», хотя далеко не всегда можно оторвать одно от другого¹⁶; это приводит к частичным повторениям (ср., например, о работах Самойловича на стр. 175—177 и 192) и к тому, что деятельность одних и тех же лиц рассматривается в разных местах. Выделение особого параграфа об изучении «рукописей нового времени» (ср. об этом ниже) также приводит к тому, что о деятельности одного человека говорится в разных местах. В результате всего этого сведения о работах Григорьева мы находим на стр. 79—80, 88—91, 180—181 и 230, о работах Пантусова — на стр. 128—131, 216—217, 233—236, о работах Самойловича — на стр. 173—175, 192—193 и 236—237, о работах Веселовского — на стр. 189 и 230—232, о работах Туманского — на стр. 139—140 и 217—219; очевидно, все это — в ущерб «цельности изложения». Зато в других случаях, видимо ради полноты характеристики, говорится вообще об основных работах ученого (например, Григорьева — стр. 90—91, Шебунина — стр. 105—106, Самойловича —

¹⁴ В параграфе «Собрание и описание рукописей» на стр. 99—157 говорится почти исключительно о поступлении рукописей в петербургские хранилища, на стр. 157—164 — о трех собраниях восточных рукописей в Туркестане, на стр. 164—177 — о поездках в Среднюю Азию Бартольда, Залемана и Самойловича (аналогичные поездки А. З. Валидова не выделяются, ср. стр. 149—150).

¹⁵ Сперва характеризуется деятельность «востоковедов-специалистов», а затем — «местных работников» (стр. 180); разделение это не очень удачное, так как среди «местных работников» также оказываются «востоковеды-специалисты» (ср. стр. 249).

¹⁶ По-видимому, можно особо рассматривать историю собирания рукописей, в то время как их описание является уже составной частью их изучения.

стр. 173—174, Гафарова — стр. 195¹⁷), в том числе и не относящихся к рассматриваемой теме, чем нарушается тематическая и хронологическая последовательность.

Мало способствует последовательности и систематичности изложения выделение особого параграфа об изучении и издании «рукописей нового времени» (стр. 229—244). Подразумеваются при этом сочинения (автор все время смешивает понятия «рукопись» и «сочинение», см. об этом далее), относящиеся к XIX—XX вв., «перед и после присоединения Средней Азии к России» (см. стр. 229—230)¹⁸. Такое разделение автор не смог провести последовательно, и о сочинениях, относящихся к этому периоду, говорится и в предыдущем параграфе, посвященном «рукописям средних веков» (стр. 189 и 205 — об издании и переводе «Самарии», стр. 191 — о киргизской (казахской) рукописи, полученной Беляевым, стр. 193 — об изданиях хивинских стихов XX века Самойловичем, стр. 219—220 — об истории Шугнана, написанной в начале XX в., стр. 220 — о «ряде небольших переводов с новейших сочинений», осуществленных А. А. Семеновым¹⁹, стр. 221 — о сочинении *Мир'ат ал-фурух*, написанном в 1281/1864-65 г., и сказании о городе Оше, стр. 223—226 — о работах по истории Кокандского ханства, стр. 228 — о медицинском сочинении XX в.). Зато в данном параграфе есть сведения, не имеющие отношения к изучению и изданию «рукописей нового времени» (стр. 238 — о сочинениях Алим-ходжи и Саттархана), а на стр. 238—242 изложение строится в совершенно ином плане по сравнению со всем предшествующим: сообщаются данные о сочинениях Муниса и Агехи и истории их изучения, т. е. рассматривается объект исследования, в то время как до этого характеризовались работы исследователей.

В параграфе «Актовые материалы» (стр. 244—249) говорится о работах, посвященных исследованию и публикации всякого рода документов, а не только актов в собственном смысле слова. Здесь, однако, ни слова не сказано об архивах хивинских и кокандских ханов, которые попали в подраздел «собрание и описание рукописей» (стр. 120—128, 131; в параграфе об «актовых материалах» нет даже отсылки к тому, что сказано выше об этих архивах). Сведения об изданиях некоторых документов также не попали в этот параграф (например, об издании тарханного ярлыка Алла-Кули-хана XIX в. говорится на стр. 180, в параграфе «рукописи средних веков»).

Можно привести еще много примеров, свидетельствующих об отсутствии последовательности и четкости в изложении и продуманной системы построения рецензируемой работы. В разделе «Восточные рукописи» (стр. 65—249) иногда рассматриваются работы, либо вообще не

¹⁷ Я не говорю здесь о характеристике работ Куна (стр. 115—117), Пантусова (стр. 129—131) и других, напечатанных петитом вместе с биографическими сведениями; ср., однако, выше, стр. 265.

¹⁸ На стр. 229 автор оправдывает выделение такого параграфа тем, что дореволюционные исследователи относились с «живым вниманием» к истории этого периода и что здесь «перед нами еще одна весьма яркая и значительная страница отечественной науки». По-видимому, Б. В. Лукин не согласен с мнением В. В. Бартольда, писавшего в 1910 г.: «История среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей» (см. В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 400).

¹⁹ В тексте они не названы, из относящегося к этой фразе прим. 1018 (стр. 373) выясняется, что весь «ряд» состоит из одного сочинения: «Туркменская песня про взятие Геок-Тепе».

относящиеся к теме, либо относящиеся к другому периоду, не освещающему в книге; некоторые сведения находятся явно не на месте. Не имеют отношения к истории изучения и издания рукописей работы Муравьева и Ханыкова, о которых говорится на стр. 84—85; не относится к теме данной работы и фольклорно-этнографическая публикация Диваева, упомянутая на стр. 226 (кстати, если уж говорить о таких публикациях, то почему из многочисленных работ Диваева выбрана только одна?); совершенно не имеют отношения к теме книги работы по истории бабидов, рассматриваемые на стр. 242—244 (поэтому «особняком стоят» (стр. 242) они в действительности только у Б. В. Лунина). На стр. 202 автор заявляет, что он переходит «к данным о переводах восточных рукописей, осуществленных шестью местными деятелями», однако далее речь идет не только о переводах: на стр. 204 говорится о рецензии Вяткина на сделанный Бартольдом перевод «Мусульманских династий» Лэн-Пуля, на стр. 224—226 говорится о работе Наливкина по истории Кокандского ханства. На стр. 131 без всякой надобности говорится об издании документов из архива джуйбарских шейхов (1938 г.; кстати, в примечании ссылка дается только на издание перевода (1954 г.), а не текста документов), на стр. 237 — об открытии Бартольдом неизвестного ранее хивинского исторического сочинения (1929 г.). На стр. 205 посреди характеристики перевода Вяткиным «Самарии» большой абзац неожиданно посвящен характеристике другого сочинения — «Кандии», о переводе которого Вяткиным говорится далее, на стр. 206 (причем отчасти повторяется то, что было сказано на предыдущей странице).

Отсутствие последовательности в изложении приводит, между прочим, и к тому, что в рецензируемых разделах одни и те же сведения повторяются по нескольку раз. Так, о приобретении Лерхом рукописи *Китаб ал-ансаб* говорится на стр. 76 и 87—88; о передаче Наливкиным Азиатскому музею рукописи *Мулхакат ас-Сурах* говорится на стр. 141, 171 и 172, о приобретении Бартольдом другой рукописи этого сочинения — на стр. 168 и 199 (при этом повторяются одни и те же сведения о сочинении); о приобретенном Бартольдом сборнике ярлыков и других документов почти одно и то же говорится на стр. 166, 168 и 190; о документе Омар-шейха, приобретенном Бартольдом и изданном Мелиоранским, говорится на стр. 168 и 247; ряд сведений на стр. 175—177 повторяются на стр. 192 вместе с относящимися к ним примечаниями; прим. 930 (стр. 367) повторяет прим. 696 (стр. 353); прим. 1154 (стр. 381) повторяет прим. 782 (стр. 168).

Многословием, обилием не относящихся к делу рассуждений и сведений и ненужных самооправданий отличаются первый, общий раздел (стр. 25—64), «выводы» раздела о рукописях (стр. 249—260), а также общие введение (стр. 5—24) и заключение (стр. 300—308). Выше уже упоминалось, что фактически не связан с содержанием книги обзор русской политики в Средней Азии после 1865 г. (стр. 28—38)²⁰. Можно добавить, что следующий далее (стр. 38—42) обзор высказываний В. И. Ленина о Средней Азии также не имеет никакого отношения к рассматриваемым в книге вопросам²¹; совершенно излишней является

²⁰ Столь же излишни и сведения о хивинском походе 1873 г. и завоевании Кокандского ханства, данные в параграфе об истории собирания рукописей (стр. 111—112).

²¹ Возможно, что эти высказывания могут быть объектом специального рассмотрения, но с историей востоковедения это не связано; между тем речь о них идет в разделе, озаглавленном «Из истории востоковедения в России и Средней Азии».

и общая характеристика обстановки в России в конце XIX—начале XX в. (стр. 53—55). Не имеет отношения к теме данной книги и парадно-восторженная характеристика расцвета востоковедения и, в частности, дела собирания и изучения рукописей после 1917 г.²² (стр. 250—253). Эта характеристика сделана в связи с оговоркой Б. В. Лунина (стр. 250) о том, что «наследие дореволюционного русского востоковедения в области собирания, изучения и издания восточных рукописей по Средней Азии... отходит на второй план в сравнении с достижениями в этой области передового советского востоковедения» (ср. также стр. 252: «наследие это давно уже не выдерживает сопоставления с современной действительностью»); оговорка же нужна для того, чтобы в свою очередь подчеркнуть, что у дореволюционного востоковедения были не только недостатки, но и достижения (стр. 253—254); на стр. 253 эта мысль выражена в особенно трогательной форме: «Нужно ли доказывать, что при всех своих социально обусловленных недостатках дореволюционная русская наука не стояла на месте и... приходила не только к ошибочным, но в ряде случаев и к правильным выводам». Оказывается, это нужно доказывать, потому что «отдельные наши исследователи» относятся пренебрежительно к дореволюционному научному наследию; на стр. 252—254 следует полемика с такими исследователями, которые, впрочем, по именам не названы. Но, может быть, автор зря тратит место для утверждения прописных истин? По-видимому, он имеет в виду исследователей, подобных тем, неверные и просто невежественные высказывания которых он цитирует во введении (стр. 14—17), доказывая с немалым пафосом необходимость заниматься историографией²³. «Нужно ли доказывать», что научные исследования не могут писаться с оглядкой на невежество и исходя из «среднего» (или, тем более, ниже среднего) уровня читателей.

Сказанное выше заставляет нас прийти к выводу, что автору не удалось «привести в систему» собранные им факты и построить свое изложение в достаточной степени четко и логично. Систематизации и правильному освещению фактов мешает и то, что у автора отсутствует ясное представление о смысле некоторых основных терминов, связанных с рассматриваемым им предметом. Я имею в виду термины «рукопись», «список», «сочинение», «текст», «перевод», «издание».

На стр. 65—67, в начале раздела «Восточные рукописи». Б. В. Лунин говорит о значении восточных рукописей для науки, причем здесь под «рукописями» он в действительности подразумевает сочинения (более того, только нарративные исторические источники²⁴; в дальней-

²² Если уж автор коснулся этого вопроса, то он должен был бы отметить, что как раз в деле собирания и изучения рукописей период после 1917 г. не только характеризовался «широким размахом исследований» и «крупными успехами» «в кратчайший период»: в это время были и такие явления, как исчезновение многих частных собраний и гибель огромного числа рукописей в Средней Азии (его трудно учесть даже приблизительно) в середине 30-х годов, когда многие владельцы рукописей (опасаясь держать у себя что-либо, написанное арабским шрифтом) сжигали их, бросали в арыки и относили на кладбища.

²³ Вслед за этим (стр. 17—18) автор столь же основательно оправдывает свое внимание к биографическим материалам, подкрепляя это тремя цитатами подряд (из С. О. Шмидта, Н. М. Дружинина и И. Ю. Крачковского) и утверждением: «Ведь и буржуазный ученый буржуазному ученому рознь».

²⁴ Здесь, в частности, встречаются такие фразы: «...Почетное место в категории средневековых исторических источников всегда будут занимать восточные рукописи»; «Говоря словами П. П. Иванова и А. К. Боровкова, восточные рукописи „в массе чрезвычайно односторонни...“» (Иванов и Боровков говорят не о рукописях, а о вос-

шем изложении, однако, такое узкое значение за этим словом не сохраняется). После этого Б. В. Лунин все же на всем протяжении работы употребляет одновременно также термин «сочинение», а термин «рукопись» употребляет и в его правильном значении (т. е. рукописная книга, единичный список одного или нескольких сочинений), и как синоним «сочинения». Так, наряду с изданием сочинений он то и дело упоминает «издание рукописи» (когда речь не идет об издании текста по одной рукописи); на стр. 191 говорится о «выпуске в свет научно комментированных рукописей», на стр. 202 — о «переводах восточных рукописей»; название параграфа «Рукописи нового времени» (стр. 229) означает только «сочинения нового времени» (в первом абзаце после заголовка говорится опять о «рукописях», дальше — о сочинениях), зато название всего раздела «Восточные рукописи» подразумевает и рукописи и сочинения. Такое словоупотребление, естественно, приводит к путанице и прямым ошибкам. Так, на стр. 198 говорится, что Бартольд пользовался данными «китайских рукописей» (!), на стр. 238 Б. В. Лунин говорит о правомерности «отнесения работы Алим-ходжи к разряду восточных рукописей» (!), на стр. 205 он пишет о «наличии... списков рукописи в разных редакциях», на стр. 256 (в «Выводах»): «По многим рукописям... были известны их различные и разновременные списки (варианты)»; на стр. 257 Б. В. Лунин утверждает, что «материалы из архивов среднеазиатских стран... также образуют одну из категорий „восточных рукописей“».

Совершенно так же Б. В. Лунин путает понятия «издание» сочинения (под этим принято подразумевать издание оригинального текста) и даже «текст» — и понятие «перевод». На стр. 205 он говорит, что Вяткин «в основу своего издания» «Самарии» положил список 1848-49 г., на стр. 221 — что Зимин «опубликовал текст» сказания об Оше (на самом деле это был только перевод), на стр. 218 — что «Родословная туркмен» «впервые была издана именно А. Г. Туманским»²⁵. На стр. 223, сообщив о том, что намерение Зимина издать текст *‘Абдулла-наме* осталось неосуществленным, как и аналогичная попытка Вельяминова-Зернова, автор заключает: «Так остались неизданными два перевода на русский язык „Абдулла-наме“». На стр. 235, сообщив о статье Бартольда, содержащей сокращенный перевод отрывков из *Тарих-и Шахрухи*, Б. В. Лунин заключает, что Бартольд говорил о возможности «издания в некоторых случаях текстов восточных рукописей без обязательного воспроизведения всех „риторических фигур...“». На стр. 258 он заявляет, что переводы восточных сочинений «вводили в научный оборот многие ценные источники»; вообще в «Выводах», на стр. 257—259, он говорит исключительно о прогрессе в деле перевода восточных источников на русский язык (развитие «научно-переводческой деятельности востоковедов», стр. 259), полагая, видимо, что именно в этом заключается основное содержание работы по «изучению и публикации рукописных источников». Смешивая пере-

точных источниках по истории туркмен); «Общезвестно... присутствие в восточных рукописях пышной риторики»; «В рукописях исторического характера, носящих в основном повествовательный характер...» (стр. 66—67).

²⁵ Здесь же, сообщив, что Туманский пользовался двумя рукописями «Родословной туркмен», Б. В. Лунин пишет: «Впоследствии Туманский передал перевод второго списка А. Н. Самойловичу». На самом деле Самойлович, на статью которого ссылается Б. В. Лунин, пишет: «Я получил от Туманского... снятую им копию с Ташкентской рукописи... и оригинал шестого списка того же труда, принадлежавший ему» («Доклады АН СССР», сер. В, 1927, стр. 39).

вод с текстом, Б. В. Лунин придает первому даже большее значение; во всяком случае он не обнаруживает понимания того, что в основе всякого исследования, в особенности исторического и филологического, может лежать только оригинальный текст источника, а не его перевод на другой язык²⁶; перевод также в ряде случаев имеет большое значение (как один из видов интерпретации текста), но в сравнении с текстом его роль остается только подсобной.

* * *

Сказанное выше отчасти определяет качества рецензируемой книги не только как историографического исследования, но и как справочного пособия, поскольку, очевидно, ясное понимание предмета, последовательность и логическая четкость изложения нужны и для того и для другого. Главное требование, предъявляемое к справочнику, — это удобство в пользовании, легкость отыскания в нем нужных читателю сведений; это должно обеспечиваться продуманной системой его построения, строгой унификацией транскрипции и библиографического аппарата, наличием различных указателей.

К книге Б. В. Лунина, по-видимому, читатель может обращаться за сведениями трех основных видов: 1) о рукописях различных сочинений восточных авторов (найденных в Средней Азии, находившихся в среднеазиатских собраниях, описанных и опубликованных в связи с изучением Средней Азии и т. п.), а также о рукописных коллекциях среднеазиатского происхождения, 2) о биографиях лиц, занимавшихся изучением и изданием этих памятников, 3) о работах этих лиц и посвященных этим лицам.

Для отыскания сведений первой из упомянутых здесь категорий необходима унификация транскрипции. От этого Б. В. Лунин полностью отказался; обоснование его позиции, помещенное на стр. 68—69, сводится к следующему: 1) автор, «естественно», не мог видоизменять «даже явно устаревшую и неточную транскрипцию», фигурирующую в различных изданиях, на которые он ссылается; помимо всего, «постепенное видоизменение и уточнение транскрипции восточных слов» составляет одну из сторон процесса развития науки, которую нельзя игнорировать «в историографическом плане»; 2) однако, «когда речь шла о наиболее ценных и важных рукописных источниках», автор стремился «воспроизводить новейшую транскрипцию названий рукописей и имен авторов, а в ряде случаев... давать названия рукописи также на языке оригинала»; 3) и в настоящее время разные авторы употребляют разную транскрипцию, даже «с учетом ориентации ученых наших дней» на транскрипцию Крачковского — Ромаскевича; автор «стремился воспроизводить наиболее общепотребительную транскрипцию наших дней»; 4) при всем при этом автор не претендовал на непогрешимость, так как вопросы транскрипции не входят «в сферу его компетенции», а их решение не могло составлять задачу его «историографического, а не текстологического исследования».

Все это звучит малоубедительно. Изменять транскрипцию нельзя, очевидно, только в цитатах из работ других авторов, но там, где речь

²⁶ Ср. слова (стр. 216) об огромном значении лыкошинского перевода Нершахи как одного из «настоющих пособий для многих исследователей»; «ссылки на те или иные места... в переводе Лыкошина исчисляются многими сотнями».

идет об истории собирания рукописей и издания памятников, Б. В. Лунин в подавляющем большинстве случаев мог обойтись вообще без цитат; транскрипцию другого автора — там, где это почему-либо было нужно, — можно было привести в скобках. Об истории развития транскрипции «в историографическом плане» названия и имена, приводимые Б. В. Луниным, все равно дают слабое представление²⁷. Между системами транскрипции, применяемыми современными авторами, действительно можно найти «существенные различия», но каждый из них в отдельности старается придерживаться какой-то одной системы; «решить» научные вопросы транскрипции Б. В. Лунин, конечно, не мог, но выбрать что-то более или менее определенное он был обязан, и такую задачу решает автор любой работы, связанной с востоковедением, а отнюдь не только текстологического исследования.

Вследствие отказа Б. В. Лунина от унификации транскрипции читатель будет испытывать немало затруднений, пытаясь определить истинное написание имен и заглавий, приводимых автором нередко в совершенно искаженной форме (какую он находил в своих источниках); при этом одно название может быть искажено в нескольких вариантах, так что, например, *Ахлак-и Мухсини* мы встречаем на стр. 111 в виде «Ихлаки Мухсини», а на стр. 119 — в виде «Ахмакуль [!!] Мухсенин». Иногда Б. В. Лунин считает нужным указать «уточненную» транскрипцию, однако это делается как раз тогда, когда особой надобности в таких уточнениях нет, например, на стр. 85: «Нершахи (Наршахи)» и «Мукаддеси (Мукаддаси, Макдиси)», или на стр. 152: «Насыри-Хосрова (Насир-и Хусрау)». Зато фантастические искажения названий и имен (см., например, на стр. 119—120) остаются без всяких пояснений.

Помимо полного разноречия в транскрипции, объясняемого «принципиальными» соображениями, в книге существует такой же разноречивый способ передачи заглавий сочинений. Иногда они упоминаются только в транскрипции, иногда — в транскрипции и переводе, иногда — в транскрипции и арабском написании, иногда — в переводе и арабском написании и, наконец, особенно часто — только в русском переводе; каждый раз это зависит только от того, что именно Б. В. Лунин находил в используемом им источнике. Это в еще большей степени, чем разноречивость в транскрипции, мешает сопоставлению и использованию приводимых автором сведений. Особенно недопустимо в такого рода работе (претендующей на значение справочного пособия) упоминание заглавий сочинений только в русском переводе: одно и то же название можно перевести по-разному и по переводу нередко невозможно установить истинного названия. Собственно, все заглавия сочинений следовало указывать только в транскрипции, и это, помимо большей точности, дало бы также немалую экономию места.

Автор явно не в ладах также с написанием мусульманских имен (одни и те же части имени иногда пишутся с заглавной, иногда со строчной буквы, иногда — слитно, иногда — раздельно или через дефис) и в особенности с их склонением (например, очень часто склоняется только последнее слово в имени, но тут же рядом склоняются все слова; ср. особенно стр. 137, 154—155, 158, 166—167, 169, 205).

²⁷ Помимо всего прочего, Б. В. Лунин неточно передает транскрипцию своих источников. Так, на стр. 132—133, сообщая названия рукописей по описи, составленной В. Д. Смирновым, он пишет «Бахру ал-джевагир» вместо «Бахру-ль-джевагир», «Нафахат-ал-унс мин Хазрати[sic!]-л-кудс» вместо «Нафахату-ль-унс мин хазырати-ль-кудс», «Тарих-и Муким-хани» вместо «Тарихи-Мукум-хани» и т. п.

Очевидно, и здесь автор во многих случаях слепо следовал своим источникам.

Несколько лучше обстоит дело с биографическими сведениями (я имею в виду только их справочную сторону, а не оценки деятельности отдельных ученых, о чем было сказано выше). В книге имеются краткие биографические очерки следующих лиц: Сенковского (стр. 77—78), Березина (стр. 80—81), Ильминского (стр. 83), Лерха (стр. 86—87), Григорьева (стр. 88—91), Вельяминова-Зернова (стр. 91—93), Шебунина (стр. 105—106), Куна (стр. 114—117), Пантусова (стр. 128—131), Туманского (стр. 139—140, 404—405), Каля (стр. 160), Залемана (стр. 169—170), Самойловича (стр. 172—173), Демезона (стр. 181), Абу Саида Махзума (стр. 189—190), Мелиоранского (стр. 191), Лыкошина (стр. 207—208), П. Е. Кузнецова (стр. 317, прим. 107), Гаврилова (стр. 377, прим. 1089), Наливкина (стр. 405—406). Сами по себе эти биографии несомненно полезны; в особенности надо отметить биографии А. Л. Куна и Н. Н. Пантусова, до сих пор мало освещенные в литературе. Вместе с тем бросаются в глаза следующие два обстоятельства, снижающие общее справочное значение этих биографических очерков: 1) они расположены без какой-либо системы (иногда — но далеко не всегда — они помещены при первом упоминании работ данного лица), что затрудняет их отыскание; 2) в книге помещены биографии далеко не всех ученых, работы которых в ней подробно рассматриваются (например, нет биографий Ханыкова, Гафарова, Вяткина, Веселовского, Семенова, Бартольда, В. Иванова, А. З. Валидова). В некоторых случаях автор отмечает, что биография данного лица не приводится потому, что она достаточно хорошо известна или освещается в других работах (см. стр. 196 — о Бартольде, стр. 202 — о Вяткине, стр. 220 — о Семенове). Но для био-библиографического справочника такой довод нельзя признать основательным; кроме того, большинство помещенных Б. В. Луниным биографических очерков также не содержат каких-либо оригинальных сведений, а излагают основные факты, имеющиеся в опубликованных биографиях, некрологах и т. п. Наконец, несмотря на пользу биографий как справочного материала, сам Б. В. Лунин дает основание сомневаться в целесообразности их помещения в этой книге, так как, согласно обнародованному им (стр. 19 и сл.) общему плану его многоотомной работы, ее третий том («книга I, часть III») будет содержать «материалы к био-библиографическому словарю ориенталистов-туркестановедов»; таким образом, биографии в рецензируемой работе лишь выборочно и, по всей вероятности, в сокращенном виде предвеляют то, что будет сказано в другом томе.

Библиографии, как таковой, книга не содержит. Все ссылки на источники и прочие библиографические указания находятся в примечаниях, пронумерованных сквозной нумерацией (от 1 до 1412) и помещенных в конце книги (стр. 311—399) за шмуцтитлом «Источники и литература». Эти примечания, среди прочего, содержат довольно много интересных ссылок на малоизвестные и забытые статьи в туркестанской печати и на архивные документы. Здесь же можно найти перечни работ, посвященных отдельным ученым, а также библиографии их работ; из таких библиографических перечней заслуживают быть отмеченными: библиографии работ о Ханыкове (стр. 327—328, прим. 272) и Лерхе (стр. 329, прим. 285 и 289), библиографии работ Куна (стр. 338, прим. 440), Пантусова (стр. 342—345, прим. 514—516), Казбекова (стр. 346, прим. 540), Гаврилова (стр. 377—378, прим. 1089—1090).

Однако нужные читателю библиографические сведения, ввиду общей бессистемности расположения материала, отыскать, пожалуй, еще труднее, чем какие-нибудь сведения в основном тексте. Кроме того, библиографические примечания имеют и другие недостатки, о которых чужжо сказать особо.

Расположение примечаний в конце книги, а не в виде постраничных сносок, объясняется, видимо, соображениями удобства для издательства и типографии. Читателю это доставляет только неудобства, так как в большинстве случаев примечания нужно иметь перед глазами при чтении текста²⁸, а потому книгу приходится читать одновременно в двух местах. Вследствие такого отделения сносок от текста в ряде случаев произошла путаница с номерами примечаний. После ссылки № 480 на стр. 125 следует ссылка на № 483 на стр. 126; объясняется это тем, что №№ 477—480 на стр. 125 следует читать как 479—482, ссылки же, относящиеся к прим. 477 и 478 (на стр. 340), в тексте на стр. 125 просто пропущены. Вместо примечаний 522—523 на стр. 345 следует читать 521—522. В прим. 871 (стр. 364) должна быть ссылка на конкретную страницу цитируемой статьи; вместо этого здесь по ошибке повторяется прим. 868. Прим. 901 на стр. 365 в действительности следует читать как 902, а прим. 902 — как 901. Прим. 1160 на стр. 382 относится к ссылке № 1164 на стр. 244, а номера примечаний 1161—1164 должны быть, соответственно, исправлены на 1160—1163. Встречаются и чисто библиографические ошибки, особенно странные у Б. В. Лунина, имеющего большой опыт библиографической работы. Так, в ссылках на статьи и рецензии в ЗВОРАО, которые имеют пагинацию, начинающуюся с нуля²⁹, этот ноль везде опущен, в результате чего все эти ссылки оказываются неверными (см., например: стр. 358, прим. 788, 799 и 801; стр. 360, прим. 823 в конце; стр. 363, прим. 854, 860, 862, 863; стр. 365, прим. 895; стр. 366, прим. 914, 922, 925; стр. 368, прим. 943 и 949, и мн. др.). В четырех местах (стр. 322, прим. 191 (каталог Дорна); стр. 332, прим. 329; стр. 358, прим. 798; стр. 365, прим. 895) книги, написанные на французском, английском, узбекском и таджикском языках, описаны почему-то по-русски. В списке сокращений значатся аббревиатуры КРВ (стр. 401) и ПТР (стр. 402), однако в примечаниях употребляются, соответственно, КВРТ (стр. 346, прим. 531, 535—537, 542) и ПИТР (стр. 351, прим. 644, 646, 648). На стр. 331, прим. 317, указано название несуществующей статьи Вельяминова-Зернова. На стр. 359, прим. 812, заглавие издания Абулгази из «*Histoire des Mogols et des Tatares*» превращено просто в «*Tatares*». На стр. 360, прим. 821, искажено название статьи Дорна. На стр. 393, прим. 1182, вместо ссылки на конкретную страницу дано описание книги. На стр. 386, прим. 1213, неверно указано название работы А. А. Семенова («Указатель периодической литературы» и т. д. вместо «Указатель персидской литературы...»).

Указывая издания отдельных сочинений или извлечений из них, опубликованные до революции, Б. В. Лунин в примечаниях иногда считает нужным упомянуть более новые издания, однако такие упоминания

²⁸ Это относится вообще ко многим историческим и историографическим исследованиям, в отличие от изданий памятников и научно-популярных работ, в которых расположение примечаний за текстом оправдывается некоторыми соображениями.

²⁹ Как известно, в ЗВОРАО была пагинация трех видов: римскими цифрами (для протоколов заседаний), арабскими цифрами (для основных статей) и арабскими цифрами с нулем (для «мелких известий и заметок»).

совершенно случайны и ограничены литературой, вышедшей в СССР³⁰ (за очень немногими исключениями). В качестве примера достаточно указать, что, приводя список сочинений, извлечения из которых были изданы В. В. Бартольдом в ч. I «Туркестана» (стр. 199—200), Б. В. Лунин только для *Джахан-наме* Бекрана упоминает новое издание, в то время как после выхода «Туркестана» было издано подавляющее большинство этих сочинений. В разделе о собирании рукописей Б. В. Лунин нередко отсылает за более подробными или точными сведениями об упоминаемых им авторах и сочинениях к советским каталогам рукописей, совершенно игнорируя такие более общие справочные издания, как книгу Стори («Persian literature») и «Энциклопедию ислама»; между тем использование этих изданий позволило бы самому Б. В. Лунину избежать некоторых из тех фактических ошибок, о которых будет сказано ниже.

Пожалуй, единственное, что могло бы в какой-то степени компенсировать некоторые из отмеченных выше недостатков книги, — это хорошие указатели. Здесь требуется по крайней мере четыре указателя (имен восточных авторов, имен европейских исследователей, издателей и т. п., названий восточных сочинений, названий европейских работ). Эти указатели дали бы возможность как-то разобраться в зачастую бессистемном нагромождении фактов, сопоставить разбросанные сведения, относящиеся к одному автору или сочинению, отыскать нужные данные, несмотря на разную транскрипцию, и т. д. Кроме того, составление указателей позволило бы самому автору вовремя устранить некоторые досадные ошибки: повторения, противоречия, разную написание имен и пр. Однако никаких указателей в книге нет и нет даже намека на то, что автор признает их необходимость. Б. В. Лунин, однако, вообще прекрасно понимает значение указателей. Одной из первых его работ, посвященных Средней Азии, были «Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии» (1959)³¹, в предисловии к которым он привел следующие слова В. Р. Розена: «Наши провинциальные ориенталисты питают какое-то непонятное отвращение к составлению указателей, совершенно забывая громадную их пользу и существенную их необходимость»³². Впрочем, уже тогда Б. В. Лунин напечатал только первый — библиографический — указатель, а обещанные именной и географический так и не появились (их нет и в списке подготовленных к печати работ, стр. 22—24). В двух своих предыдущих книгах³³ Б. В. Лунин также не дал указателей, чем тоже в немалой степени затруднил пользование ими. В рецензируемой здесь книге отсутствие указателей не может быть оправдано ничем³⁴ и является, пожалуй, наиболее вопиющим недостатком, усугубляющим все остальные.

³⁰ Но и это сделано непоследовательно; так, на стр. 154 и 155 напрашивается упоминание об издании в 1960 г. П. А. Грязневичем текста и перевода извлечения из анонимного арабского исторического труда, о рукописи которого говорится дважды.

³¹ «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 231—255.

³² ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 128.

³³ *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)*, Ташкент, 1958; *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность...*, Ташкент, 1962.

³⁴ Например, недостатком места (в книге достаточно много ненужных сведений и рассуждений, за счет сокращения которых можно было бы поместить любые указатели). Мало утешило бы читателя и обещание поместить указатели к данной книге в последующих томах труда Б. В. Лунина: срок их издания неизвестен, а этой книгой

Остается еще коснуться фактической точности работы Б. В. Лунина; это имеет значение, очевидно, для ее оценки и как исследования, и как справочного пособия. Фактических ошибок и неточностей в книге, к сожалению, много; помещенный далее список (в постраничной последовательности) может дать представление о характере этих ошибок.

Стр. 74, строки 2—7. Непонятно, каким образом следы библиотеки Тимура (ум. в 1405 г.) могут «улавливаться» в списке астрономических таблиц Улугбека (закончены в 1449 г.), даже если этой рукописью пользовался сам Улугбек (кстати, столь же непонятно, почему эта рукопись названа «уникальной»).

Стр. 77, строки 16—18. Упоминая о работе одного из студентов Петербургского университета, в которой использовалось сочинение Хаджи Халифы «Джеган-Нюма» (т. е. *Джахан-нума*), Б. В. Лунин поясняет: «имеется в виду „Джахан-наме“».

Стр. 84, строки 29—30. Сообщая о раскопках Муравьева на «Гюшим-тепе» близ Атрека, Б. В. Лунин поясняет название как «Гешим-тепе»; в действительности имеется в виду известное место «Гюмюштепе» («Серебряный бугор» в старой русской литературе).

Стр. 86, строка 4 снизу. Перечисляя восточных авторов, сочинения которых использовал Лерх, Б. В. Лунин называет среди них «Абу-л-Хайрхана». В действительности имеется в виду *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*, написанная Мас'удом б. 'Османом; Абу-л-Хайр-хан оказался у Лунина автором, видимо, потому, что в книге Лерха об этом сочинении сказано, что оно содержит «историю известного Абуль-хейр-хана»³⁵.

Стр. 111, строка 16 сверху. Оставлено без пояснения или поправки цитируемое Б. В. Луниным из какого-то русского архивного документа 1872 г. замечание о «Книге царей» [т. е. *Шах-наме*], «записанной в 948 г. по Р. Х.».

Стр. 111, строки 23 и сл. Приводятся слова Ф. Энгельса, написанные в 1858 г., согласно которым в 1854 г., во время Крымской войны, Перовский двинулся с 17-тысячной армией на Хизу, в результате чего «хан Хивы признал верховную власть России» и т. п., а «в Хиве водворился русский консул». «Энгельс пророчески [!] заметил по этому поводу», пишет Б. В. Лунин, что «с подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана, по существу, был решен». Общеизвестно, что поход Перовского состоялся в 1839 г., а не в 1854, и закончился неудачей, а покорение Хивы произошло в 1873 г.; слова Энгельса объясняются, очевидно, какой-то неправильной информацией³⁶, и их вообще не стоило приводить,

нужно пользоваться сейчас; впрочем, такое обещание не содержится ни во введении, ни в проспекте всего труда.

³⁵ См. П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870, стр. 11.

³⁶ Н. И. Веселовский в своей книге *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего* (СПб., 1877, стр. 335) упоминает, что в 1851 г. генерал Орлов подал записку, в которой предлагал занять Хиву, и в связи с этим замечает следующее (там же, прим. 2): «Как раз совсем противоположные сведения находятся у одного иностранного путешественника Карла Андрэ, который сообщает, что Перовский весной 1854 г. предпринял второй поход против Хивы. С 17000 отрядом войска благополучно добрался он от Оренбурга к Аральскому морю; а потом по Аму-Дарье проник и в самую средину Хивы. Там заключил он договор. Как ни фантастичен, как ни невозможен приводимый при сем договор, но Андрэ сообщает его целиком (См. статью «Направление торговых путей в Средней Азии» — в Вестнике Геогр. Общ. 1859 г. № 12). Сочинять такие вещи по меньшей мере предосудительно». Совершенно очевидно, что сведения Энгельса были заимствованы либо у того же Андрэ, либо из какого-то общего с ним источника.

и уж в особенности в подтверждение того, что «в середине 50-х г. царская Россия усилила свои позиции в Хиве» (?)³⁷.

Стр. 115, строка 35. «Француз М. Готьо» появился потому, что автор принял букву «М» в библиографическом описании (обычное в французских изданиях сокращение от «monsieur») за инициал; им Готьо — Робер (Robert).

Стр. 116—117. После того как сообщается об участии Куна в кокандском походе 1875 г., сказано следующее: «По собственным слухам Куна, задачей его „было собрать возможно больше книг... а также составить описание развалин Ак-сарая, дворца Тимура“». Но эти слухи Куна относятся совсем к другой экспедиции — Шахриябзской 1870 г. (и ссылка дана на статью Куна «Очерки Шахриябзского бекства»); очевидно, перед этими словами пропущены одна или несколько фраз.

Стр. 123, строки 6—7. В «Тетради дневных записей» в архиве Куна нет «следов работы Куна над архивом хивинских ханов», а записи в этой тетради принадлежат не Куну, а его переводчику Мирзе Абдурахману (о котором сам Б. В. Лунин говорит ниже, стр. 124); о этом уже сообщалось в печати³⁸.

Стр. 132, строки 13—12 снизу. Перечисляя рукописи, поступившие в 1876—1877 гг. в Публичную библиотеку (по описям В. Д. Смирнова), Б. В. Лунин упоминает «Тарихи-джиган-нюмаи» (имеется в виду географическое *хатима* к *Раузат ас-сафа*) и поясняет: «Тарих-и джахан наме» (! ср. выше, аналогичное «пояснение» на стр. 77).

Стр. 133, строки 12—11 снизу (в том же перечне): «...ряд сборников (среди них „Тарих-и Муким-хани“...)». Здесь Б. В. Лунин не понял указания В. Д. Смирнова, что «сочинение *Тарих-и Муким-хани* содержалось в одной из сборных рукописей» (ср. сказанное выше), том, что Б. В. Лунин смешивает понятия «сочинение», «рукопись» и др.)

Стр. 134, строки 12 и сл. Приводя список рукописей, собранных Пантусовым в Коканде (по статье Пантусова), Б. В. Лунин упоминает «„Решхат“ — биографии туркестанских святых, писанные Алием, сыном Хусейна...» (т. е. *Рашахат 'айн ал-хайат*) и далее поясняет: «Речи идет об известном сочинении „Сад мучеников“ (*روضة الشهداء*) Хусейна б. Али ал-Ваиз ал-Кашифи» (!!).

Стр. 134, строка 5 снизу. «Одним из названий „Рахимовской летописи“» является либо «Тарих-и Сейид Рахим», либо «Тарих-и Рахими» но не «Тарих-и Сейид Рахими».

Стр. 132—135. Б. В. Лунин сперва приводит сведения о кауфманской коллекции рукописей, поступившей в Публичную библиотеку в 1876 г. и описанной В. Д. Смирновым в «Отчетах Имп. Публичной библиотеки» за 1876 и 1877 гг.³⁹, а затем — о рукописях, собранных Пантусовым в феврале 1876 г. в Коканде (по статье Пантусова и

³⁷ Любопытно примечание 389 (на стр. 335) к этому месту: «В нашей книге „Научные общества Туркестана“ (Ташкент, 1962, стр. 13) вследствие неудачных редакционных сокращений и перестановок текста (?) эти слова Энгельса неправильно приурочены к событиям 1873 г. Статья написана Энгельсом около 8 октября 1858 г.». Как видим, в новой книге все «исправлено».

³⁸ См. Ю. Э. Брегель, *Расселение туркмен в Хивинском ханстве (По документам архива хивинских ханов)*, — сб. «Страны и народы Востока», I, М., 1959, стр. 242—243.

³⁹ На стр. 133 (строка 5) неверно указано, что вторая часть коллекции поступила в 1877 г.; в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1877 г.», стр. 49—50, ясно сказано, что вся коллекция была подарена в 1876 г. и только описана в два приема.

«Туркестанских ведомостях»), не замечая, что рукописи, собранные Пантусовым, вошли в ту же кауфманскую коллекцию (по крайней мере отчасти) и что он дважды говорит об одних и тех же рукописях (ср. в особенности упомянутую выше «Тарихи-джиган-нумаи» — стр. 132 и 135, «Тухфат ал-хани» — стр. 133, строка 25 и строка 1 снизу, «Тарихи Джигангири» (об этом см. также ниже) — стр. 133 и 135).

Стр. 135, строка 9 и сл. По той же статье Пантусова говорится о рукописи «„Тарихи-Джегангири“, писана „хан-Джеганом-Луди“...». Б. В. Лунин дает примечание (стр. 346, прим. 537), в котором сообщает, что «известны» два сочинения [очевидно, со сходными названиями] — *Джахангир-наме* и *Икбал-наме-и Джахангири* (со ссылкой на ташкентский и душанбинский каталоги). Однако в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1877 г.» (стр. 68) о той же рукописи (переписана в 1178/1764 г.) говорится, что сочинение состоит из 7 отделов, и в 3-м отделе «вначале упоминается настоящее заглавие всего сочинения: *Мунтэхаби мирати-ль-афагинэ ки бэ тарихи Ханджигани мэвсум аст*». Таким образом, в действительности это — известное сочинение Ни'маталлаха б. Хабибаллаха ал-Харави *Тарих-и Хан-Джахани у Махзан-и афгани* (ср. С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, section II, fasc. 2, London, 1936, p. 393).

Стр. 137, строки 9—10. Опять «Тарих-и джахан наме» (ср. стр. 77; здесь — другое сочинение) вместо «Тарих-и джахан-нума».

Стр. 154, строки 22 и сл. Сообщается о рукописи анонимной арабской истории халифов из бухарской коллекции В. Иванова (со ссылкой на статью В. И. Беляева, посвященную этой рукописи). На стр. 155, строки 12—11 снизу, говорится о рукописи «высокоценного труда по истории халифов автора V века хиджры» (со ссылкой на описание арабских рукописей бухарской коллекции, изданное В. И. Беляевым). Б. В. Лунин не заметил, что речь идет об одной и той же рукописи.

Стр. 156, строка 12. Автор *Аташкаде* — не Азури, а Азар (у Миклухо-Маклая, на которого ссылается Лунин, — Азур).

Стр. 165, строки 4—3 снизу. Сочинение 'Абдаллаха б. 'Али Насраллаха (не «Насраллаха») носит название *Зубдат ал-асар* (именно так у Бартольда, ЗВОРАО, т. XV, стр. 187); под названием *Тамм* (не «Таим», как у Б. В. Лунина) *ат-таварих* оно цитируется автором одного труда по истории Тимура (см. ЗВОРАО, т. XV, стр. 191). Правильное название приводит сам Б. В. Лунин на стр. 159 (со ссылкой на статью Молчанова), не указывающий, что в обоих случаях речь идет об одной и той же рукописи.

Стр. 166, строка 5 снизу. Известно одно историческое сочинение (а не «исторические сочинения») Махмуда б. Вали.

Стр. 174, строка 11 снизу и сл. Здесь Б. В. Лунин делает открытие, о коем он сообщает в следующих словах: «Важно отметить, в частности, оставшийся неизвестным исследователям жизни и творчества поэта-демократа Мукими важный факт личной встречи с ним Самойловича, о чем свидетельствует следующее сообщение ученого: „В заметке М. Ф. Гаврилова „Сартовский поэт Мукуми“ („Туркестанские ведомости“, 1912, № 181) покойный поэт назван представителем „нового литературного течения в среднеазиатском литературном мире“. Но это недоразумение, как признал в беседе со мной и сам автор (курсив наш. — Б. Л.); Мукими принадлежал к старой, традиционной школе среднеазиатских поэтов...“». Нетрудно увидеть из тех же слов Самойловича, на основании которых Б. В. Лунин делает свой

«важный вывод», что в них речь идет о беседе отнюдь не с Мукими, а с автором упомянутой перед этим заметки, т. е. М. Ф. Гавриловым. Б. В. Лунин мог бы также в этом убедиться, если бы он вспомнил, что Мукими умер в 1903 г., а Самойлович в первый раз был в Средней Азии в 1902 г., причем в Туркмении, где он с Мукими никак не мог встретиться. Между тем Б. В. Лунин в «Заключении» (стр. 303—304) еще раз упоминает об «общении» Мукими с Самойловичем как об одном из приведенных в книге «ярких фактов» (!) «плодотворного сотрудничества группы передовых представителей коренного местного населения с посещавшими Среднюю Азию русскими востоковедами».

Стр. 183, строки 3—2 снизу. «История Шейх Увейса» написана не «неизвестным автором», а Абу Бакром ал-Кутби ал-Ахари. См. С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, pt 2, London, 1953, p. 1233. Часть этого сочинения издана (доступную русскому читателю рецензию см. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 97—100).

Стр. 198, строка 18. Имя Хафиз-и Аbru — не Нур ад-дин Лутфаллах б. Абдаллах, а Шихаб-ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах, что установлено уже достаточно давно; см.: W. Barthold, *Hāfiz-i Abrū*, — «Enzyklopaedie des Islām», Bd II, S. 225; С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, section II, fasc. 1, London, 1935, p. 86.

Стр. 204, строка 5. Сделанный Вяткиным перевод сочинения Мухаммед-Салиха о Самаркандском вилайете назван «Легенда-очерк [!] „Самаркандский вилайет“». Такой своеобразный «жанр» появился у Б. В. Лунина потому, что перед этим в том же выпуске «Справочной книжки Самаркандской области» помещены «Самаркандские легенды» в переводе Вяткина, а заголовок к «Самаркандскому вилайету», не имеющему никакого отношения к легендам, набран тем же шрифтом, что и заголовки отдельных легенд. (Ср. также прим. 934 на стр. 367.)

Стр. 216, строки 20—21. Вряд ли удачно сказано о появлении в свет «нового, кембриджского... перевода труда Нершахи». Имеется в виду перевод Р. Н. Фрая, изданный Гарвардским университетом; последний, правда, находится в Кембридже, в штате Массачусетс (что и обозначено на титульном листе: Cambridge, Mass.), но под «кембриджскими» изданиями у нас всегда подразумеваются те, которые вышли в английском, а не в американском Кембридже, т. е., обычно, — издания Кембриджского университета.

Стр. 221, строки 13—15. «...Л. А. Зимин осуществил комментированное издание рукописи „Мират-ул-футух“ („Зерцало побед“) по копии ее, принадлежавшей А. А. Семенову». Ссылка (см. прим. 1027 на стр. 374) дана на статью Зимина в ПТКЛА, год XVII, стр. 31—38; никакого «комментированного издания» здесь нет, а есть только описание рукописи, принадлежавшей Семенову.

Стр. 231—232. Б. В. Лунин пишет о том, что опубликованный Н. И. Веселовским рассказ казаха Хали-бая о русском завоевании содержит «отдельные, весьма ценные для историка данные, помогающие лучше понять причины относительно легких успехов царского оружия в Туркестане». В подтверждение приводится, в частности, следующий рассказ: в Ташкенте в 1865 г., после смерти Алим-Кула, «толпа требовала, чтобы Ходжа Казий отправился в Бухару и сообщил эмиру „о положении многочисленных бедняков (курсив наш.—Б. Л.)“». Очевидно, Б. В. Лунин счел упоминание о «бедняках» свидетельством о социальном расслоении населения Ташкента. Но Веселовский здесь словом «бедняки» буквально перевел слово *фукара*, которое в это время

в Средней Азии означало просто «подданные», «народ» (или «простой народ»). Приведенные здесь слова Б. В. Лунина приходится признать недоразумением, которое только подтверждает то, что источники нужно изучать в подлиннике, а не по переводам (см. об этом выше, стр. 274).

Стр. 256 (в «Выводах»). Б. В. Лунин приходит к выводу, что «среди разысканных и приобретенных до революции восточных рукописей имелся обширный цикл [?] редких, а порой и редчайших, иногда даже уникальных экземпляров»; в числе таковых называется «Уложение Тимура»!

Далее говорится, что были «приобретены и сохранены для науки ценные списки... важнейших для истории народов Средней Азии рукописных источников первоклассной ценности [sic]»; среди них называются *Зафар-наме* Низам ад-дина Шами (списков которого, как известно, в России не было и сейчас в СССР нет), история Средней Азии 'Абд ал-Карима Бухари (известные рукописи которой находятся в Лондоне и Париже), *Чингиз-наме* Утемиша Дусти [! так, вместо правильного Утемиш-хаджи] (в сохранившейся части не представляющее ценности как исторический источник), *Тимур-наме* «Мирза Румуза» (Б. В. Лунин забыл, что на стр. 188 он сам сообщает, что В. А. Жуковский установил подлинное имя автора — 'Абд ар-Рахман Сират — и что тот же Жуковский отметил, что сочинение «лишено ценности в качестве исторического источника»).

На стр. 71, со ссылкой на Крачковского, сообщается, что Учебное отделение МИД выпустило серию каталогов своих рукописей; в прим. 193 на стр. 322 добавляется, что «позднее, в 1877 и 1897 г. вышли описания В. Р. Розена и В. Д. Смирнова». Между тем эти описания как раз входят в упоминаемую Крачковским серию каталогов.

На стр. 349 в прим. 594 говорится, что в статье Бартольда (ЗКВ, I, стр. 97—99) приводятся данные о 213 рукописях минтубинского ишана; в действительности там сообщается о 194 рукописях (по списку Семенова; ср. сказанное об этом списке на стр. 164, строка 10).

На стр. 357, прим. 781, по поводу того, что хивинский историк Баяни, по словам Самойловича, знал русский язык (стр. 174), дана ссылка на «Изв. Академии наук», 1908, стр. 1301—1302. Ничего подобного в этом месте нет (эта неверная ссылка заимствована у М. Ю. Юлдашева); указанные сведения на самом деле содержатся в заметке Самойловича в ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0203.

На стр. 358 в прим. 789 Самойловичу приписана ошибка, которой у него в действительности нет; Б. В. Лунин не понял описания рукописи, сделанного Самойловичем.

Стр. 363, прим. 870. «Из новейших изданий других сочинений Абд ар-Раззак[а] Самарканди...» — далее следует ссылка не на издание «других сочинений» Абд ар-Раззака (которые не сохранились), а на издание и з в л е ч е н и я из того же *Матла' ас-са'дайн*, о коем говорится на стр. 194.

Стр. 373, прим. 1019. «Заметим, что в числе остающихся неопубликованными работ А. А. Семенова имеется „История исмаилизма, Федаи Хорасанского...“». Эта работа опубликована (в серии «Памятники литературы народов Востока») еще в 1959 г.

Указанные выше ошибки и неточности далеко не исчерпывают всего того, что можно было бы отметить. «Большое же число неточностей, хотя бы даже и не особенно важных в отдельности, подрывает в конце

всякое убеждение в надежности автора, колеблет авторитетность его выводов и заставляет *компетентного* читателя на каждом шагу справляться с источниками, чтобы проверять автора, не говоря уже о пагубных последствиях, которые может иметь принятие выводов и показаний подобной книги лицами, которые по той или другой причине лишены возможности производить подобную проверку. Мы весьма далеки от мысли требовать совершенства и в этом отношении: человеку свойственно не только ошибаться в своих выводах и заключениях, но он и *не может* при лучшей воле и величайшем старании избежать *всех* неточностей и недосмотров... Мы требуем только известной меры, известного процентного отношения между подобными недостатками и достоинствами данного сочинения... Чем менее в данной книге новых мыслей, чем менее ее автор для ее составления мог пользоваться новыми материалами, чем компилятивнее, одним словом, ее характер, тем более нужно точности, аккуратности, детальной отделки, чтобы вообще оправдать появление ее на свет Божий». Хотелось бы, чтобы на эти слова В. Розена (в одной из его известных рецензий)⁴⁰ Б. В. Лунин обратил такое же внимание, как и на другие высказывания этого ученого, которого он сам охотно цитирует в своей книге.

Остается еще добавить, что в книге очень много опечаток, как это бывает, к сожалению, во многих книгах, выпускаемых ташкентским издательством «Наука» (естественно, что эта претензия уже не может быть обращена к автору). Особенно много грубейших опечаток в библиографических описаниях работ на западноевропейских языках (в примечаниях), что искажает их порой до неузнаваемости. Много опечаток и в восточном тексте (названия сочинений и имена авторов), который, таким образом, оказывается не только бесполезным, но и вообще не украшает книгу. Списка опечаток в книге нет.

* * *

Подводя итоги нашему обзору, можно заключить, что, хотя Б. В. Лунин проделал, несомненно, очень большую работу, собрал обширный материал и в своей книге сообщает порой интересные и малоизвестные факты, ему не удалось выполнить тех задач, которые перед ним стояли. Историографическая часть его книги отличается отсутствием ясного понимания предмета исследования и не дает представления о развитии рассматриваемой отрасли (или отраслей) науки; как справочное пособие книга обесценивается бессистемным расположением материала, отсутствием указателей и многочисленными фактическими ошибками.

Остается пожелать, чтобы продолжение труда Б. В. Лунина (несомненно полезного по своему замыслу) было более успешным и последующие тома были лишены отмеченных здесь недостатков.

Ю. Брегель

⁴⁰ ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 291—292.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ал-А'аз Абӯ-л-Маҳасин ад-Дихи-
стай 23
Абазас-дзе Навроз 113
Абд ал-Джаббар 23-25
Абд ал-Карим Бузғарӣ 283
Абд ар-Раззак Самарқандӣ 283
Абд ар-Рахман Сират 283
Абдалазиз II 185
Абдаллах б. Али Насраллахӣ 281
Абдуллаев Ф. 39
Абдуррахман ал-Тевфи'ӣ (Тав-
фиқӣ) 98
Аблай 177; ср. Аулайкули-хан
Абӯ-л-Али, поэт 28
Абӯ-л-Али ал-Джанзавӣ Насир
ад-Даула Қасим ал-Мулк 28
Абӯ Али Шадӣ 72
Абӯ Бакр ал-Қутбӣ ал-Ахарӣ 282
Абӯ-л-Қасим 102
Абӯ-л-Қасим (владелец Сага-
ниана) 85, 86, 96
Абӯ-л-Макарим, ходжа 130
Абӯ Муслим 100
Абӯ Наср Симинӣ 102
Абӯ Саид Махдум 276
Абӯ Саид 72
Абӯ-л-Фаттх 102
Абӯ-л-Ҳайр-хон 279
Абӯ Ҳанифа 100
Абӯ-л-Ҳасан Фарахонӣ 69
Абӯлғазӣ 266, 277
Ағехи Агахӣ 270
Агуда - см. Тай цзу
Адам 12
Адарнасе (= Адарнасе II?) 107,
108, 112
Адил-тура 175, 176
ал-Адуд 27, 28
Адхам 100
Азадаев Ф. 172
Азар 281
Азур - см. Азар
Азури - см. Азар
Айн ад-Даула 93
19 Зак. 1430

Айн ад-Дин Алтунташ 24
Ай-цзун (Нингясу) 205, 206
Алача-хан 174, 177
Алачханиды 174, 175
Али, халиф 100
Али, правитель Саганиана 94, 96
Али Дуст Тағӣ 131
Алим-Кул 281
Али-Тегин 85, 87, 88, 90-94
Алим-хон 175, 176
Алим-хонджа 270, 273
Алишер Навои 166, 169
Алла-Кули-ага 36
Алла-Кули-мираб 32
Алла-Кули-хан 270
Алпуш ибн Алтунташ 20, 24
Алтунташ 85, 87
Амбах (Амбах) 224, 228-230
Амин ал-Мулк Сиқат ал-Ҳадратайн
Абу Джафар Муҳаммад ибн ал-
Ҳасан 22, 27, 30
Амсаджан 118
Анварӣ (Аухад ад-Дин) 68-73
Андриа 117
Андрэ, Карл 279
Ануширван ибн Халид ал-Қашғарӣ 27
Ань-ди (Бахай) 200
Ань Лу-шань 228
Арслан-хон - см. Сулайман б. Йусуф
Асад Сауджан 72
Ата-Кул 34
Ата-Мурад-бек 36
Ахмад б. Али (Тоған-хон) 85
Ахмад б. Муҳаммад 89
Ахмед 100, 101
Ахмед - см. Алача-хан
Ахмед-ахунд 34
Ахриман 161
Ахура Мазда (Ормузд) 161
Аулайкули-хан 174, 177; ср. Аблай
Аулайкулиханиды 174, 175
Аухад ад-Дин Али Муҳаммад ибн
Исхак Анварӣ Абивардӣ - см. Ан-
варӣ

- Афрасиаб 162, 163
 Афтах 102
 Ашот I Великий 107
 Аштарханиды (Джаниды) 40, 174, 177
 Баба-Назар-юзбаши 32, 36
 Бабахан-тура, Аулайкулиханид 174-176
 Бабур (Захираддин) 130-134, 166, 174, 177
 Барабар 118
 Баграт V 108
 Багъаш 105
 Байхакъ II 85-89, 96
 Бакрадзе Д.З. 103
 Бандас-дзе Авгароз 106
 Бандас-дзе Григол 106, 109
 Бандас-дзе Иоане 106, 114
 Бань Гу 208-214
 Барабашвили 104
 Баркийбрух 22, 23
 Бартольд В.В. 40, 90, 91, 99, 133, 164, 172, 266-271, 273, 276, 278, 281, 283
 Бахъ' ад-Дин 102
 Бахъ' ад-Дин ал-Какъйа 26
 Бахъ' ад-Дин Мухаммад ибн Хусайн 31
 Бахрам 100
 Бахши-бекиль 36
 Башбра 25
 Баэдар 116
 Баязид II 100
 Баян 283
 Бекташ-батыр 33
 Беляев В.И. 281
 Беляев (И.А.) 269, 270
 Берды-Мухаммед-юзбаши 35
 Березин 269, 276
 Берже А.П. 99
 Бертельс Е.Э. 14, 135, 159, 160
 Би Цзы-лун 205
 Бибила 110, 122
 Бибилуры 109, 110, 117
 Билкайс 100
 Бирун 161
 Бичурин 269
 Бобо Кули 131
 Богданов Л.Ф. 70
 Богра-хън 89-92
 Болдырев А.Н. 14
 де-Бонак 99
 Боровков А.К. 272
 Бочоридзе Г. 122
 Брагинский И.С. 261, 262
 Броссе М. 103-106, 121, 123-126
 Брутас-швили 117, 124
 Будагов Л.З. 133
 Бузанчар-хан 174
 Бунятов З.М. 17
 Бурдиас-швили (Шурдиас-швили Виршел) 118, 125
 Бурх-Тегин - см. Ибрахым б. Нафр
 Бурундук, Мир 128
 Вайс Лигир-бек 131
 Валидов А.З. 269, 276
 Ван Жо-сюй 204-206
 Ван Жэнь-цзунь 244
 Ван Мин-шэн 211-216
 Ван Фань-чжи 252
 Ван Цзун-хань 242
 Ван Чжо-цзюнь 251
 Ван Чжун-мин 248
 Ван Юань-лу 242
 Ван Юн-син 255
 Ваньянь, династия 200
 Ваньянь Куан 203, 204, 206
 Ваньянь Сюй 200, 201, 205, 206
 Ваньянь Цзунби 201
 Ваньянь Цзуньяо - см. Жуй-цзун
 Ваньянь Шоудао 202
 Ваньянь Юньгун - см. Сянь-цзун
 Вахтанг III 108
 Вахтанг VI 104
 Вахтанг, сын Адариасе (?) 107, 108, 112, 113
 Вахушти Багратиони 107, 121, 124
 Вейли А. 251
 Вейси 100
 Вельяминов-Зернов 268, 269, 276, 277
 Веселовский Н.И. 267, 269, 276, 279, 282
 Виршел III, сын Иоане, эрстаф, 104-106, 110, 117-120, 124, 125
 Виршел, сын Ларгвелл, эрстаф, 108, 114, 115
 Виршел, эрстаф 112
 Вон Гюн 238
 Вэй, династия 209
 Вэймин, род - см. Ги-мий
 Вэй-шао-ван 201, 202, 204
 Вейкин 268, 269, 271, 273, 276, 282
 Гаврилов М.Ф. 269, 276, 281, 282
 Гвешид 163
 Гагас-дзе 113
 Газневиды 85-88, 96
 Гао-цзун 159
 Гао Жу-ли 204-206
 Гарсиваз 163
 Гафаров А. 266, 269, 270, 276
 Гаюмарс 161
 Гванца, жена Виршела 115
 Гварам (Гуарам) 122
 Гвртишвили Д.В. 105, 109, 121, 123, 124

- Гѣв 141, 162
 Ги-мих, род 223, 224, 229
 Ги-нех 223, 228, 230
 Гиорги IУ Лаша 108
 Гиорги У Блистательный 108
 Гиорги У1 Малый 108
 Гиорги У11 108, 109
 Гиорги, великомученик 104
 Гиорги, святой 118
 Гиорги, сын Виршела 115, 116
 Гиорги, сын Давида (Давиѣ) 107, 113, 114-116
 Гиорги, царь (75-й царь Гиорги) 106, 107, 118, 120, 125
 Гиорги Кашоеѣский, святой 119
 Гиорги Табаури 108
 Готьо, Робер 280
 Го Цзы-и 228
 Граменицкий 70
 Григорьев В.В. 263, 265, 266, 269, 276
 Грязневич П.А. 278
 Гугак 111
 Гударз 140, 162
 Гуландам 100
 Гулшар, жена Иоане 116
 Гулямов Я.Г. 173, 177
 Гургин 162
 Густахм 141
 Гэсэр 230
 Давид У111 108, 123
 Давид IХ, сын Гиорги Блистательного 108
 Давид I, Куропалат 108
 Давид (Давиѣ), сын Гиорги 107, 108, 114-116
 Давид (Давиѣ), брат Адарнасе 107, 112, 113
 Давид (Давиѣ) Багратониан (Багратониани) 105, 106, 107, 108, 112
 Давид Сослан 108
 Демезон 269, 276
 Демьовиль П. 251
 Дервиш-хѣн 177
 Джавахишвили И.А. 105, 106, 122
 Джѣлбѣш 182
 Джанашиа С.Н. 109, 122
 Джан-Мухаммед 35
 Джафар Садык 101
 Джувайнѣ 157
 Джуванмард 173, 176
 Джѣдѣѣнѣ 157, 158
 Джумджум, султан 100
 Джухѣ, род 30
 Джѣчѣ-хѣн 174
 Джучиханиды 174
 Диваев А.А. 100, 271
 Дигунай - см. Хай-лин-ван
 19-2
 Димитри I1 108
 Димитри, сын Ларгвели 112
 Дмитриевский П.А. 232
 Долидзе И.С. 106
 Дорн Б. 89, 90, 277
 Дост-Мухаммед 36
 Дост-Нияз-мехрем 32
 Дружинин Н.М. 272
 Дудин С.М. 244
 Дьяконова Н.В. 244
 Дэ-ди (Улу) 200
 Дэ-мин 230
 Елюй Дикое 200
 Жаба А. 101
 Жордания Ф.Д. 104, 105-107, 109, 123-126
 Жуй-цзун (Ваньянь Цзуньяо) 203, 206
 Жуковский 71, 72, 264, 269, 283
 Жэнь Эр-бэй 251, 252
 Жюльен С. 251
 Забих 101
 Залеман К.Г. 142, 269, 276
 Захираддин Мухаммад Бѣбур - см. Бабур
 Заходер Б.Н. 28
 Зейн ал-Абидин 101
 Зимин Л.А. 267-269, 273
 Ибн Аллѣн ал-Йахѣдѣ 23
 Ибн ал-Асѣр 23, 157, 158
 Ибрагимов И. 39
 Ибрѣхѣм 164
 Ибрахим, пророк 100, 101
 Ибрѣхѣм б. Наѣр (Бурѣ-Тегѣн) 78, 86, 88-94, 96, 97
 Ибрѣхѣм Сѣрѣ Минглик-бек 131
 Иванов А.И. 225
 Иванов В.А. 69, 70, 276, 281
 Иванов П.П. 129, 272
 Ильминский 266, 269, 276
 Имѣд ад-Дѣн ал-Исѣхѣнѣ 18, 27
 Ингэ 205
 Инджо 232
 Икѣда Он 255, 259
 Иллахдѣд Камѣли (Абѣ-л-Бахѣй) 69
 Ин Шао 215, 216
 Ирия Ёситака 252
 Исмаѣил Сефевид 100, 134
 Иствиниане Строитель 105-107, 111
 Иоане, сын Виршела 105, 110, 115-117
 Иоане Багратони 122
 Йа-цхан 224, 229, 230
 Йомудский Н.Н. 101
 Йѣсуф б.Хасан, Қадыр-хѣн 85, 90, 91

- Қадир 75, 76
 Қадыр-хән - см. Йўсуф б.Хасан
 Казбеков 276
 Кайхосров 162
 Какабадзе С.Н. 106, 107, 123
 Кайхўда, род 26
 Каль 276
 Кан-цзун (Уясу) 200, 206
 Кано Наоки 247
 Қара-хән 174, 177
 Караханиды 85-87, 90-92, 96, 97, 177
 Карлгрен Б. 225
 Қасим-бек 130, 133
 Қасим "Аджаб 131
 Қасим Ишйк-ағл Джалаир 131
 Қасим Қаучийн-бек 131
 Қасим Мирахур 131
 Каус 163
 Каухчишвили С.Г. 124
 Каэн, Клод 17, 23, 30
 Квенниневели 111
 Квенниневели, сын Виршела 108, 110, 115, 116
 Квенниневели Ростом 105, 107, 110, 111, 112
 Квенниневели-Ларгвели 105
 Кепрюлю М.Ф. 166-168
 Кир 162
 Китагава Момоо 253
 Коушут-хан 101
 Кохановский А.И. 142
 Кошчанов А. 39
 Крачковский И.Ю. 266, 272, 274, 283
 Кубай 164, 165
 Кузнецов П.Е. 276
 Кун А.Л. 37, 236, 268, 270, 276, 280
 Курода Гэндэи 257
 Кутлы-Мурад-батыр 34
 Кухраи 23
 Ларгвели, сын Ростом 105, 112
 Ларгвели, сын Шалвы 108, 113, 114
 Лахман К. 138
 Ленин В.И. 271
 Лерх 271, 276, 278
 Ли И-жо 249
 Ли Пун 236
 Ли Сугван 236
 Ли Сунсин 232-236
 Ли Чхунму - см. Ли Сунсин
 Ли Шэн-до 242
 Ли Янь 258
 Литвинский Б.А. 93
 Лихачев Д.С. 137
 Ло Фу-чан 245, 247
 Ло Чжень-юй 242, 244, 245, 253, 257
 де Лоппи 242
 Лу Энь-чао 216
 Лу Сян 247
 Луни Б.В. 260-284
 Лыкошин Н. 164, 265-267, 269, 274, 276
 Лэн-Пуль 271
 Лю Фу 245
 Лю Чжун-юань 202
 Лян, род 228
 Лян, династия 200
 Лян Юн-шэн 213-216
 Лянь Цзян 201
 Ляо, династия 201
 Мадагу - см. Чжан-цзун
 Мақдиси - см. Мурадласи
 Малик 100, 101
 Маликшах 29
 Малликий 269
 Марков А.К. 89
 Масперо, Анри 256
 Массон М.Е. 172
 Масуд Газневид 85-88, 90, 92, 95
 Масуд ибн Намдир 17-31
 Масуд б. Осман 279
 Марсэ В. 19
 Маудуд (Шихаб ад-Даула Наср ал-Милла) 81, 94
 Махмуд б.Вал 40, 133, 134, 281
 Махмуд Газневид 85-87, 95
 Мадумото Эйити 252
 Мачабели 105
 Мегвинетхуишвили Д.К. 103
 Меликишвили Г.А. 121, 122
 Мелноранский 269, 271, 276
 Мерген Джелли 32
 Месхиа Ш.А. 103, 104, 106, 122-126
 Мехмед IУ 98
 Микел, архангел 117
 Мики Сакаэ 258
 Мин, династия 201, 226
 Минорский В.Ф. 17, 19, 30
 Мирза Абдурахман 37, 280
 "Мирза Румуз" 283
 Мир Шах Қаучийн 131
 Микр-Султан-хандум 127, 129
 Мо-ди 205, 206
 Мтапмидели Иоане, Эвфиме 122
 Му'аййад ал-Мулк 22, 23, 26, 27
 Муваффах 23
 ал-Муваффах, Абду-л-Фарадж "Абд
 ал-Карим ибн Исмаил 28, 31
 Му-гун 209
 Мурадласи 275
 Мушм 282
 Мунис [Му'нис] 270
 Муравьев 269, 271
 ал-Мустахир 30

- Мустафа-паша 98
 Мухаззаб ад-Даула ибн Абй Джѣбир 23
 Мухаммад, шейх 23
 Мухаммад б.Зуфар 165
 Мухаммад б.Йусуф 90-92
 Мухаммад б.Маликшѣх 22, 23, 27
 Мухаммад б.Наѣр 89, 93
 Мухаммад Алй Мубѣшшир 131
 Мухаммад Бадй-дйвѣн б. Мухаммад Шихабалдйн б. Мухаммад Улуг б. Мухаммад Ризѣ-дйвѣн 40, 41
 Мухаммад Дѣст 131
 Мухаммад Қазвйнй 17
 Мухаммад Тақй Ризавй 68, 69
 Мухаммад Шайбѣнй-хѣн - см. Шай-бѣнй-хѣн
 Мухаммед Бакир 101
 Мухаммед Ибрѣхйм-бек 174
 Мухаммед-Нияз-бай 32
 Мухаммед Раджаб кушбеги 176
 Мухаммед Сѣлих Тѣшкендй 130-133, 173, 282
 Мухаммед Хѣнефй 100, 101
 Мухаммед-хѣджа 175, 177
 Му-ѣзун (Ингѣ) 200
 Наба Тосйсада 246, 254, 256, 258
 Назар-ага 36
 Назмй 101
 Наливкин 267, 271, 276
 Накан Рикѣн 213, 215
 Накао Мандѣо 257
 Наршахй 165, 264, 274, 275, 282
 Насар-Мѣлик, султан - см. Нисрский, владыка
 Нѣсир ал-Хѣкк 85
 Нѣсир-и Хѣсрау 275
 Наѣр, владетель Саганиана 76, 85, 96
 Наѣр б. Алй 86, 93, 94
 Нгух-ндѣх 224, 229, 230
 Невский Н.А. 218, 223-227, 229
 Нершахи - см. Наршахи
 Низѣм ад-дйн Шѣмй 283
 Низѣм ал-Мулк 17, 22, 23, 29, 31
 Нинда Нобору 254, 256
 Николай, святой 117
 Ниѣматаллѣх б. Хѣбѣбаллѣх ал-Хѣ-равй 281
 Нисидѣ Таѣуо 218, 223, 224
 Нисрский, владыка 114, 123
 Нйшѣпѣурй 164
 Нияз-Мухаммед 36
 Нриу-риу 224, 228
 ая-Ну'мѣн ибн Башир 13
 Нуман ибн Сабит 102
 Нѣх 71, 174
 Нушин А. 139
 19-3
 Огуз-хѣн 174, 177
 Одзима Сукѣма 245
 Ольденбург С.Ф. 100, 142-146, 153, 242, 244, 247, 250
 Омѣды 100
 Орлов 279
 Остроумов 268
 Пантусов Н.Н. 264, 267, 269, 276, 280, 281
 Пареджан 118
 Парнаваз 121
 Пѣлло П. 241-245, 247, 248, 250, 252, 255
 Перѣломов Л.С. 212
 Перовский 279
 Петровский Н.Ф. 266
 Пипа, сын Шалвы 110, 114, 123
 Пир Вѣйс 131
 Пиран 139
 Поляков А.С. 248
 Прицак О. 89, 91-93
 Пѣй Инъ 209-211, 214
 Раджаб кушбеги - см. Мухаммед Раджаб кушбеги
 Радлов В.В. 133, 269
 Рар-ту 223, 227-230, 231
 Расулов А. 177
 Рати 122
 Рашйд ад-Дйн 157-159
 Рѣджеб-батыр 35
 Рейснер 266
 Роборовский В.И. 142
 Розен В.Р. 267, 269, 278, 283, 284
 Розенберг Ф.А. 142
 Ромаскѣвич 274
 Рудабѣ 160
 Рузи-бай-батыр 34
 Руссо Ж.Л. 71
 Рустам 160, 162
 Рустам-тѣра 175, 176
 Русудан 122
 Саблукѣв 269
 Савѣльѣв 266, 269
 Сѣдаха ибн Мазйад 23
 Сайидй Қарѣ-бек 131
 Салимсѣк-тѣра 174, 176
 Сальѣ М.А. 133
 Сѣм 174
 Самѣтѣнй 165
 Самѣйлович А.Н. 101, 168, 170, 266, 269, 273, 281-283
 Самтавнѣли 114
 Санаубар 100
 Сан-мбѣх-лон 223, 228, 230
 Сары-ишан 35
 Саттархан 270
 Сѣзѣки Ёсиро 250

- Се хук 225
 Се Чжи-лю 241
 Себзи-эфенди 100
 Сейид-Джан-диванбеги 32
 Сейид-Нияз 35
 Сейид чандыр 32
 Сельджуки, Сельджукиды 17, 23, 27, 29, 31, 87, 88, 92
 Семенов А.А. 40-42, 267, 269, 270, 276, 282, 283
 Сенковский 269, 276
 Сетук Богра-хан 102
 Сех-хох 224, 225, 229, 230
 Сиавуш 161, 163
 Сиамак 161
 Син Ип 237
 Сифын Бу-лай 228
 Си-цзун (Холу) 201, 202, 206
 Смирнов В.Д. 275, 280, 283
 Смирнов Н.А. 263
 Согабе Сидзуо 254
 Соколов Ю.А. 172
 Сонджо 233, 238
 Сохраб 160
 Стейн А. 241-243, 247-249, 252, 255, 256
 Стори 268, 278
 Судабе 163
 Судзуки Сюн 254
 Сулайман б. Йусуф (Арслан-хун) 90-92
 Сулейман 1 99
 Султан Ахмед Танбел 132
 Султан Кули 131
 Султан Мас'уд-мирза 130
 Султан сын Каракчи 35
 Султан-хаджа 175, 177
 Султан Хусайн-мирза 132, 168, 171
 Сун, династия 254
 Сунгу 118
 Сунь Дэ-цян 202, 204
 Сурамели 120, 125, 126
 Сухарева О.А. 164
 Су-цзун (Полашу) 200
 Сыма Чжэн 210, 211, 213
 Сыма Цянь 208-216
 Сюань-цзун (Удабу) 204-206
 Сюй Го-линь 245
 Сюй Гуан 210-215
 Сян Да 245
 Сян Юя 214
 Сяньпу 200
 Сянь-цзу (Суйкэ) 200
 Сянь-цзун (Ваньянь Юньгун) 203, 204, 206
 Сяо-гун 208, 210
 Табар 164
 Тадж ал-Куфа Мусafir ибн Хус-рау 28
 Тай-цзу (Агуда) 201, 203, 205, 206
 Тай-цзун (Укимай) 200, 201, 206
 Такайшвили Е. 104
 Такикава Камэтaro 212-215
 Тамаи Дзэхакү 253
 Тамар, жена Виршела 118
 Тамар, мать Пипа 123
 Тамара, царица 108
 Тан, династия 211, 228, 243, 253
 Тахур-дишан, Мирза 41
 Тевдоре, св. 104, 113
 Тевхид А. 89
 Тимур Самаркандский (Тимур Семанганский) - см. Тимур
 Тизенгаузен 266, 269
 Тикус Масаки 255, 256
 Тимур 104, 106, 108, 118, 119, 125, 134, 174, 267, 279-281
 Тимуриды 134
 Тоба - см. Ги-мнх
 Тоба Сы-гун 228, 229
 Тоба Чн-цы 228
 Томашевский Б.В. 137
 Торе-бек 35
 Тохтамыш Гирей 100
 Туманский А.Г. 266, 269, 273, 276
 Тунчи-баш 43
 Тус 140, 162
 Тхасан 237
 У Ця-юя 250
 Удабу - см. Сюань-цзун
 Уе - см. Ваньянь Сюй
 Укимай - см. Тай-цзун
 Улугбек 279
 Ульянов, Владимир 258; см. также Ленин В.И.
 Умняков И.И. 268
 Утемисов, Мамбет 100
 Утемиш-хадж 283
 Фарангис 162
 Фархбурз ибн Саллар 24, 27
 Фасихаддин Сахибдир дируга 132
 Фасмер Р. 91
 Фатима 101
 Фатх ибн Али ал-Бунидир 18
 Фахр ад-Даула Бахрам 89
 Федоров М.Н. 73
 Фейзи 100
 Фирдоус 11, 159-163
 Флуг К.К. 247, 248, 258
 Фрай Р.Н. 164, 282
 Френ Х.М. 89, 269
 Фудзэда Акира 255, 259
 Фузүли 7, 8
 Хавенди Тахур 180
 Хадж Мухаммад Самарканди 166

- Ҳаджи Ҳалифа 279
 Ҳаджиб ас-Сайфӣ 24
 Ҳайдар Рикшбдӣр 131
 Ҳай-лин-ван (Дигунай) 202, 203, 205, 206
 Хаким-ата 102
 Хали-бай 282
 Хамид-ходжа 175
 Хан-ходжа 175
 Ханьков 269, 271, 276
 Хань, династия 216
 Хань Го-пань 254
 Ханьпу 205
 Хареба 119, 125
 Харун б.Алтунташ 87
 Хасан 101
 Хаутсма М.Т. 18
 Ҳуфиз-и Абру 282
 Ҳуфиз-и Таныш 130-132
 Хашим-ходжа 175
 Хиджази 102
 Хидёси 233, 239
 Ходжа Қазий 275
 Ходжаев 266
 Ходжиев Э. 172
 Ходжели 101
 Холу - см. Си-цзун
 Ҳундамӣр 131, 133, 134
 Хосна, сын Баэдара 116
 Хох-лах 228, 224, 228, 230
 Хуан Чао 229
 Ҳудай Берди Тугчи могол 131
 Худай-Назар-батыр 34
 Худайр-бек 36
 Хуман 162
 Ҳумар-Тегин 23
 Хурлыга 101
 Хусейн 100, 101
 Хусейн б.Али ал-Ванз ал-Кашифи 280
 Хушная Дабис-дзе 111, 122
 Хушнвали 122
 Хэ Чан-цюнь 254
 Хэшиле Ляньби 201, 202, 203, 206
 Цао Ван-чжи 202
 Церетели Ах. 104
 Цзя-пэн 230
 Цзя-пянь 229, 230
 Цзин-цзу (Угунай) 200
 Цзинь, династия 200-205, 207, 211
 Цзинь Да-синь 204
 Цзоу Дань-шэн 210, 211
 Цзы-ин 209, 210
 Цзя И 208-216
 Цзян Ли-хун 252
 Цзян Фу 245
 Цян, династия 201
 Цинь, династия 208-210, 213, 214, 216
 Цинь Ши-хуан 208-211
 Цифлосан 110
 Цифлосан, дядя Виршела 115
 Цих-хох - см. Сех-хох
 Цишишвили Д. 103
 Цянь Да-синь 203, 204
 Чагатанды, Чагатайханды 174
 Чагатай-хун 173
 Чехович О.Д. 40
 Чжан Син-синь 204
 Чжан Цзин-жэнь 202
 Чжан-цзун (Мадагу) 204, 206
 Чжан Чжун-цзин 258
 Чжао Бин-вэнь 204
 Чжао И 212-215
 Чжао-цзу (Шилу) 200
 Чжу Дун-жунь 214-216
 Чжэн-де 216
 Чжэн-цзун 204
 Чжэн Цзы-дан 202, 203
 Чингиз-хан 134, 174
 Чих-кух-рух 223, 228, 230
 Чонджо 233
 Чу Шао-сунь 208-215
 Чэнь Ди 201
 Чэнь Шэ 208, 209, 212, 214, 215
 Чэнь Пэн-нян 246
 Чэнь Юань 247
 Шавани 212, 250
 Шагариб 101
 Шайбани-хун 127, 132
 Шалва, эрисфав 108, 110, 112-115
 Шамс ад-Дин, хундӣ ал-хундӣт 29
 Шамс ад-дин Абду Бахр Заранджа-ри 165
 Шарашидзе Х.Г. 104
 Шарифджан Махдум 40-42
 Шасенем 101
 Шахру-беги 128
 Шәхруз 156
 Шебунин 269, 276
 Шегрен А.М. 101
 Шейбаниды 134, 177
 Шейх Вайс 131
 Ширд 113
 Ширин Тагата 131
 Шир-хан 35
 Ши хуан - см. Цинь Ши хуан
 Ши-цзу 206
 Ши-цзу (Сяньпу) 200
 Ши-цзу (Хэлибо) 200
 Ши-цзун 201-203
 Ши-цзун (Улу) 202, 204, 206
 Шишкин В.А. 164
 Шмидт С.О. 272
 Штейн Р.Х. 226-228
 Шунь-ю 216

Элиоз, каталикос 118
Энгельс Ф. 279, 280
Эристави Р.Д. 103
Эр-ши хуан-ди 209, 210, 212
Ю Дыккон 237, 239
Ю Сонён 236
Юань-хао 227
Юань Хао-вэнь 207
Юлдашев М.Ю. 283
Юн Хэним 233, 237, 239
Юнус-хан 174
Юнус-ходжа Банги 172, 175-177
Юсуф-бек 32, 36

Юстиниан II 107
Юсуф 100, 101
Юсуф, имам 102
Ябуки Кэйки 249, 250
Язид 100
Якубовский 286
Ямамото Тацуро 255
Яо Най 215
Яр Али Билал 131
Ярак Тагъа 131
Яфет 174
Яхонтов С.Е. 215

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдуллахани, рабат 176
 Абверд 68
 Азия Малая 27
 Азия Передняя 250
 Азия Средняя 68, 73, 82, 164, 241, 260, 261, 263, 264, 267-272, 274, 278, 282, 283
 Азия Центральная 153, 243, 246, 250, 252, 258
 Аластан 108, 112, 123
 Алинджа 118
 Амдо 228
 Аму-Дарья, р. 279
 Анбар-кала 36
 Англия 243, 245, 246, 254
 Ангрен, р. 177
 Анвен, пещерная группа 241
 Арагви, р. 107, 113, 116, 122, 123
 Арагвское ущелье 106
 Аральское море 279
 Араху-теги 113, 123
 Ардон, р. 121
 Арран 17, 18, 25
 Асад-теги 30
 Асан, уезд 237
 Атрек, р. 279
 Ахалкалаки 123
 Аперис-хевеи 113, 117, 123
 Ачабети 113, 123
 Ачабетская дорога 120
 Баб ал-Абв-теги 25
 Багдад 23, 29
 Бадине 68
 Базалети 107, 112, 121
 Базалетское, оз. 124
 Байлакан 17-27, 29-31
 Байшуй (Байшуйцзян) р. - см. Белая река
 Баку 26
 Баласагун 85
 Балх 68, 85, 87, 88, 92
 Басиани 121
 Басра 23
 ал-Батиха 23
 Бахашти 128
 ал-Бахр 26
 Белая река 223, 227
 Берлин 99, 254
 Бехуше 113, 119
 Бехушская гора 117
 Бешагач 174
 Бобалетай 110
 Боржомское ущелье 126
 Брут-сабдзели, гора 124
 Бухара 41, 42, 85, 90, 92, 93, 130, 282
 Бухарское ханство 40
 Валажри 121
 Вас (Уаз) 35
 Васит 23
 Вахш, р. 88
 Вена 99
 Византия 107
 Веньсянь 227
 Гавази 113
 Гадю 121
 Газабат-арна, кан. 38
 Газават 34
 Ганьсу 228, 241, 242
 Главный Кавказский хребет 121
 Гоис-теги 114
 Горы 114, 123
 Гремис-хевеи 116
 Грузия 103-107, 110, 118, 123
 Грузия Западная 106
 Гриси 111, 121
 Гуда 116, 123
 Гуелети 113
 Гумбум 226
 Гурумсарай - см. Харем-Сарай
 Гянджа 17, 18, 22-28, 30
 Давденакан 92
 Дариал, кр. 113, 118
 Дариали 120
 Дашкюань, р. 241
 Двалети, обл. (Двалетская страна) 105, 110, 121
 Дейлем 26
 Дербенд 19
 ал-Джабал 26

Джавахети 107, 108, 113, 123

Джангах, площадь 174, 177

Джахшинуй 127

Джейхун, р. 162

Джунабан 30

Дзагнакорна 113

Дивакенд 30

Диванбегн, махалла 174, 177

Дигори 121

Дигуами 113

Диди (Большая) Лнахви, р. 121, 124, 126

Дуньхуан 241-243, 246-248, 250-253, 256, 258, 259

Дуньхуанский уезд 255, 256, 258

Европа 9, 241, 245

Жамури 115, 124

Жамурский хевн 122

Жгеле 121

Жоэргай 227

Заза 121

Заза, р. 121

Захская гора 110, 121

Зедазени 120

Зеравшан, р. 42

Зрамага 121

Зрого 121

Иерусалим 110, 123

Измир 101

Измухшир 35

Икорга 117

Ильялы 32, 36

Имерети 108, 125

Индия 68, 243, 247, 250

Иньчжоу 228, 230

Иран 9, 28, 68, 70, 73, 113, 118, 162, 241

Ис-Махмуд-аулия 34

Исроли 111, 112, 121

Исролис-хевн 113, 124

Исролские крепости 119

Исфahan 22, 26, 72

Исфиджаб 80-82

ал-Йазидийа 26

Кабала 26

Кавказ 99

Казахстан 172

Казбегн 123

Казбек, гора 125

Камыш-Курган 175, 177

Канджигалы 177

Қанчаеги 113, 117, 123

Қара 120

Каракуль 42

Каранан 30

Караходжа 100

Қарғи 105-108

Қарғийское царство 121

Қарчохи 112, 123

Каспи 123

Каспис-хевн 121

Қахети 112

Қвенидзеви 109, 111-113, 115, 116, 119, 122

Кембридж (Англия) 282

Кембридж (Массачусетс, США) 282

Кераучи 177

Кермине 42

Кеш 89

Кешская область 127

Киото 242, 243, 247

Кипчакская степь 175

Киренк 70

Китай 173, 200, 208, 210, 228-230, 241-243, 245, 246, 248, 250, 258, 259

Китай Северный 157

Кларджеги 121

Клыч-Нигз-бай 38

Кного 115, 118, 119, 124

Коби 118, 125

Коканд 176, 280

Кокандское ханство 270, 271

Кокче-ата 36

Қолоғи 112, 123

Қолоғская крепость 119

Корея 232-237, 239

Крестовый перевал 113, 125

Қсани, р. 107, 113, 117, 121, 122, 123

Ксанское ущелье 106

Куваднан 85

Кукувор, оз. 226, 228

Кулухша 73

Кунград 34

Кундуз 131

Куя-Ургенч 36, 38

Кура, р. 26

Қурама 176

Қуртаули 121

Қуғанси (Кутанс) 106, 118, 125

Кызыл-тапыр 35, 38

Ларгенси (ныне Монастери) 105, 109, 110-112, 121, 122, 123

Лекег (Дагестан) 118, 125

Ленинград 34, 162, 248

Лнахви, р. 112, 123, 124

Личжоу округ 228

Лихт-Имери 118, 120, 125

Лондон 99, 245, 249, 283

Ломиса 118, 124

- Ломисская (Ломьса) гора 114, 115
 Лобобанская крепость, Лобобани 113
 Мавераннахр 85, 87, 89-94
 Магаоку, пещерная группа 241, 242
 Магаро 113, 123
 Магран-Двалети 120
 Междуда, р. 121, 124
 Мейили 36
 Менрян, о-в 239
 Мерв 87, 101
 Млефе 113, 123
 Мва 125
 Москва 155, 177
 Мбулети 123
 Мухрани 112
 Мхчефа 125
 Накабуан (Накабуани и Накапован)
 111, 119, 121
 Наманган 175
 Намданах 176, 177
 Наньшанские горы 228
 Нара 121
 Нареквани 124
 Нарское хевн 122
 Овсети, обл. 121
 Овсетская страна 110
 Ордос 228, 229
 Оренбург 279
 Ош 270, 273
 Панкоми 121
 Палван, кан. 38
 Памир 241
 Палский район (Ташкентской обл.)
 177
 Париж 17, 99, 245, 246, 283
 Паркентский район (Ташкентской
 обл.) 177
 Патара (Малая) Лнахви 123, 124
 Педаи 252
 Пёкихаджон 239
 Персия - см. Иран
 Польша 99
 Порт-Артур 247
 Пскентский район (Ташкентской
 обл.) 180
 Пёкамни 237
 Рафа-Аргвети 107
 Рехула, р. 122, 123
 Рока 120
 Россия 99, 172, 173, 244, 282, 270,
 272, 279, 280, 283
 Руд-и шахр, кан. 42
 Сабарафнао 104
 Саганиан 73-82, 85-89, 92, 94-96
 Самарканд 42, 85, 90, 119, 127
 Самаркандская область 127
 Самаркандский вилайет 282
 Сарматия Азиатская 121
 Сеул 234, 237
 Си Цяньфодун, пещерная группа
 241, 242
 Сижун 228
 Синин, р. 226, 227
 Синьцзян 242
 Советский Союз 243, 251, 258, 283
 Согд 90, 92
 Сосхо 115, 120, 125
 Сосхойская гора 117
 Стамбул 68
 Сурами 125
 Сурамский хребет 125
 Сувак Мукалин 26
 Схватори 104
 Сыр, Сыр-Дарья, р. 175-177
 Сычуань 227
 Сячжоу 228, 229
 Сячжоу, округ 228
 Тагаури 121
 Таджикистан 248
 Тангут 157
 Тангхас, р. 127
 Тараз 90-92
 Таримский бассейн 256
 Тарлак, овраг 177
 Тахта 36
 Ташауэ 37, 39
 Ташкент 34, 172-177, 268, 282
 Ташкентская область 177
 Тбилиси 99, 125
 Терек, р. 121, 123, 125
 Термез 85, 87, 88
 Тибет 226, 227
 Тифлис - см. Тбилиси
 Тле (Тлисис-хевн) 105, 117
 Тохаристан 92
 Трусу 113, 118, 121, 123, 125
 Туркестан 122, 279, 282
 Туркестан Восточный 241
 Туркмения 282
 Турфан 246, 253, 254, 256
 Турция 98, 99
 Узгенд (Уэдженд) 89, 93
 Укан-убани 125
 Укан-убанские крепости 119
 Укан-цххе 113
 Фаркент (ныне Паркент) 176, 177
 Фергана 89, 175
 Ферганская область 177
 Франция 99, 243-248, 254
 Хаверан 72
 Хада 113, 123
 Хадская равнина 118
 Хадский хевн 123

Халанг 37
 Хан-яб, кан. 38
 Хаядо 113, 123
 Хара-Хото 218, 226, 256
 Харнис-хеви (Кенис-хеви) 107
 Хэви 121
 Хива 128, 279, 280
 Хивинское ханство 35, 37, 38
 Хялла 23
 Ходжент 95, 175, 176
 Ходжская скала 120
 Ходра 177
 Хорасан 68, 70, 72, 170
 Хорезм 39
 Хуанхэ, р. 226, 227
 Хуррам-Сарай 175, 177
 Хутталь, Хутталан 85, 87, 88, 96, 130
 Цергве 117
 Цзон, р. 223, 226
 Цзунгэ 226
 Цзуншуй, р. 226
 Цин/-убани/ 119, 125
 Цинхай 227
 Цинчжоу округ 228
 Цинъян 228
 Цубени (Цобени) 116, 124
 Цухлея 116
 Цхавати 123
 Цхинвали 123
 Цхразма 107, 111, 122
 Цхразмис-хеви 112, 121, 125
 Чаганнан 86
 Чадак 175, 177

Чадак-су, р. 177
 Чанъань 228
 Чиль-Махрам, переправа 177
 Чимбай, переправа 177
 Чими 121
 Чолладо 238
 Чурфа, р. 121
 Чхунчхон намдо 237
 Шабаран 26
 Шавдорский туман 127
 Шам 119
 Шаньси 242
 Шарфаское поле 112
 Шахабат-арна, кан. 38
 Шахидан (Шандан) 175-177
 Шида (Внутренняя) Картли 107, 126
 Шямам, кан. 38
 Ширабадский район (УзССР) 73
 Шираз 70, 72
 Ширван 17, 18, 20, 22-27, 31
 Шичэн 226
 Шугнан 270
 Шуйсякоу, пещерная группа 241
 Шуман 88
 Шурахан 38
 Эдэни-гол, р. 226
 Эрема 116
 Юйлиньку, пещерная группа 241
 Янги-яб 34
 Япония 234, 238, 243, 245, 246, 249,
 250

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- авқар 21
 агапи 115, 124
 аджир 20
 адиб 20, 28, 29
 азнаур 111, 112, 114, 118, 122, 123
 ақйан ас-суффуф 19
 ал-аллаф 19
 амал 29
 амид 18, 22-25, 28
 амил 19, 22, 23, 25, 26
 амин-и аз 43
 амир-ахор 110
 амир-эджиб 110
 амлакдир 42, 43
 амма (авамм) 18
 анбар-дир 44
 арбаб 43
 аргуштак - см. ургуштак
 арид 26, 27
 аруз 166, 168, 169
 асакфа 19
 асомтаврели 104, 123, 124
 асхоб ад-дин 27
 афабаг 104
 аталык 175
 аткачи 130
 атлык 36, 37
 ауранг-бардир 44
 афтабачи 43
 ахл ал-амал 29
 ахл ас-суффуф 19
 аҳмад 21
 бандибан 44
 бард'а 20
 бейт 169
 бек 130-133
 берат 42
 бия 133; см. бек
 бил-дир 44
 буяун-аталик 44
 буктаул 44
 бучча-бардир 44
 биянсюган 199
 вадиз 44
 вақф 127, 128
 ван 223
 везир (вазир) 17, 18, 22, 23, 26-28, 31, 98, 130, 131
 вилайет (вилаят) 32-39, 175, 282
 виная 250
 вэньян 233
 гансагебели 122
 гассэл 20
 гошиюань 199
 ад-даббег 19
 дамбан 22, 23
 даммин 23
 дарэи-башй 44
 дирруга 44
 дастар-банд 43
 дастархончи 43
 дафтар 42
 даха-башй 44
 даул ал-ихтисаб 20
 даул ал-мамлаха 21
 деххода (диххуза) 28, 31
 джаллад 44
 джарчи 44
 джарчи-башй 44
 джасус 43
 джибачи 43
 джигга-банд 43
 джизья 20
 джилау-дир 44
 джилбан 44
 диван (собрание стихов) 7, 8
 диван (учреждение) 17, 18, 20-24, 27, 29-31
 диван (чиновник) 41, 42
 диван ал-визира 26
 диван ад-дийа 26
 диван ал-инша 27
 диван ал-харадж 26
 диван-и саркар 43
 диванбег 33-35, 100, 173
 дидебул (дидебули) 110-112, 116, 122
 ад-дийа 26, 30

дирхам (дирхем) 21, 22, 86

дихқан 21, 31

дуккан 128

заргар-башӣ 44

эйн-бардәр 44

зиндәнобан 44

ивэнь-чжи 200.

иджбәр 20, 21

идрәр 28, 30, 31

икта 23, 25, 30, 31

илек 84

ильчи 130

имам 30, 100, 101

иник 42, 43

исбат 26

ислам 89

истийф 19

исфахсәләр 28

ички 130-134

ички-бек 133

ишик-агә (ишик-агә, ишик-агасы,
ишик-акасы) 130, 132, 134

йасауул 44

йасауул-башӣ 44

йасауул-махрам 44

йигит 130, 131, 133

йулчӣ 43

каган 81

қадӣ ал-қудәт 28

кадий 23, 26, 28

қәзи җаскер 100

қалансува 21

капинджа 233

қарә-аламән 44

қарәуул 43, 44

қарәуул-бегӣ 43

кәтиб 23, 28

каҗоликос 118

квон 232

көдхуда 35

кир-йарәқ (кирак-йарәқ) 43, 44

кисә 21

қитҗа 169

қлыч-қурчӣ 43

кошук 169

күкалтәш (кухельдаш) 44, 130

куропалат 108

курултай 172

қурчӣ-башӣ 43

қушбегӣ 32

қуш-бегӣ-йи джилау 43

маҗәш 26

мамасахлис 111, 115, 122

мамлюк 27

манәшир 26

мани 101

маншӯр 24

маҗәлих 30

маҳалла 19, 174, 175

махрам 44, 132

машҗалчӣ 44

медресе 130

мехгер 32

мйва-дәр 44

миҗмәр-башӣ 44

мирәб 42, 43

мирәхур 132, 134

мирәхур-башӣ 43

миршаб 43

мисал 30

михтар-и рикәб-хана 44

михтар-и тушак-хана 43

модәгвар 123

мтавар 116, 124

муҗамалат ал-җаззӣин 26

мубәшшир 132

муза-бардәр 43

мулк 24, 25, 30, 31

мунсарих-и мусамман-и маҗвӣ-и
мауфӯф 171

мустауфӣ 19, 27, 30, 31

мутаваллӣ 42, 128

мутақаллиб 28

мутақарриб 159

мутақарриф 28

муфаррих 43

муфтий 72

мух 227

мухтасиб 20

мушриф 17, 19, 22, 31

мхөдрули 104, 122, 123, 125

ан-наджжәр 19

наджжәр-башӣ 44

надӣм 173

нәзир 21, 31

назә-бардәр 43

нәиб 24, 26, 27, 29

нахӣб 43

насақчӣ-башӣ 44

нукер 34, 35, 44

орлән 131

олөнг 171

оми 233

панджәх-башӣ 43

паньюань 199

парәначӣ 175

рабаз 42

рабат (рибәт) 176

ар-раввас 19

равайя 44

раджаз 168

раҗийат 42

раиз 44

раис (раис) 18, 19, 25

рамал 168
 рамал-и мусамман-и маҳзӯф 169
 рамал-и мусамман-и маҳзӯр 169
 редиф 170
 рикъбдәр 132
 рисълачӣ 43
 рубоӣ 169
 ас-саббӯг 19
 сабаб 168
 садбаҳ-хӯрчӣ 43
 садж 17, 20
 садр 130, 131, 165
 сайид 42
 салғут 37
 самсӯр 20
 сардӯр 175
 саъавадо 109
 сӯҳиб ал-джайш 28
 сӯҳиб ад-дӣвон 27
 сенгир 35
 ас-сӯхӣ 19
 сукийдот 128, 129
 султан 18, 22, 23, 27, 29, 30, 72,
 88-100, 131, 132, 169, 175, 176
 сунит 44
 суфӣ 72, 177
 суҳра 20, 21
 сюгоши 199
 табаҳ-чӯра 44
 таббӯз 44
 тавад 104, 105, 116, 117
 таджикс 169, 170
 тавқӣ 26
 тагджӣ 127, 128
 тагджӣ 128
 тагиджӣ 128
 тағоб (такъб) 127
 таъил 40
 таълид 26
 тамбаҳу-сәз 43
 танхӯх 42
 тарӣқат 72
 тарҳанӣ 168
 тасвӣг 30
 тикчӣ (тупангчӣ?) 43
 тӯғ-боғӣ 43
 тӯғраӣ 27
 тӯғчӣ 132
 тӯғ-қатар 44
 туюсю гоши 199
 тӯпчӣ-башӣ 43
 туюк (туюг) 169, 170
 тюрк 100, 101, 169, 171
 ўйлачӣ 43
 ургуштак (аргуштак) 169
 ўшр 20-22

фаввдил ал-аджнад 28
 фаҳӣх 18, 25
 ал-фарф 21, 22
 фарраш 44
 фарраш-башӣ 44
 ферман (фарман) 99
 фетва (фатва) 99
 фил 20, 21
 фитна 24
 фоминцзин 250
 ҳадӣс 13, 165
 ҳаджиб 28, 170
 ал-ҳаззиф 19
 ҳазиначӣ 43
 ҳаққон 175
 ҳаким 42
 ҳалиф 29, 74-76, 85, 88
 ал-ҳаммӯр 19
 ҳан 32, 34, 36, 100, 118, 127, 132,
 133, 169, 177, 279
 ханмун 233
 ҳарбидж 20-22, 26, 42, 100
 ал-харрәс 19
 ҳаука 19
 ҳашар 21
 ҳеви 110, 112-114, 121-123
 ҳевис-бери 115
 ҳевис-уфал 121, 122
 хизан 120, 125
 ҳимайа 30
 хорезмшах 85, 87
 хуцзи 253
 хуҷури 104, 125
 цзань 211, 250
 цзедуши 229, 259
 цзытянь 254
 цзюньтянь 254
 цзяньсю гоши 199
 цзяньрөгуань 199
 пихистав (пихистави) 111, 122
 пичзюйчжу 200
 пиэр 227
 чандәвул 43
 чанге 234
 чандаль 234
 чапуқчӣ 43
 чи (чхих) 227
 чухра 44
 чухра-ақъа, чухра-ақъаси 44, 132
 чухра-башӣ 44
 шағәвул 43
 шарбат-дәр 44
 шаркы 100, 101
 шәтир-башӣ 44
 шейх 24, 129, 177
 шинты 44

шилү 200, 201, 205
шйрвѣншѣх 23-25, 27, 28
шыҕна 22-24, 43
шицзи - см. шилү
шукӯрчѣ 43
шэ 256

эмвр 17, 18, 20, 22-24, 27, 88, 92,
130, 131, 133, 174-176
эриств 104-126
юзбаша 43
ярлык 114

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

- "Абдулла-наме" 130-132, 268, 273
 "Аташкаде" 281
 "Азбар-и Муҳанна" Ибраҳима 164
 "Аулҳ-и Муҳсини" 275
 "Бабури-наме" 131, 133
 "Баҳр ал-асрр фи манҳиб ал-аҳд" Маҳмуд б. Вали 133
 "Баҳр ел-джавахир" 275
 "Бу Ляо, Цзинь, Юань ивэнь-чжи" 200
 "Бу Юаньши ивэнь-чжи" 200
 "Бэнь цзи цзинь" 250
 "Ваф-наме" Мухр-Султан-хуанум 127-129
 "Вэй-ван шицзу" 204, 206
 "Ган-му" 157
 "Гу вэнь ли лэй цзуань" 216
 "Гуан юань" 246
 "Гулистан" 11, 12
 "Джами ал-васта" 128
 "Джами ат-таварих" 15; см. также "Сборник летописей"
 "Джахан-нум" 277
 "Джахангир-наме" 281
 "Диван" Анвар 68-70
 "Диван" Бабура 168, 170
 "Жуй-цзун (хуанди) шилу" 202, 203, 206
 "Записки" Бабура 130; см. также "Бабури-наме"
 "Записки историка" - см. "Ши-цзи"
 "Зафар-наме" Низам ад-дин Шамс 283
 "Зубдат ал-аср" 281
 "Иқбал-наме-и Джахангир" 281
 "История Бухары" Наршах 164, 165
 "История [Династии] Сун" 220, 231
 "История первых четырех ханов" ("Юань ши") 157, 158
 "История Шейх Увейса" Абӯ Бакра ал-Қутбӣ ал-Ахари 282
 "Кандия" 271
 "Карлис цховреба" 104, 105, 121-125
 "Китаб ал-анс" 271
 "Кук-чо богам" 233
 "Ли Чхунму гон чонсо" 232, 233, 235-237, 240
 "Ляо ши ши" 201
 "Маджима ал-архам" 40, 41
 "Маджима-и қавийн-и султани ва аҳам-и шар" 98, 99
 "Маула ас-садайн" 283
 "Мизан ал-аузан" 166
 "Минши" 236
 "Мир'ат ал-футуҳ" 270, 282
 "Море письмен" 226-228
 "Мулҳақат ас-Сурҳ" 271
 "Мунхон биго" 236
 "Назир ал-ашар" 101
 "Наиджун ильчи" 235
 "Нафаҳат ал-унс мин ҳазарат ал-кудс" 275
 "Новая история Ташкента" Муҳаммеда Салиха Ташкенди 176
 "Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра" 18
 "О пяти внутренностях" Чжан Чжун-цина 258
 "Памятник эрисфавов" 103-110, 121-126
 "Рассуждение, обвиняющее в ошибках династию Цинь" Цзя И 208-210, 215
 "Раузат ас-сафа" 280
 "Раузат аш-шухад" 280
 "Рашаҳат айн ал-ҳайат" 280
 "Самария" 270, 271, 273

- "Сборник летописей" Рашид ад-Дин
 156, 157; см. также "Джами" ат-
 таварих
 "Сийясат-наме" 17, 18
 "Синь шу" 208, 216
 "Си-цзун шилу" 202, 203, 206
 "Сказание о Чингизе" ("Шэн-у цинь-
 чжэн лу") 157, 158
 "Со-инь" 210, 213
 "Сокровенное сказание" 157, 158
 "Сюань-цзун шилу" 205, 206
 "Сянь-цзун шилу" 204, 206
 "Сяньчао шилу" 200; см. также
 "Ши-цзун шилу"
 "Табафат-и Насир" 157
 "Тай-цзун шилу" 206, 207
 "Тай-цзун шилу" 201, 202, 206
 "Тамм ат-таварих" 281
 "Та'рих ал-Баб" 19
 "Тарих-и Абду-л-Хайр-ханий" 279
 "Та'рих-и Джахангуша" Джувайни
 157
 "Тарих-и джахан-нума" 281
 "Тарихи Джигангири" 281
 "Тарих-и Муҳим-ханий" 275, 280
 "Тарих-и Раҳим" 280
 "Тарих-и Хани-Джаханий у Махзан-и
 афган" 281
 "Тарих-и Шахрух" 273
 "Тимур-наме" Абд ар-Рахмана Сн-
 рата 283
 "Туҳфат ал-ханий" 281
 "Уложение Тимура" 283
 "Хабиб ас-сийар" 130, 134
 "Хазин ал-улум" 164
 "Хай-лин шужэнь шилу" 202, 203,
 206
 "Це юнь" 246
 "Цзинь ивэнь-чжи булу" 200
 "Цзинь шилу чао" 201
 "Цзинь ши" 200-205, 207
 "Цзинь ши ивэнь-люе" 200
 "Цзи-цзе" 209, 210
 "Цяньцинтан шуму" 200
 "Чанге" 234
 "Чжан-цзун Сюань цзун шилу" 204,
 205; см. также "Чжан-цзун ши-
 лу"
 "Чжан-цзун шилу" 204, 206
 "Чжунго шисюеши" 224
 "Чибон юсоль" 236
 "Чинбирок" 236
 "Чингиз-наме" 283
 "Чынбо мунхон бито" 233
 "Шайбани-наме" 130
 "Шажжоу вэньлу" 253
 "Шах-наме" 10-12, 14, 15, 139, 140,
 159, 161, 164, 279
 "Ши цэн" ("Записи историка") 208-
 216
 "Ши цэн сюань-чжу" 214
 "Ши цэн хуй чжу као чжэн" 208
 "Ши-цзун яся шиди шилу" 200, 206
 "Ши-цзун яся шиди шидзи" - см.
 "Ши цзун шилу"
 "Ши-цзун шилу" 200; см. также
 "Ши-цзун яся шиди шилу"
 "Ши-цзун шилу" 203, 206
 "Шиншандан шуму" 201
 "Шэн-у цинь-чжэн лу" - см. "Ска-
 зание о Чингизе"
 "Юань ши" - см. "История первых
 четырех ханов"

ТРАНСКРИПЦИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ,
УПОМИНАЕМЫХ В СТАТЬЯХ

К статье М.В. Воробьева

- "Вэй-ван шицзи" 衛王事迹 龔顯曾, 金藝文志
Гун Сянь-цзэн, "Цзинь ивэнь-чжи" 龔顯曾, 金藝文志
"Жуй-цзун хуанди шилу" 睿宗皇帝實錄
"Жуй-цзун шилу" 睿宗實錄
"Ляо, Цзинь, Юань ивэнь-чжи" 遼金元, 藝文志
"Ляо ши ши" 遼史拾遺
Ни Цань и Лу Вэнь-чао, "Бу Ляо, Цзинь, Юань ивэнь-чжи" 倪燦盧文弨補遼
金元藝文志
"Си-цзун шилу" 熙宗實錄
Сунь Дэ-цян, "Цзиньши ивэнь-люе" 孫德謙, 金藝文志
"Сюань-цзун шилу" 宣宗實錄
"Сянь-цзун шилу" 景宗實錄
"Сянь чао шилу" 先朝實錄
"Тай-цзун шилу" 太祖實錄
"Тай-цзун шилу" 太宗實錄
"Хай-лиш шужэнь шилу" 海陵庶人實錄
Хуан Юй-цэн, "Цяньцзинташ шуму" 黃履得, 千頃堂書目
Цзинь Мэн-чжао, "Бу сань ши ивэнь-чжи" 金門詔, 補工史藝文志
"Цзинь ши" 金史
"Цзинь шилу чао" 金實錄抄
Цзинь Юй-фу, "Чжунго шисюеши" 金鎖匙, 中國史學史
"Ципзюйчжу" 起居注
Цян Да-синь, "Бу Юаньши ивэнь-чжи" 成大所, 補凡史藝文志
"Чжап-цзун шилу" 章宗實錄
Шилу 實錄
Шипзи 事迹
"Ши-цзун яся ши ди шилу" 恆祖以下十帝實錄
"Ши-цзун шилу" 世宗實錄
"Шинаньдан шуму" 世宗聖旨目

К статье Ю.Л. Кроля

- Ван Мин-шэн, "Шипи ши шан сюе" 王鳴盛, 十七史商榷
Ван Цзя-син, "Цзя И хэ тады цзопинь", - "Жэньвэнь кэсюе сюебао" 王季星, 明
趙和他的作品 人文科學學報
"Гу вэнь цы лэй цзунань" 古文辭類聚
Лян Юй-шэн, "Ши цэн чжи и" 梁玉繩, 史記志疑
Никаи Рикэн 中井履軒
"Синь шу" 新書
"Цян Хань шу" 前漢書
Чжао И, "Эршиэр ши да цэн" 趙翼, 二十二史劄記
Чжу Дун-жунь, "Ши цэн као со" 朱東潤, 史記考索
"Ши цэн сюань чжу" 史記選注
"Ши цэн хуй чжу као чжэн" 史記會注考證

К статье Е.И. Кычанова

- Дай Си-чжан, "Си Ся цзи" 戴锡章, 西夏记, 北京
 "Си Ся го шу шо" - "Го сюе цзи кань" 西夏图志说, 西学季刊
 Нисида Тацуо, "Сэйка го-но кэнкю" 西田祐雄, 西夏語の研究
 "Синь Тан шу" 新唐書, 卷 上
 "Сун ши", цз. 485, "Си бу бэйяо" 宋史, 卷 上, 四部備要, 上海.
 "Цзю Тан шу" 舊唐書, 卷 上
 Ямамото Сумико, "Тодай-ни окэру токо но идзю ни цуйтэ, - "Сикан" 山本實子,
 唐代に於ける堂項の轉徙に就いて, 史観, 第26, 7冊.
 К статье Л.И. Чугуевского

- Ван Жэнь-цзунь, "Дуньхуан шиши чжэньцзи лу" - 王仁俊, 敦煌石室真蹟錄,
 上卷, 附一卷, 國粹堂石印本, 1909.
 Ван Чжун-минь, "Дуньхуан бэнь лижи чжи яньцзю" - 王重民, 敦煌本唐日之
 研究
 東方雜誌, 1937, 第34卷, 第9号
 Ван Чжун-минь, "Дуньхуан гуцзи сюйлу" - 王重民, 敦煌古詩錄, 北京,
 1958.
 Ван Юн-син, "Дуньхуан тандай чакэбу каоши" - 王永興, 敦煌唐代差科簿
 考釋,
 歷史研究, 1957, 第12期
 Ватанабэ Кōдзō, "Дай эй хакубуцукан дзō тонкō сюцудо сёканрон дзэнкэн"
 ни цуйтэ-но бункэнгаку тэки кэнкю" - 渡辺章三, 大英博物館藏敦煌出土
 佛經論疏卷に就いての文献學的的研究, 第九回東洋医学会総会講演, 1957.
 Ватанабэ Кōдзō, "Тонкō сюцудо хондзō сютю дзэроку - но бункэнгаку тэки
 сэйкаку" - 渡辺章三, 敦煌出土本草集注序錄の文献學的性格, 日本東洋医学
 会誌, 1954, 第4卷, 第3号.
 Ватанабэ Кōдзō, "Рōсингэку сэнсэй-но тонкōхон хондзō сютю дзэроку бацу-
 о хэсу" - 渡辺章三, 羅振玉先生の敦煌本本草集注序錄と評す
 日本東洋医学会誌, 1954, 第5卷, 第1号
 "Вэнь цанькао цзыляо" - 文物參考資料, 敦煌文物展覽特刊, 北京, 1951,
 第二卷, 第四~五期.
 "Дуньхуан бихуа" - 敦煌壁畫, 北京, 1960.
 "Дуньхуан бихуа сюань" - 敦煌壁畫集, 三輯, 北京, 1956.
 "Дуньхуан бихуа цзи" - 敦煌壁畫集, 北京, 1956.
 "Дуньхуан бяньюэнь цзи" - 敦煌變文集, 王重民, 王德毅, 向達同一致, 啓功,
 翁敏公編, 北京, 人民文学出版社, 1957, 上下集.
 "Дуньхуан ишу хуаку" - 敦煌畫譜, 兩冊, 1-10冊, 北京, 1957-1959
 "Дуньхуан ишу цзунму соннь" - 敦煌百書總目索引, 商務印書館編, 北京, 1962.

- "Дуньхуан могаоку" - 敦煌莫高窟 蒲川 1959.
- "Дуньхуан цайсу" - 敦煌彩塑, 北京, 1960.
- "Дуньхуан цзыляо" - 敦煌资料, 第一辑, 中国科学院历史研究所资料室编, 中华书局出版, 北京, 1961.
- Жэнь Эр-бэй, "Дуньхуан цюй цзяолу" - 任二北, 敦煌曲校今录, 上海文艺出版社, 1955.
- Жэнь Эр-бэй, "Дуньхуан цюй чутань" - 任二北, 敦煌曲初探, 上海文艺联合出版社, 1955.
- Икэда Он, "Тō tē сидзюкуси-но иккосуцу" - 池田温, 唐新氏族志の一考察 - いわゆる敦煌氏族志残唐書のくって, 北海道大学文学部紀要, 1965, 十三二.
- Икэда Он, "Тōдай киндэнсэй - о магуттэ" - 池田温, 唐代切田制とのくって, 法制史研究, 1964, 第14.
- Икэда Он, "Тōдай-но гумбохэ" - 池田温, 唐代の郡望表 - 九・十世紀の敦煌郡を基として - 東洋学報, 1959, 第42卷第3-4号.
- Икэда Он, "Тонкō хаккэн то дайрэки ёнен сюдзичу дэанкан-ни цуйтэ" - 池田温, 敦煌後現唐大曆四年年表残篇について, 上下, 東洋学報, 1957, 第40卷第2-3号.
- Икэда Он, "Тонкō ханси кадэн дэанкан-ни цуйтэ" - 池田温, 敦煌范氏家傳殘唐について, 東方学, 1962, 第24号.
- Икэда Он, "Хассэйки накаба-ни окэру тонкō-но согдодзин сюраку" - 池田温, 八世紀中葉における敦煌のソグド人聚落, ユーラシア文化研究, 1965, 第1号.
- Икэда Он, "Хассэйки хадзэмэ-ни окэру тонкō-но сидзюку" - 池田温, 八世紀初における敦煌の氏族, 東洋史研究, 1965, 第24卷第3号.
- Инокути Тайдзюн, "Тонкō-хон "буцумёкё" но сё кэйто" - 井ノ口泰雄, 敦煌本「佛名經」の姓系統, 東方学報, 1964, 第35号.
- Ирия Еситака, "Вамбонси ни цуйтэ" - 入矢義高, 王梵志について, (上), (下), 中国文学報, 1955, №3, 1956, №4.
- Ирия Еситака, "Вамбонси сисё кō" - 入矢義高, 王梵志詩集跋, 神田博と還唐記念書院学論集, 1957.
- Кавагути Хисао, "Тонкō хэмбун-но судзай то нихон бунгаку" - 川口久雄, 敦煌梵文の素材と日本文学 - 楚成漢興と王陵魏蘇武李陵新訓讀と我が戦記文学, 金澤大学法文学論集, 文学編, 1955, 3.
- Кавагути Хисао, То же, (Мокурэн кюбо хэмбун) - 川口久雄, 敦煌梵文の素材と日本文学 - 日蓮校母體化・漸庵變化, 日本山国学会報, 1956, 8.
- Кавагути Хисао, "Хассэсэй хэмбун то кондзяку моногатарисё буцудэн сёцува" - 川口久雄, 八相成梵文と今昔物語集佛傳説話 - 我が説話文学の源流と敦煌資料, 金澤大学法文学論集, 文学編, 1956, 4.

- Канаока Сёкб, "Собиэто-ни окэру тонкб бункэн сансю" - 金岡照光,
ソビエトにおける敦煌文獻二種, 東洋学報, 1965, 第48 卷第 3 号.
- Канаока Сёкб, "Тонкб хэмбун кэнкё-но джкб" - 金岡照光, 敦煌學之
研究の動向, 東洋学報, 1963, 第46 卷, 第 3 号, 1964, 第47 卷第 4 号.
- Канда Кинтиро, "Тонкбгаку годзюэн" - 神田喜一郎, 敦煌學五十年,
二六社, 中京, 1960.
- Кисибэ Сигэо, "Тонкб-га-ни араварэтару онгаку сирё" - 岸田成雄,
敦煌畫に現はれる貨幣資料, 考古学雜誌, 1939, 第29 卷, 第12 号.
- Китагава Момоо, "Тонкб бидзюцу-но таби" - 北川桃雄, 敦煌美術の旅,
東京, 澤井社, 1963.
- Китагава Момоо, "Тонкб кикб" - 北川桃雄, 敦煌紀行, 中京, 小山書店
1958.
- Кодзима Юма, "Пари кокурису тосёкан дзб тонкб исё сёхэн року" -
小島祐馬, 巴黎國立圖書館藏敦煌遺書所見録, 支那學, 1929-1935,
第5 卷第 4 号, 第6 卷第 1-4 号.
- Куроода Гэндзи, "Пурся гакусини сёдзо тйб Адзена сюпудо ихбсё ёнсб" -
黒田源次, 東京大学文学部蔵, 中央亚西出土文書四種, 支那學,
1940 第7 卷第 4 号.
- Куроода Гэндзи, "Рокутё ко-сяхон синно хондзбкё-но дзэнкан-ни цукитэ" -
黒田源次, 大和古書本神農本草經の残卷に就きて, 松崎先生漢府
祝賀紀念論文集, 1936.
- Ли Янь, "Лунь дуньхуан шиши личэн суаньцзин" - 李儼, 論敦煌石室
生成算經, 國立季刊新一卷四期, 1936.
- Ли Янь, "Чжунго гудай шусюэ шилю" - 李儼, 中國古代數學史料,
(第二版), 上海科學技術出版社, 1963.
- Ло Фу-чан, "Баля тушугань дуньхуан шуму" - 羅福長, 巴黎圖書館
敦煌書目, 國立北京大學國學季刊, 1923, 第 1 卷, 第 4 号.
- Ло Фу-чан, "Шачжоу вэньлу бун" - 羅福長, 沙州文錄補遺一卷,
1924.
- Ло Чжэнь-юй, "Дуньхуан линши" - 羅振玉, 敦煌零拾 (六經堪叢書初集),
1924.
- Ло Чжэнь-юй, "Дуньхуан шиши ишу" - 羅振玉, 敦煌石室遺書,
北平, 影印本, 一冊, 1909.
- Ло Чжэнь-юй, "Кайюань се бэньцао цзичжу сюялу" - 羅振玉, 開元爲本
帝集注字録, 古石齋叢書, 第一集, 1916.
- Ло Чжэнь-юй, "Минша шиши гуцэн цунцань" - 羅振玉, 鳴沙石室古籍
叢錄, 六冊, 1917.

Ло Чжэнь-юй, "Минша шиши ишу" - 羅振玉, 鳴沙石室佚書, 四冊, 1913.

Лу Сян, "Бали тушугуань дуньхуан себэнь шуму" - 陸翔譯, 世界圖書館
敦煌寫本書目 國立北平圖書館館刊 1933, 第7卷第6号.

Лю Фу, "Дуньхуан досо" - 劉復, 敦煌掇瑣 上中下, 六冊, 中央研究院
歷史語言研究所, 上 (1925), 中 (1934), 下 (1935)

Макита Тайрё, "Тёгоку буккё-ни окэру гикё кэнкё дзёсэцу. Тонкё сюцудо
гикёруй-о мэгуттэ - 牧田錦亮, 中國佛敎に於ける疑經研究序説, 敦煌
出土疑經類考の序, 東方學報, 1964, 第35冊

Мацумото Эйити, "Тонкё-га-но кэнкё" - 松本榮一, 敦煌寫の研究 田原藏
東方文化學院東京研究所, 岩波書店, 1937.

Мики Саказ, "Сайки сюцудо няку канкэй бункэн сёгё кайсэцу мокуроку" -
三木榮, 西域出土医療関係文獻総合解説目録 東洋學報,
1964, 第47卷第1号.

Мики Саказ, "Сутайн тонко бунсё S - 202 то гэндэн сёхан сёканрон бэммя-
кухё нарабини кинку кёкуканкё бэммяку то но хикаку" - 三木榮.
スタイン敦煌文書 S-202 と現傳宋版傷寒論脈法並に金匱
要略經辨脈との比較, 附 S - 5614, S - 6245 早脉略列,
漢方雜誌, 1959, 第6卷第5号.

Миясита Сабуро, "Тонкё хон "Чжан Чжун-цзин годзёброн" кёякусё" -
宮下三郎, 敦煌本「張仲景五藏論」校譯注 東方學報, 1964
第35冊.

Наба Тосисада, "Буккё синкё-ни мотодзукитэ сосики-сэрарэтару тэбан тё
годай дзидай-но сяю-ни цукитэ" - 那波利貞, 佛敎傳佈に基きて
組織せられたる中晩と唐五代時代の社会に就きて, 史林, 1939
第24, 卷第3-4号

Наба Тосисада, "Сёйси ни кияйсэрарэтару дайтё тэмпо дзидай-но косё то
кёсё то-но канкэй-ни цукитэ" - 那波利貞, 正史に記載せられたる
大唐天寶時代の戸數と口數との關係に就きて, 歴史と地理,
1934, 第33卷第1-4号.

Наба Тосисада, "Тёдай-но сёмни кёнку-ни окэру сандзёцука-но найё то
соно фусан-но хохё то ни цукитэ" - 那波利貞, 唐代の庶民教育に
於ける算術科の内容とその布算の方法とに就きて, 甲南大学文学会論集,
1954, 第1号.

- Наба Тосисада, "Тōдай-но сяю-ни пукитэ" - 那波利貞, 唐代の杜区に就きて.
史料, 1938, 第 23 卷第 2-4 号.
- Нагасава Кикую, "Вахан-сё-но нисацу то соно рэкиси" - 長澤規矩也,
和漢書の印刷とその歴史, 東京, 吉川弘文館, 1952.
- Накамура Сэйдэн, "Тонкō корэки-ни цуйтэ" - 中村清二, 再び敦煌古曆に
就て. 学鐙, 1956, 第 53 卷第 1 号.
- Накамура Сэйдэн, "Футатаби тонкō корэки-ни цуйтэ" - 中村清二, 再び
敦煌古曆に就て. 学鐙 там же, 第 53 卷第 3 号.
- Накао Мандзо, "Сёку-рё хондзё-но кёсацу" - 中尾篤三, 食療本草の名藥,
上巻自然科学研究所集報, 1930, 第 1 卷第 3 号.
- Накао Мандзо, "Тō синсё хондзё-но кайсэцу" - 中尾篤三, 唐新修本草文
解説 仁和寺本新修本草殘卷影印附録, 本草図書刊行, 1936.
- Ниида Нобору, "Тонкō-то хаккэн тō сё косэки-но кэнкю" - 仁井田 陞,
敦煌寫卷現唐宋戶籍の研究. 國家學會雜誌, 1934, 第 47 卷,
第 7 号.
- Ниида Нобору, "Тёгоку хосэйси кэнкю" - 仁井田 陞, 中国法制史研究.
形法, 東京, 1959.
- Ниида Нобору, "Тёгоку хосэйси кэнкю" - 仁井田 陞, 中国法制史研究
土地法, 取引法, 東京, 1960.
- Ниида Нобору, "Тёгоку хосэйси кэнкю" - 仁井田 陞, 中国法制史研究.
奴婢法, 家族村落法, 東京, 1962.
- Ниида Нобору, "Тёгоку хосэйси кэнкю" - 仁井田 陞, 中国法制史研究.
法と順符, 法と道徳, 東京, 1964.
- Нисидэнма Садао, "Торуфан сюцудо бунсе ёри митару киндэнсэй-но сико
дзётэй" - 西嶋定生, 吐魯番出土文書より見たる均田制の施行
状態 西域文化研究 第 2-3 号.
- Нисикава Масао, "Тонкō хаккэн-но тōдай косэки дзэнкан-ни араварэта дэн-
дэн-ни цуйтэ" - 西川太夫, 敦煌寫卷の唐代戶籍殘卷に現れた自由につ
いて. 史學雜誌, 1955, 第 64, 編第 10 号.
- Нисимура Гэнью, "Сай-ги кэйтё косэки-ни окэру ка то дзэй-но иги" -
西村元佑, 西魏計帳戶籍に於ける課と税の意義(上)(下), 東洋史
研究, 1961, 第 20, 卷第 1-2 号.
- Нисимура Гэнью, "Тōдай тонкō сакабо-но кэнкю" - 西村元佑, 唐代敦煌
史料の研究, 西域文化研究, 第 3 号.

Нисимура Гэнью, "Тонкō хаккэн сай-ги кэйтэ косэки" - 西村元佑, 敦煌發現西總計帳戸籍 (スタイン 漢文書第六—二号) における兵制税制とその施行期間, 東方學, 1962, 23 号

Офутэ Ниндзэ, "Тонкō дбкэй мокуроку" - 大洲忍爾, 敦煌道經目錄, 京都, 法藏館, 1960.

Пань Се-пзы, "Дуньхуан Могаоку ишу" - 潘景兹, 敦煌莫高窟艺术, 上海人民出版社, 1957.

"Рюкоку дайгаку сэдзō тонкō кокэ гэнсон мокуроку" - 龍谷大学所蔵敦煌古經現存目錄, 西域文化研究

"Сайки бунка кэнкю" - 西域文化研究, 西域文化研究会編, 京都, 法藏館, 第一—第六, 1958-1963.

第一 敦煌佛教資料

第二 敦煌吐魯番社会經濟資料 (上)

第三 敦煌吐魯番社会經濟資料 (下)

第四 中央アジア古代語文獻

第五 中央アジア佛教美術

第六 歴史の美術の諸問題

Саэки Ёсиро, "Кэйкё бункэн сёби ибуцу мокуроку" - 佐伯好郎, 景教文獻及遺物目錄, 東京, 丸善株式会社, 1950.

Саэки Ёсиро, "Кэйкё кэнкю-но рэкиси то гэндзё" - 佐伯好郎, 景教研究, 歴史と現状, 宗教研究 1933, 第 10 卷第 2 号

Саэки Ёсиро, "Кэйкё-но кэнкю" - 佐伯好郎, 景教研究 東方文化学院東京, 研究所, 1935.

Саэки Ёсиро, Тёгоку-ни окэру кэйкё суйбо-но рэкиси" - 佐伯好郎, 中国に於ける景教伝承の歴史, ハーバード, 燕京, 同志社東方文化講座, 1955, 7.

Се Чжи-лю, "Дуньхуан ишу сюйлу" - 謝稚柳, 敦煌藝術敘論, 上海古典文学出版社, 1957.

Согабэ Сидзю, "Киндэнсэй-но энтакути-ни пуйтэ" - 曾我部 静雄, 均田制の國家地について, 史料, 1957, 第 40 卷第 2 号.

Согабэ Сидзю, "Киндэнхō то соно дзэйяку сэйдо" - 曾我部 静雄, 均田法とその税役制度, 大日本雄弁会講談社, 1953.

Судзюки Сюн, "Косэки сакусэй-но нэндзэ то торэй" - 鈴木 俊, 戸籍作成の年次と唐令, 中央大学文学部紀要, 史学科, 1957, 第 9.

- Судзуки Сюн, "Тōдай-но косэки-ни пуйтэ" - 鈴木俊, 唐代の戸籍に就いて, 歴史教育, 1935, 第10巻第2号.
- Судзуки Сюн, Тонкō хаккэн тōдай косэки то киндэнсэй - 鈴木俊, 敦煌發現 唐代戸籍と均田制, 史學雜誌, 1936, 第47編第10号.
- Судо Ёсюки, "Дэндзэн бунсё-но кэнкё" - 關藤古之, 細人文書の研究, 西域文化研究 第二.
- "Сутайн тонкō бункэн оёби кэнкю бункэн-ни инъё сёхай-сэрарётару сайнки сюцудо камбун бункэн бунруй мокуроку" - スタイン敦煌文献及び研究文献に紹介せられたる西域出土漢之文献分類目録, 初編, 非佛教文献之部, 古之書類, I, 東京, 1964, 402+XXXXV1.
- Суй Го-линь, "Дуньхуан шиши сөцзин тигзин юй дуньхуан цэлу" - 許國霖, 敦煌石室寫經題記與敦煌雜錄, 二冊, 上海商務印書館, 1937.
- Сян Да, "Дуньхуан цунчао" - 何達, 敦煌叢抄, 國立北京圖書館館刊, 第5巻第6号 1932.
- "Тайсё синсё дайдзюкё" - 大正新修大藏經, 第85巻, 東京, 1960, 1464頁.
- Таман Дзэхаку, "Тонкō косэки дзэнкан-ни пуйтэ" - 玉井是博, 敦煌戸籍殘簡について, 東洋學報, 1927, 第16巻第2号.
- Таман Дзэхаку, "Футатаби тонкō косэки дзэнкан-ни пуйтэ" - 玉井是博, 再び敦煌戸籍殘簡について, 東洋學報, 1937, 第24巻第4号.
- Тикуса Масааки, "Тонкō-но кокō-ни пуйтэ" - 竺沙雅章, 敦煌の戸口について, 史林, 1961, 第41巻第5号.
- Тикуса Масааки, "Тонкō-но сёкан сэйдо" - 竺沙雅章, 敦煌の僧官制度, 東方學報, 1961, 第31冊.
- Тикуса Масааки, "Тонкō сюцудо 'ся' бунсё-но кэнкё" - 竺沙雅章, 敦煌出土「社」文書の研究, 東方學報, 1964, 第35冊.
- "Токуудэн Юсё, Тōё нисапуси дзёсэн" - 矢野祐祥, 東洋印刷史文説, 平楽寺書店, 1951.
- "Тонкō бункэн кэнкё ромбун мокуроку" - 敦煌文献研究論文目録, 東洋文庫, 東京, 1959.
- Фудзэнода Акира, "Сасё кикигун сэнудоси симацу" - 藤枝晃, 沙州歸義軍節度使檔案, 東方學報(京都), 1942, 第12冊第3-4分, 1943, 第13冊, 第1-2分.
- Фудзэнода Акира, "Тобан сыхайки-но тонкō" - 藤枝晃, 吐蕃支配期の敦煌, 東方學報, 1961, 第31冊.

- Фудзэиэда Акира, "Тонкō-но сонн-сэки" - 藤枝晃, 敦煌の僧尼傳, 東方學報, 1959, 第29冊.
- Фудзэиэда Акира, "Тонкōгаку-но тэнкай" - 藤枝晃, 敦煌學の展開, 歴史教育, 1962, 第10卷第5号.
- Хаяси Кэндзо, "Тонкō буфу-ни пуйтэ" - 林 謙三, 敦煌舞譜について(口述解説), 東洋學研究, 1938, 第1卷第4号.
- Хаяси Кэндзо, "Тонкō фу кэнкю" - 林 謙三, 敦煌譜研究, 奈良學芸大學紀要, 1955, 第5卷第1号.
- Хань Го-пань, "Гэньцзюй дуньхуан хэ тулуфань фасянь ды вэньцзянь люэтань ю гуань тандай тяньчжи ды цзигэ вэньти" - 韓國磐, 根據敦煌和吐魯番發現的文件略談有關唐代田制的幾個問題, 歷史研究, 1962, 第4期.
- Хэ Чан-цюнь, "Хань тан цзянь фэнцзянь туди соючжи синши яньцзю" - 賀昌群, 漢唐間封建土地所有制形式研究, 上海人民出版社, 1964.
- Цзян Ли-хун, "Дуньхуан бяньвэнь цзыи тунши" - 蔣禮鴻, 敦煌梵文字義通釋, 增訂本, 北京, 中華書局, 1960.
- Цзян Лян-фу, "Дуньхуан - вэйдады вэньхуа баоцзан" - 姜亮夫, 敦煌一偉大的文化寶藏, 上海古典文學出版社, 1956.
- Цзян Фу, "Шачжоу вэньлу" - 蔣斧, 沙州文錄一卷(六經遺藁書初集), 1924.
- Чжан Юн, "Дуньхуан цаньли нянь цзюйли" - 章用, 敦煌項府院年華例, 華西大學中國文化研究所集刊, 1953, 第4号.
- "Чжэньсунтан сичуй бицзи цунцань" - 貞松堂西垣秘藏叢書, 六冊, 1939.
- Чэнь Юань, "Дуньхуан цзе юй лу" - 陳垣, 敦煌初錄錄, 六卷, 北京, 1931.
- Ша Чжи, "Тулуфань дяньжэнь вэньшу ли ды тандай цзутянь гуанься" - 沙知, 吐魯番個人文書里的唐代租田關係, 歷史研究, 1961, 第1期.
- Ябуки Кэйки, "Минся ёин" - 矢吹慶輝, 鳴沙餘韻, 東京, 岩波書店, 1930.
- Ябуки Кэйки, "Минся ёин кайсэцу" - 矢吹慶輝, 鳴沙餘韻解説, 東京, 岩波書店, 1933.
- Ябуки Кэйки, "Санкайкё-но кэнкю" - 矢吹慶輝, 王陽教之研究, 東京, 岩波書店, 1927.
- Ябуути Киёси, "Сяна-но тэммонгаку" - 藪内清, 支那の天文学, 恒星社, 1943.
- Ямамото Тацуру, "Тонкō хаккэн кэйтё-ё бунсё дзэанкан" - 山本清郎, 敦煌發見計帳樣文書殘簡(上)(下), 一大英博物館所藏, スタンфорд漢文文書, 613, 号, 東洋學報, 1954, 第37卷第2-3号.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

<i>Р. Алиев</i> (Москва), Воля исследователя и проблема метода составления критического текста	7
<i>В. М. Бейлис</i> (Луганск), Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и писем Мас'уда ибн Намдара (ок. 1111 г.)	17
<i>Ю. Э. Брегель</i> (Москва), Термин <i>вилайет</i> в хивинских документах	32
<i>А. Б. Вильямони</i> (Ташкент), Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях	40
<i>З. Н. Ворожейкина</i> (Ленинград), Неизданные строки Анвари	68
<i>Е. А. Динидонич</i> (Душанбе), Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник	73
<i>Л. В. Дмитриева</i> (Ленинград), Обзор рукописей тюркских тематических сборников в собрании Института востоковедения АН СССР	98
<i>С. С. Кикибидзе</i> (Ленинград), Хроника ксанских эриставов начала XV в.	103
<i>Р. Г. Мукминова</i> (Ташкент), К изучению среднеазиатских терминов <i>тагджа</i> , <i>сукнийат</i> , <i>ички</i>	127
<i>М.-Н. О. Османов</i> (Москва), Разнотечения и описки в списках <i>Шах-наме</i> и их фиксация в критическом тексте	135
<i>А. Н. Ригози</i> (Ленинград), Согдийские фрагменты из коллекции С. Ф. Ольденбурга	142
<i>О. И. Смирнони</i> (Ленинград), Некоторые вопросы критики текста («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, <i>Шах-наме</i> Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи)	155
<i>И. В. Стеблеви</i> (Москва), Извлечения из трактата Бабура по стихосложению (арузу)	166
<i>О. Д. Чехонич</i> (Ташкент), Сказание о Ташкенте	172

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>М. В. Воробьев</i> (Ленинград), «Правдивые хроники» чжурчжэньских императоров («шилту»)	199
<i>Ю. Л. Кроль</i> (Ленинград), Одна из текстологических проблем, связанных с главами 6 и 48 «Записей историка»	208
<i>Е. Н. Кычанов</i> (Ленинград), «Гимн священным предкам тангутов»	217
<i>И. И. Хнин</i> (Москва), Собрание официальных и личных бумаг флотоводца Ли Сунсина	232
<i>Л. И. Чугуевский</i> (Ленинград), Дуньхуановедение	241

Критика и библиография

<i>Ю. Э. Брегель</i> (Москва), Б. В. Лунин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965, 408 стр.	260
Указатель имен	245
Указатель географических названий	293
Указатель терминов	297
Указатель названий сочинений	301
Транскрипция иероглифических имен и названий, упоминаемых в статьях	303

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Историко-филологические исследования

Ежегодник 1968

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы *В. В. Волгина, Л. С. Ефимова, Н. Б. Кондырева, Н. А. Кукушкина, Т. М. Швецова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*, Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 11 XII 1968 г. Подписано к печати 17 IX 1970 г. А-01535. Формат 70 × 108/16.
Бумага № 2 Печ. л. 19,5. Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 1450 экз. Изд. № 2084.
Зак. № 1430. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
27	17 сн.	اطنوطة	المنوطة
33	27 св.	عاكوى	د عاكوى
71	6 св.	بكام	بكام
71	11 св.	ندمندم	ندمندم
71	12 св.	بحود	بحود
71	12 сн.	ايستان بيزد مرد	ايستان بيزد مرد
		حسيس	حسيس
71	13 сн.	بطتر	بهر
72	6 св.	ننگت	ننگش
72	15 св.	جاوژان	خاوردان
74	4 св.	رسول محمد	محمد رسول
74	24 св.	و من بعد و يومئذ يفرح لله الامر من قبل	لله الامر من قبل و من بعد و يومئذ يفرح
77	17 св.	بامر القايم	القايم بامر
80	13 сн.	عل	على
83	13 сн.	الدلد	العاذل
85	9 сн.	لملك	الملك
121	3 св.	دکاкин	دکاкин
128	5 св.	دکاکی	دکاкин
140	9 сн.	يلاون	بلاون
140	14 сн.	بيژ	بيژن
163	16 св.	زد د	زد د
163	26 св.	بکا	بکار

